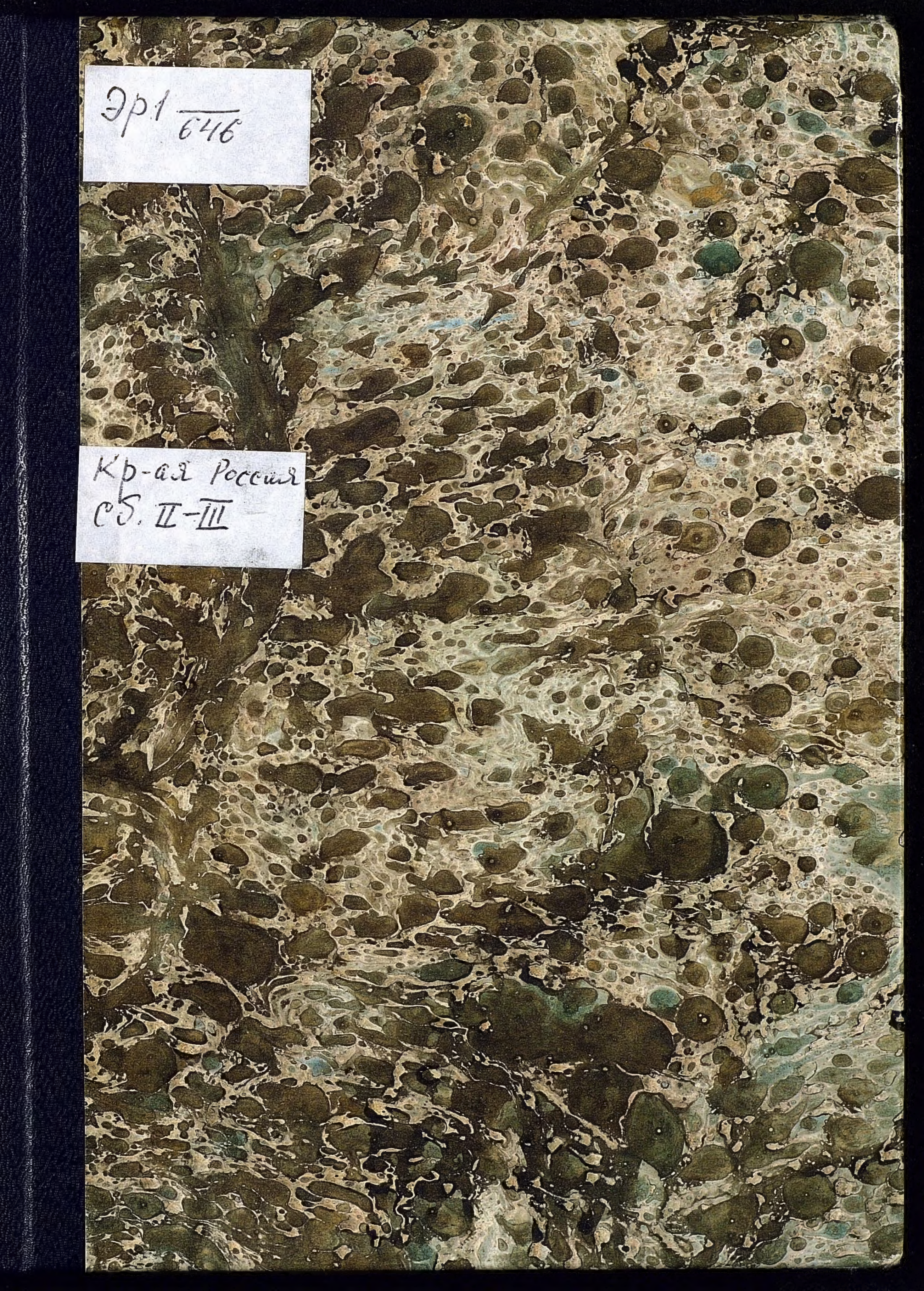
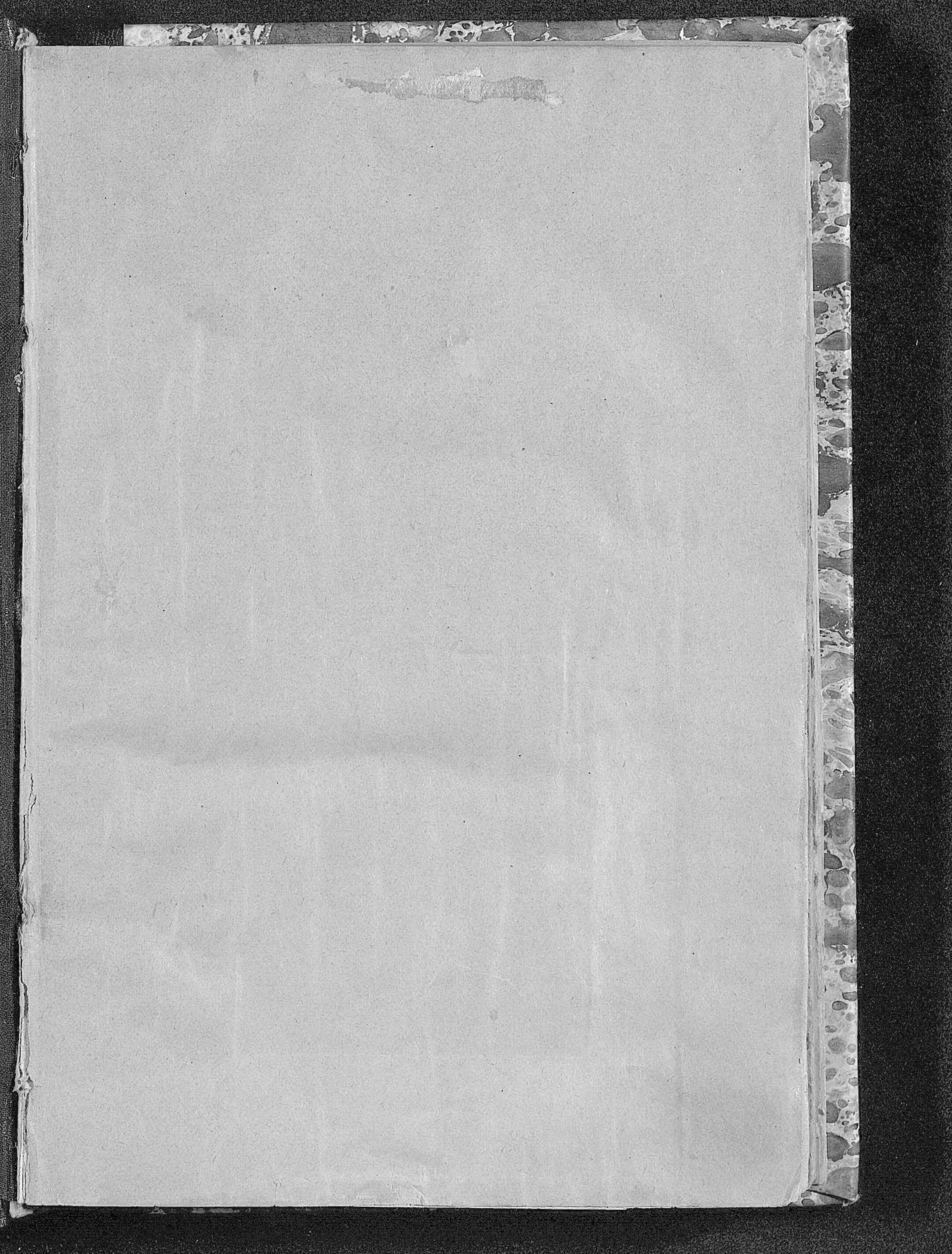
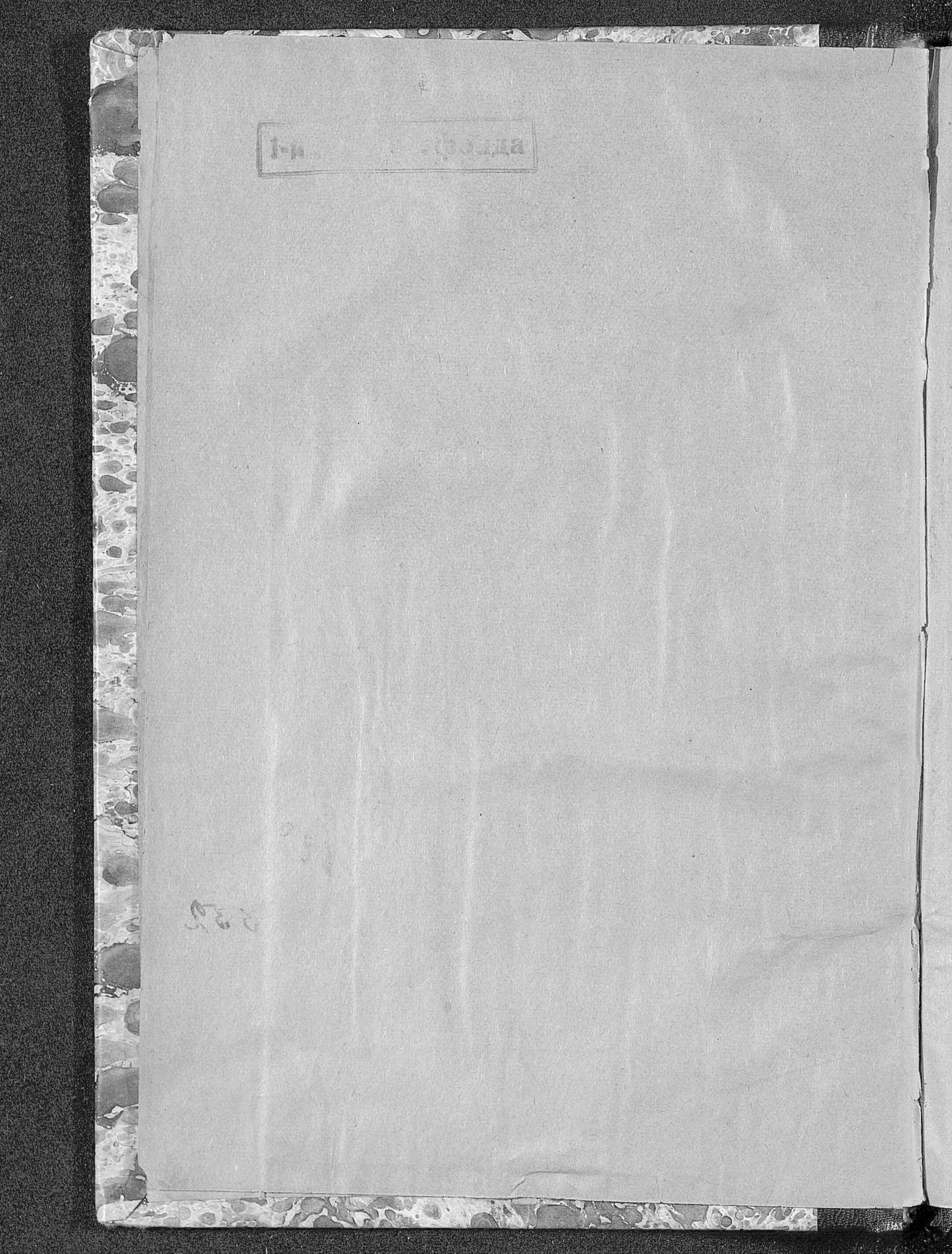

Эр1 646
Кр-ая Россия
Сб. II-III

1-й

КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ

Сборник статей
по вопросам общественно-политическим
и экономическим

II-III

ПРАГА
1923

ИЗДАТЕЛЬСТВО „КРЕСТЬЯНСКАЯ РОССІЯ“

Крестьянство в исторіи Россіи.

Изобразить сколько нибудь обстоятельно роль крестьянства в исторической жизни Россіи значило бы — написать полный курс русской исторіи. В небольшой журнальной статьѣ возможно лишь в самых общих чертах коснуться наиболѣе существенных сторон этого вопроса.

Доказывать, что Россія была и есть страна крестьянская, — не значит ли ломиться в открытую дверь? Вѣдь безспорность этого положенія покоится на об'ективно статистическом фактѣ громаднаго численнаго преобладанія крестьянства над остальными группами русскаго населенія.

И вот является вопрос: в чем выразилось и в какія формы облекалось участіе крестьянства в процессѣ нашего историческаго развитія? Отвѣчая на этот вопрос, приходится начать с указанія на ту громадную роль, которая была сыграна крестьянством в созиданіи государственнаго единства великой Россіи. Это единство созидалось не сверху, а снизу. Колонизаціонныя движенія народных масс — вот что лежало в основѣ этого процесса. В этих движеніях дѣятельное участіе принимали всѣ элементы населенія, но безспорно львиная доля участія в этой всенародной страдѣ принадлежала крестьянству. Служилый дворянин своим мечом, посадскій человѣк своим кошелем, государственная власть своим административным аппаратом, — всѣ они главным образом лишь закрѣпляли результаты того дѣла, которое подготовлял и совершал крестьянин-землероб, вооруженный топором и сохой, настойчиво и неутомимо врубавшійся в непролазныя чащи дѣвственных лѣсов русскаго сѣвера и Сибири и неудержимо шаг за шагом прокладывавшій себѣ путь от верхневолжскаго суглинка к тучным степям черноземнаго юга.

Совокупность историческихъ матеріалов, имѣющихся в распоряженіи русской науки, дает возможность весьма отчетливо нарисовать картину этих движеній, в которых русскій крестьянин выступает таким прирожденным колонизатором, способным раскинуть размах своей колонизаціонной энергіи в таком громадном масштабѣ. Но, неутомимо ведя эту колонизаторскую дѣятельность, он тѣм самым являлся строителем постепенно слагавшагося русскаго государства.

В нашей исторической литературѣ с достаточной ясностью показано уже, в какой мѣрѣ именно передвиженія народных масс создали образованіе первоначальнаго ядра великорусскаго государства около московскаго центра.

Если с конца XIII ст. московскій князь — первоначально самый малозамѣтный и слабосильный в средѣ прочих удѣльных князей того времени — начинает возвышаться в своем авторитетѣ и становится «собирателем» сѣверо-восточных удѣлов во все болѣе и болѣе расширяющійся единый государственный организм, то все это стало возможным только благодаря тому, что с этого времени поток народных передвиженій получил опредѣленное направленіе: от периферіи сѣверо-восточной Руси к ея центру. Побуждаемыя отчасти политическими причинами (на окраинах сѣверо-восточной Руси житья не стало от непрестанных набѣгов татарских и литовских), отчасти экономич.

интересами (в предѣлах московскаго княжества скрещивались торговые пути от Волги к Западной Двинѣ и из Новгородской земли в Рязанскую, и это сулило существенныя дополнительныя выгоды к прибыткам от земледѣльческаго труда), народныя массы все в большем количествѣ начали приливать к владѣніям московскаго князя, и этот то приток трудоспособнаго населенія и вынес на своем гребнѣ московскаго князя на вершину положенія собирателя великорусской народности. Присоединеніе к Москвѣ прочих сѣверовосточных удѣлов потому и совершалось так послѣдовательно и гладко, что собирательная политика московских князей опиралась на тяготѣніе самой народной массы к Москвѣ, как к об'единяющему центру. При таком положеніи вещей, владѣтели прочих удѣльных княжеств, расположенных между Окой и Верхней Волгой, не могли противопоставить натиску Москвы сколько нибудь серьезнаго сопротивленія.

Едва ли не единственное исключеніе в этом отношеніи составила держава Господина Великаго Новгорода, которая была присоединена к Москвѣ при Иванѣ III, в то время, когда об'единеніе княжеств между Окой и Волгой было почти уже закончено. В противоположность «низовым» удѣльным княжествам Господин Великій Новгород повел напряженную оборонительную борьбу против наступающей на него Москвы. Но вся эта оборонительная энергія не привела ни к чему, опять таки вслѣдствіе той тяги к московскому центру, которая и здѣсь была обнаружена крестьянской массой в противоположность усиліям новгородской боярской аристократіи сохранить особность новгородской державы. Извѣстно, что паденіе Новгородской державы стало неизбѣжным именно в силу глубокой соціальной розни между общественными верхами и низами, которая пронизывала всю новгородскую жизнь и которая вспыхнула ярким заревом в критическій момент послѣдняго столкновенія Новгорода с Москвой, когда новгородское боярство думало спасти свое положеніе сближеніем с Литвой, а новгородское крестьянство наперекор боярству потянуло к Москвѣ. На этом расколѣ Москва и основала тогда свое торжество.

С паденіем Новгорода к об'единившейся уже «низовой» Руси присоединялся не только озерной край, это первоначальное ядро новгородских владѣній, но и необозримый по об'ему мір новгородских пригородов и земель, раскинувшійся по всей сѣверной части нашей равнины от Ильменя и до Уральскаго хребта и от Волги до берегов Ледовитаго Океана. Все это необозримое пространство за время Новгородскаго владычества постепенно было охвачено Новгородской колонизацией. С XII по XV столѣтіе развертывался весь этот замѣчательный процесс превращенія полудиких лѣсных пустынь в арену культурной осѣдлости, процесс освоенія финскаго сѣвера нашей равнины великорусской культурой, составившей такую яркую страницу в нашей культурной исторіи и такую крупную заслугу Новгородской державы перед этой исторіей. Подробное изображеніе проникновенія новгородской колонизаціи вглубь сѣверных лѣсов могло бы составить предмет увлекательнѣйшаго историческаго разсказа. Я не могу здѣсь долго останавливаться на этом сюжетѣ. Отмѣчу только, что это колонизаціонное движеніе было сложно и многообразно по своим формам и по тѣм соціальным силам, которыя в нем участвовали. Застрѣльщиками движенія являлись предпріимчивые «ватаманы», сооружавшіе по собственному почину военно-промышленныя экспедиціи «ушкуйников». Такія экспедиціи своими набѣгами разносили по сѣверным финским лѣсам первыя сѣмена грядущаго Новгородскаго владычества. «Ушкуйники» впервые знакомили финских аборигенов с именем «Господина Великаго Новгорода», впервые облагали то тот, то другой финскій народец

новгородской контрибуціей (ибо эта дань носила характер именно военной контрибуціи, а не налога), и порой, при благопріятном стеченіи обстоятельств, ставили в захваченной мѣстности новгородскій «пригородок», краеугольный камень послѣдующей болѣе устойчивой новгородской оккупаціи.

Набѣги таких экспедицій пріуготовляли путь для болѣе мирной хозяйственно-промысловой колонизаціи. Богатѣйшіе новгородскіе бояре и крупнѣйшіе новгородскіе монастыри заводили на этих новых мѣстах обширныя промысловыя хозяйства, сажая на осваиваемыя ими здѣсь в свою собственность вотчины своих холопов и служек, которые должны были разрабатывать рыбныя и звѣриныя ловли, соляныя варницы и другія промысловыя угодья, связанныя с морскими, рѣчными и лѣсными богатствами. А по пятам за боярами и монастырями двинулась сюда затѣм и рядовая масса новгородскаго крестьянства, которая устремлялась сюда в поисках лучшей жизненной доли, неудовлетворяемая скудными дарами малоплодородной почвы новгородской области. И эта крестьянская масса хлынула сюда густым потоком, осѣдая плотными гнѣздами колонизаціонных починков по берегам рѣк и рѣчек сѣвернаго края. Эта густая крестьянская колонизація в наибольшей мѣрѣ создавала ту, как бы сказать, живую человѣческую ткань, которая сцѣпляла во-едино с новгородской метрополіей различныя области колонизуемой страны, пріобщая их в то же время к міру великорусской культуры.

А послѣ того, как русскій сѣвер и русскій центр сомкнулись в единый государственный организм, началось дальнѣйшее расширеніе территоріи московскаго государства в южном направленіи, вглубь так называемаго «дикаго поля» к полосѣ степнаго чернозема, который словно магнит притягивал к себѣ русскаго землероба. И в этом процессѣ вбиранія южных пространств в расширяющіеся предѣлы русской государственности, первенствующая роль именно крестьянской земледѣльческой колонизаціи выступает с еще большей яркостью. По матеріалу, заключающемуся в писцовых книгах, можно с осязательной отчетливостью слѣдить за послѣдовательными успѣхами этой колонизаціи. Сравнительное изученіе писцовых книг, относящихся к одной и той же мѣстности, но разновременно составленных, не раз вскрывает такого рода картину. Вот ряд крестьянских починков, по самым названіям которых можно убѣдиться в их недавнем возникновеніи. Ясно, что перед нами уголок дикой степи, только что начавшій покрываться свѣжими ростками земледѣльческой осѣдлости. Населеніе дворов в таких починках дѣлится на дворохозяев и живущих в их дворах «захребетников» и «подсусѣдников». «Захребетники», «подсусѣдники» это слабосильные в матеріальном отношеніи колонисты, которым не под силу завести самостоятельное хозяйство на дикой нови, которые жмутся под крылышко болѣе хозяйственнаго человѣка, селятся в чужом дворѣ. Но прошло нѣсколько лѣт и вот, в болѣе позднем описаніи той же мѣстности, мы находим наряду со знакомыми уже нам прежними селеніями ряд новых починков, которые врѣзались нѣсколько далѣе вглубь дикаго поля. Просматриваем имена их дворохозяев и находим среди них ряд бывших «захребетников» и «подсусѣдников» болѣе старых селеній. Это значит, что теперь они оперились и перешли на новыя мѣста уже в качествѣ самостоятельных хозяев. Так колонизаціонный починок, постепенно, если можно так выразиться, внутренно набухает и затѣм, словно набухшая почка, дает ростки, которые протягиваются в дальнѣйшем направленіи. А наряду с этим издалека появляются и совершенно новые пришельцы, покрывающіе степные пустыри своими новыми починками. Писцовыя книги XVI вѣка вскрывают перед нами картину неудержимаго отлива земледѣльческаго кре-

стьянскаго населенія из центральнаго подмосковнаго района к границам черноземной полосы, а затѣм и далѣе, вглубь черноземных степей. Этот массовый отлив сыграл, между прочим, очень важную роль в крушеніи крупных боярских вотчинных хозяйств, которыя лишались рабочей силы и запустошались, и этим расшатывалась и подрывалась экономическая мощь боярской землевладѣльческой аристократіи XVI вѣка, которая именно по этой причинѣ и не имѣла возможности дать отпор обрушившемуся на нее кровавому террору Ивана Грознаго. А в то же время другим важным слѣдствіем этого колонизаціоннаго движенія явился безостановочный рост государственной территоріи.

В созиданіи этого роста государственная власть лишь шла по пятам народнаго колонизаціоннаго движенія и только послѣдовательно закрѣпляла и упрочивала его уже готовые результаты.

В серединѣ XVI вѣка среднее теченіе Оки служило южной границей государственной осѣдлости. Вот почему в документах того времени берег Оки назывался просто *берегом* без всякаго дальнѣйшаго обозначенія. Но уже с средины XVI вѣка колонизаціонный поток перекидывается за Оку, и южнѣе ея появляется цѣлая паутина новых починков. Тогда для охраны этого колонизаціоннаго авангарда московское правительство сооружает *засѣчную черту*, т. е. сплошную линію крѣпостей и сторожевых укрѣпленій, соединенных между собой системой заградительных сооруженій. В центрѣ этой «черты» находилась Тула с ея «засѣкой». Считалось, что к югу от этой черты простирается «дикое поле», т. е. пустая степь, со стороны которой можно ждать лишь нападеній татарских полчищ; для наблюденія за движеніями этих полчищ на тульской чертѣ и была организована сторожевая служба приписанных к этой чертѣ служилых людей.

Прошло, однако, немного лѣт, и оказалось, что тульская черта уже перестала удовлетворять своему назначенію, так как народная колонизація успѣла продвинуться к югу далеко за ея предѣлы. Приходилось вновь закрѣплять результаты, достигнутые успѣхами этого продвиженія, и московское правительство в началѣ XVII ст. строит новую черту «Бѣлгородскую», с которой повторяется однако та же самая исторія: народная колонизація не останавливается на этом этапѣ, растекается все дальше, и таким образом в теченіе послѣдующих десятилѣтій воздвигаются новыя «черты».

Так, піонером колонизаціоннаго движенія на юг и юго-восток являлся крестьянин с своей сохой; это он своей колонизаціонной предпріимчивостью увлекал за собой государственную власть, которая слѣдовала за ним, еле поспѣвая за его подвижностью. Таким именно порядком были втянуты в состав государственной территоріи освоенной осѣдлой землевладѣльческой культурой черноземная полоса юга и среднее и нижнее Поволжье. А в то же время волны народной колонизаціи уже перекатывались и за Урал, в Сибирь, упорно продолжая то дѣло, для котораго удачная экспедиція Ермака послужила лишь первоначальным шагом.

Сказаннаго достаточно для болѣе или менѣе яснаго представленія о той роли, которая была сыграна крестьянством в процессѣ сложенія русскаго государства. При свѣтѣ этих данных не будет преувеличеніем сказать, что **именно русским крестьянином был заложен фундамент для государственнаго об'единенія Великой Россіи.**

Заложив фудамент этого зданія, крестьянин стал вслѣд за тѣм его основным опорным столпом. Московское государство XVI—XVII ст. — как это было выяснено с замѣчательной яркостью проф. Ключевским — строилось по типу военнаго лагеря, непрерывно осажденнаго внѣшними врагами с

востока, юга и запада, непрерывно мобилизуемаго для отраженія этих врагов. Двѣсти лѣт непрерывной оборонительной борьбы, двѣсти лѣт сплошной хронической мобилизаціи, без передышки, хотя бы на один год! — Легко понять, что такое положеніе вещей должно было наложить глубокій отпечаток на всю государственную организацію и на всю соціальную структуру Московскаго государства. Все его устройство покоилось на принудительной разверсткѣ обязательных повинностей и служб между отдѣльными группами населенія с безвыходным прикрѣпленіем каждой группы к ея спеціальной службѣ и ея спеціальному тяглу. Все населеніе — от послѣдняго холопа и до перваго боярина — оказывалось, таким образом, закрѣпощенным без возможности сколько нибудь свободно располагать своим существованіем. Люди посадскіе были прикрѣплены к их посадским торгам и промыслам, которые являлись для них принудительною и обязательною повинностью, ибо с этих торгов и промыслов они должны были государевы службы служить и государево тягло платить. Служилые землевладѣльцы были прикрѣплены к приказной и ратной службѣ, а для того, чтобы им было с чего государеву службу служить, к ним были прикрѣплены поселенные на их помѣстьях и вотчинах крестьяне, обязанные своим трудом доставлять им средства, необходимыя для несенія их службы.

Так в XVII ст. юридически оформляется и законом закрѣпляется подготовлявшаяся постепенно еще в XVI столѣтии крѣпостная зависимость помѣщиковых и вотчинниковых крестьян. Крестьянская масса разбивается на свободное, черносошное крестьянство, сгруппированное главным образом на сѣверѣ Европейской Россіи и в Сибири, куда почти не заглядывало крѣпостное право, и на крѣпостное крестьянство, отданное в безвыходную зависимость от служилых землевладѣльцев-бояр, дворян и дѣтей боярских. Необходимо подчеркнуть, однако, что крѣпостная неволя крестьян юридически не была полным рабством. Крѣпостной крестьянин XVII вѣка юридически существенно отличался от холопа—настоящаго раба. В отличіе от раба крѣпостной крестьянин признавался членом государственнаго союза. Он должен был вслѣдствіе того платить государевы подати помимо оброков и повинностей в пользу помѣщика, но вмѣстѣ с тѣм государственная власть ставила извѣстныя границы его зависимости от господина, ибо это была зависимость не частно-правовая, а публично-правовая, вытекавшая из государственных мотивов и цѣлей и в этих именно государственных мотивах и цѣлях находившая свои ограничительные предѣлы. Крестьянин был крѣпок служилому землевладѣльцу только потому, что сам этот служилый землевладѣлец был крѣпок государевой службѣ; крестьянин был крѣпок ему **только для того,** чтобы он имѣл возможность нести государеву службу. Таким образом зависимость крестьянина от служилаго землевладѣльца была лишь своеобразной формой службы крестьянина тому же государству. Вот почему по законам XVII в. господин не мог сдѣлать со своим крѣпостным крестьянином все, что угодно, и прежде всего не мог крестьянина раскрестьянить по своему усмотрѣнію: Уложеніе 1649 года ограничивает опредѣленными предѣлами право помѣщика и вотчинника снять крестьянина с земельнаго надѣла и перевести его к себѣ во двор. Признавая за крѣпостным крестьянином извѣстный круг прав, охраняемых законом, государственная власть совершенно послѣдовательно присваивает крѣпостному крестьянину и право иска на своего господина. Всѣм этим крѣпостной крестьянин XVII ст. отличался от холопа, причем в основѣ этого отличія лежало именно государственное назначеніе крестьянской крѣпостной неволи, придавшее этой неволѣ характер публично-правового института.

В этом именно смыслѣ и приходится признать, что крѣпостной крестьянин XVII столѣтія стал опорным столпом всей государственной организаціи Московской Руси. Если хотите, это было положеніе по и д е ѣ очень почетное. Однако, в реальной дѣйствительности это почетное положеніе оказывалось слишком тяжелым бременем. Для всѣх элементов населенія был страшно тяжел этот всеобщій «крѣпостной уклад» Московскаго государства. Но для крестьянина он был тяжел вдвойнѣ. Если посадскій человѣк и служилый землевладѣлец чувствовали на себѣ ежовыя рукавицы государственной власти, прикрѣпившей их к службѣ и тяглу, то крѣпостной крестьянин с в е р х т о г о, еще нес на себѣ всю тяжесть личной зависимости от своего господина, тѣм болѣе, что в жизненной практикѣ юридическая грань между зависимостью крестьянской и холопской на каждом шагу стиралась. А затѣм уже во второй половинѣ XVII столѣтія началось и юридическое сближеніе и смѣшеніе этих двух зависимостей.

Вот почему уже во второй половинѣ XVII ст. крестьянство, всего острѣе чувствовавшее на себѣ тяжесть очерченнаго строя, вступает на путь протеста против него, начинает искать и требовать улучшенія своей жизненной доли. Этот протест и эти исканія принимали различныя формы, носили и пассивный, и активный характер. Во-первых безостановочно развиваются побѣги крестьян; недаром вопрос о сыскѣ бѣглых крестьян всегда был самым больным и жгучим вопросом для землевладѣльческаго класса в Московском государствѣ. Крестьянскіе побѣги принимают массовый, эпидемическій характер. Я говорил выше об отливѣ населенія из подмосковнаго раіона к южным окраинам государства. Кромѣ тяги земледѣльческой массы к тучному чернозему, в этом отливѣ немалую роль играло также и стремленіе убѣжать подальше от господских и государевых налогов и повинностей, от господских расправ и от правительственных правежей. Во-вторых, протест крестьянской массы против тягостности своего положенія принимает и активный характер. Крестьяне и холопы уже в XVII вѣкѣ живо откликаются на мятежныя движенія казачества, присоединяются к этим движеніям и придают им характер возстанія соціальных низов против землевладѣльческаго и душевладѣльческаго дворянства. Из этого соединенія родилась разиновщина, предшественница пугачевщины.

Так, заложив фундамент государственнаго единства великой Россіи и став опорным столпом государственнаго зданія Московской Руси, крестьянство начинает затѣм играть роль соціальнаго бродила в жизни этого государства. И эта роль обнаруживается все отчетливѣе по мѣрѣ того, как мертвая петля неволи затягивается все туже на шеѣ крѣпостного крестьянства.

В этом отношеніи XVIII вѣк принес с собой дальнѣйшее обостреніе соціальных противорѣчій сравнительно с XVII столѣтіем. Как ни тяжел был крѣпостной уклад, сложившійся в XVII столѣтіи, все же в нем была своя примиряющая нота: как ни как вызываемое общегосударственными потребностями закрѣпощеніе распространялось тогда — хотя и в разных формах — на всѣ элементы населенія. Эта всеобщность закрѣпощенія не была устранена и реформой Петра Великаго. Напротив того, из реформы Петра Россія вышла такою же сверху до низу закрѣпощенной Россіей, какой она была и при московских царях ,только этот прежній крѣпостной уклад был облечен теперь по мѣрѣ возможности в новыя наружныя формы, примѣнительно к западноевропейским образцам. Но со второй четверти XVIII стол. открывается процесс глубокой переработки основаній государственно-общественнаго строя. В теченіе XVIII столѣтія дворянин, принудительно прикрѣпленный к обязательной государевой службѣ, постепенно превращается в свободнаго от обязательной

службы, привиллегированнаго и монопольнаго земле- и душевладѣльца. Прежнiя принудительныя обязанности по государевой службѣ с дворянина спадают, а тѣ права, которыя ранѣе этими обязанностями обусловливались, не только остаются, но еще болѣе расширяются и превращаются в сословныя привилегiи. Перестав обязательно служить, дворянское сословiе получает, однако, исключительное право на владѣнiе населенными имѣнiями. Эта метаморфоза в положенiи дворянина не могла не повлечь за собой перерожденiя и крестьянской крѣпостной неволи. Крѣпостная зависимость крестьянина перестает обусловливаться обязательной службой его владѣльца и тѣм самым утрачивает свое публично-правовое обоснованiе. Эта перемѣна вовсе не носила чисто отвлеченно-юридическаго характера. Она имѣла и совершенно реальныя и притом весьма чувствительныя послѣдствiя для крѣпостного крестьянства. Государственная власть все в большей мѣрѣ отказывалась теперь от вмѣшательства в урегулированiе отношенiй между владѣльцами и их крестьянами, отдавала крѣпостного крестьянина прямо и непосредственно в распоряженiе владѣльца и даже передавала душевладѣльцу и такiя права над его крѣпостными, которыя несомнѣнно входят в состав функцiй самой государственной власти. Сбор с крѣпостных деревень государственных податей, полицейскiй надзор за передвиженiем крестьян и за благоустройством деревенской жизни, суд над крестьянами — всѣ эти чисто государственныя функцiи передаются теперь самому владѣльцу, а крестьяне утрачивают право жаловаться на своих господ, и крѣпостная неволя настолько близко подходит уже к рабской зависимости, что даже и в оффицiальных актах второй половины XVIII ст. слова «крѣпостной» и «раб» начинают нерѣдко употребляться, как синонимы.

И такое перерожденiе и заостренiе крестьянской зависимости происходит как раз в то время, когда в сознанiи самой крѣпостной массы созрѣвает убѣжденiе в том, что крѣпостное право утратило прежнее государственное назначенiе и потому подлежит немедленному упраздненiю. Освобожденiе дворянства от обязательной службы разсматривалось крѣпостными крестьянами, как явная предпосылка к уничтоженiю и крѣпостного права на крестьян. И вот, каждая новая мѣра, направленная на расширенiе дворянских привиллегiй, неизбѣжно в теченiе всего XVIII ст. сопровождается взрывом волненiй крѣпостных крестьян. Особенно сильныя волненiя, охватившiя разнообразныя мѣстности и распространившiяся на обширные районы, вспыхнули тотчас по обнародованiи манифеста о вольности дворянской при Петрѣ III. Историками давно уже было установлено, что эти волненiя стояли в прямой связи именно с изданiем названнаго манифеста.

Первые годы царствованiя Екатерины II ознаменовались такими же обширными волненiями помѣщичьих и монастырских крестьян. С перемѣной царствованiя связывались у крестьян надежды на освобожденiе, а когда эта надежда не оправдалась, в средѣ крестьянства пошли толки о том, что дворяне и принадлежащiе к тому же дворянству высшiе сановники скрывают царскiй указ о крестьянской волѣ. Этот мотив с тѣх пор надолго укореняется в психикѣ крестьянства, и мы встрѣчаемся с ним в исторiи всѣх послѣдующих крестьянских движенiй, и в XVIII, и в XIX ст. Извѣстно, что этим мотивом не раз пользовались в своей агитацiонной работѣ среди крестьянства и дѣятели активнаго народничества 70-х годов прошлаго столѣтiя. Крестьяне монастырскiе при Екатеринѣ II кое-чего дождались. В первые же годы Екатерининскаго царствованiя была осуществлена секуляризацiя монастырских и церковных земель, и сидѣвшiе на этих землях крестьяне были переведены в состав крестьян государственных и поступили в вѣдѣнiе государственной Коллегiи

Экономіи (потому и крестьяне эти получил названіе экономических). Но крестьян помѣщичьих ожидало горькое разочарованіе. Несмотря на нѣкоторыя либеральныя заявленія по крестьянскому вопросу, сдѣланныя Екатериной II на зарѣ ея царствованія, она с самаго начала рѣшительно опирается на дворянское сословіе и ставит задачей своей политики консолидированіе и закрѣпленіе дворянских привиллегій. В 1767 году Екатерина созывает выборных представителей от сословій для составленія проекта новаго государственнаго уложенія, но крѣпостное крестьянство в этой Комиссіи представительства не получило. Взгляд прежних историков на эту Комиссію, как на простую декорацію, теперь, с опубликованіем новых матеріалов, приходится оставить. Теперь мы знаем, что хотя Комиссія 1767 года и не составила Уложенія, но ея работы послужили исходной точкой для послѣдующей законодательной дѣятельности Екатерины, которая при составленіи важнѣйших актов своего царствованія широко пользовалсь матеріалами, подготовленными Комиссіей. А между тѣм в этой Комиссіи отчетливо и настойчиво выразились рабовладѣльческія вожделѣнія не только дворянства, но и всѣх других свободных сословій. Правда, нашлась там небольшая группа депутатов, поднявшая голос в пользу законодательнаго ограниченія помѣщичьей власти. Но эта попытка лишь сильнѣе оттѣнила рабовладѣльческое настроеніе громаднаго большинства депутатов. Сторонники ограниченія крѣпостного права были смяты, их голос был заглушен страстными рѣчами ораторов крѣпостническаго направленія.

И как бы в отвѣт на эту рабовладѣльческую манифестацію вскорѣ послѣ того разразилась пугачевщина. По своему происхожденію пугачевщина была чисто казачьим движеніем, которое возникло на почвѣ внутренних счетов и столкновеній между рядовым казачеством и казацкой «старшиной». Затѣм, по мѣрѣ территоріальнаго распространенія пугачевщина быстро обростала новыми элементами. Вскорѣ она превратилась в козацко-башкирскій бунт против центральной государственной власти, а затѣм, перекинувшись на среднюю Волгу и за Волгу, пугачевщина тотчас становится настоящей русской «жакеріей», возстаніем крѣпостного крестьянства против рабовладѣльцев. И вот, когда запылали господскія усадьбы, возстаніе представилось столь грозным, что власти боятся даже за самую Москву и для подавленія движенія считают нужным отправить на мѣсто дѣйствія такую перворазрядную военную знаменитость, как сам Суворов, который, впрочем, явился, когда все уже было кончено.

За подавленіем пугачевщины послѣдовало изданіе важнѣйших законодательных актов Екатерининскаго царствованія — учрежденія о губерніях и жалованных грамот дворянству и городам. Совокупностью этих актов был закрѣплен строй сословно-дворянской монархіи, слагавшійся в теченіе всего XVIII ст. И, однако, вопрос о крѣпостном правѣ не только не был этим похоронен, но с этого времени на все послѣдующее пятидесятилѣтіе он становится основной осью политики, иногда явной, иногда скрытой, но всегда важнѣйшей двигательной пружиной преобразовательных планов и опытов и правящих сфер, и передовых общественных кругов. За всю первую половину XIX ст. то был один из тѣх «проклятых» вопросов, от которых отвертеться невозможно, а подступиться к ним страшно.

В теченіе первой половины XIX в. Россія пережила немало громких событій; выдержала эпопею борьбы с Наполеоном, выдержала аракчеевщину, видѣла попытку вооруженнаго возстанія против самодержавія на Сенатской площади Петербурга и затѣм испытала долгую и суровую политическую зиму под ледяным покровом Николаевской реакціи. Но можно смѣло ска-

зать, что при всѣх этих многообразных поворотах ея политической исторіи основным фактом и магистральной линіей ея внутренняго развитія неизмѣнно оставалась подготовка отмѣны крѣпостного права. С каждым десятилѣтіем все болѣе обширные круги населенія и все в болѣе отчетливой формѣ начинали сознавать, что без того или иного разрѣшенія этого вопроса обойтись будет невозможно. Пусть для одних общественных кругов перспектива разрѣшенія этого вопроса звучала жутким memento mori, а для других связывалась с наиболѣе свѣтлыми и радостными надеждами; все равно — и тѣ, и другіе, — одни позже, другіе раньше, одни робко, другіе настойчиво, одни в видѣ смутнаго чувства, в котором они сами себѣ боялись сознаться, другіе в видѣ опредѣленной программы и ясно поставленной задачи — неизбѣжно приходили к этому именно вопросу, как к центральной очередной проблемѣ всей русской жизни. К этому же сознанію пришла и сама правящая власть. Крѣпостное право стало сознаваться и как основной тормоз народно-хозяйственной производительности Россіи и как основная угроза для устойчивости государственнаго порядка. Возможность исправленнаго и дополненаго повторенія пугачевщины неустранимо стояла перед мысленным взором тѣх, кто находился у руля государственной власти. Значит, пока еще не поздно, с крѣпостным правом надо что-то сдѣлать. В правящих сферах это не подвергалось сомнѣнію. Но что именно надо сдѣлать? Вот тут начинались колебанія и сомнѣнія, пугавшія воображеніе и связывавшіе волю. При Александрѣ I планы реорганизаціи крѣпостных отношеній не раз связывались с широкими планами обще-политических преобразованій. Как извѣстно, всѣ эти планы оказались потом погребенными под чугунной плитой аракчеевщины. При Николаѣ I начались попытки поставить вопрос болѣе узко и опредѣленно. Николай I и его совѣтники думали, что это будет менѣе страшно. Вопрос о политических реформах был откинут, и многочисленные секретные комитеты стали обдумывать, что можно было бы сдѣлать для смягченія крѣпостной неволи в рамках наличных государственно-общественных условій и порядков. Но тут перед членами секретных комитетов встали не менѣе пугающія трудности. Они боялись мятежных движеній и со стороны крестьянства, и со стороны дворянства. Провести реформу без достаточнаго удовлетворенія крестьянских интересов считалось опасным из-за возможности повторенія пугачевщины. И потому в работах этих комитетов мало-по-малу превозобладала мысль о необходимости надѣленія освобождаемых крестьян землей, ибо безземельные батраки — этот сельскій пролетаріат — непремѣнно явится вулканическим элементом, который вѣчно будет грозить государству потрясеніями. Но с другой стороны пойти сколько нибудь рѣшительно навстрѣчу крестьянским интересам считалось не менѣе опасным, ибо корона вовсе не хотѣла поссориться с дворянством, которое считалось опорой самодержавнаго трона. И потому — правящіе круги тщетно ломали голову над вопросом о том, как бы поставить дѣло таким образом, чтобы почин реформы вышел из среды самого помѣстнаго дворянства. В силу всѣх этих опасеній и колебаній правительство Николая I в теченіе тридцати лѣт простояло в позѣ мучительной нерѣшительности перед вопросом о крѣпостном правѣ, непрестанно к этому вопросу возвращаясь и каждый раз со страхом от него отступая. Эта мучительная нерѣшительность очень ярко выразилась в извѣстном афоризмѣ, высказанном Николаем I в его рѣчи в Государственном Совѣтѣ при обсужденіи указа об обязанных крестьянах: «Крѣпостное право есть зло, но прикоснуться к нему было бы злом еще болѣе опасным». А между тѣм пока правительство

топталось на мѣстѣ, жизнь дѣлала свое дѣло, и час отмѣны крѣпостного права неуклонно приближался, в связи с перемѣнами, которыя развертывались в строѣ самого крѣпостнаго хозяйства.

Под вліяніем многообразных причин, для разсмотрѣнія которых у меня здѣсь уже нѣт мѣста, страна в теченіе второй четверти XIX ст. отходила все далѣе от натурально-хозяйственнаго строя, и сама крѣпостная вотчина вовлекалась все в большей мѣрѣ в оборот мѣнового денежнаго хозяйства, на путь котораго опредѣленно становилась Россія. И вот с одной стороны успѣхи индустріализаціи Россіи дѣлали из крѣпостного права археологическій пережиток, противорѣчащій общей линіи хозяйственнаго развитія Россіи и тормозившій это развитіе, а с другой стороны в связи с тѣми же хозяйственными перемѣнами, крѣпостная вотчина начала все опредѣленнѣе превращаться в рабовладѣльческую плантацію, и бремя закрѣпощенности становилось для крестьян все острѣе и невыносимѣе. Помѣщики, подталкиваемые отмѣченным выше хозяйственным процессом, устремились к поднятію производительности своих хозяйств, к извлеченію из своих вотчин возможно большаго дохода, и этим их устремленіем вызывался рост крѣпостных повинностей и барщинных работ, а в то же время по мѣрѣ роста барщины, надѣл барщинных крестьян все уменьшался, ибо значительная часть надѣльной земли обращалась под барскую запашку. В нѣкоторых мѣстах дѣло доходило даже и до полнаго обезземеленія барщинных крестьян и превращенія их в безземельных батраков в помѣщичьем хозяйствѣ (крестьяне-мѣсячники). И крестьянская масса чувствовала, что ея положеніе становится все тяжелѣе. Чѣм ближе к срединѣ столѣтія, тѣм нервнѣе реагировала она на отягощеніе своей жизненной доли. «Народ портится —», таков был общій говор помѣщиков. Крестьянскія волненія вспыхивали там и сям все чаще и принимали формы все болѣе острыя. Нерѣдки стали случаи, когда крестьяне нападали на барскую усадьбу, захватывали владѣльца и подвергали его тѣлесным наказаніям. При свѣтѣ этих фактов становятся понятными извѣстныя слова Александра II о необходимости приступить к освобожденію крестьян сверху, прежде чѣм освобожденіе начнется снизу. Власть уже понимала, что дальнѣйшее существованіе крѣпостного права не только будет тормозить развитіе народнаго и государственнаго хозяйства, но явится также угрозой для устойчивости государственнаго порядка.

Так, в срединѣ столѣтія и экономическія, и политическія условія, связываясь в один узел, одинаково толкали правительственную власть к отмѣнѣ крѣпостного права. В 1861 году эта задача была, наконец, выполнена. Эта по истинѣ «великая реформа» не сняла, однако, с очереди крестьянскаго вопроса, но только ввела его в новый фазис. Дѣло заключалось в том, что при освобожденіи крестьян наименѣе благопріятное для крестьян разрѣшеніе получил вопрос о земельном устройствѣ освобожденной деревни. Земельное надѣленіе большинства освобожденных крестьян было произведено во-первых в слишком недостаточном размѣрѣ и во-вторых на слишком тяжелых для крестьян условіях. Отсюда проистекал ряд явленій, характеризовавших быт пореформенной деревни. Крестьянская масса разслоилась на кучку «хозяйственных мужичков», т. е. деревенских кулаков и міроѣдов и на рядовое крестьянство, быстро бѣднѣвшее и попадавшее в экономическую зависимость от этих кулаков и от прежних своих владѣльцев, у которых им сплошь и рядом приходилось праарендовывать недостающую им землю на весьма обременительных условіях (нерѣдко при этом возрождалась барщина крѣпостной эпохи в видѣ «отработков» на барском полѣ вмѣсто арендной платы). На-

ряду с чрезвычайным развитіем арендных отношеній жажда земли со стороны крестьян выражалась и в покупкѣ внѣнадѣльных земель, и в безостановочном ростѣ переселенческаго движенія. Но всѣ эти способы все же не могли утолить остраго земельнаго голода значительнѣйшей части крестьянства, не могли существенно исправить соціальной ошибки, допущенной при проведеніи реформы 1861 г. Вот почему вопрос крестьянскій, вопрос аграрный и во вторую половину XIX ст. остается той осью, около которой вращается русская политическая мысль в ея разнообразных развѣтвленіях. Крестьянство по прежнему остается ферментом соціальнаго движенія. Даже, начавшій затѣм выдвигаться на сцену рабочій вопрос оказался тѣсно сплетенным с вопросом крестьянским по той причинѣ, что значительная часть фабрично-заводских рабочих была у нас связана тѣсными узами с деревней; то были тѣ же крестьяне, для которых фабрично-заводскій труд являлся лишь временным отхожим промыслом. Это всеоб'емлющее значеніе у нас крестьянскаго вопроса всего лучше выразилось в той быстрой эволюціи, которую пришлось продѣлать в началѣ XX столѣтія нашим соціал-демократам при формулировкѣ их аграрной программы. Они начали с того, что в качествѣ правовѣрных марксистов посулили крестьянству в отношеніи земельнаго устройства нѣчто весьма тощее и мизерное. И что же? С головокружительной быстротой им пришлось затѣм принести твердокаменную ортодоксію в жертву тактическим соображеніям: их аграрная програма стала постепенно пухнуть в очевидном разногласіи с основными положеніями их ученія.

И правящая власть, и широкіе круги помѣстнаго дворянства оставались, однако, глухи к требованіям жизни и не обнаруживали готовности своевременными смѣлыми и широкими уступками этим требованіям предотвратить острое развитіе соціальных конфликтов...

Рѣшительная и широкая аграрная реформа признавалась «недопустимой». И за отсутствіем ея разрѣшенія сверху, она стала разрѣшаться снизу. И мы не сомнѣваемся в том, что будущій об'ективный историк переживаемой нами теперь русской революціи, именно здѣсь, в этом пунктѣ, нащупает исходную точку всѣх своеобразных особенностей этой революціи. То, что теперь иными усиленно выдается. а иными дѣйствительно считается, за основную сущность переживаемаго Россіей переворота — впослѣдствіи при свѣтѣ историческаго анализа, окажется не болѣе, как поверхностной пѣной событій и наоборот, то, что теперь представляется побочным придатком совершившагося переворота, впослѣдствіи будет признано их основным двигательным нервом и их единственным прочным результатом. Коммунизм в оправѣ «Нэпа» — это пѣна. Округленіе земельнаго фонда деревни это — центральный факт переживаемаго пароксизма. Пѣна отшипит и исчезнет. Центральный факт станет в свою очередь отправной точкой дальнѣйшаго государственнаго строительства, несмотря на то, что в связи с задачами этого строительства, конечно и ему придется пройти через соотвѣтствующія видоизмѣненія.

На этом я могу закончить настоящій бѣглый очерк. В небольшой журнальной статьѣ мнѣ по необходимости пришлось быть чрезвычайно кратким. Развитіе каждаго из выставленных положеній могло бы составить предмет довольно длиннаго разсужденія. Но здѣсь моя задача заключалась лишь в том, чтобы в немногих словах, крупными мазками намѣтить ту роль, которая выпала на долю крестьянства, — сначала в процессѣ сложенія государственнаго зданія Россіи и затѣм в процессѣ дальнѣйшей переработки его внутренняго устройства.

А. Кизеветтер.

То, что часто забывается...

«Люди, люди — это самое главное. Люди дороже денег. Людей ни на каком рынкѣ не купишь и никакими деньгами, так как они не продаются и не покупаются, а только вѣками выдѣлываются, ну, а на вѣка надо время».

Достоевскій

§ 1.

Много сейчас думают, говорят и спорят о способах возрожденія Россіи и русскаго народа. Сотни людей предлагают «патентованные», быстро и магически дѣйствующіе рецепты. Их много и один лучше другого. Самыми ходячими являются: «Учредительное Собраніе», «Республика», «Монархія», «Диктатура», «Демократическія формы правленія», «Капитализм», «Соціализм», «Патріарх и православная вѣра» и т. д. Каждый из предлагающих вѣрит сам и увѣряет других в чудодѣйственной силѣ своего рецепта. «Стоит ввести его и... возрожденіе Россіи автоматически выскочит».

Признаюсь, за эти годы я стал большим скептиком. Не вѣрю больше ни в какія чудодѣйственныя лекарства и рецепты. Не хожу не только к обычным хиромантам и магнетизерам, но и к «хиромантам», «оккультистам» и «гипнотизерам» политическим. Знаю, что чудодѣйственных лекарств для русской болѣзни нѣт. Однѣми пилюлями этих рецептов не вылечишь. Вижу и другой грѣх этих «рецептов». Почти всѣ они предлагают «наружныя» лекарства. Хотят лечить болѣзнь «фасонами соціальнаго костюма». Такой «грѣх» — обычен для всѣх наших политических партій. Всѣ онѣ обращали главное вниманіе на «фасон костюма» больного, а не на самый организм послѣдняго. Сама личность, состояніе ея организма, культивированіе и леченіе ея недостатков «изнутри» у нас всегда было на втором планѣ. Говоря иначе, мы заботились всегда о передовом фасадѣ нашего соціальнаго зданія (форма правленія и т. д.), и мало занимались его внутренним строеніем, и особенно — его жильцами. Не думали, что от жильцов зависист чистота и благоустройство жилища. Мало думаем об этом и сейчас. Потому-то я и считаю полезным обратить вниманіе на эту сторону дѣла. «Болѣзнь русскаго народа — не столько внѣшняя, сколько внутренняя». Она связана с самим существом, с самой природой его членов. Раз мы хотим лечить ее — надо направить наше вниманіе и силы прежде всего сюда. «Фасоны костюма» русскаго общества значеніе имѣют, но второстепенное и ограниченное. «Люди, люди — это самое главное». От них

зависит, превратят-ли они подаренный судьбою им дворец в «свинарник», или простую хижину — в чистое и благоустроенное жилище. Вот почему я полагаю необходимым концентрировать вниманіе на людях.

Перед нами задача: *прочное возрожденіе Россіи и русскаго народа, длительное увеличеніе его матеріальнаго и духовнаго благосостоянія. Спрашивается: что для этого нужно сдѣлать* — таково конкретное заданіе. Попробуем его рѣшить, избѣгая всяких чудесных быстродѣйствующих рецептов. Их нѣт в научной медицинѣ, нѣт их и в соціальной медицинѣ.

Первое положеніе, которое слѣдует запомнить, гласит: *устройство любого общества, совершенство его соціальной жизни, духовное и матеріальное процвѣтаніе, и, наконец, его историческія судьбы зависят прежде всего от природы, свойств и поведенія членов этого общества.* Из дурного матеріала хорошаго зданія не построишь. Из идіотов и мерзавцев здороваго общества не создашь.

Второе положеніе. Природа, свойства и поведеніе как индивида, так и цѣлаго общества, представляют слѣдствіе двух основных причин: а) наслѣдственности и в) среды, в которой они родились, выросли и живут.

* * *

Наши политики и соціологи слишком мало вниманія обращают на наслѣдственныя свойства. Они думали, что «среда» имѣет рѣшающую роль, что достаточно ее измѣнить, и даже не всю, а маленькую часть ея, напр., политическій режим или хозяйственныя основы, чтобы тѣм самым измѣнились поведеніе и природа людей. Между тѣм, данныя біологіи особенно послѣдних лѣт, и данныя соціологіи, заставляют держаться скорѣе обратнаго мнѣнія. Они гласят: *в своих свойствах, в своей одаренности или неодаренности, как человѣк, так и цѣлый народ, зависит прежде всего и больше всего от наслѣдственно полученных качеств, а среда имѣет лишь второстепенное значеніе.* Она играет роль фактора, облегчающаго или тормозящаго реализацію этих свойств. Если у человѣка или цѣлаго народа нѣт положительных, наслѣдственно полученных даров — никакая среда не может сдѣлать их талантливыми или выдающимися по своим свойствам. Они неизбѣжно будут отставать от болѣе одаренных наслѣдственно лиц и групп, *находящихся в таких же условіях.* И обратно, в дурной, тормозящей средѣ, наслѣдственно одаренный Ньютон будет все же на десять голов выше, чѣм наслѣдственно неодаренные люди. Отсюда понятно, почему «геніями и талантами» рождаются, а не дѣлаются. Изслѣдованія Гальтона и его школы нам показали это. Понятно также, почему люди, напр., многіе члены аристократіи, родившіеся и воспитывавшіеся в исключительно благопріятной обстановкѣ, не могут подняться выше уровня посредственности: нѣт «наслѣдственнаго пороха». И обратно, почему люди, родившіеся в самой тормозящей средѣ, напр. Ломоносов, Карнеги, Линкольн и множество других «самородков» преодолѣвают «тормоза» и дѣлаются великими. «Наслѣдственность» их вывозит. Наконец, сказанное об'ясняет и факт различной одаренности различных народов и их исторію. Если, по подсчетам того же Гальтона, один геній в англійском населеніи приходится на 1 милліон людей, у древних греков он приходился на 4.000 с небольшим, а у негров на много милліонов нѣт совсѣм генія, то причина этого

различія лежит главным образом в различных наслѣдственных свойствах этих народов, а не в средѣ. С этой точки зрѣнія исторія любого народа есть слѣдствіе, прежде всего, того «наслѣдственнаго фонда» качеств, которыя он имѣл, и которыя в нем передаются из поколѣнія в поколѣніе. Если они не блестящи, не ищите блеска от исторіи даннаго народа. Если в исторіи выдающагося народа обнаруживаются рѣзкія измѣненія, напр., наступает декаданс, посмотрите, не произошло ли изсяканіе этого «біологическаго фонда», не случилась ли замѣна «хорошей крови» «дурной», носителей положительных расовых свойств — иными, второстепенными. Исторія декаданса Греціи, Рима, ряда государств Ислама и т. д. дает подтвержденія этому. И обратно, если происходит в исторіи народа неожиданный расцвѣт, — посмотрите, не улучшился ли в силу каких либо причин состав его «біологическаго» фонда. Проф. Starch, подводя итоги достиженіям науки в этой области, дает также индексы сравнительной роли наслѣдственности и среды: в свойствах любого человѣка или группы наслѣдственности принадлежит 60 — 90%, средѣ 40% — 10%. Если эти цифры нѣсколько и преувеличены в пользу наслѣдственности, то не очень много. 60% мы можем принять, как величину, близкую к истинѣ. От «наслѣдственнаго фонда» зависит: рост, сложеніе, сила, здоровье и цѣлый ряд других антропо-соматических свойств народа, от него же зависит и его «духовныя» качества: воля, темперамент, навыки, склонности и умственная одаренность.

Вот почему *вопрос о будущем русскаго народа есть прежде всего вопрос о качествѣ того «біологически-наслѣдственнаго» фонда, которым он владѣл и владѣет. Проблема его возрожденія — есть прежде всего проблема улучшенія и обогащенія этого «фонда».* Остановимся кратко на этом пунктѣ.

* * *

Оглядываясь на исторію русскаго народа и его культуры, я должен признать «біологическій фонд» наших предков вполнѣ удовлетворительным. Об этом говорит, прежде всего, самый факт созданія Россіи, занимавшей 1/6 земли. Создать такое огромное государство, держать его части замиренными, поддерживать порядок, развивать культуру народ с бѣдным «біологическим фондом» не мог бы. Об том же говорит и исторія русской культуры, которую, без ложной скромности, мы имѣем право считать весьма большой общечеловѣческой цѣнностью. Об этом же говорят и имена наших великих поэтов, художников, композиторов, писателей, ученых, мыслителей, среди которых не мало звѣзд «первой величины». Короче, мы не были обдѣленными «пасынками исторіи». Больше того, если учесть тот факт, что мы щедрѣе других народов тратили этот «біологическій фонд», и все же до 1914 г. жили, развивались и особенно быстро за конец 19 и начало 20 вѣка,*) то можно было бы быть вполнѣ спокойным за будущее русскаго народа.

---

*) Именно за это время Россія, как государство, превратилась в подлинно великую державу, финансы были приведены в блестящее состояніе, промышленность встала на ноги, образованіе народа прогрессировало, экономическое благосостояніе народа — также. Падали постепенно правовыя и др. ограниченія. Росла кооперація и т. д.

Годы войны и годы революціи, однако, положеніе рѣзко ухудшили. Они нанесли колоссальный урон, прежде всего, этому «біологическому фонду» русскаго народа. Не разрушеніе нашего хозяйства, не количественная убыль населенія (21 милліон), не разстройство духовной жизни и даже не общее «одичаніе и озвѣреніе» народа являются главным ущербом, причиненным нам войной и революціей — (все это поправимо и возмѣстимо), а указанное истощеніе нашего «біологическаго фонда», в формѣ убійства его лучших носителей.

Дѣло в слѣдующем. Любая длительная и тяжелая война, в особенности же гражданская, всегда уносит с поля жизни «лучших» — біологически, психически и соціально — людей: наиболѣе здоровых, наиболѣе трудоспособных, наиболѣе моральных, волевых, энергичных и наиболѣе одаренных умственно.*) Она — орудіе отбора шиворот — навыворот. Процент гибели таких «лучших» в эпохи войн и революцій всегда гораздо выше, чѣм процент гибели «рядовых» людей, и тѣм выше, чѣм длительнѣе и опустошительнѣе война, чѣм глубже и кровавѣе революція. Они пожирают, прежде всего, наиболѣе выдающихся людей, каковых немного среди населенія. Если населеніе Россіи с 1914 по 1920 г. уменьшилось на 13,6 %, то наиболѣе здоровые и трудоспособные слои от 16 до 50 лѣт потеряли 20 %, а мужчины — 28 %.

Если Азіатская Россія и населеніе ея инородцев потеряло 1/30 часть, то населеніе Великороссіи — создатель, центр и опора государства — потеряло 1/7 часть. Если общая смертность населенія в Петроградѣ и Москвѣ поднялась в 3 раза по сравненію с нормальным временем, то смертность ученых поднялась в 6—6½ раз. Если у нас лиц с университетским образованіем приходилось едва ли не болѣе 200—300 на 1 милліон населенія, то погибло их не $200 \times 21 = 4200$, а в пять — шесть раз больше. «Уникум'ов» же націи, выдающихся ученых, поэтов, мыслителей, мы потеряли в громадном масштабѣ (А. С. Лаппо-Данилевскій, Шахматов, Тураев, Ковалевскій, Овсянико-Куликовскій, Блок, Л. Андреев, Туган-Барановскій, Марков, Хвостов, Иностранцев, Е. Трубецкой и т. д., и т. д.). Словом, данные годы «обезкровили» нас самым кардинальным образом в отношеніи наших «лучших» людей. Это было бы еще пол-бѣды. Но бѣда в том, что, унесши преимущественно эти лучшіе элементы, война и революція унесли в их лицѣ «лучших производителей», носителей «лучших расовых свойств народа», его положительнаго «біологическаго фонда», «лучшія сѣмена». Они погибли безвозвратно. Мѣсто их, в качествѣ «производителей», займут «второсортные люди», «худшія семена, которыя в общем могут дать и худшую жатву». Это — большая бѣда. Она была бѣдой всей нашей исторіи. Мы были и остаемся милитарным народом, постоянно воюющим и мотовски тратящим наших лучших людей. По данным Mülhall'я с 1828 по 1880 г. мы потеряли убитыми 664.000 человѣк — цифра, превосходящая всѣ военныя потери Европы за эти годы. В отдѣльные періоды, как напримѣр при Петрѣ и в наши годы, это безумное расходованіе нашего «біологическаго фонда» принимало поистинѣ сумасшедшій размах. Народ с бѣдным «біологическим фондом» при такой тратѣ давно уже должен был

*) См. доказательства этих положеній в моей статьѣ: Вліяніе войны на состав, свойства населенія и обществ. организацію. «Экономист». № I 1922.

бы сойти со сцены исторіи. И, однако, до сих пор мы держались, хотя и отставали от ряда других народов.

Об'ясненіе этому, повидимому, надо искать в богатствѣ нашего «біологическаго фонда». Но всему есть предѣл. Римляне и греки были еще богаче нас в отношеніи их «біологическаго фонда». Но безразсудное расходованіе «лучших» в теченіе их исторіи, особенно в період греко-персидских и пелопонезской войн в Греціи, карфагенских войн и гражданских междуусобиц в Римѣ, окончательно истощили их «лучшую кровь», произошла замѣна первосортнаго человѣческаго матеріала второсортными людьми и их потомками — и блестящая звѣзда этих народов стала закатываться. Чѣм быстрѣе шла замѣна, — тѣм быстрѣе стал темп заката, закончившійся гибелью этих великих народов. Возьмите далѣе, хотя бы исторію цѣлаго ряда государств Ислама. Свѣжій народ, столь блестяще выступившій на сцену исторіи, в теченіе двух-трех вѣков истощил себя непрерывными войнами и тѣм опредѣлил свою гибель.

* * *

Эти факты, число которых можно было бы увеличить большим количеством других, вмѣстѣ с данными біологіи, дают нам грозное предостереженіе. Если послѣдніе годы не истощили окончательно положительный «біологическій фонд» русскаго народа, то *основное средство нашего возрожденія должно состоять во всемѣрном сохраненіи и увеличеніи его путем содѣйствія выживанію и размноженію «лучших» за счет «второсортнаго» человѣческаго матеріала.* Это — conditio sine qua non возрожденія. Как рѣшить эту задачу? Разными путями. Пути обычной «евгеники»,способные дать кой-какіе результаты у других народов,у нас при низкой культурности в ближайшее время едва ли будут имѣть серьезное значеніе. Евгеническія же мѣры, основываемыя на голом полицейском принужденіи, напр., запрещеніи браков чахоточных, сифилитиков, душевно-больных,запрещеніе имѣть им дѣтей,принудительная кастрація біологически и психически дефективных лиц с этою же цѣлью и т. д. — все это, помимо принципіальной непріемлемости таких мѣр, практически никогда не давало значительных положительных результатов, в русских же условіях оно ничего, кромѣ вопіющаго безобразія, дать не может.

Что же остается дѣлать? Прекратить дальнѣйшую массовую трату положительнаго нашего «біологическаго фонда», прекратить массовый военный отбор шиворот-навыворот, непрерывно шедшій в нашей исторіи. Мир, длительный, мир, — внѣшній и внутренній — вот одно из самых серьезных и сильно дѣйствующих средств улучшенія нашего населенія и увеличенія положительнаго «біологическаго фонда».

Длительный мир означает прекращеніе селекции шиворот - навыворот, сохраненіе «лучших» и их размноженіе, вытѣсненіе ими с «передовых» постов общества «второсортных» людей, а их потомством — потомства послѣдних, словом, мир ведет к сохраненію и обогащенію нашего «біологическаго фонда» — этой альфы и омеги прогресса и расцвѣта любого народа. Здѣсь мы должны учесть рядом с приведенными выше и прямые «опыты исторіи». Мы удивляемся быстрому развитію, внезапному пробужденію Японіи. Приняв во вниманіе сказанное, мы перестанем удивляться. Триста лѣт тому назад она была разоренной, раз-

рушенной междуусобицами страной, болѣе несчастной, чѣм мы теперь. Такой с виду она оставалась долго, с тѣм различiем, что в ней исчезли войны. 250 лѣт она не воевала (перiод «великаго мира» в эпоху шогуната Токугавы). 250 лѣт она «копила» лучшiе элементы и усиливала свой «бiологическiй фонд». Срок был большой. Мудрено ли, что и результаты такой «евгеники» оказались небывалыми. В 20—30 лѣт эти «лучшiе» из дикарей стали цивилизованными, в полстолѣтiя из невѣдомой, дикой страны Японiя выросла в великую мiрную державу, невѣроятно быстро развивающуюся во всѣх отношенiях и теперь угрожающую нам на Востокѣ. Учтите, далѣе, быстрый рост С. А. Соед. Штатов, на протяженiи своей исторiи знавших лишь двѣ серьезных войны и то не очень кровопролитных. Учтя это, вы поймете одну из причин их расцвѣта. Наконец, возьмите исторiю конца 19-го и начала 20-го вѣка в Россiи. Маленькая передышка мира, данная нам исторiей при Александрѣ-Миротворцѣ, — и та сказалась у нас лихорадочным развитiем Россiи в этот перiод во всѣх отношенiях: в экономическом, духовном и политическом. Если бы и теперь исторiя подарила нам 100—200 лѣт мирной жизни — за будущее русскаго народа можно быть покойным, каков бы ни был наш политическiй режим. Если же нас ждут новыя кровавыя войны во имя чего угодно, начиная с «единой и недѣлимой» и кончая «интернацiоналом», — за это будущее можно очень и очень опасаться. Еще одно — два кровопусканья, подобныя пережитым, и . . . исторiю Россiи можно считать конченной. Никакiе «режимы», никакая «вѣра», никакiя «реформы» ея не спасут в этих условiях....

Рядом с этой мѣрой мыслимы, конечно, вспомогательныя мѣры, преслѣдующiя ту же цѣль улучшенiя нашего «бiологическаго фонда»: ряд мѣр, рекомендуемых евгеникой, содѣйствiе размноженiю «лучших», привлеченiе их даже из других стран, при условiи их ассимиляцiи, «обрусенiя», умѣлое и не задѣвающее достоинства человѣка торможенiе размноженiя дефективных лиц и т. п., но это все будет имѣть лишь второстепенное значенiе. Главное — «мир». Вот почему я голосовал бы за монархiю (horribile dictu), если бы знал, что она даст этот «мир» и против архидемократической республики, если бы знал, что она ведет к войнам. Но этого я не знаю. Полагаю даже, что послѣдняя вѣрнѣе поведет к миру. Этим «парадоксом» подчеркиваю лишь ту мысль, что дѣло не в одних этих «костюмах», а в вещах иных, менѣе эффектных, но безконечно болѣе серьезных. Прежде всего — в накопленiи и улучшенiи положительнаго наслѣдственнаго бiологическаго фонда русскаго народа. Будет он — остальное приложится. Не будет его — не спасет ничто.

§ 2.

Сохраненiе и развитiе положительнаго «бiологическаго фонда» — есть основное и необходимое условiе возрожденiя любого народа, в частности Россiи. Но, естественно, дѣло им не исчерпывается. Прирожденный Ньютон, родившiйся и выросшiй в средѣ готтентотов, будет выдающимся готтентотом, но не будет мiровым Ньютоном. Неблагопрiятная среда, в видѣ ея невѣжества и косности ея тираннiи, может «заѣсть», «затормозить», развертыванiе прирожденных способностей, их реализацiю. И обратно, соприкосновенiе японцев с европейской куль-

турой позволило им воспользоваться ея достиженіями, перенять и быстро превратить свои «потенціальныя» силы в кинетическія. Без этого благопріятнаго условія нужны были бы столѣтія, чтобы достигнуть ей современнаго состоянія. Отсюда слѣдует, что имѣет значеніе и среда, но тогда, когда налицо уже есть «біологическій фонд». *Третье положеніе, отсюда вытекающее, гласит: среда должна быть такова, чтобы она максимально благопріятствовала проявленію и развитію способностей и форм поведенія каждаго члена,полезных для цѣлаго,и максимально тормозила бы проявленіе и рост актов соціально-вредных.*

Когда такой среды нѣт — множество блестящих способностей может погибнуть «зря». Онѣ останутся «нереализованными». В других случаях онѣ могут быть искаженными и проявятся в нелѣпой или соціально-вредной формѣ. В третьих, при отсутствіи в средѣ тормозов, задерживающих соціально вредные акты, могут разрастись послѣдніе и сильно деградировать всю соціальную жизнь.

В данной формулировкѣ теорема слишком обща и неопредѣленна. Необходимо ее хотя бы частично конкретезировать. Попробуем это сдѣлать. . . .

Максимальное благопріятствованіе среды развертыванію наслѣдственно полученных способностей означает: во-первых, *возможность полнаго развитія индивидуальности каждаго человѣка, во-вторых, соціальнаго использованія каждой личности именно в той области, к которой она наиболѣе пригодна по своим наслѣдственным свойствам.*

Первая задача сводится к тому, чтобы в средѣ отсутствовали тормоза, мѣшающіе этому развитію, с другой — даны были стимулы, побуждающіе индивида с первых лѣт его жизни к активному проявленію своей индивидуальности. Наличность тормозов будет душить, гасить, депрессировать силы и способности личности. Она не сможет тогда выявить всѣ свои «десять талантов» и реализует только пять или один. Если это явленіе будет общим, то в проигрышѣ останется не только сама личность, но и все общество. Такими тормозами могут быть разныя условія. Во первых экономическія: нужда и голод. Они ведут к депрессированію физических и умственных способностей и сил человѣка. Во вторых, общія условія соціальной жизни, напр., деспотизм общества или власти, преслѣдующій развитіе личности: общее невѣжество и косность среды, не только не снабжающей личность всѣми тѣми средствами, которыя необходимы для полнаго раявитія индивидуальности (знанія, навыки, матеріальный минимум), но прямо подавляющія всякую личную иниціативу, личный почин, личное творчество, связывающія человѣка по рукам и по ногам. Такое общество будет поистинѣ обществом, убивающим и ограбляющим не только своих членов, но и себя самого. Примѣрами его могут служить всѣ настояшія деспотическія (не по политическим формам только, но по всей структурѣ соціальной жизни) общества, одним из коих является Р. С. Ф. С. Р. Все, не соотвѣтствующее оффиціальным требованіям, здѣсь давится, душится. Свободы проявленія индивидуальности нѣт, людей — и особенно молодое поколѣніе—пытаются штамповать по одному фасону, формировать по одному типу,отклоненія от него не допускаются. В итогѣ 90% талантов не могут проявить себя. Они гибнут понапрасну, «отцвѣтают не расцвѣтши». Лучшій способ ограбленія обществом самого себя трудно выдумать.

Вывод отсюда: *в каждом обществѣ, желающем процвѣтать, должны быть удалены всѣ тормоза, препятствующіе полному развитію индивидуальности, кромѣ тѣх, которые тормозят проявленіе и развитіе преступных и антисоціальных поступков. Молодому поколѣнію, вступающему в жизнь, должен быть предоставлен простор для выявленія своих способностей и средства (матеріальныя и духовныя), снабжающія его орудіями для творчества и соціально полезной дѣятельности.*

Практически это сводится: 1) к минимальной опекѣ и вмѣшательству властей в жизнь населенія, 2) к минимальной опекѣ старшими молодого поколѣнія (кромѣ областей анти-соціальнаго поведенія, 3) максимально возможному обезпеченію населенія и особенно молодого поколѣнія знаніями, полезными навыками и матеріальными условіями (хлѣб, пища, одежда, жилище), дѣлающими для них возможным полное проявленіе своих способностей. Таковы «негативныя» требованія к средѣ.

* * *

Не менѣе важное значеніе имѣют и «положительныя» требованія к ней. Они сводятся к тому, чтобы *всей своей обстановкой она ежечастно и непрерывно стимулировала максимальное проявленіе воли, энергіи, труда, знаній, способностей (кромѣ антисоціальных) каждой личности, начиная с первых лѣт ея жизни.* Только тогда, когда человѣк с малых лѣт привык к самостоятельности, он будет самостоятельным, энергичным и иниціативным в зрѣлости. Только, когда большинство членов общества будет таким, в нем будет дѣйствительное самоуправленіе, дѣйствительная «свобода», дѣйствительная интенсивная — духовная, политическая и экономическая жизнь. Внѣ таких условій— все это невозможно. Дайте обществу, состоящему из людей противоположнаго характера, лучшую конституцію, самыя широкія свободы, простор его самодѣятельности, и.... из всего этого мало что получится. Первый вѣтер исторіи, первая кучка проходимцев вырвет из его рук эти свободы, сведет на «нѣт» конституцію, аннулирует автономію, и оно останется при старом «разбитом корытѣ».

*С этой точки зрѣнія особо важное значеніе имѣет та человѣческая среда, которая окружает личность в первые годы ея жизни.**)*.*

В эти первые годы закладываются основы будущей личности, формируются ея тип и характер. Кѣм? — Средой, «сосѣдями» и прежде всего *семьей.* Не семья-ли является той первой фабрикой,куда поступает вновь родившійся для переработки? Не она ли первый скульптор, формирующій біологическую особь в будущаго сообщественника? Не она-ли проводит первыя и незгладимыя черты на «чистой доскѣ» наслѣдственных способностей человѣка? Формирующая и опредѣляющая роль ея гораздо важнѣе, чѣм всѣх других школ и общественных учрежденій. В послѣднія человѣк поступает уже в извѣстной мѣрѣ готовым, сформированным, в семью — наооборот — мягким, как воск. В лонѣ послѣдней он впервые дышит, чувствует и учится. Семья «прививает» ему первыя формы поведенія, навыков, привычек, знаній, убѣжденій, остающихся иногда на всю жизнь. Ceteris paribus какова эта мастер-

*) См. на этот счет дѣльныя положенія у Ch. H. Cooley: Socialorganisation гл. III—V.

ская формировки людей — таковым в значительной мѣрѣ будет, и ея товар: люди, выпускаемые на житейскій базар. Плоха будет первая— неважными в общем будут и вторые.

Вот почему *вопрос об устройствѣ семьи для меня гораздо важнѣе, чѣм вопрос о формах правленія.* При плохой организаціи первой и плохой наслѣдственности невозможны ни совершенное устройство общества, ни здоровая общественная жизнь, ни совершенная политическая система. Если же при хорошей наслѣдственности и семья будет надлежаще организована — будьте покойны, такіе люди сумѣют создать и хорошо устроенное общество. Учитывая это, я не могу не удивляться множеству русских людей, которые «весь корень зла» или «якорь спасенія» видят только в политической системѣ. Многіе из них горячо «борются за свободу», «занимаются высокой политикой» и в то же время имѣют из рук вон плохую семью, гдѣ их же дѣти портятся, гдѣ сами же они приготовляют прескверных граждан и тѣм самым наносят гораздо больше вреда, чѣм приносят пользы своей «борьбой за свободу» и «высокой политикой». Оздоровленіе «семейнаго тыла» общества имѣет гораздо большее значеніе, чѣм ему придают обычно.

Великій соціолог Ле-Плэ и его школа поняли это и доказали нам. Изслѣдуя типы семьи у разных народов и типы их соціальной организаціи, они вскрыли связь первых со вторыми. С точки зрѣнія воспитательнаго механизма можно выдѣлить три основных типа семьи. 1) Семья *патріархальная,* воспитывающая молодыя поколѣнія для жизни в общинѣ или в коммунѣ. Здѣсь весь уклад семейнаго воспитанія таков, что он давит всякую индивидуальность, всякую иниціативу личности, дрессирует ее жить, «как всѣ», думать, вѣровать, мыслить и дѣйствовать по «обычаю», «как поступали отцы», пріучает ее полагаться не на себя, не на свои знанія, труд, энергію и волю, а на «общину», на «мір», на «коммуну». Заслуги личности — заслуги общины, преступленія ея — вина общины. Жизнь индивида вся регламентирована, опекается на каждом шагу, все индивидуальное — душится. Личный стимул подавляется. Из лона такой семьи выходят личности без воли, без иниціативы, без самостоятельности, «сѣрые», как всѣ, привыкшіе во всем вести себя по общей нормѣ. Народы, имѣющіе такой тип семьи, — это отсталые, вялые, лѣниво — апатичные народы Востока, Азіи и Вост. Европы. При столкновеніи с народами, имѣющими иной тип семьи, они побѣждаются.

Второй тип семьи — это семья *ложно индивидуалистическая.*

Устройство ея таково, что всѣм своим укладом она пріучает молодыя поколѣнія полагаться в жизни не на себя и не на общину, а на *государство.* Она готовит будущих «чиновников государства», которые должны занять одно из многочисленных мѣст, имѣющихся в распоряженіи послѣдняго. Сообразно с этим, все воспитаніе здѣсь ведется примѣнительно к оффиціальным программам. Задача его — выдержать оффиціальный экзамен, получить диплом и... «тихо и плавно воскачаться» в качествѣ чиновника. В людях при такой системѣ не воспитывается ни иниціатива, ни подчиненіе авторитету. Получаются люди неустойчивые, не подлинно иниціативные, а бумажные формалисты, «чиновники». И общество, имѣющее такой тип семьи, общество неустойчивое. Оно будет неизбѣжно обществом «бюрократическим», с централизаціей, с обширным об'емом вмѣшательства вла-

сти, с разбухшим государственным аппаратом, и с поглощеніем личности государством. Такой тип семьи существует в большинствѣ европейских государств, кромѣ англосаксонских и скандинавских стран.

Третій тип семьи — *семья индивидуалистическая.* Ея уклад таков, что с малых лѣт она пріучает молодыя поколѣнія полагаться только на себя, свои знанія, волю и энергію. Здѣсь обучают дѣтей тому, что им, дѣйствительно, понадобится в жизни, (а не тому, что требует «община» или «государство»). Развитію индивидуальности, личной иниціативѣ дается простор. С дѣтьми с самых ранних лѣт обращаются, как с взрослыми. Признают за ними права, но требуют и исполненія обязанностей. И дѣти знают, что в будущей своей жизни они могут расчитывать только на себя. Из лона такой семьи выходят индивиды сильные, иниціативные, энергичные. Народы, имѣющіе такой тип семьи, — побѣдители других народов. В таком обществѣ на первом планѣ личность. Государственный аппарат не поглощает общества. Бюрократизм не царствует. Всѣм и вся управляет общественное мнѣніе — мнѣніе членов общества, а не чиновничество. Такой тип семьи дан в англо-саксонских и скандинавских странах. Мудрено-ли поэтому, что, «если превосходство англосаксов не провозглашается открыто, то оно несомнѣнно чувствуется всѣми... На всем земном шарѣ мы видим гордо развѣвающійся англійскій флаг. Из Канады и Соединенных Штатов они повелѣвают Америкой, из Индіи диктуют свою волю Азіи, из Австраліи господствуют над Океаніей, наконец, вершают дѣла Европы и всего міра». *).

Один из основных источников такого превосходства — организація семьи индивидуалистическаго типа, выпускающей на житейскій базар хорошо формированных людей.

Семья русская по своему типу занимает среднюю линію между семьей патріархальной и ложно — индивидуалистической. Молодыя поколѣнія в ней воспитывались, или как будущіе чиновники государства, или как «общинники», члены «міра», обязанные во всем походить на него и считаться с ним. Индивидуальности и личной иниціативѣ не давалось простора. **).

С октябрьской революціи, если не в семьѣ, то в государствѣ, это подавленіе личности приняло безграничный характер. Всѣх захотѣли штамповать по одному образцу, индивидуализму была об'явлена война, личному почину и интересу — также, самостоятельность поведенія, слов, мысли и дѣл возведена в преступленіе, люди превращены в манекены, общество — в казарму. Все и вся было взято под «учет», опеку и регулировку централизованной власти. Результаты тут же сказались: полный распад всей хозяйственной жизни, разложеніе общества, упадок просвѣщенія, нравов и всей духовной жизни — таков был результат коммунистическаго удушенія личности.

Если мы хотим возрождаться и стать здоровым народом, нам необходимо перестроить весь уклад семьи, как воспитателя молодых поколѣній, на индивидуалистическій лад. Задача эта достигается не декретами, и не политическим режимом, а самодѣятельностью самих

*) Демолэн: Аристократ. раса. СПБ. 1906. 1 — 4, 58 — 9.

**) См. подробнѣе об этом: Сорокин «Система соціологіи», т. II, 115 и сл.

граждан. Для ея достиженій нѣт внѣшних препятствій. Она лежит в предѣлах компетенции каждаго «отца» и каждой «матери».

В таком же *индивидуалистическом направленіи должна быть перекроена и вся соціальная жизнь.* Каждый институт общества должен постоянно стимулировать личный почин, личную иниціативу, энергію и волю индивида. Это относится и к школѣ, к партіям *) и ко всѣм обществам, союзам, ассоціаціям, органам управленія и самоуправленія. Здѣсь не мѣсто подробно перечислять всѣ эти институты и анализировать их механизм. Все сказанное о семьѣ с соотвѣтственными измѣненіями примѣнимо и ко всѣм им. Тот же принцип должен лежать в основѣ всей соціальной жизни. *Максимальный простор полному раскрытію личности, личному почину, личному интересу (кромѣ чисто анти-соціальных наклонностей) во всѣх областях поведенія — в экономической и духовной — таково основное условіе возрожденія.* Без него мы не получим настоящих людей, а без послѣдних — не будем имѣть и настоящаго общества.

Всякія рогатки в формѣ опеки сверху, в формѣ вмѣшательства властей в поведеніе населенія, в формѣ диктатур правых и лѣвых, в формѣ гипертрофическаго ограниченія частной собственности, націонализацій и реквизиции — все это сейчас смертельно вредно. Когда на очереди стоит основная задача хозяйственнаго и духовнаго возрожденія страны — всякое «ущемленіе» индивидуальности и личных стимулов «смерти подобно». Я знаю, что безграничный разлив стихіи личнаго интереса имѣет свои «тѣни». Но в моменты, подобные настоящим, лучше перегнуть палку в эту сторону, чѣм в обратную. Наш опыт и аналогичные опыты исторіи учат, что эпохи хозяйственнаго под'ема народа были в то же время и періодами торжества индивидуальнаго почина и интереса. И обратно, эпохи упадка были эпохами ущемленія послѣдних, уравненія, передѣла и «обобществленій». Раз такова причинная связь — глупо ее не учитывать и безразсудно не дѣлать из нея надлежащих выводов.

* *
*

*) См. подробнѣе мою «Систему соціологіи», т. II, 205 и сл.

Вредные результаты современных хорошо организованных партій на Западѣ, с их программами в 3000 метров, пытающимися дать отвѣт на всѣ вопросы, были не раз уже указаны (Острогорскій, Р. Михельс, Г. Моска, Брукс и др.). Они превратили личность в нуль, сковали и сковывают ее по рукам и ногам. «Во имя партійной дисциплины» требуют не критиковать, не смѣть свое сужденіе имѣть, быть манекеном, подчиняющимся центру, голосовать за того, кого партія укажет, думать, как ей угодно, хвалить и порицать, что она установит и т. д. И чѣм лучше партія организована — тѣм сильнѣе ея давленіе, тѣм рѣзче «вмѣсто воспитанія свободы, она пріучает к рабству», и тѣм сильнѣе жизнь в партіи превращается в школу рабскаго подчиненія. В итогѣ массы дурнѣют. Живой дух партіи замѣняется партійным формализмом. Идеал партіи падает. Все это еще больше примѣнимо к русским партіям. У нас этот партійный фетишизм был сильно развит. Ослабленіе его, рост индивидуальности и внутрипартійной свободы, разрыв с партіей, если она начинает связывать вас, — все это я считал бы весьма желательным.

Настаивая на максимально возможном удаленіи барьеров среды, стѣсняющих развитіе личности и ея свойств, я в то же время указывал на *необходимость тормозов, препятствующих развитію преступных и явно антисоціальных тенденцій.* Вред послѣдних ясен сам собой. Правила: «не убій», «не укради», «не лги», «не насильничай», «не мошенничай» и т. д., пред'являемыя к поведенію людей, не суть измышленія досужаго ума или требованія во имя каких-то трансцендентных задач, а представляют правила, необходимыя для всякаго здороваго общежитія. Общество, состоящее из убійц и прожженных мошенников, при всѣх его талантах, никогда не может быть процвѣтающим и здоровым обществом. *Соблюденіе, по крайней мѣрѣ, минимума элементарных морально-правовых принципов есть такая же необходимость для экономическаго процвѣтанія общества (не говоря уже о духовном), как наличіе хороших организаторов, предпринимателей и капитала.*

Всячески стимулируя развитіе неантисоціальных сторон личности, среда должна тормозить наклонности преступныя. Как это она может дѣлать? Разными путями. И меньше всего полицейскими. Извѣстное значеніе имѣют и они. Но ограниченное. Они могут лишь бороться — и то в скромном масштабѣ — с послѣдствіями болѣзни, а не с ея причинами. Сколько взяточников разстрѣливала и растрѣливает Че-ка. И... никакого толку. Взяточничество процвѣтает.

Quid leges sine moribus?

Требуются иныя мѣры и иные пути. *Они состоят в том, чтобы с первых моментов появленія на свѣт ребенка окружающая его среда, в видѣ семьи, товарищей, школы и всего общества, неуклонно прививала ему надлежащія формы поведенія и неуклонно тормозила у него всякія антисоціальныя поползновенія.* Такая систематическая «дрессировка» — лучшій и неизбѣжный учитель морали. Признавая за ребенком права, необходимо столь же строго требовать от него и исполненія обязанностей. Если этого условія среды не будет, если в ней ребенок с первых лѣт жизни будет воспринимать уроки лжи, насилія, убійств, шакализма — не помогут никакія репрессіи и никакое «попечительное начальство».

Quid leges sine moribus. Каковы будем мы сами — такими будут и молодыя поколѣнія. Если мы хотим их видѣть морально-здоровыми — такими должны быть и мы сами. Без этого всѣ разговоры — безплодное дѣло. Наш коммунистическій опыт — лучшее доказательство сказаннаго. Людей думали сотнями декретов перевоспитать в пять минут. В ход пущены были всѣ средства воздѣйствія: агитація, печать, похвалы, награды, насиліе, разстрѣлы, — словом, все, чѣм может располагать государство. Что же получилось? Результаты, обратные ожидаемым.

В этих цѣлях громадное значеніе имѣет ряд «безсознательно геніальных» институтов, имѣющихся в любом здоровом обществѣ, которые представляют весьма сложный и совершенный аппарат торможенія злостных форм поведенія. Среди них основное значеніе (horribile dictu) имѣет *религія и церковь.* Можно быть немистиком и признавать огромную положительную роль их в соціальной жизни. Только для диллетанта-невѣжды этот институт — выдумка попов и средство для оправданія эксплоатаціи, только для них же сущность религіи сводится к ея догматам и суевѣріям. Еслибы дѣло обстояло так, то рѣшительно

непонятным было бы ни возникновеніе, ни столь долгое существованіе такого института: как абсолютно вредная вещь в силу естественнаго отбора, он давно уже должен был бы исчезнуть. И однако этого нѣт. Мало того. Мы видим, что страны передовыя, напр., Америка и Англія, не менѣе, а болѣе религіозны, чѣм отсталыя. Не буду здѣсь подробно доказывать, а просто укажу, что основная соціальная роль религіи была и есть роль сложнаго и весьма гибкаго аппарата, тормозящаго развитіе антисоціальных поступков и стимулирующаго поступки благожелательно-соціальные. (Тезис этот убѣдительно обоснован такими соціологами, как Ф. де - Куланш, Кид, Дюркгейм, Бугле, Эллвуд и др.). *).

Иначе—она была (и есть) фактором, созидающим и поддерживающим человѣческую солидарность. Такая работа необходима для всякаго общества. В этом «секрет» упорнаго существованія религій с их «суевѣріями» до сих пор. Отсюда понятно, почему ослабленіе религіи обычно является симптомом разложенія даннаго общества, почему паденіе религіозности сопровождалось всегда под'емом преступности (как у нас в 1917 — 20 г. г.), почему под'ем первой ведет к под'ему «чистоты нравов» (как у нас сейчас наблюдается).

Только тогда, когда сама религія и ея представители вырождаются, когда она перестает играть эту роль, когда рядом с этим она становится душителем соціальнаго творчества во всѣх формах, — роль ея становится отрицательной, и сама она вмѣстѣ с ея представителями обречена на гибель и замѣну ея другой, пригодной для выполненія этой роли. Только в таких случаях борьба с ней необходима. Внѣ их — нужна максимальная осторожность в подрываніи этого института. Внѣ их яркая борьба с церковью равносильна поведенію крыловской свиньи, подрывающей дуб, желудями котораго питается и живет общество. В наше время для Россіи борьба с церковью, отдѣленной от государства, серьезно оздоровѣвшей, есть политика неумная и соціально вредная. Для торможенія разлившагося моря антисоціальных явленій одухотворенная религія нам сейчас так же нужна, как капиталы для возрожденія нашего хозяйства.

* * *

Таковы вкратцѣ основные рецепты для торможенія антисоціальных явленій. Вмѣстѣ с предыдущими они указывают, как и в каком направленіи среда должна вліять, чтобы формировать настоящих людей, способных создать настоящее общество. Эти штрихи, при всей их краткости, раскрывают картину болѣе сложную и болѣе трудную, требующую активных усилій со стороны любого члена общества и не ждущую «чуда» от власти, «форм правленія» или «других фетишей». Но если мы хотим жить, пора разстаться с этим оптимистическим фетишизмом. Он и так довел нас до... смертельной болѣзни.

Довольно...

*) См. подробнѣе об этом мою «Систему соц.», т. II. 198 и сл. 431 и сл. См. также G. A. Ellwood, Reconstruction of Religion Malc'. Spencer: the social function of the Church 1921.

§ 3.

Для процвѣтанія общества нужны не только наличность «біологическаго фонда» и полное развитіе свойств и склонностей личности, но и соотвѣтствующее размѣщеніе этих лиц в сложной пирамидѣ общества. Нужно, *чтобы каждая личность могла попадать и попадала на такое мѣсто в обществѣ, которое соотвѣтствует ея способностям и склонностям.* «Бѣда, коль пироги начнет печи сапожник, а сапоги тачать пирожник». Бетховен, принужденный заниматься извозом, Ньютон в роли директора полиціи, рядовой рабочій в роли Рембрандта, Бисмарк в роли поэта, акад. Шахматов в роли переносчика бревен, не только не принесут никакой пользы себѣ и обществу, но положительно дадут вред. Их способности погибнут «зря», а навязанное им несоотвѣтствующее дѣло будет исполняться плохо. Между тѣм, при правильном распредѣленіи их, согласно их способностями, эффект будет рѣзко иным. На мѣстѣ, соотвѣтствующем его склонностям, каждый член общества даст максимум общественно полезной работы. «*Каждому по его способностям*» и особенно наслѣдственным, такова краткая формула этой мысли. Люди неравны и неодинаковы прежде всего по своим наслѣдственным свойствам. Эти послѣдніе дѣлают их пригодными для однѣх функцій и непригодными для других. Этого различія не может сгладить никакая среда, никакое воспитаніе и обученіе. Вот почему нѣт ничего нелѣпѣе, как часто высказываемая мысль, что потенціально всѣ люди одинаково годны для выполненія любых функцій, нужно лишь дать им надлежащее воспитаніе. Сколько бы ни учили человѣка, наслѣдственно немузыкальнаго, музыкѣ, теоріи композиціи и т. д. — из него не только Баха и Бехтовена, но даже простого, приличнаго композитора вы не получите. То же примѣнимо и во всѣх подобных случаях. Общество, в котором не существует этого распредѣленія лиц по формулѣ: «каждому по его способностям», и особенно по способностям наслѣдственным, будет неизбѣжно больным обществом.

Таланты его членов будут гибнуть безполезно. Сплошь и рядом они будут проявляться в искаженном, соціально вредном видѣ. «Прирожденные Наполеоны» станут от'явленными и геніальными мошенниками, «прирожденные властители» — заговорщиками и подпольными дѣятелями, великіе изобрѣтатели — неудачными и несчастными пьяницами, «рабы по природѣ» — бездарными правителями и т. д. Вся машина общества будет работать вяло, с перебоями, с треніями и конфликтами. Воцарятся бюрократизм, мертвечина и застой. Число несчастных и недовольных будет огромно, дух мятежа и бунтов будет царить. Кровавыя судороги и конвульсіи станут неизбѣжными.

Совсѣм иным будет общество, удовлетворяющее формулѣ: «каждому по его (наслѣдственным) способностям». Соціально — полезная эффективность работы каждаго члена здѣсь максимальна. Максимальным будет поэтому и общій прогресс общества. Все оно будет похоже на прекрасную машину, гдѣ всѣ части хорошо пригнаны, нѣт треній и перебоев. Она будет работать превосходно. Члены его, попав на свои мѣста, будут суб'ективно довольными. Для бунтов, мятежа, кровавых конвульсій здѣсь нѣт почвы. В таком обществѣ даже кровожадным склонностям человѣка можно найти соціально-полезное примѣненіе. *).

*) См. подробности в моей «Системѣ соціологіи», т. II. 176 и сл., 225 и сл.. 406 и сл.

Из всего сказаннаго слѣдует, что всѣ теоріи равенства, поскольку онѣ исходят из принципа равной пригодности всѣх людей для всѣх функцій, в том числѣ и функцій властвованія, и поскольку отсюда выводят равное право всѣх на занятіе любого мѣста, в том числѣ и мѣста властителей, представляют сплошную нелѣпость, ничего, кромѣ вреда неспособную дать при попытках реализаціи.

Такого идеальнаго общества мы пока не знаем в исторіи. Но разныя общества, существовавшія и существующія, приближаются к нему в разной мѣрѣ: в одних «каждому по его способностям» осуществлено в большей степени, в других — в меньшей.

Раз таково идеальное заданіе, то спрашивается: как его осуществить? Какими путями всего лучше узнать, кто к чему пригоден? И на основаніи каких критеріев опредѣлять одних людей к выполненію таких то функцій, других — к выполненію таких то функцій, третьих — к выполненію иных?

Самым естественным и надежным путем был бы путь научнаго изслѣдованія способностей личности и на основаніи полученнаго біо — психическаго паспорта путь соотвѣтственнаго размѣщенія их в обществѣ. К этому методу, как мы знаем, передовыя общества и начинают прибѣгать все в большей и большей мѣрѣ.

Прикладная «психо — техника», разными методами изслѣдующая личность, уже вошла в жизнь, особенно в Америкѣ. При наймѣ кондукторов, механиков, рабочих и т. д. цѣлый ряд частных и общественных предпріятій подвергают кандидатов психо - техническому изслѣдованію, и на основѣ полученных результатов принимают одних и бракуют других. В огромном масштабѣ этот путь был использован С. - А. Соед. Штатами и в войну. Милліон с лишним людей был изслѣдован, и на основніи анализа опредѣлялись: одни в авіацію, другіе — в артиллерію, третьи — в другія военныя части. То же мы видим и при наборѣ работников в других профессіях.

Путь этот в принципѣ совершенно вѣрный, кой гдѣ и теперь уже он дает несомнѣнные и полезные результаты. Обладай сейчас наука вполнѣ надежными и точными методами «тестированія» личности и ея способностей, методами, гарантирующими от ошибок, — вся проблема рѣшалась бы очень просто. Не нужно было бы ни шумихи, ни агитаціи, ни всей сложной процедуры, связанной с выборами или назначеніем того или иного лица, — вплоть до министра, президента, монарха, — на то или иное мѣсто. Вмѣсто всего этого достаточно было бы заглянуть в «личную карточку» даннаго человѣка. Она бы показала: годен или негоден он для этой роли, она же дала бы указанія: к какой спеціальности готовить даннаго ребенка, на какую профессію назначить такое то лицо и т. д.

Но, увы! — наука еще не может претендовать на такую безгрѣшность. Методы «анализа личности» и ея способностей (Бинэ - Симона, Ржеркса, Мюнстерберга и др.) — еще очень примитивны, а для анализа сложных форм дѣятельности — почти не выработаны. Сколько нибудь серьезный ученый — спеціалист в этой области — не мог бы взять на себя отвѣтственность за безгрѣшность анализа и вообще безапелляціонно опредѣлять людей на основаніи такого «тестированія». Если же какой — нибудь невѣжда это дѣлает — ничего, кромѣ огромнаго вреда, он не приносит. В силу этого приходится пока - что при-

бѣгать к другим, к косвенным опредѣленіям способностей человѣка. Указанный научный метод остается лишь в качествѣ подсобнаго.

Основным принципом для опредѣленія способностей становится принцип *фактически проявленных талантов человѣка в данной области дѣятельности.* Человѣк, показавшій себя талантливым организатором предпріятія, молодой юноша, написавшій научную работу, рабочій, изобрѣвшій какую-нибудь машину, мальчик, написавшій хорошую повѣсть, и т. д. — одним фактом удачнаго выполненія ими своих работ дают надежное свидѣтельство их способностей в соотвѣтствующих областях дѣятельности. Это дает основаніе для опредѣленія их на соотвѣтствующія мѣста — если они сами этого желают. *). То же с соотвѣтственными измѣненіями примѣнимо и к другим людям. Сложнѣе вопрос обстоит с дѣтьми, которым, в силу их дѣтства, труднѣе выявить их специфическіе склонности и таланты. Но и здѣсь внимательный родитель, педагог, изслѣдователь, при систематическом наблюденіи их поведенія может довольно точно уловить их специфическія способности, а, уловив, стимулировать их развертываніе, развитіе и выявленіе.

Таков вкратцѣ доступный нам косвенный путь. Для полной и правильной утилизаціи его требуется ряд условій, два из которых я укажу здѣсь же.

Первое из них состоит в том, что *принцип формальнаго наслѣдованія соціальных функцій родителя дѣтьми, как таковой, без его фактическаго подтвержденія, не может быть признан цѣлесообразным.* Хотя родитель, проявившій таланты в такой то области, имѣет шансы передать их дѣтям (что часто и имѣет мѣсто, вспомним семью Бернулли, Ротшильдов и т. д.), но не всегда. В силу неудачнаго «смѣшенія крови» при бракѣ, менделированія и т. д. мы видим и обратное: у геніальнаго ученаго, поэта, стратега, изобрѣтателя сын часто бывает никуда негодной посредственностью, у прирожденнаго властителя — «холопом», у талантливаго собирателя капиталов — мотом. Оставлять таких дѣтей в той же роли, что и их родители, значит копить «болѣзнь» в общественном организмѣ, — болѣзнь, которая при большом количествѣ таких негодных для выполненія их функцій «бѣлых ворон» превращает здоровое общество в «чахоточное» и приводит его к кровавым кризисам и конвульсіям.

Высшія формы общественной дѣятельности начинают выполняться плохо, в низах копится достаточно много талантов, которые не могут занять предназначенныя для них мѣста, ибо они заняты неспособными потомками способных родителей. Вся общественная жизнь разстраивается. Копится недовольство, «пар мятежа», который рано или поздно и вырывается наружу в формѣ возстаній и революцій.

Таковы основанія, заставляющія отвергнуть принцип формальнаго наслѣдованія соціальных функцій родителей дѣтьми. *Никаких «закрытых» дверей, доступность всѣх функцій способнѣйшим,* — такова иная

*) Без или вопреки желанію, авторитарное назначеніе абсолютно вредно. Поэтому величайшей бѣдой была бы система принудительнаго назначенія и прикрѣпленія людей к мѣстам без их желанія и опроса сверху, из одного центра. Каждый из нас даже сам долгое время не знает, к чему он способен, и в чем его призваніе. Знать же милліоны людей и их призваніе одному правительственному центру и опредѣлять деспотически их профессію сверху — не под силу даже архигеніальному правительству.

редакція той же мысли. Как технически ее осуществить — здѣсь не мѣсто касаться. Важно подчеркнуть общій принцип. Второе условіе, необходимое для правильной реализаціи принципа: «каждому по его способностям», это *большее или меньшее равенство исходных позицій для жизненнаго бѣга и состязанія.* Выше было указано, что «талантливыми» рождаются, что «порох хорошей наслѣдственности» нерѣдко вывозит их обладателей и помогает им преодолѣвать всѣ препятствія. Но не всегда бывает так. Неблагопріятная среда, как я указал выше, может затормозить «проявленіе талантов.*) Ньютон, родившійся среди ашантіев, был бы выдающимся ашантіем, но без науки и среды англійскаго общества не был бы геніальным ученым. Геніальный ребенок, родившійся без набитаго кошелька у колыбели, среди нищеты и голода, далеко не всегда может пробиться. Часто он хирѣет. Препятствія его убивают и обезсиливают. Посредственный ребенок, оказавшійся в хороших условіях, может стать кинетически болѣе «талантливым». Если же первый был бы поставлен в сколько-нибудь сносныя условія, он на десять голов опередил бы второго, всѣ его «десять талантов» были бы реализованы к пользѣ его самого и всего общества. Короче, если-бы они начинали «жизненое состязаніе» «с одного старта», в сходных условіях, результат был бы иным. Это значит, *для настоящаго опредѣленія талантов всѣ дѣти должны начинать «бѣг» с одного мѣста, в равных условіях.* Только при таких обстоятельствах можно правильно рѣшить: кто способнѣйшій, только в этом случаѣ — опередившій может сказать, что он опередил по праву, «отставшій принужден будет мириться с «отставаніем», ибо он отстал тоже по праву. *Только такое равенство «исходных позицій» справедливо и цѣлесообразно.* Всѣ другія требованія «равенства» либо утопичны, либо чаще всего — несправедливы (ибо «лучших и способнѣйших» заставляют жертвовать в пользу «худших и неодаренных», равняя по низшему уровню), и сверх того — общественно вредны (ибо лучшіе таланты заставляют зарывать в землю, пропадать зря, не реализоваться, отчего терпит и все общество).

Я знаю, что сейчас полное осуществленіе даже этого «равенства отправной позиціи» недостижимо. По мѣрѣ сил надо к нему однако стремиться. Минимум этого требованія достижим и осуществим уже и теперь, а именно: право каждаго ребенка на необходимый минимум матеріальной и умственной его экипировки, нужной ему для «жизненнаго бѣга» и для выявленія своих талантов. Каждый ребенок должен и может быть поставлен в условія, удовлетворяющія элементарным требованіям санитаріи и гигіены, обезпечивающія ему физіологическую сытость, одежду и здоровую среду, с одной стороны, с другой, снабжающія его минимумом знаній, навыков, опыта, как «орудій» ждущаго его «строительства жизни», как элементарной тренировки, необходимой для участія в жизненном состязаніи. На это может претендовать каждый ребенок. Это дать ему обязано и может любое общество. Чѣм разбазаривать сотни милліонов и даже милліарды на войну, войско и многія другія непродуктивныя и часто ненужныя цѣли, будет гораздо цѣлесообразнѣе десятки милліонов отпустить на это дѣло. Смѣю увѣрить, что такое помѣщеніе общественнаго капитала наиболѣе выгодно даже с чисто экономической

*) Герцен прав, говоря: «сколько зародышей мрет, глохнет, не видавши свѣта, сколько способностей, готовностей вянут, потому что их не нужно.»

точки зрѣнія, через одно — два поколѣнія оно принесет такіе проценты, которые окупят с избытком весь расход.

Большевики, об'явив безплатное обученіе, безплатныя колоніи и безплатное питаніе для нуждающихся дѣтей, поступали в принципѣ правильно. Но . . как мы знаем, они провозглашали много хорошаго, дѣла же их были діаметрально противоположными. Их безплатное обученіе вылилось в полное уничтоженіе школ, «ликвидація безграмотности» — в «ликвидацію грамотности», воспитаніе — в подготовку преступников, обученіе — в натаскиваніе митинговых фраз без знанія таблицы умноженія, колоніи — в разсадник тѣлесно и душевно исковерканных дѣтей, питаніе — в мор и т. д. Необходимо не мнимое, а настоящее выполненіе этих требованій. Техническую сторону дѣла я здѣсь оставляю в сторонѣ, но замѣчу, что, какова бы ни была организація такого «минимума», он весь должен быть проникнут тѣми же принципами: индивидуализаціи, всемѣрнаго стимулированія личнаго почина, интереса, самодѣятельности и торможенія антисоціальных склонностей. При наличіи этих двух условій принцип: «каждому по его способностям» может быть в извѣстной мѣрѣ реализован. А его реализація означает реализацію здороваго общества, наиболѣе способнаго развиваться и быстро итти по пути прогресса при соблюденіи порядка без революціонных и иных судорог и конвульсій.

Итак: *1) сохраненіе и усиленіе уцѣлѣвшаго в Россіи положительнаго біологическаго фонда, 2) созданіе общественной среды, обезпечивающей максимальное развитіе способностей каждаго, стимулирующей развертываніе его индивидуальных склонностей и талантов и тормозящей его порочныя свойства, 3) размѣщеніе населенія в соціальной пирамидѣ по его способностям* — таковы три связанных друг с другом условія, необходимыя для прочнаго возрожденія Россіи. Когда на лицо этот «фундамент» — серьезное значеніе получают и всѣ «надстройки». Без перваго — эффекты вторых будет недолговѣчными и эфемерными. Из этих общих положеній вытекает цѣлый ряд конкретных выводов, части которых я кратко коснулся выше. «Врачи соціальных болѣзней» слишком вѣрят в спасительность внѣшних, чисто механических мѣр врачеванія в видѣ замѣны одних декретов другими, одних общественных институтов иными, одного «политическаго фасада» другим. И они же слишком мало обращают вниманія на личность, на населеніе, на улучшеніе біологических и культурно-соціальных свойств послѣдняго. Нѣт сомнѣнія, что и первые имѣют значеніе, но преимущественно там, гдѣ дѣло идет о разрушеніи препятствій, мѣшающих развитію (напр. коммунистической власти в Россіи). В дѣлѣ же творчества и созиданія новых форм общества — роль механических мѣр очень скромна и рѣдко дает прочные результаты. Для хорошей игры великой и волнующей драмы, носящей названіе «Исторія Россіи», прежде всего нужны «Божьею милостью» наслѣдственные актеры. На их подбор, тренировку, на правильное распредѣленіе ролей, сообразно их талантам, — вот на что должно быть обращено главное вниманіе. Обстановка же, в которой они будет играть, хотя и имѣет значеніе, но не такое, чтобы из-за нея забывать о первой задачѣ, что, к сожалѣнію, часто у нас происходит. Без хороших актеров — декораціи и «фасады» не спасут. . . . Выправить эту однобокость — такова была задача написанных строк.

Проф. Питирим Сорокин.

Деревня в соціальной революціи.

Пройдет еще долгое время, покуда трагическій опыт трех коммунистических революцій — в Россіи, Венгріи и Баваріи — будет обобщен соціалистической мыслью и на основаніи конкретнаго соціально-политическаго матеріала будут выведены нѣкоторыя законоподобныя положенія, которыя придадут теоріи общественнаго развитія совершенно новый вид. Уже сейчас мы видим, как наиболѣе вѣрные послѣдователи и толкователи старых соціальных доктрин под вліяніем большевистскаго опыта то начисто отбрасывают иныя положенія, то вносят в них такія серьезныя поправки, что в значительной мѣрѣ рушится весь стиль постройки, возведенной десятилѣтіями упорной идеологической борьбы.

Несомнѣнно, эта работа критики и провѣрки, пока мозаичная и случайная, должна будет закончиться принципіально новым общественно-научным построеніем, в котором новое поколѣніе общественных дѣятелей и теоретиков с трудом будет замѣчать живую связь с прошлыми концепціями, а старое поколѣніе, пережившее идеологическія тревоги и сомнѣнія эпохи кризиса, на этой связи особенно будут настаивать. Как бы то ни было сейчас еще рано подводить окончательные итоги и нужно только, внимательно слѣдя за достиженіями и поисками соціалистической мысли, зафиксировать нѣкоторые дробные итоги пережитаго. Я пытался сдѣлать это по отношенію к проблемам демократіи, диктатуры и соціалистическаго строя.*)

Теперь на страницах «Крестьянской Россіи» мнѣ представляется своевременным коснуться другой стороны пережитаго опыта, а именно: взаимоотношенія между тѣм, что называлось и дѣлалось, как соціальная революція и деревней. Этот вопрос, эта тема полна глубокаго, волнующаго интереса.

Не прибѣгая здѣсь вновь к анализу понятія «соціальная революція», нужно сказать, что в трактовкѣ ее деревня всегда фигурировала, как темное пятно, которое прояснить и вывести никогда не удавалось. В концепціи соціальной революціи мужик фигурировал, или как соціальная конфетка, или как соціальный яд. Об'ективности и в том и в другом случаѣ было мало. Но несомнѣнно, что опасавшіеся оказались болѣе правы, чѣм умилявшіеся. Несомнѣнно, что мужик подвел соціальную революцію во всѣх тѣх странах, гдѣ был произведен ея опыт. Запнувшись на мужикѣ, соціальная революція всюду погибла, похоронив под собою и значительную долю соціальнаго благосостоянія этого мужика. Ни интервенціи, ни бѣлые генералы, ни десятки других причин, выдвигающихся для об'ясненія провала произведенных опытов, не имѣли и сотой доли того вліянія на провал этих опытов, как мирное, без всяких возстаній, сопротивленіе мужика. Он оказался ахиллесовой пятой

*) См. «О диктатурѣ» «Современныя Записки» № 10, «Демократизація соціализма» — там же № 12, «Демократія и соціализм» в сборникѣ «Современныя проблемы». Париж 1922.

соціальной революціи и, забѣгая вперед, скажем, что эту роль мужик сыграет всюду, гдѣ будет дѣлаться соціальная революція в том видѣ, как это до сих пор представляло себѣ большинство соціалистов. Одно из двух: или должен исчезнуть с лица земли мужик, или должна раз навсегда исчезнуть **такая** соціальная революція. Нѣт никакого сомнѣнія, в чем будет заключаться выбор исторіи. Мечты и иллюзіи гибнут — факты остаются.

* * *

Как же дѣйствовали эти факты? Мы обратимся сначала за отвѣтом на этот вопрос к работѣ венгерскаго коммуниста, профессора будапештскаго университета Е. Варга, состоявшаго при венгерской совѣтской республикѣ народным комиссаром и президентом венгерскаго В.С.Н.Х. Признаться не только в пробольшевистской, но и в антибольшевистской литературѣ, мы не встрѣчали равной по глубинѣ, ясности и безпощадности критики соціальной революціи стиля модерн, чѣм эта работа коммуниста, еще и нынѣ состоящаго лейб-экономистом III интернаціонала.*) К чему же сводятся наблюденія этого человѣка, продѣлавшаго горячо и искренне весь опыт венгерскаго коммунизма?

Основная и совершенно правильная мысль Варга сводится к тому, что пролетаріат и вообще соціально-экономически угнетенныя массы города бросаются беззавѣтно в пекло соціальной революціи потому, что онѣ ждут от нея немедленнаго улучшенія своего крайне тяжкаго матеріальнаго положенія. Но **эта цѣль недостижима**. Ибо поперек ея становится деревня. А с ней силы этой соціальной революціи совершенно не в состояніи справиться. Наоборот, всякое усиліе соціальной революціи, поставить себѣ на службу деревню, приводит к прямо противоположным результатам, нанося силам этой революціи, **такой** скажем мы, революціи, роковые, все болѣе тяжелые удары.

В этом отношеніи опыт венгерской революціи гораздо болѣе показателен, чѣм опыт русской. В Россіи совѣтская республика явилась в результатѣ насильственнаго переворота, открывшаго эру кровавой гражданской войны. В Венгріи, как это подчеркивает и Варга, совѣтская республика явилась мирным подарком, врученным сознательно, без борьбы, правительством Карольи в руки совѣта раб. депутатов. В Россіи сейчас же началась жестокая война с деревней, ни на минуту не прекращавшаяся. В Россіи шла кровопролитная схватка коммунистическаго города с деревней. В Венгріи ничего этого не было. Было с нашей точки зрѣнія, на русскій масштаб, нѣчто совершенно идиллическое. Венгерскіе коммунисты оказались настолько благоразумными и осмотрительными, что не внесли в деревню никакой ломки и, формально націонализировав помѣщичьи владѣнія, они оставили на них прежних владѣльцев, ведя только бумажный учет и воздерживаясь от всяких реквизицій. Мужика же они почти совершенно не трогали. Здѣсь не было бунтов, не было войны и не было насилій, которыя могли бы дезорганизовать процесс сельско-хозяйственнаго труда и превратить деревню в активнаго, яростнаго врага коммунистическаго города, как это было в Россіи. И тѣм не менѣе...

Тѣм не менѣе деревня и здѣсь, хотя и не в дыму возстаній и испареніях крови, погубила соціальную революцію. И губил ее не только крестьянскій собственник, но и сельско-хозяйственный пролетарій. Каким образом?

---

*) См. Dr. Eugen Varga: „Die wirtschaftspolitischen Probleme der proletarischen Diktatur". Wien 1921.

Это может показаться парадоксом, но это факт огромнаго практическаго и теоретическаго значенія. Сельско-хозяйственный рабочій губил дѣло соціальной революціи просто тѣм, что он вздумал использовать ее для того, чтобы нѣсколько улучшить свое матеріальное положеніе. Выпрямивши чуть свою придавленную к землѣ голову, он этим законным и понятным движеніем опрокидывал зданіе соціалистической республики. Предоставим здѣсь слово самому автору. Касаясь условій мирнаго времени, Варга говорит:

«Снабженіе городов и вывоз продовольствія были возможны только потому, что потребленіе батраков, милліонов необученных рабочих стояло на чрезвычайно низком уровнѣ. Что мог потреблять венгерскій с.-х. рабочій, годовой заработок котораго по офиціальным данным 1913 г. едва составлял 400 крон? Но и у мелких крестьянских собственников питаніе было достаточно скудным: хлѣба, правда, ему хватало, но мясо он ѣл обыкновенно только лишь по воскресеньям. Вывоз продовольствія и достаточное снабженіе городов было возможно только благодаря очень низкому уровню питанія трудового с.-х. населенія. Это относится как к Венгріи, так и к Россіи и Румыніи».*)

Война подняла этот низкій жизненный уровень крестьянскаго населенія вслѣдствіе того, что при разстройствѣ промышленности крестьянин не мог получать необходимых ему товаров, и продовольствіе, которое он обыкновенно продавал в цѣлях пріобрѣтенія продуктов промышленности, он стал теперь самолично потреблять. Варга приводит слѣдующее характерное заявленіе одного венгерскаго крестьянина: «раньше я выносил на базар уток, а сам питался картофелем; теперь я продаю картофель, а жареную утку с'ѣдаю сам». Деньги потеряли для крестьянства свое значеніе не только вслѣдствіе паденія их цѣнности, но и вслѣдствіе того, что на эти деньги мало что можно было пріобрѣсти из предметов, необходимых в крестьянском хозяйствѣ. «Благодаря установленію диктатуры, пишет Варга, заработная плата батраков и испольщиков стала очень быстро подниматься. И этот под'ем был реальный, так как заработок выростал не в наличных деньгах с падающей покупательной силой, а в дѣйствительных благах. Натуральная плата в видѣ хлѣба, сала, молока удвоилась, жнецы, которые до войны работали за десятую часть сбора, получали во время диктатуры пролетаріата восьмую и даже седьмую часть. Классами, извлекшими выгоду из революціи Карольи и диктатуры пролетаріата, были с.-х. рабочіе и деревенская бѣднота, жизненный уровень которых и прежде всего их питаніе, испытали такое улучшеніе, которое прежде себѣ трудно было представить. Часть с.-х. рабочих дѣйствительно вполнѣ оцѣнила диктатуру: деревенскія части красной арміи стойко держались до конца»**)

Но вот это то и поразительно: поддерживая диктатуру на путях военных, они ее губили на путях экономических именно тѣм, что стали потреблять больше «сала, мяса, хлѣба и молока» и тѣм самым обрекли на голод пролетаріат и на провал всю коммунистическую городскую постройку.

«Это серьезное повышеніе жизненнаго уровня с.-х. рабочих, которое несомнѣнно должно наступить при в с я к о й пролетарской диктатурѣ — замѣчает Варга — означает по существу уничтоженіе земельной ренты с соціализированных крупных помѣстій.

---

*) С.с. 35 — 36 2-го изданія.

**) Стр. 37.

С точки же зрѣнія снабженія это означает, что добываемые на этих помѣстьях продукты питанія в гораздо меньшей долѣ могут идти на прокормленіе городского пролетаріата, чѣм в то время, когда с.-х. пролетаріат терпѣл острую нужду. И это потому, что прежній помѣщик, естественно, не сам с'ѣдал свою ренту, а отдавал ее городу в видѣ предметов продовольствія, которые он обмѣнивал на продукты промышленности и предметы роскоши».*)

Таким бразом, диктатура пролетаріата, несмотря на экспропріацію нетрудового дохода господствующих классов, не может принести пролетаріату чувствительнаго повышенія его уровня, ибо для этого не хватает необходимаго избытка жизненных припасов.

Как мы видѣли выше, Варга не считает это явленіе особенностью только Венгріи. Всякая диктатура пролетаріата увеличит потребленіе сельскаго населенія и тѣм самым приведет к уничтоженію возможности для активных сил соціальной революціи существенно улучшить свой жизненный уровень. Варга находит, что даже в Англіи, «гдѣ в сельском хозяйствѣ примѣняется чисто денежная форма заработной платы, даже там весьма вѣроятно, что живущій и работающій у самаго источника сельско-хозяйственный пролетаріат обезпечит за собою соотвѣтственно своему повысившемуся доходу избыток жизненных припасов, так что для городского пролетаріата останется их меньше»**). Иными словами соціальная революція есть средство для достиженія цѣли, прямо противоположной той, какая побуждает массы соціальную революцію начать.

Мы попадаем в какой то заколдованный круг. Массы поднимаются и массы возстают во имя немедленнаго улучшенія своего невыносимаго матеріальнаго положенія. Это происходит обыкновенно в городѣ, гдѣ всегда кромѣ пролетаріата имѣется много соціально взрывчатых элементов. Но улучшеніе матеріальнаго положенія масс, удовлетвореніе их острой нужды в повышенном уровнѣ элементарных благ и прежде всего пищи, зависит от деревни. Деревня же, благодаря перевороту повышающая, хотя бы минимально, свой тоже очень низкій жизненный уровень, тѣм самым лишается возможности доставлять городу даже и тот минимум продуктов, при котором и раньше пролетаріат и бѣднѣйшіе слои городского населенія обречены были на самое жалкое существованіе.

Пролетарская революція об'ективно идет прежде всего на пользу крестьянскому населенію. Пролетарской революціи смертельно опасно улучшеніе жизненнаго уровня крестьянскаго населенія, на том же уровнѣ сельско-хозяйственной производительности. Но перипетіи соціальной революціи, даже при таком ея мирном теченіи, какое мы имѣли в Венгріи, сами по себѣ не повышают, а понижают уровень производительности сельскаго хозяйства. Как бы дальше ни развивалась с.-х. техника, первоначальный період раздробленія владѣній связан неизбѣжно с пониженіем продукціи. Неизбѣжен и переход части земель с.-х. значенія, работавших на рынок, на чисто продовольственныя хозяйства. Неизбѣжны перебои и задержки в природной ритмикѣ процесса с.-х. производства. Весьма вѣроятно отвлеченіе работников на фронты внѣшней или гражданской войны. Неизбѣжно сокращеніе числа рабочих часов с.-х. рабочих, что в деревнѣ при прочих равных условіях обязательно связано с пониженіем продукціи. Иными словами, соціальная революція обязательно должна повести к тому, что деревня волей неволей подвергнет силовые центры этой революціи, города, голодной блокадѣ.

---

*) Там же.
**) Стр. 38.

Здѣсь мы вплотную подходим к проблемѣ, трагическій смысл который стал выясняться только в послѣдніе годы, хотя эта проблема лежала всегда в основѣ взаимоотношеній между городом и деревней. Выпуклую характеристику этой проблемы мы находим в интересной работѣ проф. П. Маслова: «Міровая соціальная проблема» (Чита 1921 г.).

«На первый взгляд кажется, говорит П. Маслов, что производительныя силы современнаго мірового хозяйства необычайно велики. Капиталистическій мір утопает в избыткѣ товаров; ведутся войны для пріобрѣтенія рынков, для сбыта этих товаров. Повидимому, потребленіе широких народных масс может в огромной степени возрасти немедленно, как только будет организовано болѣе справедливое распредѣленіе, так как при огромных непроизводительных расходах был и избыток товаров. Однако, если мы займемся провѣркой этих, повидимому, незыблемых положеній, то найдем, что состояніе производительных сил не так блестяще, как представляется с перваго взгляда.

Населеніе стран, вовлеченных в міровое хозяйство, в международный обмѣн, нужно считать не менѣе 1½ милліардов душ. Подавляющее число этого населенія эксплоатируется путем обмѣна капиталистических стран со странами отсталыми. Это выражается в том, что за предметы обрабатывающей промышленности, требующіе относительно меньшей затраты труда, благодаря высшей техникѣ, благодаря накопленному, в видѣ орудій производства, капиталу, получаются главным образом от сельскаго населенія продукты, требующіе значительно большей затраты труда.

Поэтому, несмотря на незначительную продукцію каждаго в отдѣльности работника отсталых земледѣльческих стран и на их бѣдность, передовыя капиталистическія страны получают огромное количество труда в видѣ предметов обрабатывающей промышленности. Кофе, рис, чай, хлѣб, кожи, мясо, хлопок, каучук, масло и т. д., и т. д., производимые милліардным населеніем земного шара, перерабатываются и потребляются сравнительно небольшим промышленным населеніем капиталистических стран. Если бы в большинствѣ своем нищенское населеніе отсталых стран имѣло возможность потребить по одному лишнему пуду тѣх продуктов, которые оно отчуждает, то сразу промышленное населеніе капиталистических стран встало бы перед опасностью голодной смерти. Почти все, что вывозится из Африки, из Азіи, восточной и горной Европы, потреблялось бы на мѣстѣ и тогда ³/₄ населенія Англіи, половина населенія Германіи, Бельгіи и других капиталистических стран, и капиталисты, и рабочіе оказались бы без хлѣба и без сырья. Это отчасти и случилось во время войны: благодаря призыву огромнаго количества крестьян и рабочих на войну в Россіи, потребленіе этих крестьян и рабочих, сдѣлавшихся солдатами, значительно повысилось, потому что раньше они не доѣдали. В результатѣ, несмотря на то, что в первые годы войны посѣвы и корм для скота не сократились, всѣ «избытки», которые раньше вывозились заграницу, были потреблены внутри Россіи. «Избытки» сельско-хозяйственных продуктов при приближеніи населенія к нормальному потребленію не оказались избытками.

Допустим, что населеніе Россіи, Персіи, Китая, Турціи, Балканских государств и т. д. будет имѣть возможность потреблять продуктов нѣсколько больше. Тогда окажется, что во всѣх плотнѣе населенных землях никаких «избытков» сырья нѣт, а имѣются они только в самых рѣдко населенных колоніях, как Канада, Сибирь, Аргентина и Австралія.

Для массы промышленнаго населенія капиталистических стран будет недостаточно ни сырья, ни продовольствія. Кажущійся избыток товаров обусловливается недостаточным потребленіем милліарднаго населенія экономически отсталых стран.

Накопляющіеся таким образом товары в нѣкоторой части потребляются непроизводительно небольшой группой имущих классов и, таким образом, не только создают иллюзію необычайной производительности современнаго общества, но и рѣзко бросающуюся в глаза соціальную несправедливость недоѣданія и нищенскаго существованія милліарднаго населенія и безудержной роскоши отдѣльных лиц.

При изложенных условіях постановка соціальной проблемы, т. е. коренного улучшенія положенія широких масс гораздо сложнѣе, чѣм представляется на первый взгляд. Вѣдь только увеличеніе потребленія 1½ милліардным населеніем всяких продуктов на один пуд на душу сократит их предложеніе на рынкѣ на 1½ милліарда пудов, т. е. оставит без продуктов и без сырья все промышленное населеніе капиталистических стран, не только предпринимателей, но и рабочих, ибо не только предприниматели потребляют эти 1½ милліарда пудов, но и рабочіе. Замѣна кожаной обувью лаптей в Россіи, деревянной обуви в Западной Европѣ и Китаѣ, соломенной обуви в Японіи и т. д. в нѣсколько раз превысило бы потребленіе кожи в настоящее время. То же самое нужно сказать о всѣх других предметах потребленія. Из всѣх этих иллюстрацій можно сдѣлать заключеніе, что міровыя производительныя силы пока не очень велики, что без предварительнаго рѣшенія проблемы продукціи, без подчиненія ей распредѣленія сколько нибудь значительное и длительное улучшеніе положенія широких народных масс невозможно, что для рѣшенія этой проблемы нужно колоссальное и постоянное развитіе и перераспредѣленіе производительных сил современнаго міровового хозяйства»*).

Что означают всѣ эти безспорныя положенія? Прежде всего то, что всякій болѣе или менѣе внезапный под'ем жизненнаго уровня масс был и будет катастрофой для всякой націи и всяк. государства, если этот под'ем произойдет на прежнем уровнѣ развитія производительных сил в с.-х. промышленности. Слѣдовательно, всякія концепціи, связанныя с надеждами на такое улучшеніе, являются или обманом или самообманом. Второй, не менѣе важный вывод. Ближайшими претендентами на блага соціальнаго переворота, которые свои претензіи легче всего удовлетворят, явится не пролетаріат и не классы, дѣлающіе революцію, а, близкіе к источникам производства основных элементов пищи, с.-х. группы населенія.

В чем выразится их выигрыш и каков его об'ективный смысл? Нетрудно видѣть, что выигрыш реализируется в примитивной формѣ относительно избыточнаго потребленія, а об'ективные результаты этого видимаго довольства сведутся к полной деградаціи с.-х. производства. Ибо проклятье современнаго положенія заключается не в том, что масса с.-х. населенія мало потребляет, а в том, что это недопотребленіе условіе sine qua non развитія его хозяйства. В тот момент, когда мужик при данном уровнѣ земледѣлія начнет лучше питаться, т. е. уменьшать долю продуктов, выбрасываемых им на рынок, — в тот момент он, вообще говоря, подпишет смертный приговор своему хозяйству. Он не может с точки зрѣнія правильнаго веденія хозяйства с'ѣдать свой хлѣб, мясо, овощи, выпивать молоко, он, иначе говоря, не

*) П. Маслов, с.с. 252—255.

должен превращать свое мѣновое хозяйство в потребительское. Не потому, что безнравственно обрекать на голод город и родственный класс трудящихся. А потому, что потребляя все в своем хозяйствѣ, урывая долю продуктов от рынка, мужик выключает свое хозяйство из процесса техническаго прогресса, лишает его орудій промышленности и обрекает его на постепенное увяданіе. Недопотребленіе с этой точки зрѣнія является жестоким закопом экономическаго и соціальнаго самосохраненія крестьянских масс, не могущих сразу и рѣшительно поднять продукцію своего хозяйства. Только на повышенном уровнѣ производительности возможно, и то только долевое, отчужденіе новаго излишка па нужды собственнаго потребленія.

Многим очень нравились разсуждения о том, что русскій мужик разбогатѣл и живет нынѣ в довольствѣ и добрѣ. Но эти сужденія были не болѣе как потребительской завистью изголодавшагося горожанина, которому только и видно было, что мужик, без всякаго стыда, ѣст хлѣб, масло и мясо. Конечно, голодному горожанину и думать некогда было о том, что мужик пожирает самого себя и, буквально спуская с горожанина штаны, мужик этими штанами ни пахать, ни сѣять, ни жать не может. Избыточное потребленіе (относительное) было, конечно, результатом разстройства, внесеннаго во всю хозяйственную жизнь страны соціальной революціей, но не подлежит никакому сомнѣнію, что в свою очередь это относительно избыточное потребленіе дальше самостоятельно уже продолжало подтачивать корни крстьянскаго хозяйства. В итогѣ тот самый мужик, который прежде спускал с горожанина штаны, теперь на той же городской площади, гдѣ он производил эту операцію, умирает с голоду.

Мы видим, таким образом, что отмѣчаемое Варга преимущественное или даже исключительное извлеченіе крестьянством выгоды из соціальной революціи в дѣйствительности является чистѣйшей иллюзіей, иллюзіей городской зависти. Конечно, горько дѣятелю соціальной революціи, учиненной для немедленнаго улучшенія матеріальнаго положенія пролетаріата, убѣждаться в том, что это улучшеніе наступило не для пролетаріата, а для крестьянства и притом как раз за счет пролетаріата. Но тут то и вскрывается ложь всей системы мышленія.

Ложь заключается в господствѣ распредѣлительно-потребительской точки зрѣнія над точкой зрѣнія производства и накопленія. Всякое общественное движеніе, наиболѣе сильным и исходным стимулом котораго является перераспредѣленіе и потребленіе благ, — всякое такое движеніе в случаѣ его побѣды неизбѣжно приведет к голоду, нищетѣ и вырожденію. Но именно эти стимулы, только эти стимулы лежат в основѣ всякой массовой соціальной вспышки, одухотворенной идеей немедленнаго соціальнаго переворота. Немедленно можно только проѣсть и уничтожить наличный запас благ, всегда очень скудный при современном уровнѣ производительных сил. Но нельзя немедленно произвести и накопить столько благ, чтобы их хватило хотя бы только на минимальный под'ем жизненнаго уровня широких масс.

Здѣсь органическій порок концепціи соціальной революціи, как в о з с т а н і я. Возстать можно только во имя ближайшей непосредственно достижимой цѣли. Это закон массовой психологіи. Но никто никогда еще не возставал и не возстанет никогда во имя цѣлей, осуществленіе которых лежит в исторической дали, движеніе к которым по необходимости должно быть медленным и осторожным, взвѣшивающим каждый свой шаг, во многих случаях маневренно-обходным. Поэтому возстаніе с цѣлью повышенія продукціи и накопленія богатств, связанных с ограниченіем нормы личнаго потребленія

ниже непосредственно доступной — такое возстаніе является психологическим нонсенсом. Соловья соціальной революціи баснями не кормят. Но для масс, разгоряченных идеей соціально-экономическаго искупленія, голодных и измученных, всякая концепція длительнаго, требующаго жертв и отказов, требующаго интенсификаціи труда, накопленія капиталов и усиленія производительности — всякая такая концепція будет воспринята именно как басня, как журавль в небѣ. Соціальная революція мыслима только как стихія распредѣленія и потребленія. Но это стихія об'ективно реакціонная. Если это было неясно теоретически, то послѣ опыта, прошедшаго перед нашими глазами, это стало слишком ясным практически.

* * *

Здѣсь однако существует одна лазейка, в которую прячутся от этого неизбѣжнаго вывода честные сторонники метода соціальнаго переворота. К ним несомнѣнно относится Варга. В неудачах венгерскаго коммунизма он не винит ни «бѣлогвардейскую сволочь», ни саботажников, ни антанту, ни вообще излюбленных россійскими коммунистами козлов отпущенія. Наоборот, больше всего он подчеркивает стяжательско-эгоистическую психологію масс, которая и погубила венгерскую коммунистическую революцію. Если-бы не это, дѣло могло бы пойти хорошо, правильно. Поэтому Варга так настаивает на перерожденіи психологіи масс, на их соціалистическом воспитаніи, на проникновеніи их сознанія началами экономических наук. Нечего говорить: всему этому можно только горячо сочувствовать. Но Варга не хочет видѣть того, что если всѣ эти качества станут дѣйствительным достояніем масс, то тѣм самым онѣ потеряют вкус к соціальным революціям того стиля, какой мы видѣли в Венгріи и Россіи. На основѣ пониманія законов развитія хозяйства, на основѣ развитых чувств коллективности и сознанія отвѣтственности перед всѣм общественным цѣлым невозможны вспышки соціальнаго авантюризма и распредѣлительно-потребительских иллюзій.

Метод «углубленія революціи» стал типичным продуктом соціальной активности наиболѣе отсталых, неорганизованных, невѣжественных масс. Карл Каутскій придает этому явленію такое важное значеніе, что возводит его даже в ранг соціально-психологической закономѣрности. Он констатирует, что «в ходѣ пролетарской революціи внутри широких масс пролетаріата возникает противорѣчіе, которое может возрасти до открытой междуусобицы, внѣшним образом напоминающей борьбу различных фракцій в буржуазной революціи. Как там, так и здѣсь радикалы берут верх над умѣренными, и революція все больше таким образом углубляется». Каутскій свободен от иллюзіи относительно смысла этой борьбы внутри революціоннаго класса... «Борьба болѣе радикальных против болѣе умѣренных элементов — говорит он — является борьбой невѣжественных, неопытных, неорганизованных, короче говоря, наиболѣе отсталых слоев пролетаріата против организованных, вышколенных, против наиболѣе высоко развитых его слоев». Окончательный вывод Каутскаго таков: «всюду, гдѣ у власти оказываются «радикальные» элементы, о которых мы говорили выше и которые все болѣе «углубляют революцію», безпощадно разрушая «старое», чтобы расчистить путь новому, господство радикалов кончается не только тяжким похмельем в результатѣ крушенія иллюзій, лопнувших как мыльные пузыри, но и полным экономическим разореніем, как это мы с ужасом видим в Россіи. Вслѣдствіе этого в сознаніи пролетаріев, переживших ужасный метод «углубленія революціи», радикальные элементы революціи не явятся, подобно радикалам буржуазной революціи передовыми борцами за освобожденіе пролетаріата, о которых вспоминают с почетом,

но запечатлѣются как губители пролетарскаго дѣла, которых презирают от всей души».*)

Не подлежит никакому сомнѣнію, что всюду, гдѣ имѣются большіе кадры безземельной голи, гдѣ избыточное деревенское населеніе не находит размѣщенія в промышленности, гдѣ с.-х. пролетаріат находится в полурабских условіях существованія и жестоко эксплоатируется — там предпосылки для такого углубленія революціи имѣются в изобиліи. Примитивный радикализм потребительско-распредѣлительнаго бунта может в таких условіях аграрнаго строя найти себѣ достаточно богатую пищу. Здѣсь благодарный матеріал «соціальной революціи». Дезорганизованный аграрный строй, или организованный на базѣ кабальной зависимости деревенской голи охотно войдет в пекло соціальных страстей и соціальнаго надрыва, которые так характерны для народов, запутавшихся в сѣтях соціально-политических противорѣчій. Рабоче-крестьянская власть легко может здѣсь стать дѣйствительностью, чтобы привести в итогѣ только к тѣм результатам, какіе мы наблюдаем в Россіи. Власть эта в той мѣрѣ будет и крестьянской, в какой и крестьянство, подорванное в своих соціально-экономических устоях, способно выдѣлять неорганизованныя толпы, которым нечего терять, а главное, которым вслѣдствіе низкаго уровня их развитія **нечего и искать,** кромѣ быстрых эфектов немедленнаго распредѣленія и непосредственнаго личнаго потребленія наличнаго запаса матеріальных благ.

На этой базѣ и вырастает специфическое явленіе соціально-революціоннаго милитаризма. Ибо в этих условіях война является наиболѣе выгодной формой добыванія пищи и потребительских благ вообще. Режим соціальной революціи не способен производить. Он способен только отнять у одних и дать другим. Тѣ, которые отнимают, тѣ получают львиную часть, если даже не все. Лучше и успѣшнѣе всего отнимает солдат, профессія котораго насиліе. Поэтому, возгорѣвшаяся стихія распредѣлительно-потребительскаго коммунизма наиболѣе свое адекватное выраженіе находит в красной арміи. Она геройская. Солдаты красной арміи дерутся, как львы. Еще бы! Вѣдь здѣсь война не болѣе, как продовольственно-карательная экспедиція. Вѣдь все воодушевленіе бойцов—это воодушевленіе грабежа еще не ограбленных областей, гдѣ буржуазія и «кулаки» еще не изъвѣдали соціальной революціи и именно поэтому владѣют множеством пищи и других благ, автоматически исчезающих там, гдѣ коммунизм. Здѣсь гражданская война мало чѣм отличается по своему соціальному содержанію от войны внѣшней. И в том и другом случаѣ война есть средство добыванія пищи, продовольственная экспедиція, направленная против классов и цѣлых территорій, гдѣ не все еще проѣдено, изношено или уничтожено.

В Россіи большевистскія войны носили ясно выраженный характер похода голоднаго сѣвера и центра на обильныя, богатыя и плодородныя окраины. В этой войнѣ принимал активное участіе и мужик. Но не нужно ошибаться на счет смысла этого участія деревни в красной арміи. Это шла разоренная деревня сѣвера и центра Россіи против богатой деревни южных и юговосточных окраин. Это голодный мужик шел грабить сытаго. Это была кромѣ того своего рода милитарная эмиграція из областей, опустошенных соціальной революціей, в области, которыя опустошить лишь предстояло**). Деревня,

*) См. К. Каутскій «Пролетарская революція и ея программа». Кн-во «Волга». Берлин 1922 г.

**) См. мою книгу «Пять лѣт большевизма», главу «Большевизм и крестьянство», стр. 99-109. Изданіе журнала «Заря», Берлин, 1922 г.

огнем и мечем встрѣчавшая большевиков, когда они приходили ее грабить, часто отправлялась вмѣстѣ с ними грабить другую деревню. Отвергая коммунизм самым рѣшительным образом, нѣкоторые элементы русской деревни шли с большевиками по путям хищническаго раздѣла и хищническаго потребленія. Если нам суждено быть свидѣтелями повторенія большевистскаго опыта еще в какой нибудь странѣ, то, несомнѣнно, мы натолкнемся на такое же соотношеніе между крестьянством и командующими силами этого опыта. Недаром и Варга с чувством удовлетворенія указывает на активное участіе венгерских с.-х. рабочих в венгерской красной арміи. Сражаясь за совѣтскую власть на полѣ брани, эти элементы, по свидѣтельству того же автора, в мирной обстановкѣ деревни наносили этой власти смертельные удары.

Соціальная революція, как мы видѣли выше, есть средство доведенія противорѣчій между городом и деревней до крайне опасных предѣлов. Мы можем пойти дальше и сказать: соціальная революція есть одна из самых опасных форм войны между городом и деревней. Первоначально кажется, что в этой войнѣ побѣждает деревня. Не пролетаріат, а крестьянство первым и больше всѣх других классов извлекает выгоды из этой революціи. Но в дѣйствительности в этой войнѣ между городом и деревней нѣт побѣдителей. Есть только побѣжденные. Сначала падает сраженным пролетаріат, затѣм наступает очередь крестьянства.

В обратном порядкѣ идет процесс возрожденія. Сначала поднимается крестьянство. Затѣм лишь пролетаріат. Соотношеніе классов в итогѣ соціальной бури во всяком случаѣ мѣняется в пользу крестьянства. Это не значит, что его положеніе улучшается абсолютно по сравненію с прошлым. Нѣт, улучшеніе происходит только относительно других классов. Болѣе примитивный организм, деревня, легче поднимается на ноги. Наоборот, город, как организм болѣе сложный и тонкій, долго не может изжить слѣдов трепавшей его болѣзни. Соціальная сила города относительно падает, соціальная сила деревни относительно возрастает. В этом не было бы никакой бѣды и может быть это было бы положительным завоеваніем, если бы все это происходило на фонѣ серьезнаго и абсолютнаго роста производительных сил деревни. В этом случаѣ, подняв свой жизненный уровень, она могла бы еще отчуждать значительную массу своей продукціи на внутренній и внѣшній рынки и тѣм оживлять экономическую жизнь и процесс роста капиталов во всей странѣ.

Но вот тут то и возникает серьезная проблема. Во всем мірѣ деревня стала пред'являть значительно болѣе высокій спрос на продукты своего собственнаго труда. Это происходит по двум причинам. Первая из них, или вѣрнѣе, первый цикл причин заключается в дезорганизаціи промышленности и мірового рынка. Разстроенный міровой рынок потерял значительную часть своей способности размѣщать с.-х. продукцію, как он это дѣлал до міровой войны. С другой стороны дезорганизованная промышленность не в состояніи теперь столь интенсивно вытягивать в порядкѣ обмѣна с.-х. продукты, как это было до войны. Наконец, чтобы ограничиться только главными явленіями этого цикла, понизился и самый уровень с.-хоз. продукціи. Все это факторы отрицательнаго свойства, приведшіе к тому, что деревня стала потреблять значительно большую долю своего, и без того пониженнаго, производства.

Но в этом же направленіи дѣйствовал и дѣйствует ряд положительных факторов. Самый главный из них это — аграрная реформа, осуществленная в

цѣлом рядѣ стран. Происшедшее в той или иной формѣ надѣленіе землей освободило деревню от необходимости во что бы то ни стало отчуждать значительную часть своих продуктов для уплаты ренты землевладѣльцам. Исчез крупный помѣщик, который прямо или косвенно мобилизовывал большія количества продуктов для рынка. Мобилизація эта помимо этого затруднилась и технически, так как аппарат хлѣбной и вообще с.-х. торговли был приспособлен к другому соціальному строенію деревни и не мог так быстро приспособиться к новым соціальным условіям. Наконец, нельзя не указать на момент культурно психологическаго порядка. Деревня, во всяком случаѣ ея наиболѣе активные элементы, почти цѣликом побывала на войнѣ. Здѣсь, несомнѣнно, повысились ея потребности. Здѣсь она привыкла к опредѣленному пайку, который в общем и цѣлом был выше мирнаго деревенскаго. Крестьянин солдат живал подолгу в городском тылу, привык имѣть порядочную одежду, усвоил психологически принцип жизненнаго минимума, уклоненіе от котораго стало его возмущать. Так война подняла значительно его потребности наряду вообще с болѣе высокой самооцѣнкой своей личности (хотя бы в аспектѣ примитивнаго націонализма).

Всѣ эти положительныя явленія давали и дают однако тот же самый результат, что и характеризованный нами выше цикл отрицательных явленій. А именно: усиленіе тенденціи к относительному сокращенію доли продукта, отчуждаемаго на внѣшній для деревни рынок и к увеличенію доли, потребляемой самим крестьянским населеніем.

Трудно себѣ представить, чтобы при данном уровнѣ с.-х. продукціи развитіе могло пойти в обратном направленіи. Могут исчезнуть отрицательныя причины сокращенія долевого отчужденія своих продуктов деревней, но не положительныя, перечисленныя выше. Нѣт основанія ожидать реставраціи помѣщичьяго землевладѣнія, равно как нѣт основанія думать, что понизится повышенный уровень потребностей крестьянства. Наоборот с культурным ростом крестьянства будут расти и его запросы личнаго потребленія.

Таким образом разрѣшеніе міровой соціальной проблемы как бы наталкивается на трагическое противорѣчіе. Рѣшеніе это как будто требует придавленнаго мужика, который цѣной урѣзки своих собственных потребностей должен, подстегиваемый нуждой, тащить возможно больше на городской рынок. Соціальная революція нуждается, слѣдовательно, в закабаленном мужикѣ. Ей нужна деревенская бѣднота, «незаможный селянин» не только как пушечное мясо, как подсобное механическое орудіе своей переворотной практики, но и как экономическій базис для поддержанія существованія первых скрипачей этой революціи, которые сразу начинают неимовѣрно голодать, как только мужик чуть чуть маленько под'ѣст.

Этот вывод, несомнѣнно, весьма парадоксален, но из парадоксальных предпосылок возможны только парадоксальные выводы. Эта парадоксальная предпосылка заключена в самом понятіи соціальной революціи. Соціализм, вводимый методами диктатуры, насильственной замѣны единым взмахом одних соціально-экономических отношеній другими,—такой соціализм нуждается в голодном и закабаленном мужикѣ. Мужик сытый и свободный для него гибель. Недаром прошедшія перед нашими глазами соціальныя революціи сознательно гнали мужика под уклон к пауперизаціи, пролетаризаціи тож.

Ясно, что увеличеніе долевого отчисленія деревни в пользу города может произойти только на основѣ рѣшительнаго под'ема земледѣлія, рѣшительнаго увеличенія его продукціи. Земледѣліе должно быть поднято на такую высоту, при которой деревня будет имѣть не относительный избыток своих продуктов,

абсолютный, т. е. такой, который остается за покрытіем личных потребностей, соотвѣтствующих минимуму существованія на данном уровнѣ культуры. Міровой кризис только теперь наглядно показал, до чего в сущности слабо еще развиты производительныя силы в сельском хозяйствѣ и до чего непрочным было равновѣсіе между спросом и предложеніем с.-х. продуктов. Достаточно было арміям начать кормить своих солдат нѣсколько лучше, чѣм эти люди питались в мирном состояніи, как по всему міру пронесся голодный стон десятков и сотен милліонов людей. На такой скудной основѣ возможна, и то не надолго, диктатура пролетаріата, но не возможен соціализм, как строй общественнаго хозяйства в обстановкѣ высших форм права, культуры и морали. Военныя и революціонныя катастрофы послѣдних лѣт поставили эту проблему увеличенія сельско-хозяйственной продукціи с такой остротой, которая совершенно не воспринималась сознаніем в тѣ темно благочестивые дни, когда народы молчаливо надрывались над поддержаніем порядка, основаннаго на безумном расточительствѣ труда и богатств.

* * *

Теперь эти дни беззаботнаго легкомыслія, эта вѣра, что все «само собою» устроится безвозвратно миновали. И еще одно миновало: увѣренность, что центр проблемы соціализма лежит исключительно в области промышленности. Теперь лишь во всей грозной величинѣ встает проблема сельскаго хозяйства. И здѣсь то открывается обильный источник студенной воды, столь необходимой для охлажденя горячих голов, каких еще не мало даже среди патентованных реалистов. Деревня оказалась крѣпким орѣхом, на котором обязательно сломают себѣ зубы всѣ визіонеры и утописты соціальной революціи. Если могут быть еще какія нибудь иллюзіи о немедленном соціализмѣ в промышленности, то в области сельскаго хозяйства событія послѣдних лѣт показали, как жестоко мстят законы сельскаго хозяйства всѣм, кто подходит к ним с методами переворота. Без рѣшительнаго увеличенія с.-х. продукціи невозможен соціализм. Но увеличеніе с.-х. продукціи недостижимо на путях насильственных методов. Деревней овладѣть революціонным наскоком еще болѣе трудно, чѣм городом. Если это неясно многим относительно города, то это должно стать ясным относительно деревни: здѣсь путь к соціализму — это путь соціальной эволюціи, а не путь соціальной революціи. Но нѣт пути к соціализму, который шел бы мимо деревни. Наоборот этот путь проходит через самое ея сердце и тот, кто минует деревню, придет к чему угодно, к любой формѣ общественной организаціи или дезорганизаціи, но только не к соціализму.

При каких же условіях деревня, безжалостно срывающая соціальную революцію, может оказаться фактором, содѣйствующим соціалистической эволюціи?

Здѣсь мы входим в область, давно уже служащую предметом страстных споров различных соціалистических теченій. Мы отнюдь не намѣрены разрѣшить этот спор. Да и навряд ли он когда нибудь будет окончательно разрѣшен. Важно здѣсь только выявить основныя черты проблемы, чтобы получить самое общее представленіе о ея значеніи.

Если бы соціалистическое преобразованіе народнаго хозяйства возможно было только на основѣ предварительной соціализаціи с.-х. производства, то соціализм из практической проблемы превратился бы в благочестивую соціальную мечту. В такую же мечту он превратился бы и в том случаѣ, если бы его существованіе возможно было только при условіи уничтоженія мелкой

крестьянской собственности и концентрацiи ея в немногих руках, из которых ее легко вырвать актом соцiалистической власти.

Не вдаваясь в спор—произойдет ли такая концентрація собственности в деревнѣ или не произойдет, можно однако с полной увѣренностью сказать, что соцiалистическое преобразованiе народнаго хозяйства произойдет в такой соцiальной обстановкѣ, когда подобранной к немногим рукам и потому легко экспропрiируемой земли в наличности не будет. Общественной власти и общественному хозяйству придется в большинствѣ случаев имѣть дѣло с миллiонами мелких и средних крестьянских хозяйств. Мало того, можно с достаточной долей вѣроятности утверждать, что с переходом общественной власти в руки трудовых элементов неизбѣжно раздробленiе большинства наличных крупных владѣнiй, основанных на исторических привилегiях сословнаго характера. Будет несчастьем, если это произойдет в порядкѣ стихiйнаго захвата. Но предупредить это несчастье можно только рѣшительным и быстрым распредѣленiем крупных владѣнiй между земледѣльческим населенiем в порядкѣ сознательной землеустроительной политики соцiалистической власти. А если это так, то приходится сдѣлать вывод, что успѣхи соцiализма, как практической соцiально-политической реформы будут вмѣстѣ с тѣм и успѣхами частной крестьянской собственности. Хорошо ли это или плохо — это вопрос особый, но это неизбѣжный историческiй процесс, с которым нельзя не считаться всѣм соцiалистам, независимо от того, стоят ли они за мелкую или крупную земельную собственность.

В этом отношенiи чрезвычайно знаменателен тот новый подход к вопросу о мелком крестьянском хозяйствѣ, который мы находим в цитированной выше работѣ Каутскаго. Если составленная и комментированная им Эрфуртская программа германской с.-д. партiи исходила из гибели мелкаго крестьянскаго хозяйства, то теперь Каутскiй считает долгом своей научной совѣсти от этого убѣжденiя отказаться.

«Крестьянин, пишет он, не видит больше опасности быть проглоченным крупным земельным владѣнiем. Прекратилось также в значительной мѣрѣ и явленiе его вырожденiя». Сравнивая крупную промышленность с крупным сельским хозяйством, Каутскiй теперь устанавливает что «в сельском хозяйствѣ крупное предпрiятiе не в состоянiи дать тѣх же результатов, что в промышленности. За время прошедшее от составленiя Эрфуртской программы это обстоятельство ясно опредѣлилось. В этом пунктѣ одна из предпосылок, из которых исходила программа, подверглась измѣненiю». Послѣднiй вывод Каутскаго таков: если не видно в сельском хозяйствѣ никакой гибели мелкаго хозяйства, то не видно этого и относительно крупнаго. Оба они удержали свои позицiи» *).

Но именно это послѣднее утвержденiе противорѣчит дѣйствительности. Нельзя говорить об удержанiи позицiи крупным землевладѣнiем, когда стоишь перед лицом аграрной реформы в Россiи, Румынiи, Польшѣ, Латвiи и цѣлом рядѣ других стран, гдѣ земля на тѣх или иных условiях перешла к крестьянам. Правда, все это произошло не в порядкѣ естественной экономической эволюцiи аграрнаго строя, а в порядкѣ государственнаго вмѣшательства. Но вѣдь это вмѣшательство само явилось неустранимым послѣдствiем историческаго развитiя. Аграрная реформа столь же естественное явленiе соцiально-экономическ. развитiя, как и аграрная эволюцiя. Общественныя силы, приводящiя к реформѣ, столь же могущественный фактор историческаго развитiя, как и об'ективный процесс экономической эволюцiи. Поэтому достаточно и одного

*) Стр. 18—21 нѣмецкаго изданiя.

акта аграрной реформы, чтобы рѣшительно оспорить мнѣніе Каутскаго о том, что крупное хозяйство удержало в земледѣліи всѣ свои позиціи.

Это невѣрно даже и с точки зрѣнія экономической эволюціи. Не в порядкѣ государственнаго вмѣшательства, а именно в порядкѣ экономической эволюціи русское крестьянство еще до революціи мобилизовало в свою собственность огромную массу дворянских земель, уходивших от помѣщиков к крестьянам со все ускорявшимся темпом. Даже в самой Германіи Каутскій констатирует уменьшеніе площади крупнаго землевладѣнія на 777.000 гектаров за время от 1895 по 1907 год. Это составляет около 10 проц. Самое число крупных хозяйств уменьшилось на 1495.

Как бы там ни было, от прежняго убѣжденія, что предпосылкой соціализма является исчезновеніе мелкаго крестьянскаго хозяйства, осталось уж очень мало. Соціалистическія преобразованія общества не только застанут мелкое замлевладѣніе, но и должны будут идти навстрѣчу образованію множества новых крестьянских хозяйств индивидуальнаго типа.

Хорошо ли это или плохо для развитія соціалистическаго общества? Каутскій считает, что такое раздробленіе крупных хозяйств будет для этого общества «уничтожающей катастрофой». Он опасается, что и без того сильная утечка с.-х. населенія в города примет особенно опасные размѣры в том случаѣ, если в городах создадутся благопріятныя и заманчивыя условія труда в соціализированной промышленности, а в деревнѣ останутся прежняя нищета и неприглядность на основѣ частной собственности. Это может привести не только к разоренію сельскаго хозяйства, но и к гибели городов, для которых опустѣвшая деревня перестанет доставлять необходимое количество жизненных припасов.

Эта опасность несомнѣнно очень велика. Ее не слѣдует преуменьшать. Но поможет ли сохраненіе крупных земельных владѣній, т. е. в данном случаѣ экспропріятія их не в пользу индивидуальнаго владѣнія, а в пользу государства? Быстрое и существенное улучшеніе условій труда на этих государственных «фабриках хлѣба» возможно только за счет сильнаго увеличенія той доли продуктов, которая потребляется самими трудящимися на этой землѣ. Удержать населеніе на этой землѣ, чтобы не было соблазна эмигрировать в города, можно только за счет уменьшенія доли продуктов, достающихся с этой земли городу и соотвѣтственнаго увеличенія доли, потребляемой самими производителями. Но даже и в этом случаѣ тяга в города будет очень сильной, ибо в основѣ этой тяги лежат не только, а иногда даже не столько матеріальные мотивы, сколько мотивы культурно-психологическаго характера. Надо отдать себѣ совершенно ясный отчет в том, что если что удерживает крестьянина в деревнѣ, то это главным образом собственность на землю. Деревня еще очень долго будет по сравненію с городом мѣстом, гдѣ для роста личности останется гораздо меньшій простор. И если даже город, задыхающійся в тисках милитаризма, капитализма и пауперизма, служит приманкой, то нечего говорить, насколько увеличится магнитная сила города, освобожденнаго от этих соціальных язв. Противостоять этой магнитной силѣ сумѣет только то деревенское населеніе, которое будет связано с землей крѣпкими узами собственности и правом на полный продукт своего труда. Конечно, эта деревня не должна погибать в грязи и во тьмѣ. Она должна обладать основными элементами современной матеріальной культуры, школой, книгой, путями сообщеній, благоустроенными жилищами и т. п. На извѣстном уже достигнутом уровнѣ своего хозяйства, дающем уже излишки для города, увеличеніе землепользованія такого земледѣльца может дать добавочно про-

истекающій отсюда излишек в общій оборот соціализирующагося народнаго хозяйства. Принимая во вниманіе всю сумму не только экономических, но и морально-психологических факторов, вліяющих на общую сумму продукціи, трудно сказать, в каком случаѣ эта продукція будет абсолютно выше: в том ли случаѣ, когда крупное владѣніе, отнятое у помѣщика, превратится в госхоз, колхоз или государственную фабрику зерна с высоко оплачиваемыми наемными рабочими или в том случаѣ, когда это экспропрiированное имѣніе пойдет на земельныя прирѣзки или новое надѣленіе деревенскаго населенія, могущаго работать на землѣ.

Во всяком случаѣ здѣсь многое зависит от условій мѣста и времени и нельзя заранѣе на всѣ случаи утверждать, что этот раздѣл, доставшихся соціалистическому обществу крупных имѣній, будет «уничтожающей катастрофой». Будут случаи, когда это придется сдѣлать именно во избѣжаніе катастрофы. Если это имѣніе раньше сдавалось участками в аренду, то навряд ли найдется соціалистическій режим, который с'умѣет воспротивиться желанію арендаторов в той или иной формѣ закрѣпить за собою долголѣтне воздѣлываемую своим трудом землю. При нѣкоторых условіях широкія мѣры государственной агрономической помощи и меліораціи на базѣ частной крестьянской собственности могут дать большій излишек с.-х. продукціи отчуждаемой городу, чѣм превращеніе націонализированнаго помѣстья в государственно соціалистическую фабрику зерна. Здѣсь меньше всего допустим шаблон, хотя бы и подкованный самыми безукоризненно научными философемами.

Если уже говорить о катастрофѣ, то ее поздно опасаться в будущем. Ибо катастрофа в видѣ аграрной реформы происходит уже сейчас. Аграрная реформа уже сейчас разбивает крупныя владѣнія. Трудно допустить, чтобы соціалистическое движеніе ставило препятствія этой катастрофѣ. Наоборот фактически соціализм всюду самым энергичным образом борется за осуществленіе этой «катастрофы», содѣйствуя всѣми мѣрами аграрной реформѣ.

С этим надо примириться, во всяком случаѣ из этого надо исходить: соціалистическому режиму придется имѣть дѣло с частной крестьянской собственностью на землю и во многих случаях, когда из чисто политических, а когда из экономических соображеній росту числа этих собственников сознательно и активно содѣйствовать.

Значит ли это, что соціализм в деревнѣ невозможен, что деревня так и останется во власти частно-хозяйственнаго начала? Нѣт, это только значит, что в деревнѣ нельзя устроить соціальную революцію. Но ее нельзя и губительно устраивать и в городѣ. Это значит только то, что соціализм возможен только как результат сложнаго и длительнаго процесса соціальных реформ, осуществляемых в обстановкѣ максимально развитой политической демократіи. В деревнѣ нельзя частную собственность у н и ч т о ж и т ь. В деревнѣ частную собственность можно только постепенно преодолѣвать постепенным вчлененіем в соціально-экономическія отношенія элементов коллективизма.

Но не надо думать, что этот коллективизм надлежит лишь изобрѣсти и организовать ряд лабораторных опытов для его испытанія. Нѣт, элементы его даны уже сейчас и вопрос идет не о принципіально новых методах, а лишь о том, чтобы элементы соціализма, уже сейчас имѣющіеся в строѣ деревенской экономіи, вывести из эмбріональнаго состоянія, расширить количественно и улучшить качественно тѣ начала коллективизма, которыя независимо от всяких идеологических концепцій, постепенно просачиваются в крестьянское хозяйство.

Это прежде всего кооперація в самых разнообразных ея видах, начиная

от элементарной «потребилки» и кончая коллективной обработкой полей. Здѣсь открываются самыя широкія перспективы, уходящія в даль полной соціализаціи сельскаго хозяйства. На основѣ частной собственности и сейчас уже намѣчается процесс коллективизаціи все большаго числа экономических функцій сельскаго хозяйства. Деревенскій кредит, сбыт продуктов земли, закупка предметов городской индустріи, страхованіе и ряд других функцій постепенно выходят из сферы частно-хозяйственнаго усмотрѣнія и переходят в сферу коллективно организованной экономики. Люди, полагающіе, что соціализм явится прекрасным, полным всѣх совершенств созданіем, в порядкѣ грохочущаго свѣтопреставленія, не могут во всѣх этих прозаических вещах усмотрѣть хотя бы и тѣни своей прекрасной мечты. Для них, как в поэмѣ, важно не «что», а «как». Но для них существует только одно средство избавленія от разочарованій: лечь на нѣсколько десятков лѣт спать и тогда, проснувшись, они застанут прекрасную картину алкаемаго ими «переворота».

Соціализм будет просачиваться в деревню постепенно. Соціализированная индустрія придет в деревню со своими методами и здѣсь завоюет огромныя области хозяйственной дѣятельности. Она может, и это наиболѣе вѣроятный путь развитія, организовать на соціалистических началах главнѣйшія отрасли с.-х. индустріи: сахароваренiе, молочныя фермы, мельничное дѣло, маслобойное, заготовку консервов, обработку шерсти, кож, производство спирта, ряд кустарных промыслов и т. д. и т. д. Здѣсь промышленность придет на деревенскую почву не для того, чтобы насаждать дикія формы эксплоатаціи, венерическія болѣзни и безудержный произвол, а для того, чтобы развернуть высшія формы коллективнаго труда на благо всего общества. Государство в порядкѣ покупки может пріобрѣтать отдѣльные участки земли для устройства на них не только технически показательных, но и соціально и морально показательных соціалистических хозяйств. Постепенно крестьянство будет подчинять общественно-коллективному управленію и руководству не только вспомогательныя функціи деревенской экономики (кредит, сбыт, закупку и т. д.), но и самый процесс своего сельско-хозяйственнаго труда. Это не мечта далекаго будущаго, а все больше просачивающійся в жизнь процесс настоящаго «Крестьянское хозяйство, сбивая масло на общественном заводѣ, этим самым передает свою производственную функцію другому, коллективному хозяйству. Мало того, тѣсная связь кооперативнаго (коллективнаго) хозяйства с крестьянским (частным) ведет постепенно к тому, что побѣждает коллективное. Примѣр: молочная артель указывает члену, как кормить и содержать корову и какого качества сдавать молоко. Датскій крестьянин теперь имѣет лишь фикцію хозяйственной свободы, ибо кооператив хозяйственно (а не декретами, как большевики) диктует путем бдительнаго контроля своему сочлену как вести хозяйство. Вѣрно, что он подчиняется юридически добровольно (обратно большевизму), но экономически он обречен на гибель, если не примет участія в коллективном хозяйствѣ. Кооперація, развиваясь, постепенно поглощает одну функцію за другой (кредит, сбыт, закупка, переработка и т. д.) и настанет момент (он еще не настал), когда путем все большаго вмѣшательства разумная воля большинства подчинит каждое индивидуальное хозяйство земледѣльца. Когда это будет, то осуществится соціализм в сельском хозяйствѣ»*).

Менѣе всего мы хотѣли бы нарисовать предыдущими строками картину обязательнаго хода соціализаціи деревни. Больше всего нам важен здѣсь метод подхода к этой проблемѣ. И тут на основаніи пережитаго трагическаго

*) См. В. Брейтвейт „Зеленая идеологія“ „Заря“ № 3, Май 1922 г. Берлин.

опыта можно с полной увѣренностью сказать: только методами мирнаго, органическаго, показательнаго строительства возможно осуществленіе соціализма в деревнѣ. Всякій путь ломки, переворота, декрето—и—вспышко пускательства ни к чему иному, как к голодной катастрофѣ и к крушеніям соціалистических достиженій в городѣ привести не может. Как бы ни далеко зашел процесс соціализаціи в индустріи, в с.-х. все же придется дѣйствовать только в порядкѣ молекулярнаго накопленія элементов коллективнаго хозяйства.

Разницу между индустріей и сельским хозяйством с точки зрѣнія методов соціализаціи можно, мнѣ кажется, опредѣлить слѣдующим образом: в индустріи примѣняется преимущественно метод вертикальной соціализаціи, в сельском хозяйствѣ — преимущественно горизонтальной. В индустріи соціализируются организмы (предпріятія, отрасли промышленности), в сельском хозяйствѣ отдѣльныя функціи (сбыт, закупка, кредит и т. п.). В индустріи соціалистическій режим посягает на владѣніе и тѣм самым на функціи хозяйства, в сельском хозяйствѣ этот режим посягает на функціи хозяйства и тѣм самым доводит в предѣлѣ до нуля значеніе факта владѣнія. Происходит как бы процесс выдѣленія общих с.-х. множителей, при котором внутри скобок индивидуальнаго крестьянскаго хозяйства остается все меньшій и меньшій по своему удѣльному вѣсу нерастворимый в ходѣ соціализаціи остаток. Растворится ли цѣликом крестьянское хозяйство в процессѣ соціализаціи и каков будет абсолютный вѣс нерастворимаго остатка — об этом гадать сейчас невозможно, но одно несомнѣнно: относительный вѣс этого остатка будет все меньшим и меньшим. Но таковы именно общественно экономическіе процессы. В них центр тяжести заключается не в абсолютах, а в отношеніях.

Мы разсмотрѣли реакцію деревни на соціальную революцію. Мы видѣли, что роковым ея итогом является соціальная реакція. Голод — смерть и вырожденіе — вот итоги этого метода рѣшенія соціальной проблемы. Мы видѣли, что она упирается не в вопрос о распредѣленіи и потребленіи благ, а в вопрос об увеличеніи их продукціи и накопленія. Но здѣсь вся проблема в цѣлом упирается в свою очередь в вопрос о ростѣ с.-х. продукціи. Деревня становится самым опасным, самым уязвимым мѣстом в дѣлѣ разрѣшенія соціальнаго вопроса. Деревня стоит у дверей и грозным молчаніем своим напоминает: будьте осторожны...

Мір еще очень бѣден благами. Он кажется очень богатым именно потому, что полон ужасной нищеты, для которой неизбѣжны иллюзіи богатства. Мір стал еще бѣднѣе, когда труженик земли вольно или невольно стал из уменьшившейся своей продукціи потреблять увеличенную ея долю. Мір застывает в ужасѣ перед видом мужика, готовящагося сыто поѣсть... Ничто так не обнаруживает ложь и мерзость современных соціальных отношеній, как эта крайняя их заинтересованность в недоѣданіи большей части человѣчества.

Мір мог безпечно жить, покуда мужик подчинялся закону этого недоѣданія. Но этому приходит конец. Нарушилось, все болѣе нарушается равновѣсіе. Потребности растут болѣе быстрым темпом, чѣм продукція. Это явится главным содержаніем соціальнаго кризиса ближайшей эпохи.

Между городом и деревней идет жестокій спор из-за вопроса, кому с'ѣсть кусок хлѣба. Коммунизм придал этому спору еще болѣе губительный для обоих характер, чѣм капитализм.

Соціалистическая демократія, овладѣвшая аппаратом народовластія, разрѣшит этот спор методом соціальной реформы.

Ст. Иванович.

Производительность крестьянскаго хозяйства

По даннным бюджетных изслѣдований.

Основною проблемою при изученiи производительности крестьянскаго хозяйства является опредѣленiе мѣры дѣйствiя на его валовой доход различных факторов производства с одной стороны и рынка — с другой. Поэтому мы должны начать наш анализ с самой краткой характеристики размѣров землевладѣнiя, рабочей силы и хозяйственнаго имущества, которыми располагают подвергшiяся бюджетному обслѣдованiю крестьянскiя хозяйства.

По размѣрам землевладѣнiя хозяйства, с которыми мы будем далѣе оперировать, группируются слѣд. образом:

	Волог.	Тамбов.	Староб.
до 3,0 дес.	4	2	—
3,1— 6,0	26	30	14
6,1— 9,0	19	27	17
9,1—12,0	25	9	15
12,1—15,0	17	11	13
15,1—20,0	15	3	14
20,1—30,0	16	1	12
болѣе 30,0	14	2	6
всего	136	85	91

Мы не можем быть увѣрены в том, что настоящая группировка точно отображает гриппировку по размѣрам землевладѣнiя всѣх крестьянских хозяйств обслѣдованных территорiй. Поэтому, на этой сторонѣ дѣла мы останавливаться не будем. Нас интересует другой вопрос: каково отношенiе между собою отдѣльных факторов производства в крестьянском хозяйствѣ? Чтобы уяснить это отношенiе, мы должны прежде всего познакомиться с их абсолютною величиною. По числу работников в семьѣ мы получаем слѣд. группировку:

	Волог.	Тамбов.	Староб.
до 1,0 работника	2	—	1
1,1—2,0	42	10	21
2,1—3,0	37	14	19
3,1—4,0	28	26	19
4,1—5,0	15	14	13
5,1—6,0	9	13	5
6,1—7,0	3	4	8
болѣе 7,0	—	4	5
всего	136	85	91

Наконец, по величинѣ хозяйственнаго имущества, т. е. стоимости скота, мертваго инвентаря и построек, обслѣдованныя в бюджетном отношеніи хозяйства дают слѣд. таблицу:

	Волог.	Тамб.	Староб.
до 250,0 губ.	19	3	9
250,1— 500,0	38	11	19
500,1— 750,0	37	20	10
750,1—1000,0	16	20	14
100,11—1500,0	19	20	18
1500,1—2000,0	4	8	11
болѣе 2000,0	3	3	10
всего	136	85	91

Как мы видим из этих таблиц, по своему обезпеченію землею, хозяйственным имуществом и рабочими силами крестьянскія хозяйства далеко не однородны и не однотипны. Давно замѣчено, что с ростом одного из факторов в крестьянском хозяйствѣ, напр. землевладѣнія, растут и другіе два: число работников в семьѣ и ея хозяйственное имущество. Но мы не можем довольствоваться установленіем одного лишь направленія в развитіи факторов производства, а должны попытаться измѣрить тѣсноту связи между ними.

Если бы мы имѣли дѣло с явленіями простого строенія, в которых причины дѣйствуют раздѣльно, для опредѣленія функціональной зависимости между интересующими нас факторами производства, достаточно было бы установить коэффиціенты роста (или регрессіи) каждаго фактора в зависимости от других. Но крестьянское хозяйство представляет собою явленіе сложнаго строенія, и различныя причины вліяют на него не раздѣльно, а слитно, именно поэтому мы не довольствуемся индивидуальными наблюденіями этого хозяйства, а подвергаем его статистическому изученію. Попробуем, однако, подойти к установленію интересующаго нас отношенія тѣм путем, который практикуется в области физических явленій, большею частью носящих простой характер, и посмотрим, что из этого выйдет.

Мы имѣем три фактора производства, и каждый из этих трех факторов вліяет на остальные два и испытывает их вліяніе. В простых явленіях, когда мы имѣем функціональную зависимость между двумя величинами x и y, кривая x по y всегда совпадает с кривой y по x и, слѣдовательно, отношеніе между коэффиціетами роста x и y выражается слѣд. простой формулой: $B_x = \frac{1}{B_y}$. Не то в сложных явленіях. В них кривая x по y никогда не совпадает с кривой y по x и, слѣдовательно, коэффиціенты роста B_x и B_y не находятся между собою в том простом отношеніи, которое мы находим при функціональной зависимости между явленіями. Поэтому, мы должны имѣть дѣло не с 3, а с 6 коэффиціентами роста, дающими слѣд. табличку:

	Волог.	Тамб.	Староб.
Хоз. имущество по работн.	104,3	130,0	250,1
работн. по хоз. имущ.	0,0011	0,0009	0,0015
хоз. имущ по землевл	21,7	57,4	71,6
землевл. по хоз. имущ.	0,02	0,0045	0,0088
землевл. по работник.	3,47	1,25	2,57
работники по землевл.	0,026	0,07	0,1325

Единственный вывод, который мы можем извлечь из этой таблички, заключается в том, что, чѣм больше коэффиціент роста одной величины по другой, тѣм меньше коэффиціент роста второй величины по первой.

Явленіе это об'ясняется в высшей степени просто. Оно зависит от соотношенія величины масштабных единиц. Так как землю мы измѣряем десятинами, а имущество — рублями, и так как хозяйственный вѣс десятины земли гораздо больше хозяйственнаго значенія рубля имущества, то измѣненіе имущества по землѣ дает высокій коэффиціент роста, а земли по имуществу — очень низкій, и тѣм болѣе низкій, чѣм выше коэффиціент роста имущества по землѣ. Очевидно, отношеніе величины масштабных единиц прикрывает, затушевывает в данном случаѣ хозяйственное соотношеніе интересующих нас величин. Устранить это постороннее вліяніе, нам мѣшающее, в высшей степени легко. Для этого мы должны перейти от пользованія коэффиціентами регрессіи к коэффиціентам корреляціи, которое представляют собою среднія геометрическія между каждою парою коэффиціентов регрессіи, т. е.

$$b_x : r = r : b_y .$$

Так как коэффиціенты регрессіи опредѣляются по формулѣ:

$$b_x = \frac{S_{xy}}{S_{x^2}}, \text{ то } r = \sqrt{\frac{S_{xy} \cdot S_{xy}}{S_{x^2} \cdot S_{y^2}}}$$

т. е. в числителѣ и знаменателѣ мы имѣем одинаковое количество как x, так и y, откуда слѣдует, что величина масштабных единиц x и y на величину r, — коэффиціент корреляціи — никакого вліянія оказывать не может. Эти коэффиціенты корреляціи между интересующими нас велинами дают слѣд. табличку:

	Волог.	Тамб.	Староб.
Землевлад. — хоз. имущ.	0,66	0,51	0,79
Хоз. имущ. — работники	0,34	0,35	0,61
землевлад. — работники	0,30	0,30	0,58

Эти коэффиціенты корреляціи дают нам мѣру связи между факторами производства в крестьянском хозяйствѣ. Как оказывается, мѣра эта очень различна. Между землевладѣніем и хозяйственным имуществом связь гораздо тѣснѣе, чѣм между этими матеріальными факторами и живою рабочею силою крестьянскаго двора.

Затѣм, в разных губерніях коррелятивныя связи между одними и тѣми же факторами дают сильно измѣняющіеся коэффиціенты, — что указывает на глубокое различіе в строеніи крестьянскаго хозяйства в этих губерніях. Вопрос этот заслуживает самаго тщательнаго изученія.

Послѣ этого краткаго ознакомленія с факторами крестьянскаго хозяйства мы можем перейти к изученію его производительности. Познакомимся прежде всего с размѣрами валового дохода крестьянскаго хозяйства различных губ. Группируя дворы по величинѣ получаемаго ими валового дохода от сельскаго хозяйства, мы получаем слѣд табличку их распредѣленія:

	Волог.	Староб.
до 200,0 руб.	68	8
200,1— 400,0	52	16
400,1— 600,0	12	16
600,1— 800,0	3	13
800,1—1000,0	1	7
1000,1—1500,0	—	19
1500,1—2000,0	—	6
болѣе 2000,0	—	6
всего	136	91

Очевидно, черноземное крестьянство значительно богаче сѣвернаго. Но если мы в основу групировки положим не размѣр валового дохода, а посѣв, то найдем, что величина валового дохода на хозяйство слѣд. образом растет с ростом посѣвной площади:

	Волог	Староб.
сѣющія до 1,0 дес.	98,0	183,6
1,1— 2,0	183,8	192,7
2,1— 3,0	233,5	261,7
3,1— 4,0	302,4	384,5
4,1— 6,0	406,6	442,7
6,1—10,0	612,9	634,0
10,1—20,0	771,6	1103,6
болѣе 20,0	—	1959,7
всего	236,3	868,6

Таким образом, причина большей доходности южнаго крестьянскаго хозяйства кроется не столько в преимуществах южнаго чернозема над сѣверными суглинками и подзолами, сколько в болѣе высокой распаханности крестьянских земель и болѣе значительных размѣрах посѣва на хозяйство.

Вопрос о моментах, опредѣляющих размѣры годовой производительности крестьянскаго хозяйства, заслуживает самаго серьезнаго вниманія, и мы не можем ограничиться в его анализѣ приведенной выше группировкой по посѣву. Нам нужно выяснить этот вопрос всесторонне. Попытаемся поэтому прослѣдить дѣйствіе на эту производительность всѣх тѣх экономических моментов, вліяніе которых можно предполагать à priori или на значеніе которых указывалось в экономической литературѣ. Само собой разумѣется, мы должны прежде всего начать с факторов крестьянскаго хозяйства, опредѣляющих экономическую силу крестьянскаго двора и их составных частей, — землевладѣнія, землепользованія, посѣва, работников, хозяйственнаго имущества, количества скота и т. д., затѣм мы должны ввести и потребительные моменты, количество ѣдоков в семьѣ и отношеніе числа ѣдоков к числу работников. На значеніе послѣдняго момента первый обратил вниманіе кн. А. И. Васильчиков, *) в послѣднее же время на нем усиленно настаивал А. В. Чаянов. Мѣра коррелятивной связи валового дохода крестьянскаго двора со всѣми этими моментами выражается в слѣд. коэффиціетах:

	Волог.	Староб.
Землевладѣніе	0,71	0,78
Землепользованіе	0,72	0,98
посѣв	0,77	0,93
Покос	0.62	0,47
хоз. имущество	0,68	0,82
стоим. построек	0,53	0,64
— мерт. инвент.	0,66	0,84
| скота	0,73	0,84
всего шт. скота	0,75	0,83
коровы	0,77	0,59
раб. скот.	0,46	0,76
работники	0,42	0,64
— в сел. хоз.	0,55	—
ѣдоки	0,41	0,61
ѣдоки работники	0,03	0,02

*) Сельскій быт и сельское хозяйство в Россіи, 1881, стр. 37 — 39.

Таблица показывает, прежде всего, что факторы производства оказывают на величину валового дохода гораздо большее вліяніе, чѣм моменты потребительнаго характера, число ѣдоков и величина нагрузки работников ѣдоками. Послѣдній момент дает такіе ничтожные коэффиціенты, которые говорят вообще об отсутствіи коррелятивной связи с валовым доходом. Само собою разумѣется, что между валовым доходом и числом ѣдоков должна быть нѣкоторая, и притом значительная, коррелятивная связь: если число ѣдоков не оказывает прямого вліянія на величину валового дохода, то оно в значительной мѣрѣ зависит от этой величины, ибо валовой доход от сельскаго хозяйства опредѣляет величину чистаго дохода, являющагося основной частью потребительнаго бюджета крестьянской семьи, который находится в очень тѣсной коррелятивной связи с размѣром семьи, т. е. с числом в ней ѣдоков.

Из производительных факторов наибольшее вліяніе оказывают землепользованіе и посѣв, — меньшее вліяніе имѣет землевладѣніе, особенно в Старобѣльском уѣздѣ с его большими арендами земли, еще менѣе значительное — величина сѣнокосных угодій.

За земельным фактором, по своим размѣрам, идет хозяйственное имущество, в составѣ котораго болѣе активная часть, скот и мертвый инвентарь, дают значительно болѣе высокіе коэффиціенты корреляціи, чѣм болѣе пассивная часть, постройки. Размѣр построек отражает на себѣ в значительной мѣрѣ не современное, а прошлое состояніе хозяйства крестьянскаго двора. Исчисленіе скота по цѣнности, или в переводѣ на голову крупнаго скота дает почти одни и тѣ же коэффиціенты, что свидѣтельствует о полной практичной пригодности принятых норм перевода. В молочном Вологодском уѣздѣ коровы дают болѣе высокій коэффиціент корреляціи, чѣм лошади, в полустепном Старобѣльском уѣздѣ, с слабым развитіем молочнаго хозяйства, наоборот болѣе высокій коэффиціент связи дает рабочій скот. Наконец, наименьшую коррелятивную связь с величиною валового дохода от сельскаго хозяйства обнаруживают рабочія силы семьи. Об'ясняется это явленіе отчасти тѣм, что значительная часть этих сил занята внѣ собственнаго сельскаго хозяйства, в промысловых заработках. Но даже, если мы возьмем не всѣх работников в семьѣ, а только занятых в сельском хозяйствѣ (вмѣстѣ с принанимаемыми со стороны для работ в этом хозяйствѣ), — как это сдѣлано по Вологодскому уѣзду, — то и тогда мы получим болѣе слабую коррелятивную зависимость, чѣм от землепользованія и хозяйственнаго имущества.

Как показывает наша таблица, получившія столь широкое распространеніе в земской статистикѣ группировки по землепользованію, посѣву и скоту наиболѣе отвѣчают существу дѣла. Менѣе удачны группировки по работникам, землевладѣнію и рабочему скоту в нечерноземных губ. Поэтому мы должны отвергнуть вывод А. А. Чупрова о преимуществах группировки по надѣлу над группировкой по посѣву, *) и внести поправку в пользующееся такою популярностью заключеніе Н. Н. Черненкова, что «наиболѣе цѣлесообразными признаками для групповых дѣленій крестьянских хозяйств, — поскольку они разсматриваются, как хозяйства земледѣльческія, — должны, повидимому, считаться количество рабочаго скота и размѣры посѣвной площади: оба

*) Извѣстія СПБ политехнич. Института, т. I, вып. 1 —2, 1904, стр. 100.

эти признака наиболѣе точно и наиболѣе полно выражают собою об'ем и положеніе земледѣльческаго производства в каждом дворѣ (при достаточном сходствѣ других условій). *) Н. Н. Черненков переоцѣнил значеніе рабочаго скота, особенно в нечерноземных губ. Еще менѣе удовлетворительна группировка по числу ѣдоков, и совсѣм ничего не может дать группировка по отношенію числа ѣдоков к числу работников.

Итак, опредѣленіе величины коррелятивной зависимости валового дохода от различных факторов производства устанавливает извѣстную градацію в размѣрах их вліянія в таком порядкѣ: первое мѣсто занимает землепользованіе, второе — хозяйственное имущество и послѣднее — работники.

Мы не можем, однако, ограничиться этими результатами нашего анализа. Вѣдь в статистических данных мы всегда имѣем дѣло со сліяніем дѣйствія многих причин, поэтому при группировкѣ по какому либо признаку, напр., землепользованію, мы имѣем величину валового дохода, отвѣчающую не только величинѣ землепользованія, названной в таблицѣ, но и не названным в ней, скрыто дѣйтвующим другим факторам, хозяйственному имуществу и работникам. Если в области простых явленій, гдѣ причины дѣйствуют раздѣльно, существо отношеній между причиною и ея дѣйствіем может быть выражено формулою:

$$f_x = a.$$

то в области сложных явленій, с которыми имѣет дѣло статистика, существо это выражается формулой:

$$f_x (y_1\ z\ldots\ldots) = a.$$

Причем x названо в таблицѣ, а y, z и т. д. дѣйствуют на величину скрытно. Возможно, что дѣйствіе явнаго x сильнѣе дѣйствія этих скрытных y, z и т. д. Тогда величина a будет опредѣляться главным образом величиною x и эмпирически — данная коррелятивная связь будет болѣе или менѣе отвѣчать дѣйствительности. Но возможен и обратный случай, что дѣйствіе x будет меньше дѣйствія y, z и т.д. Тогда опредѣленная нами эмпирическая коррелятивная связь двух величин x и a будет носить совершенно невѣрный характер.

Очевидно, чтобы получить дѣйствительную мѣру дѣйствія x на a, мы должны устранить искажающее это дѣйствіе, мѣшающее нам вліяніе скрытно дѣйствующих y, z и т. д. Этого мы можем достичь примѣненіем комбинаціонных таблиц, выравнивающих в первых группировках дѣйствіе тѣх факторов, которые мы хотим устранить, и освобождающих таким образом дѣйствіе фактора, который мы хотим изучить и по которому производится послѣдняя группировка, от искажающаго вліянія других факторов.

Комбинаціонныя таблицы были введены в земскую статистику в 1880-х г. г. черниговским статистиком А. П. Шликевичем. Их форма, до сих пор остающаяся неизмѣнной, страдает тремя недостатками.

Во-первых, выбор признаков для построенія комбинаціонных таблиц носит болѣе или менѣе произвольный характер. Из изученія матеріала с помощью групповых таблиц статистик выносит убѣжденіе, что наибольшее вліяніе на интересующее его явленіе имѣют такіе то факторы. По ним и строится комбинаціонная таблица. Выше мы указывали на неудовлетворительность групповых таблиц и отрицательное

*) Н. Черненков. К характеристикѣ крестьянскаго хозяйства, вып. I, изд. 2-е, 1918, стр. 112.

значеніе отношенія масштабных единиц изучаемых величин. Очевидно, лишь коэффиціенты корреляціи могут дать твердое основаніе для выбора признаков при построеніи комбинаціонных таблиц.*)

Во-вторых, мѣра связи между изучаемыми величинами в комбинаціонных таблицах никогда, насколько я знаю, не подвергалась точному измѣренію. Статистиков, очевидно, смущало то обстоятельство, что каждая подгруппа имѣет свой особый коэффиціент роста или регрессіи. Поэтому они довольствовались опредѣленіем этой величины «на глаз». Между тѣм вполнѣ возможно опредѣлить этот коэффиціент регрессіи и для всей совокупности случаев, покрываемых таблицей. Особенно удобна для этого исчисленія формула $b = \frac{Sn\,(x - xm)\,(y - ym)}{Sn\,(x - xm)^2}$, так как при пользованіи ею имѣют значеніе только разности $x - x_m, y - y_m$, а не абсолютныя значенія этих величин. Обстоятельство это позволяет прямо суммировать соотвѣтствующія разности всѣх подгрупп комбинаціонной табицы и, путем дѣленія одной суммы на другую, получить искомый коэффиціент регрессіи.

В третьих, если в комбинаціонных таблицах не вычислялись даже коэффиціенты регрессіи, то никто и подавно не помышлял об опредѣленіи коэффиціентов корреляціи. Конечно, от А. П. Шликевича, С. А. Харизоменова и др. статистиков 1880-х г. г. нельзя было этого и требовать, существованіе коррелятивных зависимостей, наряду с функціональными, было открыто Фр. Гальтоном в 1889 г. **)

Но и в настоящее время никто не думает об опредѣленіи в них коррелятивных зависимостей. Между тѣм, если в комбинаціонной таблицѣ возможно исчисленіе коэффиціента регрессіи а по х, можно исчислить и регрессію х по а, затѣм по двум коэффиціентам регрессіи — коэффиціент корреляціи.

Таким образом, устраненіе всѣх этих дефектов вполнѣ возможно. Бѣда лишь в том, что бюджетный матеріал страдает одним крупнѣйшим недостатком для его анализа с помощью комбинаціонных таблиц: он слишком для такой формы разработки малочислен. Поэтому, мы вынуждены были допустить слишком большіе интервалы при группировках ***) благодаря чему не получилось полнаго выравниванія вліянія устраняемых фкторов, и тѣм не менѣе, в большинствѣ подгрупп мы получили только 2, 3 и 4 хозяйства. Вмѣстѣ с тѣм, во многих подгруппах оказалось только по одному хозяйству, что дѣлало невозможным опредѣленіе разностей по формулѣ $x - x_m$ и всѣ такія хозяйства мы вынуждены были попросту выкинуть ****). Потому полученные нами результаты отличаются нѣкоторою неточностью.

*) Этому вопросу был посвящен мною спеціальный доклад на сʼѣздѣ статистиков при Обществѣ имени А. И. Чупрова в 1913 г.

**) См. его Natural Inherit. 1889.

***) Площадь землевладѣнія мы дѣлили на слѣд. группы: до 3,0 дес. 3,01—6,0, 6,01—9,0, 9,01—12,0, 12,01—15,0 15,01—20,0, 20,01—30,0 30,01—40,0, болѣе 40,0, хозяйственное имущество до 250,0 руб, 250,1—500,0, 500,1—750,0, 750,1—1000,0, 1000,1—1500,0, 1500,1—2000,0, 2000,1—3000,0, болѣе 3000,0 работники до 1,0, 1,1—2,0. 2,1—3,0, 3,1—4,0, 4,1—5,0, 5,1—6,0, 6,1—7,0, болѣе 7,0.

****) Исключенію подверглись из 136 хозяйств Вологодскаго у. — 4, 8 и 12 хозяйств, из 91 хоз. Старобѣльскаго у. — 12, 13 и 14.

Тѣм не менѣе, они заслуживают серьезнаго вниманія. При выдѣленіи дѣйствія каждаго отдѣльнаго фактора с помощью комбинаціонной таблицы мы получаем слѣд. коэффиціенты корреляціи валового дохода от сельскаго хозяйства с отдѣльными производственными факторами:

	Волог.	Староб.*)
землевладѣніе	0,36	0,25
работники	0,19	0,22
хоз. имущество	0,39	0,69

Сравненіе этих аналитических коэффиціентов корреляціи с приведенными выше эмпирическими коэффиціентами показывает, во первых, что в том случаѣ, когда факторы дѣйствуют в одном направленіи, их эмпирическіе коэффиціенты выше коэффиціентов аналитических; лишь в том случаѣ, когда факторы дѣйствуют в противоположном направленіи, т. е. один фактор имѣет знак + другой, — эмпирическій коэффиціент корреляціи может быть ниже аналитическаго коэффиціента. Во вторых, по относительной величинѣ эмперических коэффиціентов никак нельзя судить об относительной величинѣ аналитических коэффиціентов. Так, по эмпирическим коэффиціентам в Вологодском у. вліяніе землевладѣнія больше вліянія хояяйственнаго имущества, по аналитическим коэффиціентам это отношеніе носит обратный характер.

Наибольшее дѣйствіе на величину валового дохода оказывает количество хозяйственнаго имущества, наименьшее — число работников в семьѣ.

Хотя крестьянское хозяйство и носит трудовой характер, но его производительность в гораздо большей мѣрѣ зависит от находящихся в его распоряженіи земли и хозяйственнаго имущества, чѣм от рабочих сил семьи крестьянина. Очевидно, рѣшающее значеніе имѣет не количество этих сил, которыми располагает хозяйство , а возможность их производительнаго приложенія, опредѣляемая размѣрами землевладѣнія и количеством живого и мертваго инвентаря. Тут несомнѣнна извѣстная аналогія с плодородіем почвы, которое опредѣляется тѣм из питательных веществ, которое находится в ней в минимумѣ. Только соотношеніе факторов производства в хозяйствѣ носит болѣе растяжимый, эластичный характер, чѣм полезное сочетаніе питательных веществ почвы.

Лишь в исключительных условіях рабочія силы семьи могут оказывать на производительность крестьянскаго хозяйства больше вліяніе, чѣм его обезпеченность матеріальными средствами производства. Таким исключительным случаем является хозяйство крестьян — переселенцев в Сибири. По свидѣтельству А. А. Кауфмана, в их хозяйствѣ с теченіем времени вліяніе обезпеченности семьи рабочею силою перевѣшивает вліяніе другого первостепенно важнаго фактора — обезпеченности переселенцев денежными средствами. Если взять недавно прибывших пере-

*) Отмѣченная выше количественная недостаточность бюджетнаго матеріала для его аналитической обработки с помощью комбинаціонных таблиц привела к тому, что по Старобѣльскому у. сумма коэффиціентов корреляттивной зависимости валового дохода от всѣх тѣх взаимно-изолированных факторов крестьянскаго хозяйства дает 1,16 — т. е. больше единицы, чего в дѣйствительности быть не может.

селенцев, то у них деньги еще замѣтно превалируют над рабочею силой. Для переселенцев, проживших 4 года и болѣе и, значит, уже вышедших из фазы первоначальнаго обзаведенія на новом мѣстѣ, комбинаціонная разработка по обоим названным факторам — рабочей силѣ и принесенным деньгам — дает иную картину:

У дворов, принесших с собой денег:	однорабочіе		многорабочіе	
	в среднем на двор.			
	раб. лош.	дес. пос.	раб. лош	дес. пос.
ничего	1,6	2,9	3,5	7,7
до 25 руб.	1,8	3,0	3.7	7,5
25—50	2,0	3,6	4,3	10,0
50—100	2,4	4,8	5,0	12,4
100—200	2,8	5,8	5,4	13,1
болѣе 200	2,6	5,4	5,6	14,9

«Мы видим — переселенцы, пришедшіе без копейки или с нѣсколькими рублями в карманѣ, но сильные числом работников, через немного лѣт рѣшительно обгоняют принесших хотя бы относительно большія деньги, но не располагающих большою рабочей силой.»*)

Исключительный характер этих условій состоит в том, что в процессѣ сложенія и созданія новаго хозяйства приложеніе рабочих сил семьи не встрѣчает никакого ограниченія ни в размѣрах землепользованія, так как земли больше, чѣм может осилить переселенец, ни в хозяйственном инвентарѣ, потому что цѣнность остального, — сверх лошади, — необходимаго для хозяйства переселенца инвентаря, минимальна.

Большинство продуктов, производимых в крестьянском хозяйствѣ, потребляется семьею крестьянина или расходуется в хозяйствѣ. Однако, значительная часть их отчуждается также на сторону. В какой мѣрѣ денежные элементы проникли в крестьянское хозяйство, показывает слѣд. табличка, в которой описанныя в бюджетных изслѣдованіях хозяйства сгруппированы по % денежности валового дохода от сельскаго хозяйства:

	Волог.	Староб.
до 10,0 %	1	3
10,1—20,0	9	5
20,1—30,0	14	24
30,1—40,0	37	19
40,1—50,0	38	17
50,1—60,0	24	13
60,1—70,0	5	5
70,1—80,0	7	3
болѣе 80,0	1	2
всего	136	91

Быть может, еще болѣе показательна будет группировка по размѣрам посѣва, в которой первый столбец по каждой губ. или уѣзду дает

*) А. Кауфман, Вопросы экономики и статистики крестьянскаго хозяйства, 1918, стр. 19—20.

размѣр денежнаго дохода в рублях на одно хозяйство, а второй — % денежности этого хозяйства:

	Волог.		Староб.	
	Руб.	%	Руб.	%
сѣющіе до 1,0 д.	43,4	44,2	115,2	62,7
1,1— 2,0	87,0	47,3	71,4	37,1
2,1— 3,0	96,5	41,3	88,7	33,9
3,1— 4,0	125,5	41,5	189,3	49,2
4,1— 6,0	199,0	48,9	145,1	32,8
6,1—10,0	322,4	52,6	259,7	41,0
10,1—20,0	350,4	45,4	435,5	39,5
болѣе 20,0	—	—	830,8	42,4
в среднем	105,7	44,7	353,1	40,7

Неправильность рядов % денежности показывает, что на развитіе денежных элементов в крестьянском хозяйствѣ сильное вліяніе оказывают моменты внѣшняго порядка, ни в каком отношеніи к размѣрам посѣвной площади не стоящіе, — именно близость каждаго хозяйства к рынкам и желѣзнодорожным путям. В общем, как свидѣтельствует эта таблица, денатурализація хозяйства русскаго крестьянина в началѣ XX в. достигла весьма значительных размѣров, — нѣсколько больших в нечерноземной полосѣ с развитой промышленной жизнью, нѣсколько меньших на черноземѣ. Крестьянин вырвался из тисков так долго порабощавшаго его натуральнаго строя и стал дѣятельным — хотя и малосознательным участником міроваго хозяйства.

Это перерожденіе русскаго крестьянскаго хозяйства было отмѣчено Шульце-Геверницем уже в серединѣ 1890-х г. г. По его словам «вытѣсненіе традиціоннаго натуральнаго хозяйства сельским хозяйством, продающим земледѣльческіе продукты, улучшающим торговый баланс и покупающим произведенія промышленности — вот основной факт русскаго хозяйственнаго развитія во второй половинѣ нашего столѣтія; в то же время он является основой тѣх успѣхов промышленности и финансов, которые хотя и бросаются наблюдателю прежде всего в глаза, но на самом дѣлѣ в причинной связи явленій занимают второе мѣсто».*)

Развитіе денежных элементов в крестьянском хозяйствѣ пореформенной Россіи было прежде всего вызвано расширеніем желѣзнодорожной сѣти и ростом городов. Рынок с помощью своих щупальцев энергично толкал крестьянское хозяйство в этом направленіи. Но не всѣ хозяйства поддавались этому давленію. Чтобы выяснить, какіе внутри-хозяйственные элементы в крестьянском хозяйствѣ шли навстрѣчу этим внѣшним вліяніям, посмотрим, как велика коррелятивная связь % денежности валового дохода с тѣми элементами крестьянскаго хозяйства, которые могут в данном случаѣ имѣть какое-либо значеніе.

---

*) Г. Шульце-Геверниц. Очерки общественнаго хозяйства и экономической политики Россіи, 1901, стр. 254—5.

	Волог.	Староб.
Вал доход от с. х.	0,34	0,14
землевладѣніе	0,16	± 0,03
землепользованіе	0,16	± 0,04
посѣв	0,04	± 0,03
работники	— 0,21	— 0,09
землевл.работники	0,26	0,12
хоз. имущество	0,53	0,06
всего скота	0,07	— 0,04
раб. скот	— 0,18	— 0,05
хоз. им. землевл.	— 0,03	0,08
ѣдоки	— 0,17	— 0,09
землепольз. ѣдоки	0,23	0,13
аренда	± 0,02	± 0,03
пром. заработки	— 0,26	—

Из этой таблицы мы можем извлечь слѣд. выводы. Повышенную денежность обнаруживают хозяйства с большим хозяйственным имуществом и высоким валовым доходом, очевидно, % денежности находится в прямой связи с высотой производительности крестьянскаго хозяйства. С промысловыми заработками денежность крестьянскаго хозяйства находится в антагонистических отношеніях, семьи с большим числом работников предпочитают сторонніе заработки, денежные элементы менѣе развиты в их хозяйствѣ. Такое же сдерживающее вліяніе оказывает и число ѣдоков. Чѣм больше земли приходится на ѣдока, тѣм легче развивается работа на рынок. Наиболѣе важное для нас значеніе имѣет связь денежности с высотою производительности крестьянскаго хозяйства. С какою различною степенью производительности ведут крестьяне свое хозяйство, можно судить по размѣру валового дохода, получаемаго ими с десятины землепользованія. По размѣрам этого дохода крестьянскія хозяйства группируются слѣд. образом:

	Волог.	Староб.
до 10,0 руб.	25	1
10,1—20,0	74	2
20,1—30,0	25	10
30,1—40,0	8	32
40,1—50,0	2	13
50,1—60,0	1	16
60,1—70,0	—	8
70,1—80,0	—	7
болѣе 80,0	1	2
всего	136	91

Таблица эта довольно ярко рисует то огромное расхожденіе в производительности хозяйства, которое существует в русской деревнѣ. Прежде всего, бросается в глаза разница между производительностью южнаго чернозема и сѣверных подзолов и суглинков. Но и в предѣлах одной губ или уѣзда производительность крестьянских хозяйств в высшей степени различна. Дѣло тут, очевидно, не только в богатствѣ почвы. Чтобы выяснить вопрос, опредѣлим коррелятивную связь дохода с десятины землепользованія с различными моментами, способными, по нашим предположеніям, оказать вліяніе на величину этого дохода:

	Волог.	Староб.
валовой доход от с. х.	0.02	0,10
% денежности вал. дох.	0,11	0,19
землевладѣніе	— 0,40	— 0,23
землепользованіе	— 0,40	— 0,28
работники	± 0,02	— 0,07
землевл. работники	— 0,46	— 0,16
хозяйств. имущество	— 0,09	± 0,02
хоз. им. землевлад.	0,52	0,22
ѣдоки	— 0,02	— 0,19
ѣдоки работники	— 0,01	— 0,05
аренда	± 0,05	— 0,20
промысл. заработки	0,24	—

Очевидно, наибольшее вліяніе на величину валового дохода с дес. землепользованія оказывает оборудованность хозяйства крестьянина хозяйственным имуществом и рабочими силами при разсчетѣ на десятину землепользованія. Всѣ остальныя коррелятивныя зависимости являются производными, за исключеніем зависимости от % денежности, рост котораго оказывает на доход с дес. землепользованія положительное вліяніе. Попробуем конкретизировать, на основаніи данных бюджетных изслѣдованій, вліяніе количества живого и мертваго инвентаря, рабочей силы и развитія денежных отраслей на производительность крестьянскаго хозяйства.

Здѣсь прежде всего мы встрѣчаемся с вліяніем % распаханности земли, — на черноземѣ он значительно выше, чѣм на сѣверных суглинках и подзолах. Чѣм выше валовой доход с дес. землепользованія, тѣм выше в хозяйствѣ в общем % земли под посѣвом:

	Волог.	Староб.
до 10,0 руб.	9,5	11,5
10,1—20,0	15,2	25,3
20,1—30,0	24,8	39,3
30,1—40,0	32,6	52,1
40,1—50,0	24,0	57,1
50,1—60,0	31,6	58,5
60,1—70,0	—	60,3
болѣе 70,0	26,2	58,7
в среднем	14,9	52,5

Большое значеніе имѣет также, что сѣется. В этом отношеніи особеннаго вниманія заслуживают трудоемкія культуры: лен, картофель, подсолнух, бахчевыя растенія и т. д. Под трудоемкими культурами был слѣдующій % посѣвной площади:

	Вологод.	Староб.
до 10,0 руб.	6,0	3,8
10,1—20,0	8,3	22,8
20,1—30,0	8,3	5,8
30,1—40,1	10,8	7,1
40,1—50.0	21,8	4,8
50,1—60,0	6,5	8,6
60,1—70,0	—	3,7
болѣе 70,0	0,0	7,6
в среднем	8,1	7,2

Затѣм, на доходность земли оказывает также вліяніе количество скота на дес. землепользованія — прежде всего тѣм доходом, который приносят продукты скотоводства, затѣм скопами навоза, вліяющими на урожайность в тѣх районах, гдѣ земля удобряется. На десятину землепользованія приходилось штук скота (в переводѣ на крупный):

	Волог.	Староб.
до 10,0 руб.	0,13	0,22
10,1—20,0	0,23	0,07
20,1—30,0	0,32	0,25
30,1—40,0	0,48	0,31
40,1—50,0	0,56	0,34
50,1—60,0	0,56	0,33
60,1—70,0	—	0,38
болѣе 70,0	0,53	0,36
в среднем	0,22	0,31

На урожайность вліяют также тщательность и своевременность производства всѣх работ. Этот момент не поддается количественному учету. Поэтому, в бюджетных изслѣдованіях нѣт данных по этому вопросу: их мы должны искать в подворных описаніях крестьянскаго хозяйства и в текущей земской статистикѣ. На различія в техническом совершенствѣ и своевременности работ в крестьянских хозяйствах разной зажиточности уже указывалось в литературѣ. *) Что касается урожайности, то, к сожалѣнію, в бюджетных изслѣдованіях не было обращено надлежащаго вниманія на этот вопрос. Наконец, послѣдним из числа основных моментов, вліяющих на доходность крестьянскаго хозяйства, являются цѣны на продукты: в зажиточных хозяйствах, имѣющих возможность не торопиться с реализаціей своих продуктов, цѣны выше. Этот вопрос также не освѣщен в бюджетных изслѣдованіях.

Итак, на размѣры валового дохода с дес. землепользованія оказывают вліяніе три момента: оборудованность хозяйственным имуществом и рабочими силами и развитіе денежных элементов. Изолируя с помощью комбинаціонной таблицы дѣйствіе % денежности от вліянія прочих моментов, мы получаем слѣд. коэффиціенты зависимости дохода с сдесятины землепользованія от % денежности:

Вологодскій у. — 0,39.
Старобѣльскій у. — 0,17.

Такова мѣра вліянія рынка на развитіе производительных сил крестьянскаго хозяйства.

Это вліяніе рынка заслуживает особаго вниманія. Повидимому, первыя десятилѣтія послѣ реформы 1861 г. крестьянское хозяйство переживало період застоя. Лишь с середины 1880-х г. г., под прямым вліяніем, с одной стороны, желѣзных дорог и запросов рынка, с другой — новаго поколѣнія, ставшаго во главѣ хозяйства, не испытавшаго на

*) В. Постников. Южно-русское крестьянское хозяйство, стр. 276 9, 317; А. Кауфман. Вопросы экономики и статистики крестьянскаго хозяйства. стр. 165 — 6.

себѣ разслабляющаго и притупляющаго вліянія крѣпостного права, — в крестьянском хозяйствѣ начинают усиленно развиваться травосѣяніе, посѣвы льна, картофеля и свеклы, молочное хозяйство и т. д. Если в первое время рынок только отбирал у крестьянина продукты его хозяйства, понижая потребленіе им хлѣба, молока, льна и шерсти на одежду и не давая ему ничего взамѣн, так как выручаемыя за продукты деньги шли у крестьянина главным образом на уплату податей и выкупных платежей, — то к концу XIX вѣка, под вліяніем запросов рынка, начало замѣчаться развитіе производительных сил крестьянскаго хозяйства, в строеніи котораго появились глубокія перемѣны: развитіе денежных отраслей, приспособленных к требованіям рынка, повышало доход крестьянина и вмѣстѣ с тѣм создавало прочную основу для развитія в странѣ обрабатывающей промышленности, желѣзных дорог и городской жизни.

В началѣ 1870-х г. г., А. Н. Энгельгардт имѣл основаніе сомнѣваться в плодотворности вліянія на крестьянское хозяйство молочных артелей, несших в него мѣновыя отношенія. Но утвержденія Николая — она, что развитіе мѣновых отношеній «ведет к уменьшенію успѣшности земледѣльческаго труда», и их слѣдствіем оказывается «несоразмѣрно низкая и притом постоянно понижающаяся производительность его (крестьянина) собственнаго труда», *) представляют собою в 1890-х г. г. явный анахронизм.

Ник.—он упустил из виду то развитіе производительных сил крестьянскаго хозяйства, которое началось с середины 1880-х г. г., и происходило в формѣ развитія его денежных отраслей. Весь тот прогресс, который связан с дѣятельностью земской агрономической организаціи и работою сельско-хозяйственной коопераціи, происходит в денежной части крестьянскаго хозяйства, натуральная его часть, напротив, не обнаруживает никаких признаков развитія, и ея техника носит чисто традиціонный характер.

С. Прокопович.

---

*) Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства, 1893, стр. 74, 188.

Возрожденіе Россіи и крестьянство.

Профессор-историк, опредѣляя мѣсто и роль крестьянства в нашей исторіи, пришел к выводу, что мѣсто было весьма почетным, а роль—первостепенной: крестьянство являлось важнѣйшим фактором внѣшняго роста и внутренних преобразованій государства Россійскаго. Непрерывно переливаясь своими колонизаціонными потоками через государственные рубежи и увлекая их за собой, оно превратило сравнительно небольшую Московію в великую Россію. Другой напор того же крестьянскаго моря не давал застыть формам внутренней жизни Россіи: онѣ сначала мѣнялись, дѣлаясь просторнѣй и лучше, а потом, когда онѣ оказались недостаточно податливы и гибки, море вышло из берегов — произошла первая и вторая революція. *)

Значеніе крестьянства было даже больше; оно сильнѣе сказывалось в динамикѣ русской жизни, обнаруживалось оно и в ея статикѣ. В послѣдней крестьянство Россіи было не только мертвым фундаментом, на котором покоилась вся растущая тяжесть огромнаго государственнаго зданія, но и тою живою почвой, в которую уходила своими корнями вся общественная, в том числѣ и государственная жизнь Россіи. Из той же почвы — темной и глубокой — шли тѣ соки и силы, которые питали важнѣйшіе процессы и событія, свершавшіеся на дневной поверхности нашей давней и недавней исторіи.

Как вездѣ, русское крестьянство было, во-первых, тѣм изначальным соціальным слоем, из котораго полностью или в своей большей части выходили кадры всѣх других общественных пластов, постепенно складывавшихся в ходѣ и в ростѣ русской жизни и в свою очередь двигавших вперед этот ход и этот рост. Как вездѣ, крестьянство было затѣм важнѣйшим резервуаром физическаго здоровья, питавшим біологическое благополучіе народа и прежде всего благополучія населенія городов. Оно же, всегда сохранявшее болѣе здоровые, чѣм у населенія городов общественные нравы и болѣе крѣпкіе нравственные устои семьи, являлось источником и нравственнаго здоровья общества. Менѣе извѣстна и болѣе спорна роль крестьянства, как поставщика умственно-творческой энергіи общества. Изслѣдованія, произведенныя в совѣтской Россіи среди профессоров и писателей современности, позволяют, однако, утверждать, что на протяженіи послѣдних десятилѣтій вѣка минувшаго и в вѣкѣ текущем русскому крестьянству, послѣ нашего духовенства, принадлежит первое мѣсто и в этом отношеніи. В той области жизни русскаго общества, которая связана с творчеством новых духовных цѣнностей, крестьянство уже обогнало дворянство, бывшее еще в недавнем прошлом Россіи «первенствующим» не только политически, но и духовно.

Совершенно безспорна и исключительно огромна роль крестьянства в поддержаніи роста и успѣхах русскаго государства. Из его членов слагался важнѣйшій аппарат государственной власти и важнѣйшее условіе независимаго существованія современных государств — армія; оно же было главным

---

*) См. статью А. А. Кизеветтера «Крестьянство в исторіи Россіи», помѣщенную в этом сборникѣ.

источником финансовых рессурсов государства — правительственных, зем-
ских и мірских; наконец, почти исключительно оно одно несло и натуральныя
повинности в пользу государства.

При всеобщей воинской повинности в Россіи, армія по своему составу
почти точно копировала соціальный состав всего населенія страны. Кресть-
янство, составлявшее в началѣ 20-го вѣка свыше 75% населенія, в таком же
почти количествѣ комплектовало и армію. Особенности и свойства, которыми
обладало крестьянство, переносились и на армію — она была со всѣми досто-
инствами и недостатками земледѣльческаго населенія Россіи.

Размѣр участія крестьянства во всякаго рода государственных доходах
невозможно выразить точно. Соотвѣтствующих суммарных подсчетов, на ко-
которые можно было бы положиться, нѣт. Имѣются лишь болѣе или менѣе
тщательныя попытки установить размѣр крестьянских платежей по отдѣль-
ным губерніям и уѣздам. Они были продѣланы в ходѣ работ мѣстных коми-
тетов о нуждах сельско-хозяйственных комитетов, созданных по иниціативѣ
Витте и существовавших в період между 1902-1905 г. г. По этим подсче-
там налоговая тяжесть, падавшая на средній крестьянскій двор, равнялась
50 руб. в Корочанском уѣздѣ Курской губерніи, 70 руб. в Московской губерніи,
114 руб. 35 коп. в Балашовском уѣздѣ Саратовской губерніи.

Эти подсчеты грѣшат неизбѣжным преуменьшеніем. В них, во-первых,
приняты во вниманіе только **важнѣйшіе** из косвенных налогов, во вторых и
послѣдніе учтены лишь в той части, которая падает **непосредственно** на
предметы крестьянскаго потребленія, налоги же, которые извлекаются из
крестьянскаго кармана не прямо, а путем переноса их на крестьянство ду-
гими классами*), учету не подаются. Невозможно на основаніи этих
подсчетов сколько-нибудь вѣрно опредѣлить общую сумму государствен-
ных платежей со стороны всего крестьянства. Допустимо воспользоваться
ими только для иллюстраціонной и весьма грубой прикидки общей на-
логовой тяготы. Если взять за исходную величину подсчеты по
Московской губерніи, произведенные по отношенію к среднему хозяйству
всей губерніи и являющіеся по сравненію с двумя другими болѣе тщатель-
ными и полными, то крестьянскіе платежи составят почти 63% общей
суммы всѣх государственных сборов**).

---

*) К числу таких налогов Балашовскій уѣздный комитет о нуждах с.-х.
промышленности относит, например, государственный промысловый налог
—«хотя этот налог падает на торгово-промышленный класс, однако, он в зна-
чительной своей части перелагается на потребителей, а, слѣдовательно, и на
крестьян».

**) Расчет построен на слѣдующих данных:

1. Обыкновенные государственные доходы равнялись 1900 мил. рублей
Земскіе сборы в земских (100 мил. руб.) и незем-
ских губ. равнялись приблизительно — 125 мил. рублей
Мірскіе сборы равнялись приблизительно — 85 мил. рублей
Всего около — 2100 мил. рублей

2. Личный состав крестьянскаго двора — 5,3 человѣка (данныя пере-
писи 1916 года).

3. Крестьянскаго населенія в 1902 года во всей Россіи имѣлось около
100 мил. человѣк.

При налогах на двор в 70 руб. на душу приходится 13.2 рубля, а на
100 мил. человѣк — 1320 мил. руб., что дает около 63% всѣх сборов
государства.

Прибавим сюда стоимость натуральных повинностей (подводную, постойную, дорожную и т .д.) крестьянства, и на плечи послѣдняго ляжет не менѣе двух третей налоговой тяжести государства... Россійское государство по составу своей арміи и по источникам своих денежных рессурсов было, таким образом, мужицким.

На крестьянствѣ же с его земледѣльческим промыслом и не мудреным хозяйством держалось и народное хозяйство страны. Народный доход Россіи на 54,9% в 1900 г. и на 54% — в 1913 г. был получен от сельскаго хозяйства. В абсолютных размѣрах послѣднее произвело матеріальных цѣнностей в 50 губ. европейской Россіи на 3.611 мил. в 1900 г. и на 6.360 мил. руб. в 1913 г. На долю крестьянскаго хозяйства из этого дохода 1913 г. приходилось 89,1% и только 10,9% на долю владѣльческих хозяйств. На продуктах крестьянскаго хозяйства покоилась и заграничная торговля страны в ея экспортной части. Из общей стоимости нашего вывоза в 1.520 мил. рублей, на продукты сельскаго хозяйства приходилось 1.308 мил. рублей. Невозможно сказать, какая доля в экспортѣ с.-х. продуктов падала на крестьянское хозяйство и какая на частно-владѣльческое. Доля послѣдняго не могла быть, однако, крупной. Среди важнѣйших с.-х. предметов нашего экспорта (хлѣб, лен, масло, крупной. Среди важнѣйших с.-х. предеметов нашего экспорта (хлѣб, лен, масло, яйца, кожи, сахар, мягкая рухлядь, жмыхи), только хлѣб и сахар в значительных количествах могли идти из владѣльческаго хозяйства. Сахар из него дѣйствительно и шел, но в экспортѣ 1913 г. он давал лишь 27,5 мил. рублей. Что касается хлѣба, то из общаго количества товарнаго хлѣба в предвоенной Россіи в 1.180.532 тысячи пудов, на долю крестьянскаго товарнаго хлѣба падало 926.191 тысяча пудов или 78,4% *).

Можно предполагать, что в нашем хлѣбном экспортѣ крестьянское хозяйство участвовало примѣрно в размѣрѣ тѣх же 78,4% . Страна таким образом ввозила к себѣ из-заграницы фабрично заводскія издѣлія и необходимыя для ея промышленности сырье и полу-обработанные матеріалы почти исключительно за счет продуктов, вырабатываемых крестьянским хозяйством. Тѣми же продуктами она в конечном счетѣ оплачивала свои заграничные долги и, слѣдовательно, опираясь преимущественно на них, могла дѣлать необходимые ей заграничные займы.

Меньшее, но все же огромное, значеніе имѣло крестьянское хозяйство и для судеб внутренней промышленности Россіи. Это значеніе было двояким: крестьянство являлось и поставщиком сырья для промышленности, и потребителем ея продуктов. Какова его роль была здѣсь? Двумя важнѣйшими вѣтвями крупной промышленности—текстильной и пищевой**)—она доставляла сырье — первой в видѣ льна, пеньки, хлопка, шерсти, второй — в видѣ зерна, картофеля, свекловицы, масляничных сѣмян и т. д. Текстильная про-

---

*) Проф. Н. Д. Кондратьев «Рынок хлѣбов и его регулированіе во время войны и революціи», Москва 1922 г. стр. 15.

**) По расчету проф. В. И. Гриневицкаго различныя отрасли крупной промышленности выпускали в 1908 г. издѣлій на сумму (в милліонах рублей) — горная 390; металлическая — 510; текстильная — 950; пищевая — 1207; разныя производства (минеральное, древо-обдѣлочное, химическое, резиновое, бумажно-полиграфическое и по обработкѣ животных продуктов) — 659.

мышленность в 1908 г. потребила матеріалов на 474 мил. рублей, из которых на заграничные приходилось 220 мил. рублей. Остальная сумма в 254 м. р. в своей значительной части относится на сырье, вырабатываемое почти исключительно в крестьянском хозяйствѣ, ибо волокнистыя растенія в крупных хозяйствах почти не культивировались. Пищевая промышленность жила исключительно на русских матеріалах, потребляя их (1908 г.) на 815 мил. руб. За исключеніем сахарной свекловицы, выращиваемой главным образом в крупных хозяйствах *), сырье и здѣсь доставлялось преимущественно крестьянским хозяйством. Вся наша крупная промышленность потребовала в 1908 г. русских матеріалов на 1436 мил. рублей, из которых матеріалы для текстильной и пищевой промышленности, шедшіе главным образом из крестьянскаго хозяйства, стоили 1069 мил. рублей. При таких условіях можно предполагать, что примѣрно около половины сырья, перерабатывавшагося крупной промышленностью Россіи в 1908 г., доставлялось крестьянством.

Приблизительно таково же значеніе крестьянства в качествѣ покупателя и потребителя промышленных фабрикатов. По подсчетам проф. В. И. Гриневецкаго, стоимость продуктов промышленности, (включая сюда и продукты мелкой отечественной промышленности и ввозныя из-заграницы), выпущенных на русскій рынок, равнялась в 1912 г. 6 — 6¼ милліардам рублей. Издѣлія промышленности распредѣлялись между тремя группами потребителей: 1) промышленно-техническими, 2) городским населеніем и 3) сельским населеніем с его хозяйством.

Первая группа потребителей пріобрѣтала продуктов на 2 — 2¼ милліарда рублей, вторая — на 2 — 2½ мил. рублей, третья — от 1¾ до 2-х мил. рублей. Крестьянское потребленіе составляет лишь 30%.

Может показаться, что послѣдней цифрой выражается и общая роль крестьянства в потребленіи издѣлій промышленности. Оцѣнка была бы ошибочна. Ее необходимо повысить. Промышленно-техническіе покупатели состоят из слѣдующих подгрупп: 1) промышленность, 2) строительное дѣло, 3) транспорт, 4) государственное и общественное хозяйство, включая сюда и оборону страны. **) Крупным покупателем и потребителем тут является государство с его огромными расходами по военному флоту и арміи, по ремонту и движенію ж. д. транспорта, по поддержанію и улучшенію морских портов, рѣчных и шоссейных путей, по сооруженію разнаго рода зданій, по ремонту, оборудованію и переоборудованію всякаго рода хозяйственных предпріятій государства (почта, телеграф, монетные дворы, казенныя имѣнія, фабрики и заводы, типографіи и т. д.). В государственном же хозяйствѣ участником, и при том самым крупным, является и крестьянство. Для перевозки его же продуктов в значительной мѣрѣ строились желѣзныя дороги государства, чистились рѣки, улучшались морскіе порты и т. д. Затѣм значительная доля в потребленіи частной промышленности должна быть также отнесена на счет крестьянства. Ремонт и переоборудованіе прежних предпріятій, и оборудованіе новых в сильной степени производились во имя удовлетворенія потребностей

---

*) На Украинѣ — главной области Россіи по культурѣ сахарной свеклы — посѣвы послѣдней у крестьян составляли в 1911 г. только 22% всей площади посѣвов.

**) «Послевоенныя перспективы русской промышленности», Москва, 1919 г., стр. 167.

крестьянства и его хозяйства. В 1912 г. деревня покупала на 500 мил. рублей продуктов пищевой промышленности, на 500 — 750 м. р. текстильных произведеній, на 250 мил. р. предметов горной и металлической промышленности и на 500 мил. издѣлій «разных производств» [1]).

Предпріятія, вырабатывавшія всѣ эти предметы крестьянскаго обихода, давали крупную долю в составѣ «промышленно-техническаго потребленія».

«Промышленно-техническое потребленіе» должно быть в конечном счетѣ разнесено по трем группам: городское населеніе, сельское и государство. При таких условіях роль крестьянства, если учитывать его значеніе и в государственном хозяйствѣ, при покупкѣ продуктов русской и заграничной промышленности, конечно, превысит 50% общей емкости русскаго рынка... Удѣльный вѣс крестьянства на рынкѣ промышленных издѣлій повышается, наконец, еще и в силу новаго обстоятельства, отмѣчаемаго В. И. Гриневецким: затраты крестьянства «на вещный капитал» шли в «значительной части» за счет «кустарно-ремесленнаго производства», но это снабженіе идет «трудно учитываемыми путями» [1]) и потому в опредѣляемый В. И. Гриневецким размѣр «сельскаго потребленія» не попало.

Такова об'ективная значимость крестьянства в недавней соціальной жизни Россіи в различных ея обнаруженіях и сторонах. Крестьянство являлось первостепеным источником физическаго и нравственнаго здоровья страны и вторым по значенію источником духовно-творческой энергіи общества. На нем стояло и им держалось государство, ибо на 4 пятых из него комплетовалась армія, а вносимые им налоги и отбываемыя натуральныя повинности давали государству около двух третей **всѣх** его сборов. На крестьянствѣ покоилось народное хозяйство: оно вырабатывало около половины всего народнаго дохода, доставляло странѣ по крайней мѣрѣ 75—80% предметов экспорта, удовлетворяло внутреннюю потребность Россіи в пищевых продуктах, давало не менѣе половины сырья для русской промышленности и обезпечивало в конечном счетѣ потребленіе не менѣе 50—60% продуктов той же промышленности.

Наконец, составляя свыше 75% всего населенія Россіи и слагаясь (перед войной) из 120 мил. человѣк, крестьянство было самым мощным соціальным пластом страны — пластом — матерью всѣх других соціальных групп, изобильно и безпрерывно из него выдѣлявшихся и вносивших в новыя условія своей дѣятельности тѣ основныя свойства (физическія и духовныя), которыми обладало крестьянство. Старое восклицаніе Пушкина «О Русь! ты rus!» сохраняло свою вѣрность и для Россіи начала 20 столѣтія. Один из умнѣйших государственных дѣятелей конца 19 и начала 20 вѣков, С. Ю. Витте, был прав, опредѣляя Россію «государством мужицким» и утверждая, что «вся соль русской земли, вся будущность русской земли, вся исторія — настоящая и будущая — Россіи связана, если не исключительно, то, главным образом с интересами, бытом и культурой крестьянства» [2]).

Революція, разорив крестьянство и страну, разорила первое меньше, чѣм вторую. Бѣгло очерченная нами значимость крестьянства в Россіи измѣнилась поэтому лишь в сторону ея новаго усиленія. Россія сдѣлалась еще болѣе «мужицкой», чѣм она была перед революціей и войной. По моим подсчетам для 12 губерній Европейской Россіи, городское населеніе в них по

---

[1]) Гриневецкій, цит. соч., стр. 108.

[2]) Воспоминанія, т. 1, стр. 476, Берлин, 1922 г.

абсолютному числу жителей опустилось до уровня, болѣе низкаго, чѣм он стоял в 1897 году. Страна стала еще болѣе деревенской, чѣм четверть вѣка назад... *) По своему значенію в соціальной структурѣ населенія Россіи, крестьянство послѣ четырех лѣт революціи оказалось единственным пластом, который не мало потеряв, не мало и пріобрѣл. «И если еще можно спорить о конечном итогѣ его прямых **и абсолютных** потерь и пріобрѣтеній, то безспорна и высока величина его относительных пріобрѣтеній, полученных в силу исчезновенія, распада и ослабленія других соціальных классов. Фигура крестьянина сейчас на авансценѣ общественной жизни Россіи. Она — единственная по своему соціальному вѣсу. Уравновѣсить ее некѣм и некому... *) Крестьянское хозяйство, как болѣе примитивное и потому болѣе устойчивое, чѣм другіе виды хозяйства, за революцію оказалось разрушенным относительно менѣе, и в 1921 г. оно вырабатывало не половину всего народнаго дохода как было в 1913 году, а 79%... *) Выросла и роль крестьянства, как государственнаго плательщика: в 1920 году государство получало с крестьянина, по крайней мѣрѣ... 88% цѣнностей, которыми оно располагало». *)

И это при неучетѣ безчисленнаго количества трудовых и гужевых повинностей, лавиной обрушившихся на деревню в годы революціи!

Так, в результатѣ коммунистической революціи, бывшей по идеѣ, задачам и по главной из дѣйствовавших в ней сил, рабочей, произошло рѣзкое увеличеніе соціологическаго значенія — **крестьянства.** Роль послѣдняго об'ективно сдѣлалась еще болѣе опредѣляющей в жизни и судьбах Россіи.

С установленіем в странѣ нормальной жизни, современное значеніе крестьянства будет, конечно, падать. Паденіе не может не быть, однако, медленным и долгим. Кромѣ того, оно имѣет свою границу, которая лежит гораздо ближе к современному положенію вещей, чѣм она была у западноевропейских стран с их внѣевропейскими рынками и колоніями. В предѣлах нашего историческаго кругозора Россія не может не оставаться страною крестьянскою по большинству ея населенія. Государственная и общественная жизнь ея будет долго зависѣть прежде всего от положенія крестьянства, как она зависѣла и зависит до сих пор.

II.

Положеніе крестьянства Россіи ни в какой мѣрѣ не соотвѣтствовало его об'ективному **значенію.** Соціальный пласт, самый важный по значенію, был в то же время самым обдѣленным по положенію. Главный солдат, главный государственный плательщик и важнѣйшій производитель матеріальных цѣнностей, был в то же время политически — самым безвластным, юридически — самым безправным, культурно — самым отсталым и темным, экономически — самым задавленным и оттого все болѣе нищавшим. Источник біологическаго благополучія городского населенія, крестьянство, давало в то же время картину страшной смертности (гораздо болѣе высокой, чѣм у городского населенія) и в рядѣ обширных районов обнаруживало явную тенденцію физическаго вырожденія.

Это несоотвѣтствіе значенія крестьянина и положенія его было важнѣйшей и безобразнѣйшей особенностью нашего недавняго прошлаго. В ней

---

*) См. мою работу «Россія послѣ четырех лѣт революціи, Париж, 1922 г., страницы — 21, 29, 64 и 123.

крылся основной трагизм русской жизни и ея глубочайшее противорѣчіе. Государство не может долго и безнаказанно держать в правовом неравенствѣ и духовной темнотѣ и вгонять в нищету первооснову своего бытія, ибо не могут безнаказанно противорѣчить политика — экономикѣ, форма общественной жизни — ея содержанію, положеніе класса — его значенію.

Русская государственная власть дольше чѣм полтора столѣтія создавала и поддерживала это роковое противорѣчіе. Порой она смягчала его, а потом усиливала вновь. Глубина противорѣчія все росла. Росла и острота его. В результатѣ возникали несчетные бунты. Они подавлялись. Потом вспыхнули революціи — сначала первая, потом вторая. Побѣда второй привела к великой катастрофѣ. Но и она не разрѣшила рокового противорѣчія русской жизни — узел затянулся еще туже. На очереди — неотвратимая новая революція. Развяжется ли страшный русскій узел в ней? Не знаем. Живущія поколѣнія **обязаны** однако, приложить **всѣ** усилія, чтоб он был развязан и уж навсегда.

Недавно появившійся в заграничной продажѣ послѣдній томик лучшей работы нашего лучшаго историка *) напоминает истоки основного и трагическаго противорѣчія русской жизни и показывает его прочное закрѣпленіе на исходѣ 18 вѣка, переданное затѣм и вѣку 19-му.

Истоки берут свое начало в «эпохѣ дворцовых переворотов», когда «каждому воцаренію предшествовала придворная смута, не гласная интрига или открытый государственный удар». *)

«Дворцовые перевороты имѣли у нас в 18 вѣкѣ очень важное политическое значеніе, которое выходило далеко за предѣлы дворцовой сферы, затрагивали самыя основы государственнаго порядка. Одна черта, яркою нитью проходящая через весь ряд этих переворотов, сообщала им такое значеніе»**). Она заключалась в активной и рѣшающей роли дворянства. Послѣднее «во всем своем составѣ через гвардію дѣлает случайныя правительства». **) За 37 лѣт смутной поры дворцовых переворотов, когда на престолѣ смѣнилось семь «самодержцев», «ни одна почти смѣна не обошлась без участія гвардіи», **) а через гвардію и всего дворянства. Политическое значеніе послѣдняго росло, ибо «абсолютная власть... обыкновенно становится слугой или своего окруженія, или общественнаго класса, котораго она боится и в котором ищет себѣ опоры»**). Цари и царицы періода 1725—1762 г. г., получавшіе престол, а иногда и лишавшіеся его, милостью дворянства, имѣли двойное основаніе и бояться дворянства, и заискивать в нем. В результатѣ «из всей неурядицы той эпохи» вырабатывается новый «крупный и общій факт... это — начало дворяновластія**). «Сословіе, бывшее доселѣ привычным орудіем правительства в управленіи обществом» начало само «править обществом посредством правительства». **)

Дворянство воспользовалось своим новым положеніем, оно сильно уменьшило, приблизив их к нулю, свои обязанности перед государством, пріобрѣло новыя сословныя привилегіи, значительно улучшило свое экономическое положеніе. Не имѣем возможности отмѣтить здѣсь **всѣ** эти многочисленныя и важныя пріобрѣтенія дворянства. Допустимо напомнить лишь **смысл** происшедших перемѣн в дворянском **землевладѣніи** и дворянском **душевладѣніи.**

За время дворцовых революцій дворянское землевладѣніе, бывшее до тѣх пор в своем огромном большинствѣ условным, оправдываемым ратною служ-

*) В. О. Ключевскій, «Курс русской исторіи», ч. 5. Петербург 1922 г.
**) Ключевскій, «Курс русской исторіи», ч. 4, стр. 341, 477, 342, 441, 449.

бой держателей земли государству, шло по пути превращенія в безусловное. Временный и ограниченный **держатель** государственной земли приближался к постоянному и полноправному **собственнику.**

Дворянское душевладѣніе за тот же період пережило то же самое измѣненіе. Бывшее прежде формой повинности крестьян **государству,** оно послѣ вольной грамоты дворянству 1762 г. превратилось в повинность крестьянина **сословію.** Из государственной повинность дѣлалась личной. Силою государственнаго принужденія, крестьянство, продолжая оставаться государственным тяглецом, отдавалось сверх того в личную службу дворянству.

Шел, по выраженію В. О. Ключевскаго, «юридически несообразный процесс в государственном положеніи дворянства: по мѣрѣ облегченія служебных обязанностей сословія, расширялись его владѣльческія права». *) С отмѣной обязательной службы дворянства крѣпостная неволя «получала формацію, трудно поддающуюся правовому опредѣленію. Она утратила свое политическое оправданіе, стала слѣдствіем, лишившимся своей причины, фактом отработанным исторіей». *)

Царствованіе Екатерины II, открывшееся привычным дворянско-гвардейским переворотом и удушеніем Петра III, принесло новое политическое усиленіе дворянства: оно сдѣлалось правящим не только в центрѣ, но и на мѣстах, не только в качествѣ коронных чиновников, но и в качествѣ выборных представителей своего сословія. Вмѣстѣ с новым усиленіем дворянства были твердо закрѣплены его расширившіяся права землевладѣльца и не только закрѣпились, но и усилились его права душевладѣльца.

Вопіющая несправедливость и страшно возраставшая тяжесть «третьяго крѣпостного права», **) не помѣшали ему, однако, ни укрѣпляться, ни расширяться. Со смерти Петра I до смерти Павла I помѣщикам было роздано, по подсчетам В. И. Семевскаго, около 2 милліонов крестьян***).

Сверх того Екатерининскій указ 1783 г. распространил дѣйствіе крѣпостного права на прежнія отношенія казаков и крестьян к казацкой **старшинѣ** в Малороссіи. «В Кіевской и Черниговской губерніях считалось около милліона крестьян — если не всѣ крестьяне, то большая часть их была превращена в крѣпостное состояніе указом 1783 г.» (Ключевскій).

Крестьянство не осталось спокойным свидѣтелем этих перемѣн в государственном порядкѣ, больно задѣвавших его. На свое новое положеніе оно отвѣтило бунтами.

«Народная масса очень чутка к несправедливости, жертвой которой она становится. Мелкія вспышки среди крѣпостных, неразгоравшіяся... в царствованіе Елизаветы, послѣ нея, тотчас по изданіи манифеста 18 февраля (1762 г.), разрослись в такіе размѣры, что Екатеринѣ II по вступленіи на престол пришлось усмирять до ста тысяч помѣщичьих и монастырских крестьян и до 50-ти тысяч заводских».

---

*) «Курс», ч. 4, стр. 432.

**) П е р в о е крѣпостное право основывалось на лично договорных обязательствах крестьянина по отношенію к землевладѣльцу; Уложеніем 1649 года эти личныя обязательства были превращены «в потомственную государственную повинность крестьян на частно-владѣльческой землѣ для поддержанія служебной годности военно-служиваго класса» (Ключевскій). Началось в т о р о е крѣпостное право.

***) С 1725 по 1762 г. было роздано около 500 тысяч душ, в царствованіе Екатерины II около 850 тысяч душ, при Павлѣ I — около 600 тысяч душ.

В царствованіе Екатерины крестьянскіе мятежи учащаются: от момента ея вступленія на престол до 1770 г. их было сорок. Созыв комиссіи для выработки новаго уложенія поселил в крестьянствѣ надежды на улучшеніе и его положенія: от 1770 до 1773 г. неизвѣстно ни одного волненія помѣщичьих крестьян. Надежды оказались тщетными, и с 1773 по 1775 г. огромным пожаром, охватив пол Россіи, вспыхнул Пугачевскій бунт. Страшное подавленіе его смирило крестьян: за 20 лѣт послѣ него легкія волненія произошли лишь в 20-ти имѣніях. Начало царствованія Павла открывает період новых широких мятежей — с разною силой они охватывают 32 губерніи. Крестьянскіе бунты происходят в царствованіе Александра I, но их число неизвѣстно. За 35-лѣтній період с начала царствованія Николая I до манифеста 1861 г. — насчитывается свыше 900 волненій, причем в это число не входят массовыя движенія крестьян в 1854-56 гг. в Великороссіи, Кіевской губерніи и на югѣ Россіи.

Крестьянскія волненія на почвѣ крѣпостного права идут, таким образом, почти безпрерывно на протяженіи цѣлаго столѣтія. Цѣлое столѣтіе два важнѣйших соціальных слоя России того времени стоят враждебным фронтом друг против друга, попеременно переходя в наступленіе — обстановка и срок, болѣе чѣм достаточные, чтобы у каждой из сторон сложилось и окрѣпло постоянное подозрительно-опасливое отношеніе друг к другу.

Власть в 18 столѣтіи была дворянско-помѣщичьей. Такой же она оставалась и в 19 вѣкѣ.

«Господство бюрократіи» в нашей исторіи 19 вѣка явилось измѣненной формой господства того же дворянско-помѣщичьяго класса. «Самодержавная» власть попрежнему оставалась об'ективно-зависимой от него и суб'ективно к нему близкой.

Общеизвѣстны, пестры по формѣ и безчисленны по количеству проявленія этой связи-зависимости. Одним из них была между прочим раздача дворянству государственных земель, исторически продолжавшая прежнюю раздачу крестьянских душ. Раздача шла весь 19 вѣк и в началѣ 20-го. Не могу назвать количества розданных земель в період 1801-1836 г. г. В послѣдующее же полустолѣтіе (1837-1887 г.) только в европейской Россіи было «всемилостивѣйше пожаловано» 1.855.000 десятин. Наряду с открытым «пожалованіем »шла раздача, замаскированная формой продажи и концессій. Продажа без торгов шла в западном краѣ, *) на Кавказѣ, в Башкиріи и т. д. Из земельных концессій общеизвѣстными являются концессіи полк. Вонлярлярскаго на Камчаткѣ, переданныя им потом иностранцам, концессія Абазы, Безобразова и др. на Ленѣ, Ялу, сыгравшая такую ужасную роль в возникновеніи русско-японской войны, и т. д.

Понятно, на чью сторону м о г л а стать государственная власть в тяжбѣ дворянских и крестьянских интересов, извѣстно, чью сторону она дѣйствительно приняла.

Столкновеніе и борьба, шедшія до 1861 года, в связи с крѣпостным правом, не закончились и послѣ его паденія. Они продолжались до самаго конца прежняго политическаго строя. В послѣднее полу-столѣтіе измѣнились только поле и цѣль дворянско-крестьянской борьбы. Прежнія столкновенія из-за дворянскаго **душевладѣнія** смѣнились борьбой и за его **землевладѣніе.**

---

*) По правилам 23 іюня 1865 г. продано казенных имѣній и ферм с площадью в 516.000 десятин.

Из мутнаго и мелкаго фарватера дворянских интересов наш государственный корабль вышел только краешком даже во время великой реформы 19 февраля 1861 года. Основной факт нашей исторіи 18 и 19 вѣков — доминирующее вліяніе помѣщичье-дворянских интересов на поведеніе государственной власти — сказался и на великой реформѣ: она получила грубый и четкій отпечаток вождѣленій правившаго класса. Реформа поэтому рѣзко разошлась и с правосознаніем крестьянства, и с его законными интересами.

Крестьянское правосознаніе по достаточным основаніям было рѣшительно против **выкупа** земли и против отвода только части помѣщичьей земли.

Реформа сверх того сопровождалась для помѣщичьих крестьян непосильными и несправедливыми выкупными платежами[1]) недостаточностью отходящей крестьянам земельной площади[2]) и сверх того отрѣзками даже от той земли, которая при крѣпостном правѣ была в крестьянском пользованіи[3]). Реформа тяжело била по законнѣйшим интересам крестьянства. Неудивительно, что и дворянство в цѣлом, и его правящая вѣтвь в отдѣльности ожидали в результатѣ реформы 1861 г. новую вспышку противо-дворянских крестьянских мятежей, а крестьянство, с его тогда еще сохранившейся вѣрой в справедливость царя, считало, что «настоящая воля» скрадена дворянами, что «воля», об'явленная — фальшива и долго ожидало «настоящій манифест» — **с полной волей и всей землей.**

Великая реформа 1861 года не закончила крестьянско-помѣщичьей тяжбы, а только перевела ее на новыя рельсы. И дворянство, и власть это понимали отчетливо. Они оба — дворянство со своим вліяніем на власть, а

---

[1]) По подсчетам А. Лосицкаго соотношеніе рыночных и выкупных цѣн на землю помѣщичьих крестьян было таким:

Губерніи	Площадь надѣла (в тысячах десят.)	Стоимость надѣла (в милліонах рублей): рыночная 1854—58 гг.	1863—72 гг.	по выкупу
Нечерноземныя	12 286	155	180	342
Черноземныя	9.841	219	274	342
Западныя	10 041	170	184	183
Итого:	32.268	544	648	867

Разница рыночной и выкупной стоимости земли об'ясняется тѣм, что в выкуп *за землю* был включен и выкуп *личности* крѣпостного—штрих, прекрасно характеризующій дворянско-классовую окраску реформы 1861 года. «Лицемѣрно увѣряя, что оно не допускает выкупа «личности», правительство не добилось, конечно, да на дѣлѣ и не пыталось добиться дѣйствительно безвозмезднаго освобожденія личности крестьянина. Его же агенты — первый товарищ министра внутренних дѣл Левшин — подсказали обход провозглашеннаго ими принципа». (Проф. А. Е. Вормс).

[2]) Среди 21.279 тысяч ревизск. душ (бывших помѣщичьих, удѣльных и государственных), освобожденных реформой 19 февраля 1861 года, 5906 тысяч ревизск. душ, или 27,7% были недостаточно надѣлены землей. Среди бывших помѣщичьих крестьян эта группа составляла даже 42,6% (подсчет В. И. Анисимова).

[3]) У помѣщичьих крестьян до реформы 1861 г. находилось в обработкѣ 35.197.000 десятин, послѣ реформы осталось 33.755.700 дес., отрѣзки в пользу помѣщиков равняются 1.441.300 десятинам, или 4,1%. Автор этих подсчетов В. И. Анисимов выведенный им размѣр отрѣзков считает значительно преуменьшенным, в дѣйствительности он был гораздо выше.

власть со своими рессурсами государственнаго воздѣйствія считали необходимым держать крестьянство в таких условіях, при которых оно было бы силой, неопасной для классовых интересов правящаго слоя, прикрываемых то искренне, то лицемѣрно интересами государственными.

Послѣ реформы главнѣйшія соціальныя силы русской жизни остались опять в состояніи сторон воюющих. Попрежнему обѣ онѣ стояли фронтом друг против друга.

К обычным эгоистическим и, так сказать, **«мирным»** интересам класса, у дворян помѣщиков при таких условіях прибавлялось еще и «военное» стремленіе держать своего противника в разоруженном состояніи. Этим многое опредѣлялось в фактическом положеніи русскаго крестьянства, а слѣдовательно в углубленіи и в заостреніи того основного и трагическаго противорѣчія русской жизни, о котором сказано в началѣ главы.

«Мирные» интересы правившаго класса подготовили **экономическія** условія для крестьянскаго разоренія и соціальных взрывов в 1905 и 1917 г. г., а его «военные» интересы создали для тѣх же явленій **культурно-психическія предпосылки.**

Правовое состояніе крестьянства является той первой областью в его общем положеніи, в котором проявились «военныя» задачи правительствующаго класса. Состояніе характеризуется обособленіем крестьянства от остального населенія и его неравноправностью с послѣдним.

Послѣ выхода из крѣпостной зависимости, личность крестьянина была отдана в зависимость в общественной жизни — сельскому обществу и волостному сходу, а в семейной — «большаку». Приписка к семейному обществу была обязательна; паспорт для отхода на сторону крестьянин мог получить только с согласія общества; тѣм самым ограничивалась свобода в выборѣ мѣстожительства и род занятій; была установлена круговая порука по взносу государственных повинностей, общество могло отдать неисправнаго плательщика и членов его семьи на чужія работы «для заработка недоимок», общество могло, наконец, сослать его в «гиблыя мѣста». По приговору волостного суда могло быть учинено наказаніе розгами. «Правомочія помѣщика публично правового характера... перешли почти полностью к органам управленія, частью к общегосударственным органам, а главным образом, к «міру», к сословному крестьянскому обществу. Послѣднему была дана почти безотчетная власть над личностью своих членов... Публично-правовыя ограниченія... и впредь продолжали лежать на освобожденном крестьянинѣ, подавляя в нем предпріимчивость и энергію, искусственно сохраняя в нем навыки, сложившіеся в неволѣ[1]). «Само сельское общество законодатель, проводя принцип обособленія крестьян от других общественных слоев, пытался изолировать от посторонних вліяній. Лица, поступившія в высшія и среднія учебныя заведенія или на государственную службу и вообще пріобрѣвшія права высшаго состоянія, из сельскаго общества должны были исключаться.

Правовое положеніе крестьянина, созданное «положеніем» 19 февраля, оставалось без измѣненій в теченіе 20 лѣт: до 1881 года не было издано ни одного закона в развитіе или измѣненіе положенія. В 1881 году (28 декабря) появился закон об обязательном выкупѣ б. помѣщичьими крестьянами своих надѣлов. По свидѣтельству одного из лучших знатоков крестьянскаго права (А. А.Леонтьев) это был единственный закон, продиктованный несомнѣнной заботой о крестьянских интересах. За ним идут законы, которые

[1]) А. Е. Вормс «Положеніе 19-го февраля», «Великая реформа», т. 6, Москва, 1911 года.

«властно вмѣшиваются даже в частно-правовую сферу крестьянской жизни, устанавливая в ней принцип опеки и попечительства»). *)

К этим законам относится, напр., закон «18 марта 1886 г. «О семейных раздѣлах крестьян», ставившій послѣдних и в самом фактѣ раздѣла, и в выполненіи его в полную зависимость от сельскаго общества. Власть «міра» над личностью получила новое расширеніе.

Затѣм идет закон 1889 года—положеніе о земских начальниках, возстанавливавшее «близкую к населенію и твердую власть» дворянства. При выработкѣ этого закона одно из наиболѣе вліятельных лиц в дѣлѣ созданія положенія... Пазухин, очень опредѣленно высказал свои стремленія: «лишеніе дворян, писал он, служебных привилегій не может не смутить населенія, привыкшаго видѣть в дворянах царских слуг... для прекращенія недоразумѣній между дворянством и крестьянством, возникающих на этой почвѣ, необходимо возвратить дворянству преимущественныя служебныя права». *) Созданіем института земских начальников «преимущественныя служебныя права» дворянству были возвращены: **) земскій начальник утверждал в должности волостного старшину, он мог временно устранять всѣх должностных лиц по крестьянскому самоуправленію; мог налагать на них дисциплинарныя взысканія; земскій начальник провѣряет всѣ списки дѣл, обсуждаемых на сельских и волостных сходах, и вносит в них по своему усмотрѣнію новыя, он просматривает рѣшенія волостных и сельских сходов и может пріостанавливать их выполненіе, он может, наконец, каждаго крестьянина без всякаго формальнаго судопроизводства оштрафовать и арестовать.

Обширныя полномочія земскаго начальника-дворянина уничтожали всякую тѣнь самостоятельности органов крестьянскаго самоуправленія и дѣлали их орудіем «твердой и близкой к населенію» власти... В 1861 году послѣ освобожденія из крѣпостного состоянія, личность крестьянина была отдана во власть «міра», а в 1889 году «мір» отдавался во власть земскаго начальника. Так, крестьянин, временно вырвавшійся из под-власти дворянина, снова попадал к нему.

Впослѣдствіи ряд правовых ограниченій был отмѣнен: с 1892 по 1906 гг. уничтожена круговая порука, в 1904 — тѣлесныя наказанія, в 1906 (указ 5 октября) крестьяне были уравнены с остальным населеніем в порядкѣ полученія паспортов и в порядкѣ поступленія в учебныя заведенія или на государственную службу (отмѣна «увольнительных приговоров» сельских обществ). Отмѣтим, что всѣ эти «послабленія» приходятся на годы крестьянских волненій и начинающагося или уже шедшаго революціоннаго движенія в странѣ ***).

Отмѣченныя законодательныя мѣры внесли свое улучшеніе в правовое положеніе крестьянства, но в корнѣ онѣ не измѣнили его. Обозрѣвая законодательство на протяженіи 50 лѣт послѣ реформы 1861 года, А. А. Леонтьев

---

*) А. А. Леонтьев «Законодательство о крестьянах послѣ реформы», «Великая реформа», т. 6.

**) По положенію о земских начальниках послѣдніе назначались губернатором из числа мѣстных дворян по соглашенію с губернским и соотвѣтствующим уѣздным предводителями дворянства.

***) Исключеніе составляет отмѣна подушной подати: отмѣна началась с 1892 года, но и она была распространена на все крестьянство во всей Россіи лишь в том же 1906 году.

отмѣчает, «полное отсутствіе заботы правительства разрѣшать... задачи в области крестьянскаго законодательства с точки зрѣнія прямых нужд и интересов крестьян».

Законодатель руководился совсѣм другими побужденіями и преслѣдовал иныя цѣли. На первом мѣстѣ тут стояли политическіе мотивы классово-помѣщичьей власти, на втором — интересы государственной казны. Интересы крестьян отсутствовали.

Другим средством у дворянства держать своего историческаго противника в разоруженном состояніи являлась духовная темнота крестьянства и его умственная неразвитость.

Народное образованіе, как организованная система культурных мѣропріятій власти, началось лишь послѣ раскрѣпощенія крестьян. Его введеніе властно требовалось новым строем жизни, создавшимся послѣ реформ 60-ых годов. Оно было введено, но развивалось таким темпом, что к переписи 1897 г. среди сельскаго населенія грамотных было только 25% мужчин и 10% женщин. Даже в 1906 году на начальную школу, включая сюда и школы городов, из средств государственнаго казначейства приходилось лишь 13.519 тысяч рублей, а безотчетныя средства, отпускавшіяся правительству для его «деликатных» надобностей, в том же году равнялись 10 мил. рублей (секретный фонд). Стоит сопоставить лишь эти двѣ цифры, чтобы оцѣнить мѣсто, которое занимало народное образованіе в дѣятельности власти. Для 1901 года могу указать приблизительную цифру **всѣх** расходов на сельскую школу. Она складывалась из таких составных элементов:

Расходы государственной казны .	6.720000 руб.
Земства (в 34 губ.)	8.882700 руб.
Мѣстные расходы в внѣземских губ. .	1.760000 руб.
Пособія земства ц.-приход. школам	453300 руб.
Итого . .	17816000 руб.

Общая цифра расходов на сельское начальное образованіе составляет лишь 17.816 т. руб. Она близка к цифрѣ расходов на тюрьмы и арестантов в том же 1901 г. 15.535 тысяч рублей. *)

По докладу министра просвѣщенія в Государственной Думѣ, в 1906 году в начальных школах обучалось лишь 5.389.000 дѣтей (42,3%), а 7.300.000 (57,7%) дѣтей школьнаго возраста за недостатком школ обучаться не могли.

В параллель с такими «заботами» об'емѣ народнаго образованія шли «заботы» о его качествѣ, сводившіяся к попыткам «обезвредить» его. Для разрѣшенія послѣдней задачи примѣнены были два пріема: надзор за школой все той же «опоры престола» дворянства и замѣна **образованія** «религіозно-нравственным **воспитаніем».**

Положеніе о народных училищах 1875 года призвало дворянство «стоять на стражѣ» народной школы для «огражденія оной от тлетворных и пагубных вліяній».

«С этого времени школы были отданы в распоряженіе училищных совѣтов с предводителями дворянства во главѣ, так что даже Министерство

*) В эту цифру не вошли еще расходы на содержаніе «холодных» при волостных правленіях и мѣст заключенія при полицейских участках, нѣт в ней и стоимости содержанія конвойных команд и стоимости труда десятских и сотских при сопровожденіи арестованных. При учетѣ и этих расходов получится, что тюрьмы и арестанты поглощали больше средств, чѣм начальное образованіе 100 милліонов земледѣльческаго населенія.

Народнаго Просвѣщенія, в лицѣ директоров — инспекторов народных училищ имѣло право вмѣшиваться лишъ в учебную часть. *)

Внѣшняго надзора оказалось недостаточно: начали искать способ ввести его внутрь школы и «обезопасить» самыя знанія, сообщаемыя в ней.

С 1881 года начинается покровительство власти церковно-приходским школам и борьба его с земскими школами.

Послѣ появленія Государственной Думы и связаннаго с ея дѣятельностью усиленія вліянія на власть промышленно-торговаго класса и в небольшой мѣрѣ крестьянства, а также в связи с усиленіем роли общественнаго мнѣнія, положеніе народнаго образованія начинает улучшаться.

До начала великой войны народное образованіе в Россіи, однако, не успѣло освободиться от тѣх особенностей, которыя, были внесены в него грубо-эгоистическими и недальновидными расчетами управлявшаго класса. Охарактеризованное правовое положеніе и культурное состояніе крестьянства били не только по нему одному, они больно ударяли и по всей русской жизни.

Витте понимал это. «Крестьянство», писал он в докладѣ царю на исходѣ 19-го вѣка (1898 год), «освобождено от рабовладѣтелей, но находится в рабствѣ произвола, беззаконности и невѣжества. В таком положеніи оно теряет стимул закономѣрно добиваться улучшенія своего благосостоянія. У них парализуется жизненый нерв прогресса. Оно обезкураживается, дѣлается апатичным, бездѣятельным. Государство при настоящем положеніи крестьян не может мощно идти вперед». **)

Усилія дворянской власти держать противника безоружным свое наиболѣе четкое выраженіе получили в политическом положеніи крестьянства. Мы опредѣляем его тѣм мѣстом, которое законом было предоставлено крестьянству в выборных учрежденіях общегражданскаго характера — в земствѣ и в законодательных учрежденіях (Государственная Дума и Государственный Совѣт). ***)

По положенію о земских учрежденіях 1864 года, введенному в 33 губерніях Европейской Россіи, из общаго числа 13035 гласных уѣздных земских собраній, избирательные с'ѣзды землевладѣльцев, выбирали 6104 человѣка. Остальные 6931 человѣк распредѣлялись между гласными от городских избирателей и выборными от волостных сходов. Крестьяне в земских собраніях были в значительном меньшинствѣ. Законодатель счел необходимым усилить значеніе землевладѣльцев (обычно дворян) еще и составом предсѣдателей земских собраній: предсѣдателями по закону были уѣздные предводители дворянства. Губернское земское собраніе состояло из выборных представителей уѣздных, имѣло крестьян еще меньше.Предсѣдательствовал, однако, и там дворянин — губернскій предводитель дворянства. По 10-ой ревизіи (1858 год) значилось 21.279 тысяч ревизских душ крестьян и 103.880 землевладѣльцев-дворян. Если это соотношеніе признать сохранившимся и через шесть лѣт, то крестьяне при выборах в земство обладали в 300-400 раз меньше избирательным правом, чѣм землевладѣльцы-дворяне.

Показалось, однако, и это недостаточным: в положеніи о губернских и уѣздных земских учрежденіях 1890 года права дворян еще болѣе усилены, а права крестьян еще сильнѣе ограничены. Новое положеніе выдѣляло дво-

*) «Великая реформа, том 6, статья И. П. Бѣлоконскаго» «Крестьянство и народное образованіе».

**) «Воспоминанія», том первый, стр. 471.

***) Земство в нашем прошлом имѣло безспорное политическое значеніе.

рян из внѣ-сословной группы землевладѣльцев в спеціальную дворянскую курію и ей предоставляло подавляющее большинство мѣст в земских собраніях... Крестьяне по положенію 1890 года уже не могли посылать гласных прямо от волостных сходов. Послѣдніе имѣли право выбирать лишь кандидатов в земскіе гласные, гласных же, руководясь отзывами земских начальников, из кандидатов назначал губернатор. Только послѣ первой революціи право непосредственнаго избранія гласных было снова возвращено крестьянам.

При выборах в Государственную Думу на губернских избирательных собраніях крестьяне были в меньшинствѣ. *)

Характерно при этом, что закон 11-го декабря 1905-го года, сильно расширившій по сравненію с первым законом о выборах (6-го августа 1905 года) избирательные корпуса среди других групп населенія и введшій представительство от рабочих, оставил без всяких перемѣн выборы от крестьян... Одновременно с роспуском 2-ой Государственной Думы появился третій закон о выборах. Главнѣйшими отличительными чертами его было сокращеніе выборщиков от крестьян, значительное усиленіе представительства землевладѣльцев и торгово-промышленнаго класса. По весьма осторожной характеристикѣ избирательнаго закона, дѣйствовавшаго при выборах в 3 и 4 Гос. Думы, данной В. О. Ключевским, 3-тій закон «обезпечивал большинство в Думѣ представителей помѣстнаго землевладѣнія и крупной городской буржуазіи... обезпечивал представителство от купечества обѣих столиц... и предоставлял остальным слоям общества (в том числѣ и крестьянству) заставить услышать в законодательном собраніи голос своих нужд и интересов». **)

В нашей верхней законодательной палатѣ Государств. Совѣтѣ — половина членов была по назначенію, другая половина — по выбору. Выбирали дворянскія собранія (18 членов), торгово-промышленныя организаціи (12 членов), православная іерархія (6 членов), Академія Наук и Университеты (6 членов) и наконец губернскія земскія собранія (по 1 члену от каждаго) — не выбирали лишь крестьяне.

В Государственном Совѣтѣ 75% населенія Россіи не могло поэтому даже «заставить услышать голос своих нужд и интересов».

Так в разных областях общественной жизни и разными способами подготовлялись предпосылки для развала огромнаго государства и для великой соціальной катастрофы. Политика власти изо дня в день подтачивала важнѣйшій устой, на котором держалась вся русская жизнь. В деревнѣ, которую обрекали на жизнь без права, без свѣта и без власти, росло чувство своей чуждости государству, всѣм его интересам и установленіям. В ней взращивались соціально-мятежныя состоянія духа. В тишинѣ и незамѣтно назрѣвала буря. Она была тѣм неизбѣжнѣе, чѣм темнѣе был ум, неспособный осознать тѣсную связь деревенской жизни со всей жизнью страны и признать кровную зависимость судеб деревни от судеб всего государства. Не сдерживаемое сознаніем, деревенское чувство отчужденности от государства могло развиваться свободно.

Буря грозила быть тѣм ужаснѣй, по формам, чѣм болѣе раб и менѣе гражданин был деревенскій обитатель. В душѣ раба слабо, или отсутствует вовсе, чувство права. В соціально мятежных движеніях рабов слаба поэтому,

*) Под руками у меня имѣются данныя о составѣ выборщиков по Тульской губерніи. По закону 6-го августа 1905-го года из 76 выборщиков на губернских избирательных собраніях, крестьян было только 32.

**) «Курс», ч. 5, стр. 313.

или отсутствует вовсе, правовая сдержка и чувство границ, за которыя перескочить нельзя. Для раба «все дозволено», ибо «все дозволено» было и по отношенію к нему.

Неизбѣжность грядущих потрясеній питалась еще и хозяйственным состояніем крестьянства. Послѣднее отчасти было производным уже указанных черт в положеніи крестьянства, главным же образом оно явилось слѣдствіем экономической политики правившаго класса. Хозяйственное положеніе деревни было тяжело. И тяжесть росла из года в год. Увеличивалось населеніе Россіи. В противоположность экономически развитым странам Запада, прирост в своей значительной части оставался в деревнѣ и на землѣ. Число крестьян, живущих на надѣльных землях, с 23.124.000 душ мужескаго пола в 1860 году, поднялось до 40.500.000 к 1905 году. Соотвѣтственно уменьшилась надѣльная площадь на мужескую душу — с 483 десятин за 45 лѣт она упала до 273 десятин. Посѣвной площади на собственной землѣ на крестьянскую душу обоего пола приходилось приблизительно только 0,5 десятин. *) Постепенно создавалась и создалась земельная «тѣснота».

Она была искуственно усилена долгим противодѣйствіем власти крестьянским переселеніям на свободныя земли, ибо дворянско-землевладѣльческій класс боялся очутиться перед двойной опасностью недостатка рабочих рук для обработки своих земель и арендаторов для их с'емки.

Земельное «утѣсненіе» обострялось затѣм и инертностью крестьянскаго хозяйства. Оно развивалось только вширь, росла лишь распашка земель. Движеніе вглубь, интенсификаціи хозяйства почти не было, в особенности до начала 900-ых годов.

Двѣ главныя причины мѣшали внутреннему росту крестьянскаго хозяйства. Одну мы уже знаем: это психическое свойство крестьянства, создавшееся его духовной темнотой и правовым гнетом. Не было ни нужных знаній, ни должной самодѣятельности. Не менѣе важным был второй фактор неподвижности хозяйства: отсутствіе средств, необходимых для его интенсификаціи. Капиталообразующей способности хозяйство крестянина было лишено, ибо тѣ скромные остатки, которые могли образоваться в нем, с избытком поглощались, во первых, выкупными платежами помѣщикам, казнѣ и удѣлу, во вторых, несоотвѣтствіем между продажными цѣнами на крестьянскіе продукты и покупными цѣнами на предметы промышленности, в третьих — тяжестью государственных налогов.

Выкупные платежи, окончательно отмѣненные лишь в 1907 году, потребовали от крестьян около 2,5 миллiардов рублей**). Сюда надо прибавить еще взносы трудом и деньгами, внесенные помѣщичьими крестьянами в період их

---

*) Цифра является выводом из слѣдующих расчетов: I. пашня на надѣльных землях занимает 54 и пять десятых процента всей земельной площади. На мужескую душу пашни приходилось в 1905 году, слѣдовательно 1,5 десятины. II. Посѣвной площади при трехполном сѣвооборотѣ — 1 десятина. III. Принимая число женщин равным числу мужчин, получаем посѣв на душу обоего пола — 0,5 десятины.

**) Около 1.500 милліонов рублей от помѣщичьих крестьян, около 900 милліонов руб. — от государственных и около 100 м. руб. — от удѣльных (подсчет А. В. Пѣшехонов в статьѣ «Экономическое положеніе крестьян в пореформенное время», «Великая реформа», том 6-ой).

«временно-обязаннаго состоянія» *) и оброчную подать государственных крестьян, выплачивавшуюся ими до 1887 года. Эти платежи, по подсчетам А. В. Пѣшехонова, дают около 1.400 милліонов рублей. За 46 лѣт крестьяне выплатили, таким образом, помѣщикам, казнѣ и удѣлу за полученную землю около 3.900 милліонов рублей. Приблизительно 2 милліарда рублей пошло помѣщикам.

Платило крестьянство и второму вліятельному классу русскаго общества, сначала лично связанному с первым, а потом, со времени третьей Государственной Думы, и формально раздѣлившему с ним и законодательную власть. То был класс промышленно-торговый. Его первое выступленіе на политическую арену (в Екатерининской комиссіи 1767 года) выразилось в требованіи для себя дворянской привилегіи владѣть крѣпостными людьми и носить шпагу **). В крѣпостной Россіи право владѣть крестьянами ему дано не было, поскольку он не состоял из дворян. Послѣ 1861 года он это право пріобрѣл. Право дала протекціонная таможенная политика, в результатѣ которой русскій потребитель покупал продукты отечественной промышленности по цѣнам гораздо болѣе высоким, чѣм онѣ стояли на міровом рынкѣ. «Если вычислить сумму переплат, вызванную таможенной политикой за вторую половину 19-го вѣка, то мы получим поразительную цифру в 14—15 милліардов рублей» (профессор Соболев). Таможенныя пошлины, пошедшія в казну, в этой «поразительной цифрѣ» составляли 4,5 милліарда рублей. Остальная сумма пошла в пользу промышленности и промышленников... Примем, что на долю крестьянства пришлась только половина переплат, и мы получим 5 милліардов рублей, извлеченных в пользу промышленности из нашей деревни.

Получилась невязка, больно бившая по крестьянскому хозяйству: оно продавало свои продукты по низким цѣнам мірового рынка, а покупало промышленныя издѣлія по высоким цѣнам внутренняго рынка, защищеннаго высокими стѣнами таможенно-протекціонной политики. Невязка увеличивалась еще продажными цѣнами на сельско-хозяйственные продукты: на русском рынкѣ онѣ были зачительно ниже, чѣм на міровом. В итогѣ, по прикидкѣ А. В. Пѣшехонова, за пуд американскаго хлопка русскій крестьянин отдавал 13 пудов ржи, а нѣмецкій только шесть, за пуд сахару первый — восемь пудов, второй лишь три...

Истощили крестьянское хозяйство налоги. Они росли гораздо быстрѣе, чѣм увеличивалось населеніе. Общій доход государства с четырех рублей на душу населенія в 1862 году, поднялся примѣрно до 15 руб. на душу перед великой войной. Налоги (прямые, косвенные — включая сюда чистый доход от продажи питей и пошлины) за тот же період увеличились приблизительно с 3,3 рублей до 10 рублей на душу населенія, причем косвенные налоги, облагавшіе предметы широкаго потребленія и потому падавшіе своей тяжестью прежде всего на крестьянство, поднялись с 2,3 рублей на душу в 1862 году до 6,3 руб. в 1909 году. Крестьянскому хозяйству трудно было интенсифицироваться при таких условіях. У него не было свободных собственных средств, не было и кредита. Земельная «тѣснота» при медленной интенсификаціи мелкаго хозяйства повела к усиленной скупкѣ и арендѣ крестьянами частновладѣльческих земель. Продажныя и арендныя цѣны на землю выросли.

---

*) Даже через двадцать лѣт послѣ манифеста 19 февр. 1861 года одна шестая крестьян была еще «временно-обязанными» по отношенію к помѣщику, платя ему оброк или отбывая барщину.

**) Ключевскій, «курс», часть V, стр. 58.

Первыя с 17 р. 40 к. за десятину в період 1863-72 г. поднялись до 98 р. 67 к. *) в 1904 г. и до 145 р. **) в 1912 году. Только при посредствѣ Крестьянскаго Банка деревня пріобрѣла около 18,5 мил. десятин. Всего же крестьянами пріобрѣтено от помѣщиков, казны и удѣлов в порядкѣ частных, личных и групповых сдѣлок от 1861 года до 1917 года около 40 милліонов десятин. Я не могу сообщить сумму выплат, произведенных крестьянами за пріобрѣтенныя земли, но она должна быть громадна. Выразиться она может цифрой, которая гораздо выше одного милліарда рублей. Еще выше была сумма арендных выплат. «По мѣрѣ роста малоземелья, аренда получает все болѣе и болѣе ростовщическій характер. Сидя на маломѣрном надѣлѣ, крестьянин не находит приложенія своей рабочей силѣ даже в самое страдное время... Крестьянин рад, если аренда дает ему возможность трудиться и (хоть как нибудь) оплачивать его труд. В настоящее время, как правило, аренда земель в черноземной полосѣ не дает полной оплаты труда крестьянина, за свой труд он получает меньше, чѣм получил бы за обработку и уборку десятины по вольному найму... при таких голодных цѣнах на землю, помѣщикам выгоднѣе сдавать свои земли крестьянам, чѣм хозяйничать на них... чѣм беднѣе и малоземельнѣе крестьянин, тѣм дороже он платит за землю, тѣм невыгоднѣе для него аренда. Таким образом, аренда земель является не средством борьбы с крестьянским малоземельем, а средством эксплуатаціи этого малоземелья»***). Собственное помѣщичье хозяйство шло на убыль. Из имѣній, состоявших в залогѣ, хозяйство велось (на площади в %%):

	1886—1890 гг.	1891—1895 гг.	1896—1901 гг.
за счет владѣльца	32	30	21
сдавалось в аренду	32	33	47
смѣшанно	36	37	32

Неизвѣстно, сколько земли арендовано крестьянами. По подсчетам Карышева для девяностых годов — 49.800.000 десятин, по данным комиссіи об оскудѣніи центра — 19.507.000 десятин, по расчетам А. А. Мануйлова для 183 уѣздов — 10 милл. десятин или 20% надѣльнаго землевладѣнія, по соображеніям А. В. Пѣшехонова «около 40 милліонов десятин». Если мы примем арендную площадь в среднем только в 20 милліонов десятин и арендную плату в среднем лишь в 5 руб. (Н. А. Карышев считал ее для 90 годов в 6 руб. 30 коп.), то до 1917 г. крестьяне произвели арендных выплат около 5,5 милліардов рублей (А. В. Пѣшехонов считает — «болѣе 10 милліардов рублей»).

Покупка и аренда земель по «голодным цѣнам» создавали новый канал для оттока оборотных средств из крестьянскаго хозяйства и, слѣдовательно, еще болѣе уменьшали экономическую возможность его интенсификаціи.

Так, крестьянство Россіи вынуждено было на протяженіи послѣдняго полустолѣтія не только содержать огромное государство, раскинувшееся на одной шестой земного шара, но оплачивать и жизнь командующих классов в нем — дворянско-помѣщичьяго и торгово-промышленнаго, оплачивать не

---

*) Данныя по 44 губерніям.

**) Средняя цѣна десятины земли, пріобрѣтенной крестьянами при посредничествѣ Крестьянскаго Земельнаго Банка.

***) С. Н. Прокопович «Аграрный вопрос в цифрах». С. Петербург, 1907 г. стр. 18, 19.

только в тѣх размѣрах и формах, которыя свойственны современному строю общественной жизни, но еще в формах и размѣрах исключительных, специфически русских.

Как неизбѣжное слѣдствіе из всѣх очерченных сторон в положеніи крестьянства, создавалось разореніе деревни. В ней усиливались болѣзни, происходили голодовки. В концѣ концов, в рядѣ обширных районов началось вырожденіе земледѣльческаго населенія. Дадим цифровую иллюстрацію лишь послѣднему процессу, как конечному итогу крестьянскаго положенія в Россіи Процесс обнаруживается данными о числѣ забракованных и получивших отсрочку при призывѣ к отбыванію воинской повинности и величиной смертности в деревнѣ.

Из общаго числа призванных по всей Россіи к отбыванію воинской повинности было (в %%):

	1874—83 гг.	1884—93 гг.	1894—1901гг.
забраковано по физич. недостат.	6,4	7,7	10,3
получило отсрочку по невозмужалости	6,7	9,7	9,1
Всего	11,1	17,4	19,4

«В Россіи в началѣ 19 вѣка умирало 24—29 человѣк, в среднем за послѣднія 25 лѣт умирает 35 человѣк на тысячу... Причина огромной смертности в Россіи — в ужасном положеніи нашего крестьянства. Во всѣх западно-европейских странах смертность в городах больше, чѣм в деревнѣ...», «а у нас в Россіи смертность сельскаго населенія — 35 на тысячу — значительно больше, чѣм смертность городского — всего 30 на тысячу... недоѣданіе и нищета нашего крестьянства дѣлают свое дѣло» *)

Деревня, этот извѣчный и повсемѣстный источник физическаго здоровья народов, благодаря грубо корыстной и нерасчетливой политикѣ правившаго класса Россіи, сдѣлалась источником біологическаго неблагополучія населенія. В этом — лучшая оцѣнка и наиболѣе яркій итог того строя жизни, при котором началось и потом все болѣе обострялось роковое противорѣчіе между об'ективным значеніем крестьянства и его положеніем, и который в результатѣ именно этого противорѣчія без сопротивленія и славы пал в февральско-мартовскіе дни 1917 года.

Исторической судьбѣ нашей было угодно послѣ недолгаго перерыва замѣнить у власти одно меньшинство другим. Послѣ класса, который продолжал долгое время держать власть, уже **потеряв** когда то имѣвшіяся у него права на нее, к власти пришел класс, который этих прав **еще** не пріобрѣл. С праваго фланга русскаго общества, который исторически уже **отжил,** власть перебросилась в руки крайняго лѣваго фланга, который до нея еще не **дожил.** Поведеніе у власти новаго хозяина государства в общем повторило поведеніе прежняго. Новый класс, как и старый, пришел к власти с сознаніем своих преимущественных и даже исключительных прав на нее. Он разсматривал неправящее большинство населенія, крестьянство — в первую очередь, как неполноправное и по сравненію с собой низшее. Мысль об опекѣ этого большинства и о руководствѣ им для него так же характерно, как идея класса, отброшеннаго от власти. Новый властелин, повторяя прежняго, посмотрѣл на свою власть не как на тяжелую публично-правовую обязанность, но как на подаренную исторіей привилегію, которую в своих интересах и цѣлях он может и

*) А. А. Кауфман «Аграрный вопрос в Россіи», т. I, Земельныя отношенія и земельная политика. Москва, 1908 г., стр. 73.

должен использовать полностью. Как и прежде, его мало заботили и еще меньше стѣсняли тѣ послѣдствія, к которым вело это грубо-эгоистическое использованіе привилегій власти. Повтороенные принципы поведенія с неизбѣжностью привели к повторенію и форм поведенія: как и прежде, власть замкнулась в предѣлах узкой, наиболѣе воинственной части класса и усвоила прежніе тиранические пріемы, остріе которых направлялось не только против врагов правящаго класса, но и в сторону дальновидных или совѣстливых представителей послѣдняго... Самодержавно-классовая власть не умерла в русской жизни.

В февральско-мартовскіе дни она лишь не надолго замерла. В октябрѣ она появилась вновь, попытавшись скрыть свое старое существо новым костюмом и измѣненной фразеологіей. Сходство былой власти с современной становится еще болѣе полным, если мы внимательнѣе остановимся на отношеніи послѣдней к крестьянству. Его современное положеніе продолжает прошедшее. Современное крестьянство безгласно. Формально оно не лишено прав на участіе во власти, но даже и формально эти права ограничены, фактически их нѣт вовсе. Формально крестьянству принадлежат избирательныя права в об'емѣ, который впятеро меньше, чѣм об'ем избирательных прав у рабочаго. Система сыска и неограниченнаго террора, сопутствующая полному уничтоженію всѣх гражданских свобод и подкрѣпляемая открытым голосованіем, свела на нѣт и эти формально предоставленныя права на власть.

Крестьянство безправно. Безправно и все населеніе современной Россіи, за исключеніем носителей власти и членов той частно-правовой организаціи, на которую опирается власть коммунистической партіи. Крестьянство, однако, безправно вдвойнѣ, ибо в отношеніи к нему власть лишена и той сдержки, которая создается широкой гласностью ея дѣйствій в городах и воздѣйствіем общественнаго мнѣнія. Безправное положеніе крестьянства усиливалось дальше тѣм, что оно являлось сначала главным, а потом единственным слоем, который мог содержать совѣтскую власть. На него велся поэтому усиленный натиск послѣдней. Тѣ массовые пріемы воздѣйствія, которые производились по отношенію к крестьянству, не практиковались в городах (сжиганіе деревень, массовыя пытки, выселеніе цѣлых станиц и деревень и т. д.).

Крестьянство темно в смыслѣ школьнаго образованія. Формально современная власть признает необходимость всеобщаго образованія, как признала в концѣ концов его необходимость и прежняя, фактически же власть, находя средства для громадных трат на заграничную пропаганду, не находит их для образованія внутри страны. Разрушается даже поэтому прежняя школьная сѣть. Грамотность крестьянства катится вниз. Характерно при этом, что и в мѣру затрачиваемых средств, послѣднія затрачиваются охотнѣй и шире на образованіе среднее и высшее, чѣм на первоначальное. Старая картина: в прошлом мы имѣли образованнѣйшую интеллигенцію и невѣжественнѣйшую массу населенія — прежде всего крестьянство.

Повторяет новая власть прежнюю и в своем стремленіи «обезвредить» образованіе, внеся в него узко-классовыя и временныя задачи и цѣли. Прежде средством тут была пародія на «религіозно-нравственное воспитаніе», нынѣ— коммунистическое воспитаніе. Состав библіотек, обслуживающих внѣшкольное образованіе крестьянства, нынѣ «подчищен» и «обезврежен» еще строже и сильнѣй, чѣм это было раньше.

Крестьянство экономически угнетено. Взамѣн прежних государственных пенсіонеров—дворянства и отчасти промышленников, содержаніе которых ложилось на деревню, появился пенсіонер новый—рабочій класс. Расходы на

его жизнь оплачиваются крестьянством... Попрежнему государственные платежи и повинности крестьянства гораздо выше его платежеспособности. Расхожденіе тут сдѣлалось даже большим, чѣм было раньше.

Октябрьская революція первоначально привела крестьянство под власть новаго класса. Хотя послѣдній был гораздо ближе крестьянству по своему соціальному положенію, чѣм прежній правящій класс, но новая власть оказалась гораздо горше смѣненной. Об'ясняется это во первых тѣм, что новая власть и представляемый ею класс оказались откровеннѣй, грубѣй и прямолинейнѣй в своих классовых устремленіях и домагательствах, чѣм власть прежняя, тѣм во вторых, что новая власть пришла к государственному управленію с гораздо большим запасом невѣжества и близорукости, чѣм то было у власти прежней, тѣм, наконец, что идеальныя цѣли новой власти и новаго класса были об'ективны совершенно оторванными от русской почвы и русской жизни, представляя собой пересадку вѣрованій и надежд, сложившихся в совершенно иной обстановкѣ, нигдѣ не провѣренных жизнью и вряд ли способных выдержать эту провѣрку.

Об'ективное значеніе крестьянства при совѣтской власти сдѣлалось выше, чѣм было в прежнее время, а его положеніе — значительно ниже и хуже. Прежнее противорѣчіе русской жизни углубилось и заострилось. В самом фактѣ его существованія лежит основная, с нашей точки зрѣнія, причина неизбѣжной в грядущем гибели совѣтской власти, а в новой глубинѣ и остротѣ противорѣчія — надежный залог и крѣпкая порука краткаго — в историческом смыслѣ — существованія этой власти[1]).

III

Три класса в исторіи Россіи стали у руля государственнаго корабля и руководили ходом послѣдняго. Три среди основных классов нашего общества имѣли возможность проявить свое отношеніе к классу четвертому — крестьянству и тѣм обнаружить свое пониманіе об'ективнаго значенія крестьянства в жизни Россіи и свои представленія о характерѣ связи своих интересов с интересами и всей страны, и ея главнаго соціальнаго устоя. Этими классами в хронологическом порядкѣ их появленія у власти были: помѣстно-земле-владѣльческій, торгово-промышленный и рабочій. Отмѣтим, однако, одно существенное различіе в отношеніях этих классов к государственной власти: первому и третьему классу власть в свое время принадлежала безраздѣльно,

[1]) Пониманіе совѣтской власти, как классово-рабочей, встрѣтит возраженія, возможно, горячія. Имѣются, однако, вполнѣ достаточныя количества об'ективных фактов, чтобы утверждать: как *классово-рабочая*, совѣтская власть *появилась и существовала*. Теперь она измѣнилась.

Со времени «Нэпа» рабоче-классовые интересы ея поведенія быстро идут на убыль, это с одной стороны, а с другой — и сам рабочій класс давно уже, еще до «Нэпа», начал утеривать склонность отожествлять свои интересы с политикой совѣтской власти. Совѣтская власть, как классово-рабочая, вырождалась и продолжает вырождаться и в смыслѣ мотивов своего поведенія, и в смыслѣ состава своей соціальной базы. Теперь она переживает то же состояніе, в котором послѣдніе два года жизни находилась царская власть: она оторвалась от значительнаго большинства класса, ее выдвинувшаго и ее поддерживавшаго.

оба они прошли через періодъ самодержавнаго управленія ими страной. Класс торгово-промышленный до сих пор в таком положеніи не был. Он не правил самостоятельно, он лишь принимал **участіе** в управленіи. Участіе это росло. Со времени третьей Государственной Думы (1907 г.) до революціи 1917 года оно было вліятельным, но это было все-таки политическое сотрудничество, и притом на второстепенных ролях. Та степень твердости и опредѣленности, с которой можно охарактеризовать поведеніе этих правивших классов в их отношеніи к крестьянству, а слѣдовательно и к Россіи, не может не быть различной.

С ясным ощущеніем правоты можно утверждать, что классы помѣстно-землевладѣльческій и рабочій не оказались на высотѣ выпавших на их долю задач и почетно огромных обязательств перед страной. Оба они, хотя и в различной степени, оказались грубо эгоистическими, недальновидными и слишком склонными отожествлять свои грубо-классовые интересы с интересами и нуждами всей страны. Оба они посмотрѣли на главнаго солдата, главнаго плательщика государственных налогов и важнѣйшаго производителя народно-хозяйственных цѣнностей, как на об'ект эксплуатаціи и врага. Оба они поэтому поставили его в подчиненное, одновременно унизительное и тяжкое положеніе по сравненію с собой. Оба тѣм самым подкопывали и успѣшно подкопали фундамент, на котором стояла их власть и их привилегіи. У обоих классов в распоряженіи не оказалось ни способности к мудрому самоограниченію, ни умѣнія дальновидной расчетливости. Оба они, наконец, так построили верховную власть, что, лишенныя способности измѣнить ее, должны были в концѣ концов отвернуться от нея.

К каким бы причинам ни относить свойства обоих классов, обнаруженныя ими у кормила государства, чѣм бы ни оправдывать их поведенія, от их управленія остался один общій и для политика важный факт — это глубокая борозда недовѣрія к ним, переходящаго в озлобленность, со стороны того слоя, который наиболѣе страдал и сильно пострадал от их власти — со стороны крестьянства. Нѣт силы, нѣт доводов, нѣт краснорѣчія, которыя могли бы заставить теперь крестьянина дружно и довѣрчиво вложиться в одну общую лямку с землевладѣльцем и рабочим. По отношенію к послѣднему борозда недовѣрія закроется, если она не будет возобновляться вновь. По отношенію же к первому она, вырытая заступом столѣтій, незакрываема. Однако, и по отношенію к первому память о его вооруженных походах за с.-х. продуктами в деревню и его положеніи государственнаго пенсіонера будет долго, как старая рана, чувствоваться в крестьянской душѣ. По отношенію к торгово-промышленному классу сужденія должны быть смягченными меньшей увѣренностью в их справедливости. Твердо можно констатировать лишь одно: принимая в теченіе послѣдняго десятилѣтія вліятельное участіе в управленіи государством, класса этот не обнаружил ни готовности, ни тѣм болѣе энергіи добиваться того положенія крестьянства, которое бы соотвѣтствовало его значенію. Больше того — торгово-промышленный класс на протяженіи полустолѣтія не только принимал участіе в экономическом обезкровливаніи крестьянскаго хозяйства, но и желал этого обезкровливанія, добиваясь — «субсидій и гарантій», а главное—тяжелой таможенно-протекціонной системы, весьма выгодной для промышленности, но разорительной для крестьянскаго хозяйства и обидно несправедливой для тяжелаго крестьянскаго труда. В качествѣ наблюдателя, желающаго быть об'ективным, должно констатировать, что и здѣсь была ранена крестьянская душа. Рана здѣсь не идет ни в какое сравненіе по своей величинѣ с той, которая поразила область дворянско-

крестьянских отношеній, она меньше даже, чѣм на отношеніях рабоче-крестьянских, но она была..... Надѣемся, что она закрывается теперь. Увѣренности в том, что она **уже** затянулась, у нас, однако, нѣт.

Учат-ли эти факты нашего прошлаго? Урок-ли в них, который должен быть учтен и твердо удержан памятью? Конечно, **да.** И вот почему.

Политическое господство или преобладаніе каждаго класса неизбѣжно дает классово-окрашенную государственную власть. Верховная власть, руководившая каким либо классом, общенародной — в точном смыслѣ этого слова — никогда не была и быть не может, пока люди останутся такими, каковы они есть.

Власть может только **приближаться** к общенародной. Путь для этого имѣется только один — это участіе у власти **всѣх** классов общества, когда сила и интересы каждаго из них могут уравновѣшиваться политической значимостью и эгоистическими стремленіями других классов. Путь этот открывают только демократическія формы государственной жизни. Единоличная власть — всякая — неизбѣжно дѣлается «или слугой своего окруженія, или класса, котораго она боится и в котором ищет себѣ опоры».

Степень окрашенности власти интересами класса бывает различна: она мѣняется от страны к странѣ и от класса к классу. Настойчивость и близорукость притязаній правивших классов русскаго общества мы видѣли. Онѣ были таковы, что вели и привели к разрушенію государства, народнаго хозяйства и других сторон общественной жизни. Наше прошлое настойчиво предостерегает относительно трех классов — относительно двух с большой настойчивостью, относительно третьей с меньшей. Факт предостереженія остается, однако, по отношенію ко всѣм трем.

К предостерегающему голосу фактов прошлаго необходимо отнестись с повышенным вниманіем, ибо первый період в жизни послѣбольшевистской Россіи неизбѣжно будет характерен неорганизованностью общественных сил и будет изобиловать такими одновременно важными и сложными («темными») проблемами, *) что грубо эгоистическим вожделѣніям и аппетитам класса, который станет у власти, будет мѣсто, гдѣ разгуляться со всей несдержанностью. Мы исходим из интересов Россіи, как цѣлаго. Среди них на первом мѣстѣ ставим задачу ея экономическаго возрожденія, как условія возстановленія всѣх других сторон общественной жизни. Что слѣдует дѣлать и к чему стремиться перед лицом этой весьма реальной опасности разгула классовых аппетитов?

Maximum желанія для лиц и групп, сердце которых срослось с Россіей и думы которых отданы проблемам ея возстановленія, — общенародная власть, составленная из всѣх классов общества. Значит — демократическія формы государственной жизни. Но не только они. У власти реальное участіе, а не декоративное только, **) могут принимать лишь организованные

*) Переоцѣнка прежних денег и их обмѣн на новые знаки, возврат имущества владѣльцам, уплата за понесенные во время революціи убытки, уплата за землю, отошедшую крестьянам, использованіе пустующих земельных площадей и т. д.

**) Декоративное участіе в современной совѣтской власти принимает наприм. крестьянство в видѣ комиссара земледѣлія Яковенко. Кромѣ «православной» бороды да маскарадно-крестьянскаго костюма крестьянство тут не представлено больше ничѣм.

слои. Больше того — их политическій вѣс опредѣляется прежде всего этой организованностью. Задача политической организаціи крестьянства, с одной стороны, как наиболѣе важнаго соціальнаго слоя Россіи, а с другой, как несущаго наибольшій риск оплаты за разгул классовых аппетитов других слоев, — ибо он один только и может платить, а кромѣ того он и по преимуществу и платил за них до сих пор, — становится важнѣйшим политическим дѣлом в Россіи и для Россіи. Допустим, что общенародная власть оказалась недостижимой, и ход событій приведет к господству одного какого нибудь класса. Какой класс мы можем желать видѣть у власти с точки зрѣнія Россіи? Очевидно тот, который важнѣй для Россіи, с судьбами котораго наиболѣе крѣпко и тѣсно связаны судьбы послѣдней. Им является крестьянство.

Допустим далѣе, что этим правящим классом будет не крестьянство, а, например, класс торгово-промышленный, шансы котораго мы склонны оцѣнивать высоко. Сохранит ли смысл и широкое государственное значеніе политическая организація крестьянства в таком случаѣ? Несомнѣнно. Разгул классовых интересов по общему правилу сдерживается не только внутренними побужденіями, сколько давленіем других, задѣваемых этим разгулом, общественных сил. Наша исторія еще недавно дала доказательство этого положенія. Правовое, культурное, экономическое и политическое положеніе крестьянства Россіи улучшилось довольно значительно послѣ 1905-06 годов. Причиной были крестьянскія волненія 1902, 1904 и 1905-06 годов, когда из молчаливых глубин крестьянскаго моря вышла соціальная буря — опасная и для государства в цѣлом, и для правившаго дворянско-землевладѣльческаго класса. То же давленіе мятежной крестьянской стихіи сыграло немалую роль и в другом поворотном періодѣ в судьбах крестьянства — в великой реформѣ 19 февраля 1861 года... Давленіе очень потребуется и в нашем близком будущем, если не крестьянство будет государственным рулевым. Давленіе в тѣх формах, в которых оно происходило прежде, и недостаточно, и не выгодно: оно недостаточно, ибо приходит слишком поздно — лишь тогда, когда положеніе по старинному выраженію «выходит из терпимости человѣческой», т. е., когда оно уже приносит свои об'ективно-отрицательныя послѣдствія для страны. Оно невыгодно, ибо осуществлялось в формах мятежа, при котором страдали и государство, и собственные интересы возмущенных. На смѣну неорганизованным бунтам прошлаго должны придти организованныя и планомѣрныя дѣйствія крестьянства в будущем... Если у власти станет другой класс, не крестьянство, давленіе послѣдняго на власть будет и неизбѣжным, и полезным. Представляется важным, поэтому, сообщить ему и большую своевременность, и болѣе выгодныя с общенародной точки зрѣнія формы проявленія. Так, политическая организованность крестьяства в русских условіях сохраняет свой общенародный смысл при всѣх трех возможных политических комбинаціях. В виду всѣх их политическая работа по организаціи крестьянства в активную и самостоятельно-дѣйствующую силу остается политическим дѣлом, значеніе котораго для Россіи нельзя переоцѣнить.

* * *

Появленіе крестьянства в составѣ активно-дѣйствующих политических сил Россіи можно считать неотвратимым фактом грядущаго. Он создастся и уже создается на основѣ той крестьянской психологіи, которая складыва-

лась на протяженіи почти двух столѣтій и теперь получила свои послѣднія, дорисовывающія ее черты. Основной признак этой психологіи — чувство и сознаніе крестьянством своей обособленности от других соціальных групп и своей страдательной роли в ходѣ русской жизни. Как указано выше, обособленность почувствовалась прежде всего по отношенію к дворянско-землевладѣльческому классу. Она обнаружилась уже в событіях нашей «смутной эпохи», в движеніи С. Разина, а затѣм, все усиливаясь, окончательно укрѣпилась послѣ актов 18-го февраля 1762 года, 19-го февраля 1861-го года и всѣх событій первой русской революціи, среди которых особенно крупную роль сыграл разгон первой и второй Государственных Дум и методы проведенія Столыпинскаго указа 9-го ноября 1906 года.

Чувство сознанія обособленности распространилось затѣм на торгово-промышленный класс, ибо он во первых был тѣсно связан и густо переплетен с помѣстно-землевладѣльческим классом, во вторых — в процессах разоренія и угнетенія деревни он вмѣстѣ с дворянством принял дѣятельное участіе. Отчужденность от этого слоя была слабѣе, чѣм от землевладѣльцев, но она существовала.

Ощущеніе крестьянством своей страдательной роли в ходѣ русской исторіи, выросшее на почвѣ поведенія командующих классов, отдало русскую деревню во власть народническо-соціалистических партій и групп. Ограничиваемая с начала крестьянской вѣрой в справедливость царя, эта власть сдѣлалась безраздѣльной, когда миф о справедливом царѣ окончательно развѣялся в деревенском сознаніи. Соціалистическія партіи (преимущественно соц.-революціонеры) с их рѣшительным отрицаніем положительной роли за командующими классами и их горячей защитой интересов труда, и в частности крестьянских прав на землю, попадали в тон собственных ощущеній крестьянства.

Закрѣпляя и уясняя обособленность крестьянства от командующих классов, соціалистическая пропаганда в то же время внѣдряла в сознаніе деревни мысль об общности ея интересов и единствѣ ея путей с классом промышленных рабочих. Крестьянство, близкое по общему своему положенію и по своим личным связям с рабочим слоем, еще не получившее к тому же предметных уроков исторіи, разрушающих миф о единствѣ «трудового народа», сочувственно реагировало и на эту сторону в соціалистической пропагандѣ. Во всяком случаѣ, она не мѣшала ему поддерживать партіи, которыя в своей теоріи фактически отправлялись от интересов рабочаго, копируя выводы западно-европейской общественной мысли.

«Годы прошли с тѣх пор» — тяжелые, страшные, но и умудряющіе годы. Событія послѣдних лѣт не позволяют уже крестьянину отожествлять свои интересы с интересами рабочаго класса. Крестьянское ощущеніе своеобразія своего положенія в обществѣ продвинулось дальше. Оно захватило и рабочаго. «Мыслимо, оказывается, положеніе, когда вооруженный винтовкой и пулеметом рабочій идет в деревню грабить ея продукты... Разрушив своим активным содѣйствіем власти промышленность, он может приниматься за разрушеніе крестьянскаго хозяйства. Пропитанный идеей своего соціальнаго мессіанизма, он может становиться угнетателем крестьянства; он может поддерживать власть, которую ненавидит крестьянство, и активно помогать ей в борьбѣ с деревней, когда ей становится непосильным гнет. У крестьянина и рабочаго может быть много общих интересов, но у них есть и противоположные. Во всяком случаѣ в одной упряжкѣ им не ходить. Ко-

нечно и рабочій, и крестьянин—трудовой народ, но, народ, выходит разный».*) Так год тому назад я передавал «первый вывод», который сдѣлала крестьянская политическая мысль из опыта прожитых лѣт.

Логическим слѣдствіем этого вывода, до котораго без труда дошла деревенская мысль, явилась идея новой политической группировки. «Необходима новая политическая партія, часто называемая союзом, которая вобрала бы в себя **все** крестьянство — и бѣдное, и среднее, и зажиточное. Партія нужна новая, своя, крестьянская. Прежнія не удовлетворяют: онѣ далеки, чужды, а главное, онѣ не крестьянскія».**)

В 1921 году в рядѣ губерній коренной Россіи в зародышевом состояніи уже существовали постоянныя политическія организаціи крестьянства. Область их распространенія ширится — свѣдѣнія от средины 1922 года позволяют констатировать их существованіе и в Западной Сибири.

Из прежних партій, которым крестьянство еще недавно ввѣряло свою судьбу и отдавало голоса, уходят даже их давніе, активные и в свое время преданные крестьяне. Мнѣ хорошо извѣстен ход работ на нелегальных крестьянских с'ѣздах, происходивших в трех различных губерніях в 1920 и 1921 гг. Вопрос о том, под знаменами какой партіи вести политическую организацію крестьянства, на двух с'ѣздах получил единогласное рѣшеніе: под знаменами новой **крестьянской** партіи, на третьем с'ѣздѣ такое же рѣшеніе было вынесено значительным большинством..... Участниками одного с'ѣзда были исключительно члены партіи с. р. — почти всѣ с 1904-06 годов, на другом с'ѣздѣ члены той же партіи составляли подавляющее большинство.

Роковым обстоятельством для партій, пользовавшихся в прошлом политическим довѣріем крестьянства, является их соціалистическій характер: прелести порядков, которые были заведены в Россіи большевиками, сознаніе крестьянских масс склонно вмѣнить и всему соціализму. А это не может не быть фактом сильнѣйшаго отталкиванія крестьянства от его прежних партій-руководительниц. Внѣ соціалистических партій — крестьянство не имѣло партій, которым бы оно вѣрило и за которыми бы шло. И нѣт никаких основаній полагать, что это недовѣріе смѣняется или смѣнится довѣріем. Здѣсь крестьянство как будто твердо стоит на старых позиціях.

Важным свидѣтельством грядущаго политическаго значенія крестьянства в Россіи являются настроенія интеллигенціи страны, «сильно возросшее в русской жизни об'ективное значеніе крестьянства, его увеличившаяся политическая активность, сдѣлавшая крестьянство самым стойким и дѣятельным врагом коммунистической власти, наконец, ширящееся среди крестьянства движеніе в сторону созданія своей собственной партіи, все это создало стихійное притяженіе крестьянством политической энергіи общественной активной интеллигенціи.... С конца 1920 года и в особенности весной и лѣтом 1921 года разговоры о необходимости и неизбѣжности сложенія из крестьянства новой вліятельной политической силы можно было встрѣтить вездѣ, гдѣ жили общественными интересами — во всѣх городах, во всѣх интеллигентских кругах, в том числѣ и весьма далеких по своему прошлому міросозерцанію и своей профессіи от деревни. Крестьянство во всеобщем интеллигентском сознаніи было тѣми политическими нѣдрами, из которых должна быть

*) См. мою книгу «Россія послѣ четырех лѣт революціи», часть II, стр. 146 и 148.

**) См. мою книгу «Россія послѣ четырех лѣт революціи», часть II, стр. 146 и 148.

извлечена политическая руда, а из нея выплавлен крѣпкій фундамент... для будущей политической жизни Россіи». *)

Это широкое политическое вниманіе интеллигенціи является не только показателем процессов, идущих в крестьянствѣ. Возникнув в качествѣ симптома, оно затѣм не могло не сдѣлаться и фактически сдѣлалось новым важным фактором крестьянскаго политическаго движенія.

Мы придаем огромное значеніе отношенію интеллигенціи Россіи к крестьянскому политическому движенію: роль и результаты послѣдняго будут зависѣть в значительной мѣрѣ от количества и свойств интеллигенціи, которая вплотную войдет в него.

Если политическія организаціи нашего крестьянства будут поражены тою же интеллектуальною «немочью», какой они болѣют в Болгаріи, в Польшѣ, Югославіи, Литвѣ и т. д., если «тѣло» русскаго народа — окажется без «мозга» его, то произойдет одно из двух: или крестьянство, в качествѣ политической силы, будет бездѣятельно, а значит безсильно, и тогда жизнь, не направляемая крестьянскими интересами, неизбѣжно снова пойдет против них, или оно будет дѣйствовать, явится активною силою, и тогда грозит опасность, что эта сила окажется мало творческой, нерѣдко тормозящей созидательные процессы общественной жизни, а иногда «в буйной слѣпотѣ своей» и силой разрушительной.

Первое слѣдствіе мало вѣроятно. Могучій соціальный пласт, сорганизовавшись для дѣятельности, не может бездѣйствовать. Появившись в капитанской рубкѣ государственнаго корабля, он не будет только свидѣтелем приказаній, которыя отдаются другими: ибо придет туда он тоже для приказаній... Тогда над общественной жизнью страны может нависнуть угроза ея торможенія, а в отдѣльных случаях и в отдѣльных сторонах общественной жизни — ея разрушенія.

Интересы крестьянства при широком и разумном пониманіи их не могут быть противопоставлены интересам Россіи, как цѣлаго. Огромное большинство населенія прямо заинтересовано в успѣхах и прогрессивном ростѣ **всего** населенія и **всей** страны. И наоборот: **все** населеніе и **вся** страна прочно заинтересованы в успѣхах и прогрессивном ростѣ своего большинства. С глубочайшим убѣжденіем в своей правотѣ мы готовы поэтому всегда повторять и защищать свое основное положеніе: «здоровый рост Россіи может покоиться лишь на всестороннем — политическом, хозяйственном и культурном — ростѣ ея деревни. На силу русскаго крестьянства и на интересы его опереться поэтому необходимо в попытках творить демократическую, экономически-сильную и культурную Россію грядущаго». *)

Если, однако, не расходятся интересы Россіи и крестьянства, то с интересами Россіи, а тѣм самым и с интересами крестьянства, очень могут разойтись **мнѣнія** послѣдняго. Не забудем того элементарнаго факта, что путь от интересов к поступкам любой из соціальных групп лежит через **взгляды** этой группы. Поступки никогда не опредѣляются интересами, как таковыми, они руководятся интересами, как они **поняты**, как отразились в мнѣніях. А **пониматься** интересы могут весьма различно, очень часто уродливо. Поступки, продиктованные **понятыми** интересами, могут давать поэтому результаты,

---

*) Из нашего отвѣта А. В. Пѣшехонову («Дни», 30 XII 1922 год).

прямо противоположные имѣвшимся в виду. Примѣр, яркій в своей показательности и крупнѣйшій по вызванным послѣдствіям, общеизвѣстен: это поведеніе рабочаго класса Россіи в 1917 году. Его интересы, как они были поняты, продиктовали ему активнѣйшую поддержку коммунистической партіи, захват промышленных предпріятій, національзацію кредита и торговли и т. д. Послѣдствія.... их нечего напоминать. Мы рѣшительно и, как нам кажется, с полным основаніем возражаем против одного из излюбленных афоризмов марксизма — «классы не могут ошибаться». Ошибаются, и еще как!

Мнѣнія могут отразить интересы даже правильно, но в неразвитом умѣ это будут обычно интересы непосредственные, охваченные в предѣлах короткаго времени, несопоставленные с интересами длиннаго періода и без учета их отдаленных об'ективных послѣдствій. «Плодотворная причинность», так назвал Г. Спенсер безконечную цѣпь причинно-зависимостей, лишь с трудом и весьма несовершенно осваивается в мірѣ соціальных явленій даже культурным умом, для неразвитаго ума оперированіе ею в политической дѣятельности дѣло почти непосильное. Тяжкія и грубыя ошибки будут поэтому стеречь такой ум на каждом шагу в сложных явленіях общественной жизни.

Приведем один значительный примѣр возможной ошибки крестьянства. Во время доклада в Финансово-Промышленно-торговом союзѣ (в Парижѣ) автору этих строк был задан вопрос: если крестьянство сдѣлается в Россіи руководящею политическою силою, не возникнет ли опасность его противодѣйствія развитію промышленности в странѣ? Спрашивавшій сослался при этом на Болгарію, гдѣ эта опасность послѣ перехода власти в руки болгарскаго Народнаго Земледѣльческаго Союза стала фактом.... Нам, к сожалѣнію, и до сих пор неизвѣстно, насколько была вѣрна ссылка на Болгарію. Считаем, однако, что в русских условіях такая опасность не исключена. Об'ективная заинтересованность крестьянства в развитіи отечественной промышленности огромно велика, так как рост промышленности создает близкій рынок для цѣнных продуктов крестьянскаго хозяйства, дает увеличивающіеся подсобные заработки крестьянству, поглощает полностью или частично прирост сельскаго населенія и тѣм устраняет или ослабляет аграрное перенаселеніе с его тяжелыми послѣдствіями; этот рост, наконец, вызывает развитіе паровото транспорта с его важным положительным вліяніем на раціонализацію сельскаго хозяйства. И тѣм не менѣе, еслибы от государства, а значит и от крестьянства, потребовались во имя успѣшнаго роста промышленности временныя жертвы, то вряд ли крестьянство, руководимое только собственным разумѣніем, не стало бы на путь отказа в необходимом содѣйствіи. Нѣт никаких основаній предполагать, что крестьянство стало бы ставить прямыя помѣхи промышленному развитію страны, но отказ в помощи ему, если помощь задѣвает временные интересы крестьянства, весьма возможен. Между тѣм, нѣт ничего легче, как вскрыть и установить эту кровную и выгодную для сельскаго хозяйства, а значит, и для интересов крестьянства, связь с промышленным развитіем страны. Конечно, никогда никто из преданных интересам Россіи, а слѣдовательно крестьянства не может настаивать на тѣх уродливых **формах** и тѣх разорительных **размѣрах** содѣйствія промышленности, в каких осуществлялось оно при павшем политическом режимѣ, но самый принцип содѣйствія при вліятельном участіи в крестьянском политическом движеніи интеллигенціи, должно и можно сдѣлать безспорным и для крестьянства пріемлемым.

Связать интересы сегодняшняго дня с интересами будущаго, сочетать и, по возможности, слить интересы отдѣльнаго соціальнаго слоя, как бы велик он

ни был и как бы много он ни значил, с итересами всей страны и всего населенія в ней, дать, таким образом, в руководители поступкам соціальнаго слоя дальновидный и широкій расчет — такова постоянная и огромная задача интеллигенціи во всяком соціальном движеніи низовых слоев населенія. И чѣм это движеніе шире, чѣм болѣе вліятельным оно сдѣлалось или обѣщает стать, чѣм сильнѣе, слѣдовательно, опасность его тормозящаго или разрушительнаго вліянія на нормально-здоровый ход общественной жизни, тѣм настоятельнѣе и тѣм обязательнѣе участіе интеллигенціи в нем, если, разумѣется, это движеніе не представляется интеллигенціи нездоровым, в существѣ своем, и если этот нормальный ход общественной жизни не кажется ей безразличным.

Имѣется очень много и весьма вѣских основаній, чтобы утверждать и огромное положительное значеніе для судеб Россіи политическаго движенія в крестьянствѣ, и его неотвратимую и крупную роль в жизни Россіи грядущаго. Для той части русской интеллигенціи, которая за годы нашего разгрома и нашего позора выростила горячую любовь к Родинѣ, которая уже умѣет ставить ее в центрѣ своих общественных помыслов и, никогда не забывая, носит ее в своем сердцѣ, для нея пройти мимо крестьянскаго движенія современности — невозможно, а стать к нему в тѣ или иныя постоянныя отношенія участія и содѣйствія — обязательно.

Не к «служенію» крестьянству призываем мы, не к «оплатѣ неоплатнаго долга ему», не к жертвам, мы зовем к совмѣстной работѣ с ним, зовем к сотрудничеству, к об'единенным дѣйствіям под общим знаменем, на котором написано одно только слово, но это слово **Россія**.

От интересов Россіи мы исходим и во имя ея призываем живых на работу. Россія, искони и до нынѣшняго дня, **крестьянская** по составу своего населенія и по об'ективному значенію крестьянства в важнѣйших сторонах ея жизни, никогда до сих пор не была крестьянской по тѣм мотивам и силам, которыя руководили ея государственной властью. Государственная власть всегда оставалась анти-крестьянской и потому в значительной части своей дѣятельности — анти-государственной. **Значеніе** крестьянства далеко и рѣзко расходилось с его **положеніем**. С этим старым, всегда болѣзненным и с 1917 года ставшим роковым для Россіи противорѣчіем должно быть покончено.

Таково основное политическое дѣло, которое исторія возлагает на плечи поколѣній Россіи, общественно уже живущих и дѣйствующих и только что вступающих в жизнь для дѣйствія.

Сергѣй Маслов.

Задачи просвѣщенія в крестьянской Россіи.

I.

Одним из самых страшных послѣдствій переворота 1918 года является одичаніе русскаго общества. В дѣлѣ воспитанія, как и во всѣх остальных областях жизни, лживые лозунги «пролетарской культуры» провозглашаются людьми, которые в дѣйствительности топчут и истребляют даже ту скудную образованность, которая существовала в «царской» Россіи. Что может быть поучительнѣе проскрипцій, направленных против выдающихся представителей науки вродѣ Лосскаго, Сорокина, Кизеветтера, единственно за то, что они осмѣлились свое мнѣніе имѣть по вопросам философіи, политической экономіи и т. д.? Еще недавно ученых держали в Совѣтской Россіи на привязи и не выпускали на вольный воздух капиталистическаго Запада иначе как с отобраніем заложников. Теперь товарищи Луначарскій и Покровскій изгоняют тѣх, кто осмѣливается думать и говорить не по командѣ. И гоненіе на просвѣщеніе проходит по всей линіи — закрываются учебныя заведенія, увольняются переподаватели, отнимаются казенные оклады, на которые расчитывали злосчастные учителя, чтобы избѣжать голодной смерти. Это не помѣшает продемонстрировать г-ну Брельсферду, если онъ пріѣдет в Совдепію, образцовые типы школ и необыкновенных предподавателей, которых он будет потом расписывать на утѣшеніе свободолюбивых англійских радикалов. Русским людям не приходится утѣшаться этими журналистическими фокусами. Вопрос слишком серьезен, и от его болѣе или менѣе удачнаго разрѣшенія зависит будущее страны.

По необходимости мы должны обдумывать и загадывать в данном случаѣ относительно условій и планов, осуществленіе которых связано с выходом из теперешняго рабства. Первой посылкой является непоколебимая увѣренность, что рабскій період кончится, что немыслимо народу, прошедшему тысячелѣтнюю и славную исторію, погрязнуть во тьмѣ и позорном одичаніи большевизма. Было бы безполезно предсказывать, какія формы примет процесс освобожденія, но кое-какія существенныя черты новаго порядка, имѣющаго наступить послѣ ликвидаціи Совдепіи, отмѣчаются с достаточной ясностью, и от них необходимо исходить в наших гаданіях о будущем.

Самым существенным результатом совершившагося переворота является возвышеніе крестьянства, как господствующей соціальной

стихіи Новой Россіи... Вмѣсто городского пролетаріата, которым воспользовались фанатическіе марксисты, чтобы растоптать налаженный вѣками общественный строй, выдвинулась на первое мѣсто крестьянская масса с ея инстинктами собственности, укоренившимися в тяжелой трудовой жизни. По мысли, к которой часто возвращался Ленин в своих статьях и рѣчах, крестьяне соединяют характерныя черты рабочаго и буржуя, и одно время коммунисты пытались обычными оперативными средствами искоренить стяжательный элемент в природѣ мужика. Как извѣстно, это оказалось невозможным. Несмотря на всю энергію Зиновьева и Дзержинскаго, несмотря на реформаторскую дѣятельность комитетов бѣдноты и карательных экспедицій, крестьянство осталось вѣрным своим идеалам трудового пріобрѣтенія и отстояло в главных чертах свою экономическую самостоятельность.

Как возвращеніе к помѣщичьим порядкам, так и поглощеніе частных прав на продукты труда в настоящее время невозможны. Спрашивается, какое направленіе должна принять в будущем прогрессивная политика, чтобы вывести страну из положенія, подобнаго Мексикѣ, и открыть путь к культурному развитію. Ясно, что первою потребностью крестьянской демократіи будет пріобщеніе к кругу образованных народов — не столько ради матеріальнаго обмѣна продуктов и услуг, сколько для товарищества в той духовной работѣ, которая дала странам европейской цивилизаціи такія огромныя преимущества во всѣх видах дѣятельности. На пути к этой простой цѣли народ встрѣтит одно огромное затрудненіе. Разгром традиціонный образованности верхних классов сдѣлал созидательную работу культурнаго возрожденія необычайно трудной. Как ни легкомысленно промотали свое политическое достояніе дворянство, бюрократія, профессіональные круги, они все - таки представляли нѣкоторый устой, около котораго накоплялась малу по малу образованность. Роль университетов и рост земской школы являются непререкаемыми показателями этого созидательнаго процесса в дореволюціонной Россіи. Духовенство тоже сдѣлало свое дѣло, хотя его значеніе в культурной работѣ болѣе спорно и шло болѣе окольными путями. Теперь эти классовые устои отпали; строить придется в безпредѣльной степи, и вся надежда — на созидательную рѣшимость в средѣ трудовой массы.

II.

Нечего льстить себя мечтой, что политика этой массы будет особенно великодушна и щедра: крестьяне скупы на вознагражденіе и потребуют полноцѣнной работы в замѣну жалованья. Но при нормальных условіях они понимают цѣну знанія и дорожат его проповѣдниками. Вятская губернія с ея крестьянским земством была одной из самых предпріимчивых областей дореволюціонной Россіи в дѣлѣ народнаго образованія. Будем же надѣяться, что крестьянская Россія примется за дѣло возрожденія образованія осмысленно, упорно, систематически.

При этом первый шаг должен состоять в созданіи кадра преподавателей. Отдѣлы пролеткульта вообразили, что достаточно приказать, чтобы открыты были сотни тысяч школ, и безграмотность народа ис-

чезнет сразу. В дѣйствительности эти большевистскія школы, расплодившіяся мгновенно, как грибы послѣ дождя, так же быстро захирѣли. Нѣкоторое время дѣтей подманивали в школу горячими завтраками, а учителями опредѣляли, согласно отчетам самих совѣтских наблюдателей, круглых невѣжд. Но скоро прошла охота даже к такому революціонному просвѣтительству. Теперь же в расходах на содержаніе школ отказывают, т. к. вниманіе сосредоточено на красной арміи и на красном флотѣ. Таким образом, когда наступит время лечить недуги, придется подумать *первым дѣлом о возобновленіи преподавательскаго состава.* Исходной точкой должно быть признаніе первостепенной важности этой интеллигентской группы для всего общественнаго устройства Новой Россіи.

Теперь много говорится и в русских, и в иностранных кругах о стихійном наростаніи новой буржуазіи, с которой не в состояніи справиться коммунисты. В этом наростаніи есть, повидимому, и благопріятные задатки, но есть печальные признаки: оно, между прочим, отзывается усиленіем практическаго матеріализма, страстью к наживѣ и удовольствіям низкаго разбора, к азартной игрѣ в самом широком смыслѣ слова. Все это, быть может, неизбѣжно, но надо стремиться к тому, чтобы общество не поддалось всецѣло инстинктам этой новой буржуазіи, устраивающейся на развалинах прежних достаточных классов. И если растет новая буржуазія, то надо противопоставить ей новую интеллигенцію, в которой первое мѣсто займет преподаватель народа. Пусть крестьянская демократія озаботится о том, чтобы преподавательскій персонал от народных учителей до университетских профессоров был поставлен в благопріятныя матеріальныя условія, получал справедливое вознагражденіе за долгіе годы назидательнаго и затяжного труда, имѣл бы возможность заботиться не только о ежедневном пропитаніи, но и о здоровой, свѣтлой обстановкѣ и образѣ жизни. Нечего говорить, что чѣм больше людей, получивших высшее образованіе, войдут в состав этого класса, тѣм лучше, и можно надѣяться, судя по примѣру прошлаго, найдется и в Новой Россіи достаточное число людей, особенно женщин, которые примут на себя бремя педагогической работы. Но с точки зрѣнія практической, ради быстраго удовлетворенія неотложной нужды, государство и его области должны будут обратить главное вниманіе на подготовку учителей из числа людей, получивших среднее, а не высшее образованіе. Учительскіе курсы должны будут примкнуть к типу прежней школы, и я думаю, что два дополнительных года педагогической подготовки окажутся на первое время достаточными для достиженія поставленной цѣли — подготовки народных учителей. Обращаю вниманіе на выраженіе «учительскіе курсы»; подготовка главной массы народных учителей не должна происходить в условіях, которыя сообщили бы им характер соціальнаго, рѣзко отмежеваннаго профессіональнаго класса. Чѣм больше они сохранят связь с окружающим обществом, тѣм лучше, и поэтому учрежденіе особых учительских семинарій, за исключеніем, быть может, одного или двух экспериментальных институтов, предназначенных спеціально для выработки новых методов, составленія руководств, помощи прикомандированным к ним кандидатам на учительскія должности не представляется желательным. В общем же, мнѣ кажется, двухлѣтніе курсы могут быть проведены с успѣхом для подготовки учительскаго персонала.

III.

Многое будет зависѣть, конечно, от постановки тѣх общих школ, к которым примкнут эти курсы. Переходя к устройству этих послѣдних, я остаюсь вѣрным мысли, высказанной мною лѣт двадцать тому назад и развитой в записках, представленных в Комиссію 1899 и 1901 г. г. через министров Н. П. Боголѣпова и ген. Ванновскаго, а также изложенных в статьѣ «Борьба за школу на скандинавском сѣверѣ» («Вѣстник Европы», 1900 и отдѣльной брошюрой). Мысль эта сводится к необходимости построить русскую школу по системѣ, аналогичной той, которая выработана в скандинавских государствах, в частности, в Норвегіи. Проведеніе сложной системы, основанной на двойственности типов классической и реальной школы, не подходило к русским условіям уже в до-революціонную эпоху; послѣ революціи оно стало совершенно невозможно. В Россіи нѣт естественной почвы для классическаго образованія демократической интеллигенціи, а выдѣленіе реальной, технической, коммерческой, сельско-хозяйственной школы в совершенно обособленныя учрежденія подрывает культурное единство образованных групп и придает им нежелательный, узко - профессіональный характер. Идеалом должна быть единая образовательная школа, распадающаяся на два концентра и допускающая спеціализацію в верхнем концентрѣ. Искаженіе этой основной мысли большевиками не может послужить ей в ущерб: методы «пролеткульта» испортили даже тѣ правильныя идеи, которыя случайно были перехвачены коммунистическими комиссарами.

Итак, вернемся к исходному положенію об организаціи единой школы. В нижнем концентрѣ ея должны быть заложены элементарныя основы обще-народнаго образованія, и прохожденіе этого курса, надо сдѣлать сначала общедоступным, а затѣм общеобязательным. Теперь не мѣсто говорить о переходных мѣрах, которыя, вѣроятно, придется принять, чтобы достигнуть цѣли,—мѣрах, продиктованных скудостью средств, недостатком учителей, школьных зданій и пособій, пассивностью народа. Остановимся лишь на окончательной постановкѣ, к которой должна направляться школьная политика. Из обсужденія этого вопроса в печати и в разных засѣданіях выяснилось, что курс этой обще-народной школы должен быть лишь около пяти лѣт. За эти пять лѣт дѣти в возрастѣ приблизительно от 8 до 13 лѣт могут успѣшно пройти курс грамотности (с нѣсколько упрощенным правописаніем), арифметики, физической, хозяйственной и этнической географіи с обращеніем преимущественнаго вниманія на Россію и на сосѣднія с ней страны, краткій курс русской исторіи с экскурсіями для об'ясненія обще-культурных явленій, отразившихся так или иначе на исторіи Россіи (язычество, распространеніе христіанства, ислам, буддизм, греческое вліяніе на югѣ Россіи, польское и нѣмецкое на Западѣ, Византійская имперія, католическая церковь и ея происхожденіе, просвѣщенный абсолютизм, парламентаризм, національныя и соціальныя движенія XIX и XX вѣков и т. д.). Естествознаніе может быть представлено главным образом изученіем ботаники и нѣкоторыми элементарными свѣдѣніями по зоологіи, физіологіи,, физикѣ и химіи. Послѣднія лучше всего сообщить на внѣклассных чтеніях и демонстраціях. В 4-ом и 5-м году желательно начать ознакомленіе с главными образцами литературы, конечно, преимущественно русской, которая дает богатый матеріал для развитія литературных вкусов во всѣх главных

направленіях. В связи с этим—письменныя работы в формѣ изложеній и сочиненій разнаго рода выдвинутся на первый план. Занятія Закономъ Божьим должно вестись по добровольному соглашенію с семьями учеников: возбужденіе религіозных потребностей и привычек составляет одну из самых важных сторон воспитанія, но в этой области менѣе всего допустимы мѣры, навязанныя извнѣ. Слишком часто онѣ отвращают от религіи вмѣсто того, чтобы способствовать ея укрѣпленію. Школа должна примыкать в этом отношеніи к бытовым условіям и семейному складу. В виду несомнѣннаго оживленія религіознаго чувства под вліяніем гоненій свободная постановка религіознаго образованія не нанесет никакого ущерба интересам здоровой религіозности.

Обученіе иностранным языкам может быть в народной школѣ лишь предметом добавочным и факультативным. Там, гдѣ найдутся желающіе учиться и умѣющіе учить, могут быть устроены дополнительные уроки за плату, но нѣт надобности об'яснять, что в общей школѣ нѣмецкій, французскій и англійскій языки появляются как учебные предметы лишь на правах исключенія.

Вообще желательно по возможности сосредоточить преподаваніе около основных и необходимых задач, не уступая искушенію собрать массу энциклопедических обрывков.

IV.

Верхній концентр средней школы должен отвѣчать двум культурным потребностям — общеобразовательному об'единенію и расхожденію по спеціальностям в подготовкѣ к разнообразным видам жизненной дѣятельности. Эти цѣли могут быть достигнуты приблизительно четырехлѣтним, в крайнем случаѣ — трехлѣтним курсом в возрастѣ от 14 до 18 лѣт в среднем. Что касается общеобразовательных предметов, то русская и общая исторія, родной язык и литература, математика, географія, как обзор различных стран земли в физическом, экономическом и политическом отношеніи, естествознаніе с особенным вниманіем к физикѣ, химіи и основной біологіи войдут, как обязательные предметы для всѣх учеников. Кромѣ того желательно ввести обязательное преподаваніе по крайней мѣрѣ одного иностраннаго языка и ознакомленіе с нѣкоторыми капитальными произведеніями европейской литературы (поэмы Гомера, «Ад» Данте, Шекспир, Мольер, Гете). В болѣе или менѣе далеком будущем может быть удастся поставить введеніе в философію (философскую преподевтику), при чем упражненія по логикѣ можно было бы пристегнуть вначалѣ к преподаванію русскаго языка. Религіозныя занятія в этом концентрѣ должны быть предоставлены всецѣло соглашеніям между родителями и представителями различных вѣроисповѣдных групп.

Спеціальныя отрасли средней школы в ея верхнем концентрѣ должны быть организованы ввиду средних требованій профессіональнаго обученія. В три-четыре года нормальные молодые люди могут пріобрѣсти достаточные свѣдѣнія и навыки по сельскому хозяйству, ремеслам, торговому дѣлу, техникѣ механической или химической, чтобы с пользою начать работу на практикѣ в любой из этих отраслей. Без сомнѣнія, для

болѣе сложных процессов нужна болѣе продолжительная выучка, но она относится к разряду высших и спеціальных заведеній. Точно также по теоретическим и гуманитарным предметам расхожденіе по добавочным предметам должно будет обнять три главных группы — изучающих точныя науки, историков и языковѣдов. Относительно первых распространяться нѣт надобности, т. к. цѣль ясна сама по себѣ. Историкам по спеціальности придется подготовляться в области общественных знаній: основанія политической экономіи, свѣдѣнія о государственной организаціи и соціальных группах, характеристика культурных процессов должны быть представлены в этом курсѣ. Для языковѣдов должна быть открыта возможность познакомиться не только с главными новыми языками, но, до нѣкоторой степени, и с древними. Греческій остается по необходимости факультативным, но латынь слѣдовало бы сдѣлать обязательной для этого отдѣленія. Трудности, с которыми было связано изученіе древних языков в старой школѣ, в значительной степени зависѣли от принудительности всей системы. Тѣ, кто выберут языкознаніе по собственному почину, познакомятся в достаточной степени с грамматикой и фразеологіей в год или два усердной работы.

Общая постановка такого рода плана клонится к созданію народнаго демократическаго университета в серьезном значеніи слова. На практикѣ придется многим поступиться, особенно в первое время — по недостатку средств и учителей. Но важно знать и чувствовать, что школа стремится к великой, святой цѣли, и что безчисленные недостатки и неудачи не должны подорвать вѣру в неизмѣримую полезность этой работы. Она по существу противуположна тому слѣпому, грубому матеріализму, которой составляет характерную черту большевистскаго деспотизма. Духовныя задачи разрѣшаются просвѣщеніем, а не насиліем и истребленіем.

На этом я остановлюсь. О высшей школѣ, которая мнѣ особенно близка, я говорить не буду. Ея основа в непобѣдимой міровой наукѣ, и она найдет себѣ мѣсто, как только будет возстановлено право свободной мысли. Без кормчих высшей школы ни государство, ни общество обойтись не могут, и надо надѣяться, что их значеніе будет наконец оцѣнено по достоинству.

Организація средней и низшей школы является болѣе спорной: поэтому я и остановился на них с особым вниманіем.

Павел Виноградов.

К вопросу о возстановленіи русских желѣзных дорог.

Всѣм ясна та роль, которую должен сыграть транспорт при возстановленіи жизни в Россіи, и может быть, очень немногіе представляют себѣ трудности, с которыми связана не только задача будущаго устройства транспорта и,в частности, желѣзных дорог,но и предварительная постановка вопроса. Трудности не техническія — это исключительно вопрос денег и времени, — а полная неопредѣленность и обстановки и, что главное, неясность заданія, которому новое устройство должно удовлетворять.

Ни в какой степени не претендуя на разрѣшеніе задачи, настоящая статья предполагает в общих чертах освѣтить матеріал, затронув лишь вопрос о прошлом русской сѣти, современном ея состояніи и приспособленіи к задачам будущаго. При этом слѣдует отмѣтить, что данныя по современному состоянію приходится черпать из противорѣчивых, безсистемных, иногда фантастических источников совѣтской печати, с большим трудом выдѣляя крупицы истины из массы иногда наивных, иногда грубо невѣжественных выводов и обобщеній.

К началу міровой войны сѣть бывшей Россійской Имперіи составляла около 77.000 верст, из них отошло к Польшѣ около 6.000 в.,к другим государственным образованіям около 5.000 в. и к Румыніи около 1.000 в., так что протяженіе ж. д. в Совѣтской Россіи составляет около 65.000 в. Кромѣ того во время войны были построены нѣкоторыя линіи, главным образом стратегическаго значенія, а с другой стороны в 1921—22 гг. было снято рельс с одноколейных линій 6.000 в. и двухколейных — 1.000 в., и наконец закрыто движеніе за отсутствіем топлива на 4.500 вер.

Во время гражданской и европейской войн было разрушено около 1.000 в. пути, 2.700 мостов, 300 паровозных стойл, 30 мастерских, 500 водоемных зданій, 100.000 кв. саж. зданій и т. п.

Многія из этих цифр подлежат сомнѣнію, но если имѣть в виду, что к 1914 году наша сѣть оцѣнивалась в 7½ милліардов зол. рубл., то можно *опредѣлить стоимость непосредственной потери національнаго достоянія* приблизительно в *1200 милл. зол. рубл.;* добавив к этому сумму, необходимую для возстановленія разрушеннаго, опредѣляемую ниже в 1.500 милл. зол. рубл., получим всю потерю в *размѣрѣ 2700 милл. зол. рубл.*

Наша сѣть до войны, хотя и была перенапряжена узко фискальной политикой послѣдняго десятилѣтія, однако неплохо справлялась с перевозками, особенно в період мобилизаціи. Количество совершенно исправных для движенія паровозов составляло на версту в среднем около 0,25 шт. и таких же вагонов около 6,40 шт.

Эта сѣть перевозила в день около 1 милл. пассажиров и около 35 милл. пуд. груза. Перевозя эти грузы, сѣть совершала ежемѣсячную работу от 320 милліардов пудоверст в 1913 г., до 470 в 1916 году.

Ежегодные расходы составляли около 9.000 зол. рубл. на версту, доходы около 14.000 зол. рубл. на версту, на общее число служащих около 800.000 чел. расходовалось около 350 милл. зол. рубл.

В современной Россіи ж. д. транспорт представляет слѣдующую картину.

Число годных паровозов на версту понизилось повидимому в 3½ раза, вагонов в 4 раза, произведенная работа уменьшилась в 1921 году против 1912 г. в 4½ раза.

Что касается финансоваго положенія ж. д., то никаких выводов сдѣлать нельзя уже потому, что до нэпа никто ими «не интересовался, безплатныя перевозки деморализовали служащих, исчезла психологія учета» (Э. Ж. 1921 № 275). Нѣкоторое представленіе о финансах может дать статья начальника финансовой части НКПС (Э. Ж. 1922 г. № 150). Из нея видно, что впервые составленный на 9 мѣс. 1922 г. жесткій бюджет предполагает дефицит в 116 милл. реальных рублей при общем доходѣ в 323 милл.; из дальнѣйшаго, однако, видно что дѣйствительность гораздо печальнѣе, и за іюнь вмѣсто предполагавшихся 28 милл. р. поступило едва 11 милл. р. По данным той же статьи на I—VII 1922 г. казна издержала 1,4 милліардов р. заработной платы, и средняя получка в мѣсяц фактически не превышала 4 з. рубл. Немудрено, что чиновник в упомянутой статьѣ приходит к выводу, что содержать транспорт «мало-мальски прилично» нельзя и что положеніе «безнадежно». Наконец, что касается числа служащих, то оно в 1921 г. на нѣкоторых дорогах (напр. Николаевской) почти при отсутствіи движенія болѣе чѣм в два раза превосходило то число, которое было на этой дорогѣ в самое напряженное время войны.

Любопытны нѣкоторыя данныя об общем паденіи производительности труда (Экономист, 1922 г. № 1 и Экон. Возр. № 1 1922 г.)

	1913 г.	1920 г.
число телеграфистов	12.250	42.500
число депеш на 1 телеграфиста	40.900	12.540
количество пряжи на 1 рабоч.	42,7	5,15
количество пряжи на 1 веретено	3,30	1,70

и т. д.

При нормальном положеніи дѣла, обычно о работоспособности ж. д. судят по одному из элементов — количеству здороваго подвижного состава, исходя из предположенія, что всѣ остальныя, основныя части аппарата находятся в жизнеспособном состояніи. Сложнѣе положеніе теперь в Россіи: повидимому, судьба ж. д. зависит не от разрушенія подвижного состава, а от разрушенія шпал и недостатка топлива. В № 232 Эк. Ж. приводятся данныя о шпалах, из которых видно, что к концу 1922 г. 37 % шпал на главных путях перейдут даже в среднем (совершенно недопустимый метод расчета для шпал) за предѣльный возраст.

Темой о топливѣ, понятно, переполнены всѣ страницы газет, затрагивающих экономическіе вопросы. Надежды слѣдуют за разочарованіем, отчаяніе за увѣренностью: то «Донбасс оживает», то «Все на уголь», благодушное настроеніе в отчетѣ одной ж. д., захватившей как-то топливо, отчаянные вопли другой. Эти колебанія настроеній ровно ничего не доказывают, существо всетаки состоит в том, что с топливом обстоит все хуже и хуже: за сентябрь всего добыто в Россіи (Э.Ж. 1922, № 241) немного болѣе 30 милл. пуд. кам. угля, в октябрѣ около 20 милл.

Из сказаннаго, оговариваясь, что многія из цифр подлежат провѣркѣ, можно все таки сдѣлать заключеніе, что *современная работоспособность* русской сѣти *составляет от 15% до 20% довоенной.* Отсюда можно сдѣлать одно любопытное сравненіе: так как продукція всей промышленности составляет (Эк-ист и Эк. Возр. 1922 г. № 1) для металлургической — 3%, текстильной — 8%, паровозостроительной — 8%, чугунно-литейной — 2%, сахарной — 7% и т. д. от довоеннаго размѣра, а в среднем, включая и сельскохозяйственную, не болѣе 10%—12% прежней, то оказывается, что *работоспособность сѣти является избыточной по сравненію со спросом, на нее пред'являемым.*

Можно спорить о цифрах, но безспорно трагическое заключеніе: транспорт жив, поскольку он почти ничего не возит.

Не этим ли об'ясняются безчисленные оптимистическіе отчеты мѣстных отвѣтственных органов о благополучіи в перевозках, о свободном подвижном составѣ, удовлетвореніи спроса на вагоны, отсутствіи залежей и т. д., наряду с мрачной оцѣнкой, производимой на верхах.

Но если приведенное положеніе правильно и в дальнѣйшем из него можно сдѣлать существенные выводы, то сравненіе голых цифр, характеризующих прошлое и современное ж. д. хозяйство в Россіи без должнаго анализа их, является болѣе подходящим для политической полемики, чѣм для самаго скромнаго обзора, претендующаго на извѣстную об'ективность. Обыкновенно этим сравненіем пользуются в двух направленіях: или им обосновывают утвержденіе, что без переворота октября 1917 г. наши желѣзныя дороги продолжали бы благополучное существованіе, что лишь отчасти вѣрно, или противоположное, — и уже совсѣм не вѣрное — что все горе в «наслѣдствѣ», доставшемся коммунистам, и что недостатки наслѣдства постепенно исправляются. На послѣдней точкѣ зрѣнія стоит автор книги «Революція и народное хозяйство в Россіи» проф. Г. Г. Швиттау, апологет совѣтской системы, утверждающій, что власть в Россіи постепенно справляется с доставшимся ему в наслѣдство разрушенным транспортом и может «без тревоги» смотрѣть в будущее.

Для тѣх, на ком не лежит обязанность славословить совѣтскую власть и кто не хочет подходить к рѣшенію экономических проблем в настроеніях политической ненависти и мести, необходимо точно установить во-первых, насколько разстройство транспорта является неизбѣжным слѣдствіем міровых событій, послѣдовавших до коммунистическаго переворота, и — что самое главное — ведет ли современная политика в области ж. д. в Россіи к устраненію разрухи или к усиленію ея.

Нѣт ни возможности, ни необходимости производить отдѣльное трудное изслѣдованіе вопроса, достаточно было бы установить факт аналогическаго разстройства средств сообщенія в других странах, захваченных войной, и опредѣлить, идет ли и теперь транспортное хозяйство под вліяніем факторов міровой войны и революціи, или вліяніе на него оказывают мѣры борьбы с этими факторами, принимаемыя послѣвоенной или послѣреволюціонной властью. Сравненіе по тѣм же линіям происшедшаго и происходящаго в Россіи дало бы возможность сдѣлать существенный вывод — поскольку современная власть идет по пути углубленія или лѣченія ран, нанесенных транспорту войной или революціей.

Нѣт никакого сомнѣнія, что война и послѣвоенныя событія во всѣх без исключенія странах европейскаго континента и Америки, так или

иначе затронутых войной, привели к тому, что пути сообщенія жестоко пострадали и технически, и в смыслѣ финансоваго хозяйства. Из интереснаго обзора Marcel Peschaud „Les chemins de fer pendant et après la guèrre можно почерпнуть много тому доказательств.

Такія же прекрасно разработанныя свѣдѣнія можно найти в Archiv für Eisenbahnwesen за 1922 год.

Так, напримѣр, в Швейцаріи с сокращеніем импорта, экспорта и транзита на 40%, в 1919 г. по сравненію с 1913 годом число поѣздоверст на версту сократилось на 45%, число пассажироверст на версту на 30%, а расходы возрасли (несмотря на прекрасную валюту) в 2 раза.

В Италіи за два года эксплоатаціонные расходы возросли на 50%.

Во Франціи число больных паровозов к 1 января 1919 года по сравненію с 1914 годом увеличилось на 70%, к 1 января 1920 года на 110%, количество больных вагонов увеличилось в 5 раз, количество служащих возрасло с 1914 по 1920 год на 30%, а жалованіе им к 1920 году увеличилось в 4,25 раза, дефицит только в теченіе одного года возрос в 6 раз.

В Англіи средняя нагрузка поѣзда понизилась в 5 раз, а дефицит за 1920 г. составил 45.000.000 фунт. ст.

Наконец, в С. А. Ш. дефицит за 1918 и 1919 гг. составил свыше 500 милл. долларов.

Не избѣгла той же участи и Германія. Использованіе вагонов ухудшилось на 60%, число больных паровозов увеличилось в два раза, количество служащих достигло в 1920 году колоссальной цифры на километр 20,5 вмѣсто 13,10 в 1913 году, число паровозоверст уменьшилось на 40%. Сравненіе цифр расходов невозможно вслѣдствіе катастрофическаго педенія марки, но нѣкоторое представленіе может дать эксплоатаціонный коэффиціент (процентное отношеніе валового расхода к валовому доходу), а именно 70,07 в 1913 году и 172,90 в 1920 году.

Дальнѣйшее внимательное изученіе данных желѣзнодорожнаго хозяйства указывает, что, начиная с конца 1920 года, в нѣкоторых странах раньше, в других позднѣе, замѣчаются признаки перелома, может быть и не слишком рѣзкаго, но не случайнаго и несомнѣнно начинающаго новую эру в транспортном хозяйствѣ Стараго и Новаго Свѣта. Яснѣе всего проявляется это в С. А. Ш. В теченіе одного года послѣ 1920 г. валовой доход возрос на 6%, расход сократился на 4%, и коэф. эксплоатаціи улучшился на 10%.

Во Франціи М. П. С. заявило, что с сохраненіем дѣйствующих тарифов оно в состояніи в 1926 году вывести ж. д. хозяйство из дефицита.

И даже в Германіи, гдѣ всякая попытка возстановить нормальную жизнь встрѣчается с неожиданными скачками валюты, замѣчается сокращеніе главнѣйших и наиболѣе цѣнных матеріалов — топлива и смазки. Так по данным Reichsverkehrsministerium (Reichsbahn, Heft III) кол. топлива на 1.000 паровозо-километров сократилось с 22 тонн в 1919 г. до 17,90 в 1921 г., смазка с 29 кил. до 24,60, число поѣздокилометров возрасло на 30% и т. д.

Вопрос о том, каким путем достигается постепенное улучшеніе дѣла, должен служить предметом серьезнаго изученія русских спеціалистов, но в общем никаких новых америк не открывается, и дѣло сводится во многих случаях к «реставраціи», правда с поправками, требуемыми новыми условіями.

II.

Наиболѣе характерной чертой желѣзнодорожнаго ревизіонизма является опредѣленная борьба с излишним персоналом и огульным восьмичасовым рабочим днем, очевидно оказавшимся невозможным на желѣзных дорогах.

Так, по подсчету Reichsverband der deutschen Industrie, если бы производительность труда не измѣнилось против 1913 г., то, включая введеніе 8 час. дня на тѣх должностях, гдѣ это неизбѣжно, слѣдовало бы опредѣлить ж.-д. персонал в 750.000 чел. против существовавшаго в 1920 г. количества 1.050.000 чел., таким образом 30% представляются излишними, что составляет приблизительно 28% всего расходнаго бюджета.

Peschaud, автор уже цитированнаго сочиненія, подвергает закон 23 апрѣля 1919 г., введшій 8 ч. день во всей Франціи, в том числѣ и на жел. дорогах, уничтожающей критикѣ, дает слѣдующія поучительныя цифры. В 1919 г. число служащих возрасло на 35%, причем по отношенію к машинистам увеличеніе достигло 40%. Производительность труда одновременно рѣзко понизилась в прогрузкѣ на 23%, в маневрах на 21% и, наконец, в мастерских производительность упала в два раза. Если имѣть в виду, что содержаніе служащих теперь составляет около 60% всего расхода ж. д., то надо согласиться с Peschaud, который заканчивает главу о 8 час. днѣ, говоря:

Введеніе 8 час. дня оказалось гибельным для желѣзных дорог, совершенно не оправдало надежд авторов этого закона, задержало возращеніе транспорта в нормльныя условія и увеличило количество несчастных случаев.

Эти выводы оказались столь безспорными для общественнаго мнѣнія, что в 1922 г. прошел закон, значительно и разумно ограничивающій примѣненіе 8 ч. дня на жел. дорогах. И послѣ проведенія этого закона министр общественных работ сдѣлал заявленіе, цитированное выше, о возможности возстановленія хозяйства к 1926 году.

Вторая область, в которой приходится работать реформаторам ж. д. дѣла, — введеніе тарифов, соотвѣтствующих новым условіям, главным образом валютным. В странах, гдѣ валюта пріобрѣла болѣе или менѣе устойчивый характер, тарифы, достигнув извѣстнаго уровня, остаются без измѣненія, между тѣм как, напримѣр, в Германіи, иногда в теченіе двух мѣсяцев (конец 1922 г.) происходит повышеніе на 200%.

Но в результатѣ, и с этим согласны представители промышленных сфер, — повышеніе тарифов все таки опаздывало по сравненію с темпом вздорожанія в других областях экономической жизни. Наконец, намѣчается, пока еще очень осторожно и еще не совсѣм ясно, путь, по которому пойдет ж. д. хозяйство в вѣчно юном вопросѣ взаимотношеній государственнаго и частно-правового хозяйства.

Было бы неосторожно пытаться разрѣшать эти проблемы в предѣлах небольшой статьи, и окончательные выводы были бы пока преждевременными, но нельзя не отмѣтить общих тенденцій в западно-европейских ж. д. хозяйствах, дающих основаніе для прогноза и для нашей сѣти.

Конечно, вездѣ с первых дней войны, жел. дор. были милитаризованы, и постепенно частное хозяйство все болѣе и болѣе уступало вліяніе государству или в лицѣ его военных властей, или в лицѣ спеціальных диктаторов.

Особенно рѣшительно были проведены эти мѣры в классической странѣ свободы ж. д. — в С. А. Ш., гдѣ вся сѣть в 1917 году оказалась

в руках и полном распоряженіи диктатора — Генеральнаго Директора, управлявшаго ею самодержавно в теченіе 21 мѣсяца, одним росчерком пера, напр., повышая тарифы на 50%.

Англія, как это ни странно, оказалась совершенно неприспособленной к задачѣ, и принятыя там мѣры, вѣроятно, очень тяжело в дальнѣйшем отзовутся на частном хозяйствѣ.

Казалось бы, усилившіяся за время войны и восторжествовавшія в нѣкоторых странах демократическія теченія и соціалистическія тенденціи должны были подкрѣпить сдѣланный поневолѣ во время войны опыт из'ятія ж. д. в руки государства, и вся дальнѣйшая политика должна была бы идти по пути именно огосударствленія этой отрасли народнаго хозяйства, во всяком случаѣ являющейся, даже в глазах индивидуалистов, одной из тѣх, которыя могут составлять область государственнаго управленія.

С другой стороны можно было ожидать, в видѣ естественной реакціи, крайних требованій правительственных кругов о передачѣ ж. д. в руки исключительно частнаго хозяйства.

Из литературы и парламентских дебатов видно, что дѣйствительно существуют и борются эти двѣ точки зрѣнія, между тѣм, как жизнь дает свое рѣшеніе, сводящееся к превалированію идеи частнаго хозяйства при существенном вмѣшательствѣ государства.

Но в этом направленіи было бы ошибочно видѣть простой возврат к старому: послѣднее десятилѣтіе в міровом ж. д. хозяйствѣ скорѣе может характеризовать обратное положеніе — идеи государственнаго управленія с допущеніем частной иниціативы.

В тѣх же С. А. Ш., гдѣ, как указано, во время войны все дѣло было передано в руки неограниченнаго диктатора, согласно Transportation act, 20 февраля 1920 г. жел. дороги были возвращены своим прежним хозяевам на основах подчиненія в извѣстных отношеніях правительству в лицѣ Interstate Commerce Commission.

В Великобританіи, застигнутой врасплох требованіями перевозок во время войны, идея націонализаціи имѣла нѣкоторое время успѣх, но актом 29 іюня 1920 г. предусматривается децентрализація ж. д. дѣла при условіи оставленія за государством права вмѣшательства во имя государственных интересов.

Франція, родина частных жел. дорог, произвела серьезную работу в области пересмотра отношеній государства и частных обществ, результатом коей явился закон Nouveau régime des Chemins de fer d'interêt general от октября 1921 года. Закон этот представляет огромный интерес для всѣх, интересующихся вопросами этого рода, и является попыткой амальгамировать интересы частной иниціативы, государства и профессіональных организацій.

В Германіи, странѣ казеннаго хозяйства, не совсѣм еще поколеблены принципы націонализаціи, но нѣт никакого сомнѣнія, что в очень непродолжительном времени и там выступит на сцену частная иниціатива.

Резюмируя все сказанное можно утверждать: *1) что во всѣх странах, прямо или косвенно участвовавших в войнѣ, война и послѣдовавшія событія нанесли очень тяжелый удар ж.-дорожному хозяйству,*

2) что разстройство транспорта в Европѣ в отдѣльных случаях было не менѣе тяжело, чѣм в Россіи в 1917 году, 3) что приблизительно с конца 1920 г. в ж.-дорожном хозяйствѣ З. Европы и С. А. Ш. замѣтны признаки постепеннаго оздоровленія, 4) что одной из главных мѣр в борьбѣ с разрухой, является возстановленіе производительности труда и, наконец, *5) что «новый режим» в управленіи ж.-дорогами, возстанавливая из довоеннаго частную иниціативу, повидимому, будет строиться на новых принципах компромисса интересов государственных, индивидуальных и профессіональных.*

Но само собой разумѣется, что возстановленіе ж.-д. дѣла на здоровых основаніях есть в конечном счетѣ не только результат административных реформ, но и возстановленія промышленности в странѣ: самый благоустроенный ж.-дорожный аппарат, почти ничего не перевозящій, есть безсмыслица.

Очень часто забывают эту простую истину, видя в возстановленіи транспорта самодовлѣющую цѣль и упуская из виду, что возрожденіе транспорта и промышленности—явленія, тѣсно между собой связанныя и одно от другого зависящія. Особенно важно учитывать это обстоятельство, изучая возможности русской желѣзнодорожной сѣти.

Если по отношенію к З. Европѣ мы находим очень много матеріала и все таки пока не рискуем сдѣлать окончательные выводы, то в матеріалах, касающихся Россіи, напротив—находим мало безспорных данных и цѣлые фейерверки очень спорных или просто фантастических выводов, заключеніе без предпосылок, испанскіе замки вмѣсто дѣйствительности, золотые дворцы будущаго и разбитое корыто сегодняшняго дня.

Необходимо истратить очень много труда, чтобы из груды трескучих фраз, жонглированія милліардами, умопомрачающих проектов и ударных программ выбрать скромные цифры и факты, которые бы дали возможность отвѣтить на интересующій нас вопрос: какова современная политика совѣтской власти в дѣлѣ транспорта, и поскольку она идет по пути извлѣченія его от ударов, нанесенных войной, или дальнѣйшаго разрушенія.

Прежде всего, нѣт одной такой политики, а их нѣсколько, и во всяком случаѣ три: одна — спецов, т. е. людей, понимающих дѣло, а другая — политических дѣятелей, преслѣдующих посторонnія цѣли, и третья — просто невѣжд наивных или самомняших.

В ужасающей какофоніи, к которой сводятся всѣ выработанныя в теперешней Россіи программы, иногда слышатся эти три инструмента вмѣстѣ, иногда берет верх один из них, и в зависимости от того, который берет верх, или принимается дѣйствительно разумная мѣра, или начинается какая то каша, в которой разобраться невозможно, чаще всего случается так, что разумная мѣра, предложенная «спецом», дѣлается непригодной вслѣдствіе вмѣшательства политикана или невѣжды.

В журналах «Экономист» и «Экономическое Возрожденіе», закрытых на первых же нумерах, можно прочитать много прекрасных статей о мѣрах к поднятію транспорта, в «Экономической Жизни» можно иногда встрѣтить одобреніе этих мѣр власть имущими, но очень рѣдко можно убѣдиться, что мѣры эти дѣйствительно проведены в жизнь: в какой то момент появляются новыя боковыя теченія и топят безнадежно здоровую мысль.

И это тѣм болѣе трагично, что мнѣнія добросовѣстных специалистов, проведших весь этот період в Россіи, лично все испытавших и оцѣнивших, имѣет особую цѣнность и значеніе.

Из приводимых ниже примѣров можно уяснить, к каким результатам приводит современная желѣзнодорожная политика в Россіи.

Особое вниманіе спеціалистов одно время было обращено на ремонт подвижного состава.

Прежде всего было рѣшено заказать паровозы заграницей, по мнѣнію представителей власти это было эффектнѣе и поддерживало кредит заграницей. Заказали 1700 шт. в Швеціи и Германіи по цѣнѣ около 120 тыс. з. р. (цѣна 1916 года — 50 тыс. з. р.) на очень невыгодных условіях, конечный срок — 1925 г., причем к апрѣлю 1922 г. было получено вмѣсто 389 — 112 шт.

И только теперь согласились с мнѣніем спеціалистов, что выгоднѣе произвести ремонт на своих заводах.

Этот план разумный, но оказалось, что наши заводы, выпускавшіе до войны 2.4000 паровозов в год, теперь не могут выпустить болѣе 80 — 100, жалованіе стали задерживать, не хватало запасных частей, и весь план рушился. То, что можно исправить, — менѣе того числа паровозов, которое прибывает, вслѣдствіе порчи. Еще слабѣе вышло с ударной программой по запасным частям: по болтам выполнено 5% программы и т. д.

Слѣдует змѣтить, что дѣло сразу подвинулось, когда стали премировать хлѣбом выпуски паровозов из ремонта.

На втором (или на первом) мѣстѣ стоит вопрос о смѣнѣ шпал. Всего их 150 милл. шт., в довоенное время смѣна достигала 20 милл. шт. в год, во время войны она спустилась до 16, в 1920 г. уменьшилась до 9, а в 1921 г. дошла до 7½ милл. штук.

Около 43.000.000 шпал перешли за свой предѣльный возраст. И вот на сцену является характерный для фантазеров или невѣжд план — с 1923 г. повести смѣну по 20 милл. в год, т. е. сразу увеличить ее в 3 раза, доведя до предѣлов довоеннаго времени (Э. Ж. 1922 г. № 232). Никаких шансов на выполненіе этот план не имѣет, ибо нѣт ни топоров, ни лошадей, ни фуража, ни пил и вообще всѣ данныя, за то, что положеніе ухудшилось по сравненію с 1922 годом, который дает не болѣе 7 милл. шт. Но составители проекта не интересуются реальными предпосылками, а сразу берут фантастическій план, его утверждает Госплан, идея торжествует, Э. Ж. пишет хвалебную статью, а шпал будет, вѣроятно, 5 милл. Как это типично для современных порядков в России.

Почти та же исторія происходит с топливом. Спеціалисты, изслѣдовавшіе Донецкій бассейн, дают самый мрачный прогноз, а оффиціальные составители планов выводят астрономическія цифры. Любопытно отмѣтить, что расход топлива на единицу работы в 1920 г. в три раза больше чѣм в 1913 г. Планы на подмосковный бассейн не оправдались — добыча в февралѣ составила 2 милл. пуд. В сущности, положеніе таково, что всѣ надежды возлагаются на нефть, на невырубленный еще по близости линій лѣс и на... сокращеніе движенія.

Характерное явленіе наблюдается в осуществленіи «новаго режима» на жел. дорогах.

Если ограничиться чтеніем статей, или написанных специалистами или составленных под их вліяніем (Эк. Ж. 1922. № 160, 170, 171 и др.),

то общія мысли надо признать правильными: 1) децентрализація, 2) привлеченіе общественных сил (!!!), 3) передача мелких тарифных вопросов на мѣста, 4) блок с промышленностью, 5) переход на сдѣльную работу, 6) уменьшеніе числа служащих и т. д. — в концѣ концов это — положенія, принятыя в З. Европѣ и дающія хорошіе результаты. Даже упомянутыя идеи смѣшаннаго управленія, о которых говорилось выше, воплотились, правда, уродливо в проектѣ транспорттреста!

Но если от идей, кстати сказать, начисто уничтожающих всякую тѣнь коммунистических принципов, перейдем к дѣйствительности, то или самыя идеи окажутся извращенными, или жизненныя условія так изуродованными, что план, построенный на основах здраваго смысла, обращается в nonsens.

Вот наудачу нѣсколько примѣров из желѣзно-дорожнаго быта, взятых исключительно из оффиціальных источников Сов. Россіи (Эк. Ж. №№ 170, 162, 161, 151, 104 и т. д.).

На Уралѣ не заготовлено ни одной сажени дров. Все исправно, но нѣт денег для оплаты жалованья. Начальник станціи — хозяин вагонов. Взяточничество милліардное. Хозяйство базируется не на планѣ, а на «свободных средствах». Холодильное дѣло разрушено совершенно. Н. К. М. Ф. отпускает лишь 50% сумм утвержденной смѣты. Хищенія составляют не менѣе 1% всѣх грузов. Вѣдомства отказываются что либо платить за свои перевозки. Мѣстный транспорт в Дон. бассейнѣ погиб совершенно. Обвиненіе всего НКПС в саботажѣ. При задержкѣ в узлах 8.000 вагонов, т. е. 1/5 суточной погрузки довоеннаго времени, положеніе признано угрожающим. Количество пассажиров в маѣ 1922 г. в 7 раз менѣе чѣм 1921 году. Вся Николаевская дорога грузит 180 вагонов в сутки, Ю. В. — 45 вагонов, средняя погрузка в 1922 г. упала на 40% и т. д. без конца.

Предположенное, в общем цѣлесообразное, раздѣленіе всѣх дорог на три категоріи по степени их значенія, с тѣм чтобы обезпечить движеніе на болѣе важных линіях, в дѣйствительности приводит к уничтоженію III категоріи.

Здоровая идея сокращенія числа служащих, очевидно, потребовала какого то сложнаго экономическаго обоснованія, и Ю. Ларин, духовный глава всей совѣтской экономики, создает цѣлую теорію о соотвѣтствіи количества рабочих и служащих в предпріятіях (Эк. Ж., 1922 г. № 100): от 1½% при 7.000 раб. до 0,7% при 16.000 раб.

Впрочем, эта теорія не была принята к исполненію и сокращать стали без всякой теоріи. Николаевская ж.-д. в отчетѣ за январь — апрѣль 1922 года (Эк. Ж. 1922 № 160) хвастается, что она сократила число всѣх служащих с 43.000 до 36.000, т. е. оставила при ничтожном движеніи состав в 4 раза большій, чѣм он был в мирное время. Чтобы подсчитать число служащих в Центр. Учр., пришлось образовать комиссію.

Тарифами никто не интересовался до введенія НЭП'а, один из первых тарифов имѣл предпочтеніе перед другими потому, что он оказался болѣе «удобным в типографском отношеніи» (!), (Эк. Возр. № 1 за 1922 г.).

Впослѣдствіи были приняты в общем правильныя основанія тарифнаго дѣла, но в жизнь онѣ входят с большим трудом, ибо мѣста привыкли кормиться за счет тарифов, вводимых ими самими, причем, как

жалуются отправители из Средней Азіи, тарифы иногда без предупрежденія и опубликованія мѣняются по нѣскольку раз в мѣсяц.

В области мѣстнаго управленія пока трудно, что либо сказать о реформѣ недавняго времени — введеніи Правленій на всѣх жел. дорогах.

Мысль, ведущая к децентрализаціи, несомнѣнно правильная, но уже есть признаки того, что она на практикѣ значительно пострадает от политической атмосферы.

Можно привести еще очень много примѣров и доказательств (исключительно из оффиціальных источников) того, что существующій в Россіи порядок *не может вывести транспорт из разрухи, обусловленной міровой войной и революціей, ибо он фатально продолжает разрушеніе его даже в тѣх случаях, когда власть дѣйствует по плану цѣлесообразному и разумному.*

Как мало гармонирует это положеніе с декретом от 28 іюня 1918 года, об'являющим ж.-д. собственностью Р. С. Ф. С. Р. «в цѣлях рѣшительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой, и для упроченія диктатуры рабочаго класса и деревенской бѣдноты».

Всегда труден переход от критики к положительной программѣ, от отрицанія к утвержденію. В данном случаѣ легка критика, потому что слишком очевидны дефекты существующаго, но тѣм труднѣе попытка создать мало-мальски реальныя перспективы будущаго.

Дать хотя самое общее представленіе о тѣх путях, по которым будет возстанавливаться русскій транспорт, немыслимо, пока не будут установлены условія, в которых он будет возрождаться, и тѣ задачи, котором он должен будет служить. Транспорт есть средство, а не цѣль. Можно сдѣлать различныя предположенія, и при каждом из них иначе будет проектироваться план возстановленія.

Прежде всего вопрос о судьбѣ лимитрофных государств и об отношеніях к ним центра. Существованіе в каждом из них своей тарифной политики есть, конечно, безсмыслица, однако сколько безсмыслиц осуществилось уже в жизни.

Транзитные тарифы могут оказаться средством борьбы окраин с центром и самым простым способом для первых пополнять свой бюджет за счет производительности центра.

Может быть и обратный случай. Украина может установить запретительные тарифы для сибирскаго хлѣба, если пожелает монополизировать торговлю через сѣверные порты Чернаго моря, и т. д.

Каждое из этих предположеній существенно вліяет, если не на конфигурацію сѣти, то на порядок возстановленія тѣх или иных линій, усиленія одной за счет другой и т. д.

Не исключается печальная возможность, что Россія станет на нѣкоторое время об'ектом использованія болѣе сильной экономически страны. Если это будет германская организація, работающая на чужой капитал, она накинется прежде всего на Криворожскіе запасы руды, чтобы вознаградить себя за потери в сырьѣ, причиненныя Версальским договором. Если это будет Англія, придется прежде всего возстанавливать средства сообщенія сѣвера.

Враждебная позиція Польши может совершенно измѣнить поток грузов, обусловившій характерную конфигурацію западной части сѣти, и, наконец, иностранный капитал, без котораго возстановленіе немыслимо, создать план, наиболѣе выгодный для дивидендов, — который, впрочем, может совпасть с интересами государства.

II.

Далѣе, конфигурація сѣти и порядок ея возстановленія зависят, конечно, и от цѣлей, которыя она должна обслуживать. Если первой задачей будет — поставить промышленность, получится одно рѣшеніе, если поставить сельское - хозяйство — другое.

А если кромѣ того представить себѣ, что одновременно снова встанет во весь рост неразрѣшенной проблема взаимоотношеній частнаго хозяйства и государства, в болѣе сложных условіях, чѣм это было ранѣе, — станет ясно, с каким трудом сопряжено, так называемое, «возстановленіе» транспорта, которое многим, может быть, представляется, лишь как энергичный ремонт подвижного состава и постановка всего стараго на свое мѣсто.

Если не оставаться только в области вопросов, а попытаться дать хотя общія черты будущаго русскаго транспорта, то придется принять что либо наиболѣе вѣроятное.

К этой области вѣроятнаго надо отнести предположенія, что найдется разумное согласованіе интересов Срединной Россіи, не могущей остаться без выхода к морям, с стремленіями лимитрофов, и во вторых, что первой задачей транспорта будет обслуживаніе крестьянской Россіи, т. е. сельско - хозяйственной и лѣсной промышленности. Послѣднее является совершенно естественным особенно, если имѣть в виду, что возстановленіе средств сообщенія есть дѣло взаимодѣйствія с продуцирующими силами: немедленно послѣ того, как будет приведен в порядок участок линіи, надо искать грузы, чтобы линію «кормить», а этими грузами естественно будут сельско - хозяйственные. Это единственно цѣлесообразный при нашей бѣдности путь.

Служеніе транспорта этой отрасли промышленности обусловливает и тип возстанавливаемых линій. Во первых онѣ должны отличаться всѣми извѣстными в техникѣ качествами, необходимыми для линій с массовыми перевозками (Massengüterbahn) с принесеніем в жертву интересов пассажирскаго движенія.

Во вторых онѣ должны быть снабжены всѣми принадлежностями и инвентарем, необходимым для хлѣбных грузов, для долго - или краткосрочнаго храненія их в условіях коммерческой разрухи, при отсутствіи мѣшков и брезентов.

В третьих придется обратить серьезное вниманіе на ремонт крытых вагонов.

В четвертых придется имѣть в виду, кромѣ храненія и перевозки, задачу подвоза, без чего нельзя будет получить реальные грузы, т. е. нельзя и возстановить жел. дор.

При современном отсутствіи лошадей (осталось 25%), колесных шин, сбруи и пр., встанет на очередь очень серьезный вопрос общаго характера — механизаціи труда, заслуживающій спеціальнаго обслѣдованія и с политической точки зрѣнія.

Правильным рѣшеніем была бы одновременная прокладка легких под'ѣздных путей, но едва ли задача эта выполнима в ближайшее время. Есть одно обстоятельство, которое вообще дѣлает трудным в будущем постройку дешевых дорог для небольшого грузового оборота, если не произойдет рѣзкаго измѣненія в психологіи служащих и рабочих, стоящих на точкѣ зрѣнія окладнаго, а не сдѣльнаго вознагражденія. Создавшіяся новыя отношенія расходов, независящих от движенія, к расходам, зависящим от движенія, исключающія возможность постройки таких дешевых дорог, — должны подвергнуться внимательному изученію.

При всяких условіях правильным будет тот путь, при котором возстановленіе жел. дорог *дает в наиболѣе короткій промежуток наибольшую сумму перевезенных цѣнностей.* Одновременно с этим и сами ж.-д. будут становиться на ноги и оживлять отрасль хозяйства, болѣе других сохранившую признаки жизни.

Основанное на таких принципах «самоокупаемости» возстановленіе жел. дорог, казалось бы, первой своей цѣлью должно поставить заготовку всего необходимаго для служащих и рабочих возстанавливаемой части, второй — принятіе мѣр к обезпеченію дорог углем, третьей — возстановленіе линій, использующих хлѣбородные и лѣсные раіоны и слѣдующей — возстановленіе линій, ведущих к возрожденію других отраслей народнаго хозяйства. Но это всетаки очень спорныя и очень туманныя схемы.

Чтобы имѣть представленіе о суммах, которыя бы потребовались для приведенія сѣти в порядок в извѣстной постепенности в теченіе пяти лѣт, приводим свѣдѣнія из трудов Транспортнаго Комитета Парижскаго Торговаго и Промышленнаго Союза, являющихся результатом работы таких авторитетных знатоков жел.-дорожнаго дѣла, как инженеры Э. Б. Войновскій - Кригер, А. А. Абрагамсон и др.

Возстановленіе всей сѣти предположено в теченіе 5 лѣт, и общій расход опредѣляется в суммѣ 1.575 милл. з. р., т. е. около 27.000 з. р. на версту.

Из них около 40% придется истратить заграницей и 60% внутри Россіи. Наибольшая часть расходов (около 35%) ложится на первый год. Среди статей расхода 10% удѣлено подготовительным работам, снабженію служащих обувью, одеждой и пайком, и 10% образуют на первое время оборотныя средства.

Цифры эти не представляются астрономическими; весь расход на исправленіе составляет около 25% основной стоимости жел. дор., даже принимая вздороженіе рабочих рук на 100% в з. р., и, вѣроятно, близки к дѣйствительности.

Приходится ограничиться этой легкой экскурсіей в область будущаго русских желѣзных дорог, не соблазняясь легкой возможностью строить безконечныя комбинаціи из цифр и данных, щедро разбросанных в маниловских статьях совѣтской печати, давать выводы и дѣлать заключенія, не провѣряя правильности и даже реальности предпосылок: слишком дорого мы уже заплатили за свою страсть к выводам и обобщеніям.

Дѣло возстановленія жел. дор. и вообще транспорта в Россіи не есть простая реставрація, столь же немыслимая в этой области, как и в других областях русской жизни: транспорт неразрывно связан со всѣм бытом, со всей экономической жизнью страны, он является функціей хозяйства ея и живет, пока жива страна.

Справедливо сравнивают желѣзнодорожную сѣть с кровеносной системой, которая умирает, как только лишится организм крови.

Возрожденіе транспорта не есть вопрос техники (тут все просто), но это вопрос разумнаго и жизненнаго плана, к которому обнищавшая Россія должна подходить с величайшей осторожностью, прежде всего пытаясь, как это дѣлает и сборник, на страницах коего помѣщается эта статья, установить условія, в которых будет происходить возрожденіе нашей родины.

П.

Земское самоуправленіе и пути его возрожденія.

I.

Однимъ из замѣчательныхъ памятниковъ законодательнаго творчества русской революціи 1917 года является система законов, демократизировавших русское земское и городское самоуправленіе.

За пятьдесят с лишним лѣт своего существованія русскія земскія учрежденія сумѣли создать совершенно своеобразную русскую земскую культурную среду, особый тип земскаго общественнаго дѣятеля, обширные кадры земских служащих, так называемый третій элемент, и поставить на вѣрную дорогу разрѣшеніе задач народнаго образованія, общественной медицины, дорожнаго дѣла, агрономіи и экономической помощи населенію. Однако же русское земство до 1917 года покоилось на основаніях, далеких от раціональнаго устройства земскаго самоуправленія. Земское положеніе 1890 года, бывшее одним из краеугольных камней контр-реформы эпохи Александра III, 1. закрѣпило преобладаніе гласных от дворян в земских собраніях, 2. подчинило земскія управы воздѣйствію правительственной власти, введя систему утвержденія в должности предсѣдателей и членов управы и назначенія состава управы в случаѣ двукратнаго неутвержденія выбранных земскими собраніями кандидатов, 3, поставило земскія учрежденія в почти полную зависимость от правительственных властей, введя систему надзора за цѣлесообразностью дѣйствій органов земскаго самоуправленія со стороны должностных лиц министерства внутренних дѣл. Таким образом земскія учрежденія оказались в руках дворянскаго сословія и были подчинены органам министерства внутренних дѣл.

Вторым, и, может быть, еще болѣе существенным недостатком русскаго земскаго самоуправленія было отсутствіе прочнаго фундамента у земскаго зданія. Распространеніе принципа земскаго самоуправленія и на волостныя учрежденія, созданіе мелкой земской единицы, долженствовавшей установить прочную связь между земством и широкими кругами крестьянскаго населенія, было поставлено русской общественной мыслью в очередь неотложных политических задач еще на зарѣ развитія земских учрежденій. Однако же свое осуществленіе это требованіе получило лишь в законѣ Временнаго Правительства от 25-го мая 1917 года. Надо сказать, что волостное земское самоуправленіе не было введено перед войной исключительно лишь благодаря отрицательному к нему отношенію со стороны большинства Государственнаго Совѣта, так как законопроект о волостном земствѣ был разработан в третьей Думѣ и перед самым началом войны был отклонен Государственным Совѣтом.

Перед Временным Правительством встала задача демократизаціи земскаго самоуправленія, освобожденія его от правительственной опеки и созданія мелкой земской единицы. В рядѣ законов, разработанных в спеціальных комиссіях при министерствѣ внутренних дѣл, Временное Правительство создало новую демократическую систему мѣстнаго самоуправленія.

Закон 25-го мая 1917 года о волостном земском самоуправленіи создал прочный фундамент для новаго демократическаго земства. Все населеніе волости привлечено было к участію в выборах волостного земскаго собранія. Исполнительные органы свободно выбирались волостным земским собраніем; всѣ почти вопросы мѣстнаго волостного управленія были переданы в завѣдываніе волостного земства, и надзор за дѣятельностью волостного земства был организован таким образом, что он нисколько не нарушал принципа независимости земскаго самоуправленія.

Вслѣд за созданіем столь долго жданной мелкой земской единицы проведена была и реформа земских учрежденій. Характерно, что в основу новаго закона положено было старое земское положеніе, и, таким образом, новое демократическое земство было создано на основѣ земства, призваннаго к жизни в 1864 году. Вся схема земских учрежденій осталась такой же, как была она создана в эпоху великих реформ, однако же измѣнены были в корнѣ: 1. избирательная система, 2. положеніе исполнительных органов, 3. компетенція и 4. надзор.

1. Избирательная система построена была на идеѣ всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго голосованія с примѣненіем пропорціональнаго представительства. Всѣ русскіе граждане обоего пола, достигшіе 20 лѣт от роду, были привлечены к участію в выборах, при чем выборы уѣздных земских гласных производились непосредственно населеніем уѣзда и независимо от выборов гласных волостного земскаго собранія. Гласные губернскаго земскаго собранія выбирались уѣздными земскими собраніями с примѣненіем также пропорціональнаго представительства.

2. Предсѣдатели и члены управ были освобождены от какой бы то ни было зависимости от центральнаго правительства и его органов и избирались свободно земскими собраніями.

3. Компетенція органов земскаго самоуправленія была чрезвычайно расширена и охватывала почти всѣ вопросы мѣстнаго управленія; между прочим в руках земскаго самоуправленія находилось и завѣдываніе мѣстной полиціей.

4. Наконец, земское самоуправленіе было совершенно освобождено от всякаго надзора за цѣлесообразностью его дѣятельности со стороны правительства, и вся система надзора построена была лишь с цѣлью охраны закона и устраненія препятствій к его нарушенію.

Во второй половинѣ лѣта 1917 г. произведены были выборы волостных земских гласных, а в началѣ осени и выборы уѣздных земских гласных. В цѣлом рядѣ губерній успѣли состояться и новыя волостныя земскія собранія, и были выбраны волостныя земскія управы. Наконец, во многих уѣздах в октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ успѣли состояться и уѣздныя земскія собранія.

Таким образом, введеніе в жизнь новых демократических учрежденій совпало с концом режима Временнаго Правительства и частью даже пришлось на первыя недѣли послѣ большевистскаго переворота. В Петербургѣ центральная правительственная власть уже была захвачена

большевиками, а на мѣстах продолжали еще дѣйствовать земскія учрежденія Временнаго Правительства, и даже открывались новыя земскія собранія, избранныя по Новому Земскому Положенію. Цѣлый ряд уѣздных земских собраній привѣтствовал Временное Правительство, посылая тепеграммы министру-предсѣдателю, и пытался наладить работу новаго земства в атмосферѣ, которая на мѣстах постепенно становилась все тревожнѣе и тревожнѣе и неизбѣжно вела к захвату власти большевиками на пространствѣ всей Россіи. Вновь избранныя уѣздныя земскія собранія выбрали новые исполнительные органы — управы, которыя должны были замѣнить управы, избранныя в началѣ періода Временнаго Правительства земскими собраніями стараго состава, мѣстами пополненными представителями от волостей, кооперативов, профессіональных союзов, третьяго элемента, мѣстами же — составившимися цѣликом заново из губернских гласных, выбранных на расширенных, как принято было тогда говорить, демократизированных, земских собраніях.

Большинство губернских собраній, избранных по новому положенію, даже вовсе не успѣло собраться, однако же в нѣкоторых губерніях демократизированныя губернскія управы пытались созвать губернскія земскія собранія, которыя тотчас же, даже не приступив к работѣ, разгонялись большевиками, причем часто немногочисленные губернскіе гласные, принадлежавшіе к буржуазным партіям, арестовывались, а иногда и разстрѣливались.

Чрезвычайно тяжело было положеніе земских управ. При наличности захвата центральной власти большевиками, вооруженной борьбы в Москвѣ, окончившейся также побѣдой большевиков, участь губернских и уѣздных управ была, конечно, предрѣшена. Не имѣя опоры в центрѣ, окруженныя враждебными им силами, отдѣльныя земскія управы арестовывались большевиками, гдѣ мѣстными, а гдѣ прибывшими из Петербурга или Москвы.

Новое демократическое земство не успѣло еще не только начать работу, но даже сорганизоваться, как большевистскій переворот, прошедшій под лозунгом борьбы против буржуазной демократіи и соглашательскаго соціализма, пресѣк всякую возможность не только работы, но даже самаго существованія новых земских учрежденій.

В исторіи разрушенія большевистскою властью устоев русской культуры, разрушеніе земских учрежденій сыграло может быть самую печальную роль, ибо с уничтоженіем земства, с разрывом земской культурной традиціи, разрушалось огромное общественное дѣло, налаженное нѣсколькими поколѣніями.

Можно намѣтить три способа уничтоженія земских учрежденій, практиковавшихся большевиками в зиму 1917—1918 г. г. (в отдѣльных, глухих уѣздах захват большевиками земств произошел только к концу зимы 1917—1918 г. г.).

1. Мѣстами, в особенности в уѣздах с развитой промышленностью, взрыв происходил изнутри; если в составѣ управы имѣлись представитель или представители партіи большевиков, то они устраняли при помощи военной силы своих товарищей и, захватив власть, переходили к совѣтской системѣ управленія.

2. В цѣлом рядѣ уѣздов и губерній мѣстные большевики вмѣстѣ с лѣвыми соц.-революціонерами образовывали военно-революціонные комитеты и при поддержкѣ запасных военных частей, а иногда спеці-

альных военно-революціонных отрядов особаго назначенія, присланных спеціально из Петрограда, арестовывали земскія управы и создавали совѣтскую форму управленія.

3. Были и такіе уѣзды, в которых переворот производился не мѣстными большевиками, а спеціальными отрядами, присланными из центра.

II.

В чем же заключалась совѣтская система мѣстнаго управленія, введенная большевиками на мѣсто уничтоженных земских учрежденій?

В теченіе первых недѣль своего существованія большевистская власть чувствовала себя недостаточно прочно и искала опоры в органах мѣстнаго самоуправленія. Так, в силу постановленія по народному комиссаріату земледѣлія о волостных земельных комитетах, распубликованному 2-го ноября, эти послѣдніе должны были избираться волостными земскими собраніями и «функціонировать, как орган волостного земства» (Собраніе узаконеній и распоряженій рабочаго и крестьянскаго правительства № 2, ст. 20). Затѣм в декретѣ о правѣ отзыва делегатов, 24-го ноября 1917 года, Центральный Исполнительный Комитет постановил, что «с'ѣзд совѣтов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, созванный на паритетных началах в каждом соотвѣтствующем избирательном округѣ, имѣет право назначать перевыборы во всѣ городскія, земскія и вообще всякія представительныя учрежденія, не исключая и Учредительнаго Собранія». Самые же перевыборы происходят «*обычным порядком* на строгих основаніях пропорціональной системы выборов» (С. У. и Р. Р. и К. П. № 3, ст. 49).

Таким образом, в началѣ большевики признавали всю систему мѣстнаго самоуправленія, созданную Временным Правительством, и в частности, муниципальное избирательное право. Мѣстным с'ѣздам совѣтов предоставлено было право лишь отзыва избранных гласных, но новые выборы должны были производиться «обычным порядком» по законам Временнаго Правительства.

Такое переходное положеніе продолжалось недолго. Декретом Ц. И. К. от 19 декабря 1917 года (С. У. и Р. Р. и К. П. № 10, ст. 153) был учрежден особый Комиссаріат по мѣстному самоуправленію «для об'единенія дѣятельности всѣх городских и земских учрежденій», и на вновь созданный комиссаріат возложена была задача проведенія начал совѣтскаго строя и в систему мѣстнаго управленія.

Уже 24 декабря, через пять дней послѣ созданія Комиссаріата по мѣстному самоуправленію, появился декрет о признаніи органами власти на мѣстах совѣтов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, сопровождавшійся обращеніем ко всѣм мѣстным совѣтам со стороны Комиссаріата по мѣстному самоуправленію, в котором изложены в первый раз основные устои совѣтской муниципальной политики.

Вот этот наказ.

Совѣтам рабочих,
солдатских, крестьянских и батрацких депутатов.
Об организаціи мѣстнаго самоуправленія.

Уважаемые товарищи! Октябрьско-ноябрьская революція, низвергнув правительство буржуазіи, передала власть в руки пролетарских и полупролетарских слоев народа, в руки их классовых организацій—совѣтов. Центральная власть—Временное Рабочее и Крестьянское Правительство (Совѣт Народных Комиссаров) образовано центральным органом Совѣтов—2-м Всероссійским С'ѣздом Совѣтов.

На мѣстах органами управленія, органами мѣстной власти являются совѣты, которые должны подчинить себѣ всѣ учрежденія, как административнаго, так и хозяйственнаго, финансоваго и культурно-просвѣтительнаго значенія. Такой способ организаціи власти в центрѣ и на мѣстах является не болѣе, как организаціонным выраженіем и закрѣпленіем того политическаго факта, что власть в странѣ перешла к пролетарским ея элементам.

Исходя из этого основного положенія и проводя его послѣдовательно в жизнь, мы приходим к слѣдующей организаціонной схемѣ.

Всѣ прежніе органы мѣстнаго управленія,—областные, губернскіе и уѣздные комиссары, комитеты общественных организацій, волостныя правленія и проч.—должны быть замѣнены соотвѣтственно областными, губернскими и уѣздными, районными и волостными совѣтами р. с., кр. и батр. депутатов. Вся страна должна покрыться цѣлой сѣтью совѣтских организацій, которыя должны находиться в тѣсной организиціонной зависимости между собой; каждая из этих организацій, вплоть до самой мелкой, вполнѣ автономна в вопросах мѣстнаго характера, но сообразует свою дѣятельность с общими декретами и постановленіями тѣх болѣе крупных совѣткихь организацій, в состав которых она входит. Таким путем создастся связный во всѣх своих частях однородный организм — Республика Совѣтов.

В виду того, что крестьянство организовано слабѣе других частей демократіи, особое вниманіе необходимо обратить на организацію Совѣтов Крестьянских Депутатов, на тѣснѣйшее организаціонное об'единеніе их с Совѣтами р. и с. депутатов. При организаціи Совѣтов крестьянских депутатов необходимо имѣть в виду, чтобы они об'единяли собою дѣйствительно демократическіе, пролетарскіе и полупролетарскіе элементы деревни, чтобы в них не было мѣста кулакам, торговцам и прочим сторонникам насадителей кабальных отношеній.

Народному Комиссаріату по внутренним дѣлам надлежит об'единить дѣятельность всѣх органов управленія на мѣстах, каковыми теперь являются Совѣты. Без такой связи Совѣтская власть никогда не сольется в то стройное цѣлое, которое одно в состояніи обезпечить ей наибольшую устойчивость. Мы просим всѣ Совѣты направлять в отдѣл мѣстнаго управленія Комиссаріата по внутренним дѣлам всѣ свѣдѣнія о том, насколько Совѣтам удалось овладѣть административным механизмом и стать органом, регулирующим всю мѣстную жизнь, о проведеніи в жизнь декретов Совѣта Народных Комиссаров, о положеніи дѣла на мѣстах и проч. Только при таких условіях Совѣтская власть сумѣет стать той твердой скалой, о которую разобьются всѣ попытки буржуазіи вернуть себѣ власть.

К наказу приложена была слѣдующая инструкція о правах и обязанностях совѣтов.

1. Совѣты рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов являются органами на мѣстах, вполнѣ самостоятельными в вопросах мѣстнаго характера, но всегда дѣйствуют сообразно декретам и постановленіям как Центральной Совѣтской власти, так и тѣх болѣе крупных об'единеній (уѣздных, губернских и областных Совѣтов), в состав которых они входят.

2. На Совѣты, как на органы власти, возлагаются задачи управленія и обслуживанія всѣх сторон мѣстной жизни: административной, хозяйственной, финансовой и культурно-просвѣтительной.

3. В порядкѣ управленія Совѣты проводят в жизнь всѣ декреты и постановленія центральной власти, принимают мѣры к самому широкому оповѣщенію населенія об этих постановленіях, издают обязательныя постановленія, производят реквизиціи и конфискаціи, налагают штрафы, закрывают контр-револю-

ціонные органы печати, производят аресты и распускают общественныя организаціи, призывающія к активному противодѣйствію или сверженію Совѣтской власти.

Впослѣдствіи основныя идеи этой муниципальной программы были развиты и обоснованы в Конституціи Совѣтской Федеративной Соціалистической Республики 10 іюля 1918 года и в законодательных актах 1920 года, касающихся устройства сельскаго и волостного мѣстнаго управленія, которые представляют собою кодификацію изданных раньше декретов по вопросам мѣстнаго управленія (Декрет В. Ц. И. К. о сельских совѣтах, С. У. 1920 г. № 11 ст. 68 и Декрет В. Ц. И. К. о волостных исполнительных комитетах, С. У. 1920 г. № 20, ст. 103). Из сопоставленія постановленій конституціи и декретов можно установить картину современнаго положенія земскаго самоуправленія в Россіи. Однако надо помнить, что практика избирательнаго права в Совѣтской Россіи такова, что ни одна оппозиціонная совѣтскому режиму партія не может быть представлена в каком бы то ни было совѣтском учрежденіи, в том числѣ и в мѣстных совѣтах. Эта практика опирается на спеціальный декрет, исключившій из состава совѣтских учрежденій всѣх представителей оппозиціонных партій.

Постановленіе Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета совѣтов рабочих, солдатских, крестьянских и казачьих депутатов.

Об исключеніи из состава Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго Комитета Совѣтов и мѣстных Совѣтов представителей контр-революціонных партій — соціалистов-революціонеров (правых и центра) и россійской соціал-демократической рабочей партіи (меньшевиков).

Принимая во вниманіе:

1) что Совѣтская власть переживает исключительно трудный момент, выдерживая одновременно натиск, как международнаго имперіализма всѣх фронтов, так и его союзников внутри Россійской Республики, не стѣсняющихся в борьбѣ против Рабоче-Кростьянскаго Правительства никакими средствами ,от самой безстыдной клеветы до заговора и вооруженнаго возстанія;

2) что присутствіе в Совѣтских организаціях представителей партій, явно стремящихся дискредитировать и низвергнуть власть Совѣтов, является совершенно недопустимым;

3) что из ранѣе опубликованных, а также оглашенных в нынѣшнем засѣданіи документом ясно обнаруживается, что представители партій — соціал-революціонеров (правых и центра) и россійской соціал-демократической рабочей партіи (меньшевиков), вплоть до самых отвѣственных, изобличены в организаціи вооруженных выступленій против рабочих и крестьян в союзѣ с явными контр-революціонерами — на Дону с Калединым и Корниловым, на Уралѣ с Дутовым, в Сибири с Семеновым, Хорватом и Колчаком и, наконец, в послѣдніе дни с чехо-словаками и примкнувшими к послѣдним черносотенцами;

Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитет Совѣтов постановляет: исключить из своего состава представителей партій соціал-революціонеров (правых и центра) и російской соціал-демократической рабочей партіи (меньшевиков), а также предложить всѣм совѣтам Рабочих, Солдатских, Крестьянских и Казачьих Депутатов удалить представителей этих фракцій из своей среды.

Подписали: Предсѣдатель Всероссійскаго Центр. Исполн. Комитета Совѣтов *Я. Свердлов.* Секретарь: *В. Аванесов.*

14 (1) іюля 1918 г. — Распубликовано в № 123 «Изв. Всер. Ц. И. К. Совѣтов» от 18 (5) іюня 1918 г.

8*

Постановленія этого декрета впослѣдствіи, хотя и в нѣсколько болѣе завуалированной формѣ, были подтверждены текстом ст. 23 Конституціи Р. С. Ф. С. Р.:

«Руководясь интересами рабочаго класса в цѣлом, Россійская Соціалистическая Федеративная Совѣтская Республика лишает отдѣльных лиц и отдѣльныя группы прав, которыя пользуются ими в ущерб интересам соціалистической революціи».

Избирательное совѣтское право совершенно одинаково для всѣх совѣтскихъ выборовъ. Оно регламентировано ст. ст. 64 и 65 Конституціи 10-го іюля. Избирательным правом пользуются всѣ граждане обоего пола, достигшіе 18 лѣт от роду, которые в то же самое время удовлетворяют слѣдующим условіям: а) добывают средства к жизни производительным и общеполезным трудом, а также заняты домашним хозяйством, опезпечивающим для первых возможность производительнаго труда, как то: рабочіе и служащіе всѣх видов и категорій, занятые в промышленности, торговлѣ, сельском хозяйствѣ и проч. Крестьяне и казаки — земледѣльцы, не пользующіеся наемным трудом с цѣлью извлеченія прибыли; б) солдаты совѣтской арміи и флота; в) граждане, относящіеся к первым двум категоріям, почему либо потерявшіе трудоспособность.

Лишены избирательнаго права и активнаго, и пассивнаго наряду с сумасшедшими, преступниками и монахами и духовенством всѣ «лица, прибѣгающія к наемному труду с цѣлью извлеченія прибыли, лица, живущія на нетрудовой доход, как то: проценты с капитала, доходы с предпріятій, поступленія с имуществ и т. п., а также частные торговцы и коммерческіе посредники».

От избирательной урны таким образом отстранены всѣ, так называемые, «нетрудовые» элементы, и избирательное право об'явлено принадлежащим лишь рабочим и крестьянам.

Совѣты рабочих, солдатских и крестьянских депутатов избираются в городах и селах, при чем сельскіе совѣты выбираются по расчету: 1 депутат на каждые 100 человѣк населенія (Конституція, ст. 57, Декрет о сельских совѣтах 1920 г. парагр. 3). В качествѣ исполнительнаго органа выбирается в селеніях с населеніем свыше 10.000 человѣк исполнительный комитет из трех членов, а в селеніях с населеніем ниже 10.000 — обязанности комитета исполняет совѣт единолично (ст. 58 Конституціи, параг. 8 Декрета 1920 г.).

Наибольшій интерес однако представляют постановленія Конституціи и декретов 1920 года, касающіяся вопросов компетенціи и предѣлов прав органов мѣстнаго самоуправленія.

С наибольшей полнотой компетенція совѣтских органов мѣстнаго управленія формулирована в параг. 17 Декрета ВЦИК-а о волостных исполнительных Комитетах (С. У. 1920 г. № 20 ст. 103). Это—«укрѣпленіе Совѣтской власти, об'единеніе и организація сельскаго пролетаріата, деревенской бѣдноты и средняго крестьянства вокруг Совѣтов, борьба с паразитическими элементами». Кромѣ того, в силу ст. 61 Контитуціи, мѣстные органы Совѣтской власти должны проводить в жизнь всѣ постановленія соотвѣтствующих высших органов Совѣтскоѣ власти. С наибольшей откровенностью начало полнаго подчиненія мѣстных совѣтов центру выражено в параг. 13 Декрета 1920 года о сельских севѣтах, в силу коего эти послѣдніе должны *«выполнять всѣ постановленія высших органов совѣтской власти»*.

III

Такова Совѣтская система мѣстнаго управленія. Органами мѣстнаго управленія являются мѣстные совѣты, избираемые на основѣ цензоваго пролетарскаго избирательнаго права, и избираемые ими исполнительные органы, но в своей дѣятельности эти органы тѣсно связаны предписаніями центральной власти и ея неустанным надзором. Ни одно мѣропріятіе, неугодное центральной власти или же нарушающее ея предписанія, не может быть проведено в жизнь, так как в руках центральной власти находится право отмѣнить всякое распоряженіе мѣстных совѣтов, а послѣдніе должны безпрекословно «выполнять всѣ постановленія высших органов Совѣтской власти». Всякая мысль о самоуправленіи совершенно уничтожена, и вся система мѣстнаго управленія покоится на признаніи диктатуры рабочаго класса.

Земство и революціонный коммунизм — двѣ взаимно исключающія стихіи. Коммунизм централистичен и отрицает эволюціонное развитіе общества; земская идея, наоборот, заключается в признаніи законности интересов и прав мѣстности, особых от интересов и прав центра; она покоится на признаніи эволюціи общественной и экономической жизни, она — традиція мирной культурной работы. Немудрено поэтому, что большевистскіе методы управленія оказались совершенно несовмѣстимыми с земскими учрежденіями, и послѣднія оказались разрушенными.

Однако всякое общественное теченіе, всякая русская власть, которая будет не разрушать, а строить, не расточать народныя богатства, а организовывать производство, неизбѣжно должна будет вновь призвать к жизни мѣстное самоуправленіе, ибо возрожденіе Россіи возможно лишь при дружном участіи всѣх живых сил страны, в том числѣ в первую голову сил земскаго и городского самоуправленія.

Совѣтскія организаціи на мѣстах замѣнили органы земскаго самоуправленія, но земскія школы, земскія больницы и до сих пор продолжают существовать. Правда, онѣ влачат жалкое существованіе: школы без учебных пособій, больницы без медикаментов. В цѣлом рядѣ уѣздов земскія больницы, оставшіяся без средств, поддерживаются мѣстным населеніем, прекрасно сознающим необходимость сохраненія санитарной организаціи. Интеллигентныя силы, которыя раньше работали в учрежденіях земскаго самоуправленія, и сейчас имѣются на мѣстах; онѣ в скрытом состояніи и многія из них работают в совѣтских учрежденіях в качествѣ спеціалистов. В старом земствѣ третій элемент играл огромную роль, в совѣтской же администраціи роль его еще болѣе значительна, так как среди мѣстных исполнительных комитетов рѣдко можно встрѣтить достаточно подготовленных, опытных и образованных людей.

Среди мѣстных сил, которым суждено сыграть крупную роль в дѣлѣ экономическаго и культурнаго возрожденія Россіи, на первом планѣ будет стоять кооперація. Весь кооперативный аппарат был подчинен совѣтской власти, но кооперативныя силы и кооперативный опыт остались на мѣстах. Нѣт никакого сомнѣнія, что кооператоры окажут неоцѣнимыя услуги для мѣстнаго самоуправленія, принеся свой опыт и свои силы.

Мѣстные совѣты крѣпко опутаны паутиной полной зависимости от центральной власти, избирательная система обезпечивает преобладаніе пролетаріата, всякая организованная оппозиція в совѣтах уничтожается безжалостно в самом корнѣ. Но стоит только центру заколебаться, как мѣстные совѣты могут выйти из подчиненія коммунистич. центру, и нѣт никакого сомнѣнія, что еслибы на мѣстах можно было произвести дѣй-

ствительно свободные выборы с участіем не одной только привилегированной пролетарской аристократіи, но всего мѣстнаго населенія, то личный состав совѣтов — совершенно бы измѣнился.

В ту переходную эпоху, которая неизбѣжно наступит ко времени возвращенія Россіи от коммунизма к нормальным формам современнаго человѣческаго общежитія, легче всего будет опереться на свободно переизбранные всѣм населеніем мѣстные совѣты. Они явятся тѣми переходными органами мѣстнаго самоуправленія, за которыми придет впослѣдствіи возстановленное демократическое земство, перед которым откроется многотрудная задача возстановленія нормальных условій культурной жизни и возрожденія традицій земской культурной работы.

Однако же надо, хотя и в самых общих чертах, намѣтить возможную и желательную организацію земскаго самоуправленія. Демократизированные мѣстные совѣты, т. е. мѣстные совѣты, превращенные из органов, в которых представлены только рабочіе и бѣднѣйшіе крестьяне, в представительныя собранія, избираемыя всѣм населеніем, могут служить лишь временными, переходными органами самоуправленія. Проблема созданія настоящаго народнаго мѣстнаго самоуправленія, опирающагося на мѣстное населеніе и достаточно самостоятельнаго в своей работѣ, должна быть поставлена перед властью, которой суждено будет трудиться над возрожденіем Россіи, во весь свой рост. Только на прочном фундаментѣ демократическаго мѣстнаго управленія может быть основана новая демократическая Россія. Процесс превращенія мѣстных совѣтов из органов пролетарской диктатуры в учрежденія болѣе близкія мѣстным пользам и нуждам и представляющія мѣстные интересы, — творится самою жизнью. Ряд сельских и волостных совѣтов, перевыбранных за послѣднее время, освобождается от засилья коммунистов и ведет свою самостоятельную и независимую от центра политику.

Каковы же должны быть тѣ основанія, на которых должно быть возстановлено мѣстное самоуправленіе? Коммунистическій опыт учит многому, и одно из главнѣйших его доказательств — это доказательство от противнаго. Недостатки большевистской системы мѣстнаго управленія так очевидны, так бьют в глаза, что на почвѣ критики современнаго мѣстнаго строя и имѣя в виду многолѣтній опыт дѣятельности земских учрежденій, можно намѣтить основную схему будущаго устройства рускаго народнаго мѣстнаго управленія.

Прежде всего — избирательная система.

Коммунистическое земское избирательное право покоится на идеѣ ценза—подобно избирательной системѣ земства до 1917 года. Старая система опиралась на идею имущественнаго ценза, большевики допускают к избирательной урнѣ лишь граждан, удовлетворяющих довольно неопредѣленным признакам, носящим профессіональный характер. Всѣ остальные граждане лишены избирательнаго муниципальнаго права, и, таким образом, отрицается основная идея современнаго демократическаго государства—идея всеобщности избирательнаго права. Не всѣ, а только избранные допускаются к избирательной урнѣ.

Новая земская избирательная система должна быть построена не на идеѣ профессіональнаго ценза, а на дѣйствительном равноправіи всѣх и привлеченіи каждаго гражданина к участію в разрѣшеніи дѣла мѣстнаго управленія, а тѣм самым—и к земской избирательной урнѣ. Все населеніе сельскаго общества, волости, уѣзда, губерніи должно избирать

земских гласных, и никаких из'ятій для одной стороны или привилегій для другой не должно быть допущено. Лишь при условіи привлеченія всѣх граждан к участію в земских выборах земское самоуправленіе станет дѣйствительно самоуправленіем народным.

Земскія собранія (мѣстные совѣты), избранныя на основѣ всеобщаго избирательнаго права, должны имѣть право свободнаго и независимаго избранія исполнительных органов — предсѣдателей и членов управ (предсѣдателей и членов комитетов). Ограниченія какого-либо свойства, налагаемыя на право земских собраній избирать свои исполнительные органы, не должны имѣть мѣста. Само собой разумѣется, не может быть допущена система утвержденія в должности избранных со стороны правительства, как это было по земскому положенію 1890 года, так совершенно недопустима и современная система необходимой принадлежности предсѣдателя исполнительнаго комитета к коммунистической партіи, или же требованіе, чтобы в состав исполнительных органов ни один из представителей оппозиціонных по отношенію к коммунистической олигархіи партій не входил. Лишь тогда будет в Россіи свободное и независимое земское самоуправленіе, если земскія собранія будут выбирать свободно и независимо от чьей - либо воли — правительства или какой - либо политической партіи — свои исполнительные органы.

Компетенція земскаго самоуправленія должна быть точно и опредѣленно установлена в законѣ, при чем всѣ вопросы мѣстной жизни, всѣ мѣстныя «пользы и нужды» должны быть переданы в завѣдываніе мѣстнаго самоуправленія, и правительство не должно вмѣшиваться в дѣятельность мѣстных учрежденій, сохраняя, конечно, общее наблюденіе за исполненіем постановленій и предписаній закона со стороны этих мѣстных учрежденій. Общее законодательство должно, конечно, установить общую систему народнаго образованія, общественной медицины, дорожнаго дѣла, агрономической помощи населенію и других задач культурной работы по возрожденію Россіи, но осуществленіе всѣх этих задач, согласно постановленіям новаго законодательства, должно быть всецѣло поручено органам земскаго самоуправленія. Они должны быть самостоятельны в осуществленіи порученных им задач, и никакая посторонняя самоуправленію власть не должна имѣть права вмѣшиваться в их дѣятельность, отмѣняя законныя постановленія или же приказывая исполнять задачи, которыя к их компетенціи не отнесены законом.

Постоянное вмѣшательство в культурную работу земства и бдительный, придирчивый надзор за его дѣятельностью составляли характерную черту правительственной политики по отношенію к земству до 1917 года (блестяще охарактеризована эта система отношеній в запискѣ Витте «Самодержавіе и земство»). Но мѣстныя учрежденія попали в еще болѣе ярко выраженную кабальную зависимость от совѣтской власти.

Между тѣм свободное демократическое самоуправленіе может существовать лишь в режимѣ свободы и закона. Надлежащее удовлетвореніе всѣх культурных и экономических нужд мѣстнаго населенія только тогда может быть соотвѣтствующим образом поставлено, когда мѣстныя учрежденія будут заранѣе опредѣленно знать свои права и обязанности и могут в сознаніи своего права заявить, что незаконныя распоряженія привительства они не желают проводить в жизнь. Само-

управленіе может жить и развиваться лишь в атмосферѣ законности и при наличности совершенно необходимой для него независимости от исполнительной центральной власти. Если нѣт независимости мѣстных учрежденій, то нѣт и самоуправленія.

Наконец, одним из самых существенных вопросов является вопрос о взаимных отношеніях между сельскими, волостным, уѣздным и губернским самоуправленіем и о способах избранія уѣздных и губернских органов самоуправленія. Нѣт никакого сомнѣнія, что болѣе крупные органы мѣстнаго самоуправленія будут играть руководящую роль в земской культурной работѣ будущаго. Так всегда было. Губернскія земства наиболѣе выдающихся земских губерній всегда сосредоточивали в себѣ и наиболѣе выдающихся земских дѣятелей и наиболѣе опытный штат третьяго земскаго элемента. Кромѣ того губернскій бюджет давал возможность шире развить постановку дѣла губернских предпріятій. И авторитет губернскаго земства всегда стоял высоко среди большинства уѣздных земских собраній. Еще в большей степени, конечно, это может быть сказано относительно волостных мѣстных учрежденій; для них всегда и губернское земство, и уѣздное будут недосягаемы по широкой постановкѣ задач и возможности поставить свою работу надлежащим образом. Система народнаго мѣстнаго управленія возрожденной Россіи будет покоиться на дружном взаимодѣйствіи всѣх мѣстных учрежденій, при наличности культурной гегемоніи губернскаго земства по отношенію к уѣздным и уѣзднаго по отношенію к волостным.

Если губернскія и уѣздныя земства будут играть руководящую роль по отношенію к волостному самоуправленію, то, конечно, представляет большой интерес вопрос о той системѣ выборов губернских и уѣздных гласных, которая могла бы надлежащим образом обслужить интересы и нужды не только всего уѣзда, но и каждой из отдѣльных его волостей. Законодательство Временнаго Правительства установило систему выборов, при которой волостныя и уѣздныя земскія собранія избирались непосредственно населеніем и в непосредственной личной связи друг с другом не находились. Было бы желательно, чтобы теперь выборы уѣздных земских гласных производились волостными земскими собраніями (волостными совѣтами) из среды всѣх земских избирателей волости, и, таким образом, устанавливалась бы непосредственная связь между волостями и уѣздами. Но так как уѣздная земская работа требует болѣе опытнаго и образованнаго состава нежели волостныя земства, то может быть было бы разумно предоставить уѣздному земскому собранію, выбранному на волостных собраніях, расширять свой состав избраніем из числа земских избирателей всего уѣзда дополнительных уѣздных земских гласных подобно тому, как это дѣлается в Англіи в видѣ избранія ольдерменов. Таким путем уѣздныя собранія могли бы избирать в свой состав из числа земских избирателей уѣзда тѣх лиц, которыя могли бы быть полезны по своей опытности или подготовленности. Губернскіе земскіе гласные могли бы быть избираемы уѣздными земскими собраніями с примѣненіем системы пропорціональных выборов.

Такая система народнаго самоуправленія обезпечивала бы избраніе мѣстных учрежденій всѣм мѣстным населеніем и независимость выборных органов от правительственной власти.

Проф. П. П. Гронскій.

Ирландскій крестьянин.

I.

Ирландія, а в особенности ея три южныя католическія провинціи: Лейстер, Мепстер и Коннот, — страна земледѣльческая, с преобладающим крестьянским населеніем. По послѣдней переписи, из 4.390.219 человѣк, городского населенія было — 1.470.595, а сельскаго — 2.919.624. Другими словами, крестьяне представляют 67,4% всего населенія Ирландіи. Правда, тяга в город наблюдается и в Ирландіи, гдѣ городское населеніе увеличивается на счет деревни. За послѣднія десять лѣт в больших городах только в Голуэй населеніе уменьшилось на 1,3%; во всѣх остальных ирландских городах оно увеличилось: в Дублинѣ на 17,1%, в Пемброкѣ на 13,4%, в Ратмайялѣ на 17,1%, в Бельфастѣ на 10,4%, в Коркѣ на 0,7%, в Лондондерри на 2,3%, в Лимерикѣ на 0,7% и в Іотерфордѣ — на 2,5%. Но все это передвиженіе населенія нисколько не измѣнило основного крестьянскаго характера Ирландіи.

Что же представляет собою ирландскій крестьянин? Для отвѣта на этот вопрос мы обратимся не только к статистикам, этнографам и публицистам, но и к романистам. С самаго начала XIX вѣка до послѣдняго времени цѣлый ряд беллетристов пытается дать нам ключ к душѣ ирландскаго крестьянина. Первой по времени является, если не ошибаюсь, Марія Эджуорт, очень плодовитая и крайне популярная когда-то романистка, выступившая еще в 1800 году с большим произведеніем из жизни ирландских крестьян — «Замок Рэкрент». Отличительными чертами произведеній Маріи Эджуорт является теплое, сердечное отношеніе к крестьянам, затѣм блестящій стиль, юмор и чрезвычайная живость діалога. Произведенія первой ирландской народницы являются скорѣе галлереей тщательно выписанных портретов, чѣм р о м а н а м и. Затѣм, послѣ нѣкотораго перерыва выступает с крестьянскими разсказами и романами Вильям Карльтон, автор произведеній «Разсказы из жизни ирландских крестьян» и «Черный Пророк». В послѣднем романѣ с большой силой описан картофельный голод 1846 года. Почти одновременно в первой половинѣ XIX вѣка выступил цѣлый ряд ирландских народников: братья Майкель и Джон Бэним, Сэмюэль Ловер, роман котораго «Ловкій Энди» сравнительно еще недавно пользовался популярностью, Джеральд Гриффин и Чарльз Джемс Левер. Этот писатель в особенности познакомил англійских читателей с ирландскими крестьянами. Можно сказать, что до начала XX вѣка всѣ свѣдѣнія рядовых читателей об Ирландіи были почерпнуты из романов Левера: «Чарльз О'Молли», «Том Берка», «Артур О'Лирю», «О'Доно» и др. Во время бурнаго аграрнаго движенія, происходившаго в Ирландіи в восьмидесятых годах XIX вѣка, за изображеніе крестьян брались преимущественно публицисты, а не беллетристы. С начала XX вѣка, т. е. ко времени нарожденія шинфейнизма, беллетристами из крестьянской жизни становятся крайніе націоналисты, проводившіе, большею частью, какую-нибудь опредѣленную тенденцію. По-

старaемся разобраться в наблюденіях беллетристов, этнографов и публицистов над ирландскими крестьянами. Прежде всего попытаюсь набросать общій фон.

За исключеніем нѣскольких больших центров, как Дублин, Бельфаст или Корк, похожих на десятки других грязных и бѣдных городов Европы, остальные ирландскіе города носят совершенно деревенскій характер. По обѣим сторонам дороги вытянулись двумя длинными рядами одноэтажные домики. Мы в типичном ирландском городкѣ, 1500-2000 жителей котораго глубоко убѣждены, что на них сконцентрировано вниманіе всей вселенной. Самыя большія зданія в таком городкѣ, как Килларглин, Боллигари или Килфинан — ратуша, над которой развивается республиканское знамя, банк и громадная трехэтажная лавка, в которой горожане и окрестные крестьяне могут достать рѣшительно все: от хомута и колесной мази до модной шляпки с большой птицей и духов. В такой лавкѣ работает вся мѣстная интеллигентная молодежь. Для нея магазин представляет такое же убѣжище для неудачников, какое представляла аптека у нас. Полуинтеллигентная молодежь, работающая в ирландских провинціальных магазинах, в такой же степени озлоблена, как у нас фармацевты. В городкѣ поражает огромное количество питейных домов; невольно зарождается вопрос: «как это всѣ они существуют?» — Город кончается развалинами средневѣковаго замка, монастырем или таинственной доисторической высокой, круглой башней, утончающейся к вершинѣ и имѣющей двери так высоко, что без длинной лѣстницы туда никак не добраться. Поколѣнія ирландских археологов гадают, кому, когда и для какой цѣли понадобилось вывести эту чудовищную, повидимому, совершенно безполезную постройку. За городом начинаются «moors», т. е. обширныя болота. Когда то они были непроходимы. Сюда англичане, завоевав плодородныя провинціи, загнали ирландцев. Бѣженцы прокопали во всѣх направленіях канавы, осушили по возможности болото и посѣяли рожь да посадили картофель. На огромной равнинѣ всюду, как чайки, видны одинокія бѣлыя фермы. Прежде, в восьмидесятых годах XIX вѣка, тут шла упорная, ожесточенная, безпощадная борьба за землю. Теперь, с 1903 года, фермеры стали собственниками, сплотились в коопераціи и живут хорошо.

Климат острова так влажен, что совершенно ясные, солнечные дни выпадают рѣдко. Над болотом обыкновенно стелется туман, скрывая предметы и придавая им таинственныя очертанія. (Природа здѣсь — как бы не любит предметов с опредѣленными контурами). К западу болото кончается у подножья невысоких гор, изрѣзанных глубокими долинами (dales) и замѣчательных безчисленным количеством пещер. В этих подземельях с незапамятных времен спасались люди от преслѣдованій. У подножья гор — рѣка. За мостом на склонѣ холма — деревня. По обѣим сторонам большой дороги вытянулись низенькія избы, крытыя соломой. Если время послѣ полудня, когда вся деревенская Ирландія обѣдает, надо всѣми крышами вьется синій, пахучій дым горящаго торфа.

Дым отнюдь не выходит только предназначенным ему путем: маленькія облачки тянутся из открытых дверей и через окна, в которых выбитыя шибки заткнуты тряпкой, старой шапкой или комком грязнаго бѣлья. Перед каждой дверью — навозная куча и яма, наполненная доверху зеленой жижей. Иногда из дверей покажется расхристанная женщина в зеленом плащѣ с кокулем, надвинутым на распатланную голову. На одной рукѣ у женщины ребенок, а в другой—горшок с помоями, который она выплескивает в яму. Почти в каждой ямѣ комфортабельно умѣстились свиньи, наслаждающіяся,

судя по хрюканью, своими ваннами. Если день праздничный, то мужчин найдешь или у порога их домов, или в питейном. Тут большею частью молодежь. Она сидит в разных стадіях опьяненія за стаканами крѣпкаго, чернаго пива или виски. Раздается латинская церковная пѣсня:

Deum de Deo, Lumen de Lumine,
Gestant puellae viscera.

То поет молодежь, обученная священником для церковнаго хора. Кто не поет и кто еще не совсѣм свалился, отбивает рукой такт на столешницѣ, липкой от пролитаго пива.

Мы в наиболѣе бѣдной части западных графств. Сравнительно еще очень недавно крестьяне тут существовали, как выражается ирландскій беллетрист, «вопреки всѣм законам политической экономіи». Фермеры в западных графствах Англіи убирали поля при помощи пришлых ирландских рабочих из деревень, в родѣ только что описанной. Ирландцы играли в Англіи такую же роль, как когда то «полтавцы» на всем югѣ Россіи. В концѣ мая всѣ пароходы, уходящіе из Ирландіи в Англію, бывали переполнены сельскими рабочими из пріатлантических графств. В сентябрѣ ирландскіе «полтавцы» возвращались обратно. За лѣто каждый крестьянин сберегал от десяти до пятнадцати фунтов стерлингов из заработной платы в 15-20 шиллингов в недѣлю. Возвращаясь из года в год на тѣ же фермы, ирландцы ночевали в амбарах или на сѣновалах. Дома женщины и старики убирали поля, засѣянныя перед от'ѣздом на заработки, если только было что убирать. Часто проливные дожди губили весь урожай ячменя или ржи, уничтожали картофель. Принесенный заработок покрывал арендную плату за клочок земли и очищал годичный долг в лавочкѣ за забранный чай, муку, сахар и другіе предметы первой необходимости. Теперь ренту платить не надо, потому что земля выкуплена.

II.

Фон картины набросан. Кто же люди, дѣйствующіе на этом фонѣ? Анализ ирландских беллетристических произведеній за сто лѣт подсказывает вывод, что ужасно трудно найти о д н у всеоб'емлющую формулу, в которую уложилось бы цѣлое сословіе с безконечной разнообразностью своих страстей, настроеній и упованій, мѣняющихся к тому же в зависимости от внѣшних условій. Но так как всѣ ирландскіе беллетристы-народники ищут именно такую всеоб'емлющую формулу, то анализ произведеній приводит нас еще к такому заключенію. Хотя всѣ писатели подмѣчают в ирландских крестьянах нѣкоторыя общія черты, но рядом с этим беллетристы дѣлают и взаимно исключающія утвержденія.

Ирландскій крестьянин — типичный кельт, — говорит нам Марія Эджуорт. Это — «добродушное, причудливо-остроумное, вспыльчивое, легко увлекающееся, романтическое, совершенно безпечное и безконечно лѣнивое существо». Нѣт, говорит нам беллетрист-англичанин, изображающій ирландских крестьян в 1920 г.: ирландец — грубый, жестокій хищник и громила, создавшій только одну промышленность — тайное винокуреніе в горах. «Ирландскій крестьянин — природный революціонер, пріученный всей исторіей своего несчастнаго народа к тому, чтобы защищать с оружіем в руках свою независимость, свою землю и индивидуальность от жестоких поработителей — англичан», говорит беллетрист-ирландец. «Самая курьезная ошибка, которую дѣлают англичане, это — утвержденіе, что ирландскіе крестьяне — роман-

тики и мечтатели», — говорит другой. — В дѣйствительности нѣт болѣе положительных и практических людей, чѣм ирландскіе крестьяне».

Очевидно, каждый беллетрист-народник подходит к ирландским крестьянам с готовой теоріей и, так сказать, подсказывает им, чѣм они должны быть. Испытаемся разобраться во всѣх этих противорѣчивых показаніях и сгруппировать их. При надобности мы будем обращаться к точному, во всяком случаѣ па первый взгляд, языку цифр. Всѣ писатели согласно отмѣчают суевѣріе ирландских крестьян. В Ирландіи нѣт ни одной пещеры, ни одного урочища, ручья или колодца, с которыми не были бы связаны разсказы о феях, подземных людях или о нежити вообще. И во все это ирландскій крестьянин вѣрит так же крѣпко, как и в слова священника. Священник, сам вышедшій из крестьян, в сущности, часто так же суевѣрен, как и его прихожане...

Всѣ авторы, писавшіе про Ирландію, согласно отмѣчают слѣпую преданность крестьян своей религіи. Ирландія, конечно, — самая католическая страна в мірѣ. Крестьянин безпрекословно исполняет приказанія священника. На исповѣди крестьянин сообщает духовнику мельчайшія подробности о своих дѣлах. На основаніи этих показаній священник облагает каждаго прихожанина высоким налогом в пользу церкви, но самый жадный крестьянин не посмѣет уменьшить на исповѣди, за сколько он продал телушку или сколько бушелей картофеля он собрал. В глазах крестьянина наказ священника имѣет болѣе абсолютный характер, чѣм слово епископа или даже самого папы. Во время аграрнаго террора в 80 годах XIX вѣка и политическаго террора 1919-1922 годов епископы часто осуждали революціонные эксцессы. Спеціальная папская энциклика убѣждала ирландцев не принимать участія в З е м е л ь н о й Л и г ѣ и в П л а н ѣ К а м п а н і и, но тѣм не менѣе сельское духовенство участвовало в организаціях Парнелля и Майкеля Дэвитта. И за духовенством шли крестьяне. Точнѣе надо сказать так. Сельское духовенство понимало, когда удобнѣе ослушаться даже епископа и удержать свое вліяніе над крестьянами, чѣм послушаться и потерять авторитет. Деревенскій священник — тонкій политик. Он знает про всѣ тайныя организаціи в деревнѣ и то одобряет, то осуждает их.

Ирландскій крестьянин фанатически предан католицизму. Ректор дублинскаго университета проф. Маафг указывает в только что вышедших дополнительных томах Британской Энциклопедіи, что в Ирландіи теперь происходит не только политическая и соціальная, но и р е л и г і о з н а я борьба. Именно теперь, в XX вѣкѣ, протестанты и католики стоят друг против друга в Ирландіи, как стояли в XVI вѣкѣ. «Мы имѣем перед собою не только двѣ религіи, но двѣ системы мышленія, два воззрѣнія на наиболѣе жизненные интересы человѣка». *) Но только лишь мы усвоили эти утвержденія, говорящія о религіозном фанатизмѣ ирландских крестьян и об их готовности измѣрять достоинство человѣка степенью преданности его католицизму, как наталкиваемся на факты другого рода. Самыми вліятельными политическими вождями Ирландіи были протестанты, а не католики. Величайшій національный герой Ирландіи, организатор возстанія 1798 года Теобальд Улф Тон был протестант, свободный мыслитель, якобинец, ненавидѣвшій всякое духовенство, в особенности же католическое. Знаменитый государственный дѣятель Генри Граттан, добившійся в 1782 г. отдѣльнаго парламента для Ирландіи, проданнаго в 1800 г. ирландскими коммонерами и лордами Питту, — был протестант. Протестантами были также парламентскіе вожди Айзек Бат и Парнелль.

*) Enciclopedia Britannica, vol. 31, p. 554.

А между тѣм дѣйствительно вѣрно, что ирландскій крестьянин каждаго протестанта считает сыном Антихриста. На этом построен драматическій этюд самаго талантливаго из новѣйших ирландских писателей Синга. Во время мятежа 1798 года поочередно брали верх то повстанцы-католики, то войска короля-протестанта. Когда побѣждали повстанцы, убѣгали всѣ жители-протестанты, спасаясь рѣзни. Когда брали верх протестанты, жители-католики спасались от избіенія. И вот в пещерѣ оказываются двѣ молодыя женщины: одна католичка-крестьянка, другая горожанка-протестантка. Женщины не знают, кто теперь взял верх: католики или протестанты. Чьи-то голоса слышны снаружи. Кого-то ищут, но нельзя разобрать, кто побѣдил. Сидящія в пещерѣ заводят в полголоса религіозный спор. Протестантка бранит папу, а католичка — королеву Елизавету и Генриха VIII. Наконец, спор до того обостряется, что негодующая крестьянка-католичка уходит из пещеры. Вполнѣ возможно, что взяли верх протестанты, и тогда молодую женщину ждут насиліе и смерть; но лучше это, чѣм сидѣть рядом с дьяволицей, поносящей папу.

III.

Всѣ наблюдатели отмѣчают консерватизм ирландскаго крестьянина, причем одни ставят эту черту в укор ему, а другіе, — именно націоналисты, — в заслугу. Вот, например, французскій изслѣдователь, изучавшій Ирландію в восьмидесятых годах, в самый разгар аграрной борьбы. Изслѣдователь, побывав в приморских деревнях графства Керри, поражен не столько бѣдностью крестьян, сколько косностью их и неспособностью пойти по новой дорогѣ. «Крестьяне питаются только картофелем да молоком или маисовой похлебкой, рѣдко хлѣбом и никогда не имѣют мяса, — говорит он. — Вино, пиво, вообще крѣпкіе напитки, затѣм чай и в особенности кофе неизвѣстны в этой части Ирландіи, — т. е. на полуостровѣ Дингль, в графствѣ Керри. Крестьяне живут в мурьях, сложенных из рухляка и крытых соломой, прикрѣпленной к стропилам соломенными же жгутами и удерживаемой булыжниками. Крестьяне спят на подстилках из тростника, рядом со свиньями, когда имѣют свиней, — что является уже признаком зажиточности. Потолка в мурьѣ нѣт. Под крышей на насѣстѣ сидят пять-шесть кур. Грязь и неряшливость превосходят всякое описаніе. Женщины не признают ни мыла, ни гребня, хотя почти всѣ молодыя — миловидны и даже красивы. Волосы у них растрепаны и падают, как у австралійских дикарей, патлами на плечи. Ни одна женщина не позаботится заштопать прорѣхи на своем казакинѣ или юбкѣ. Мужчины всѣ апатичны и неповоротливы. Они стараются работать возможно меньше — день-два в недѣлю. Им не приходит даже в голову ловить рыбу в том океанѣ, который у их ног. Самое большое, они пользуются океаном, чтобы набрать на берегу тачку песку или выброшенныя бурей водоросли для удобренія клочка земли. В деревнях этих не живут, а прозябают в праздности и без интереса. Нищета породила самое желкое отупѣніе*)».

Четыре, пять, шесть, а иногда десять и даже двѣнадцать жалких человѣческих существ ютятся на клочкѣ плохой земли, которую обрабатывают совершенно первобытным способом, — говорит тот же автор о другой деревнѣ. «У этих людей нѣт ни капитала, ни сельско-хозяйственных орудій, ни зна-

*) Philippe Daryl „Les Anglais en Irlande". Paris 1887, p. 154.

ній, ни энергіи. В лучшем случаѣ, т. е. предположив, что урожай картофеля будет хорош и что корова найдет пастбище на каменистом склонѣ холма, люди прокормятся кое-как, но тогда явится важный вопрос, из чего уплатить ренту за землю». *)

Надо тут же прибавить, что и в восьмидесятых годах не всѣ ирландскіе крестьяне представляли собою таких жалких горемык, какіе только-что описаны. В центральных графствах и тогда были не только зажиточные, но даже богатые фермеры, являвшіеся опорой Земельной Лиги. Вот, напримѣр, хозяйство такого богатого крестьянина в 80-х годах. «Большая молочная ферма. Самая лучшая, какую я видѣл во всей Ирландіи. Постройки новы. На лугу я насчитал шестнадцать прекрасных коров. Вся посуда в молочной чиста и содержится в порядкѣ. Судя по меблировкѣ, по платью хозяина, по широкому угодью, — фермер живет богато. Он платит в год помѣщику 88 ф. ст. Фермер мнѣ сказал, что не думает заплатить помѣщику в слѣдующую четверть года. Лэндлорд предложил своему арендатору купить землю на условіях выплаты в теченіе 49 лѣт по 72 ф. ст., что составляет только $^2/_3$ арендной платы. Фермер отказался.

— Почему? — спросил я.

— Ну, зачѣм же мнѣ связываться на 49 лѣт, когда через два-три года я и так буду имѣть ферму, — отвѣтил крестьянин.

Крайній консерватизм ирландских крестьян, как я сказал, отмѣчают и ирландцы-націоналисты, но ставят эту черту в большую заслугу своему народу.

«С манчестерской точки зрѣнія понятія ирландскаго крестьянина о комфортѣ совершенно примитивны, а его воззрѣнія отнюдь не прогрессивны», — иронизирует, напримѣр, Стифен Гвин. — Ирландскій крестьянин не стремится к улучшенію своего матеріальнаго благополучія. Он желает жить, как до него жили предки. Крестьянину дороги дѣдовскія вѣрованія, упованія и радости. Замѣчательно однако, что, раз только ирландскій крестьянин вырван из родной почвы, он становится совсѣм иным существом, если только вынесет процесс «пересаживанія», — продолжает Стифен Гвин. — Ирландскій крестьянин преуспѣвает в Америкѣ. Если он не накопляет там денег, то лишь потому, что отсылает весь свой заработок домой, своим старикам и родственникам, дабы они на старом пепелищѣ могли, вопреки всѣм законам политической экономіи, продолжать жалкое существованіе. И цѣлый ряд государственных дѣятелей, — иронизирует автор, — согласно с учеными экономистами рѣшили, что самое лучшее будет, если так цивилизовать ирландскаго крестьянина, чтобы его не стало на родинѣ. Надо поэтому, — рекомендуют ученые экономисты, — не сдерживать, а поощрять переселеніе; необходимо, чтобы большая часть Ирландіи превратилась в пастбища или в верещаки и кормила не крестьянина, а овец или куропаток, как в счастливой Шотландіи**)

Ирландскій крестьянин консервативен; он мало заботится о благах жизни, как эти послѣднія представляются «манчестерским экономистам», зато он сохранил свою національную индивидуальность кельта, — с гордостью об'являют ирландскіе «славянофилы» — шинфейнеры. «Эти кельты, не поддающіеся прогрессу, довольствуются условіями, презираемыми англійскими рабочими», — пишет один такой автор. — «Ирландским крестьянам не надобно

*) ib., p. 149.

**) „Today and Tomorrow in Ireland“ p. 99.

ежедневно свѣжее мясо. Они обойдутся даже без солонины. Крестьяне живут часто под одной крышей со своей скотиной, часто даже не лучше ея. Зато ирландскій крестьянин страстно стремится к тому, к чему англійскій рабочій равнодушен. Крестьянину, как жизнь, надобен деревенскій простор и привычный ландшафт, созерцаемый с полусознанной радостью, как знакомое лицо жены. Ирландскій крестьянин желает жить среди знакомых с дѣтства людей, в обстановкѣ, гдѣ всѣ вѣруют так же, как и он сам, гдѣ всѣ исповѣдуются у того же священника. Ирландскій крестьянин по натурѣ своей общителен; он уживается с чужими, но тѣм не менѣе, самое большое удовольствіе для него — поговорить с соплеменником, с кельтом».

Дѣйствительно, даже в наиболѣе диких мѣстах Ирландіи крестьяне очень общительны. Избы там всегда скучены. Зимою у очагов собираются всѣ сосѣди, причем бесѣды заходят далеко за полночь. Ирландскій крестьянин крайне интересуется политикой и в своем обществѣ может говорить о ней часами. «Свинцовое однообразіе повседневной жизни гонит в город англійских сельских рабочих, но не ирландских крестьян, которым не нужны дешевые мюзик-холлы для освѣженія», — говорит Стифен Гвин.

Ирландскіе интеллигентные націоналисты увѣряют, что крестьянин, хотя неграмотен, но, в сущности, знает гораздо больше англійскаго городского рабочаго, изучившаго в народной школѣ «три R», т. е. умѣнье читать, писать и считать. «Идеал такого рабочаго — домик в трущобах лондонскаго квартала Ламбет, три фунта стерлингов в недѣлю, да два фунта мяса в день, — иронизирует шинфейнер. — Ирландскій крестьянин знает нѣчто лучшее, чѣм «три R».

«Если под грамотностью разумѣть знаніе своего языка, національной литературы и историческских традицій родной страны, — а это, конечно, правильное толкованіе слова, то говорящіе по-сельски ирландскіе крестьяне, имѣют большее право называться грамотными, чѣм многіе другіе», — говорит Стифен Гвин. Он прибавляет, что сам слышал, как ирландскій крестьянин, не умѣвшій ни писать, ни читать, сказывал наизусть лучшіе памятники «классической ирландской литературы». «Если мнѣ покажут англійскаго рабочаго, знающаго наизусть произведенія Чосера, только тогда я скажу, что грамотный англичанин стоит выше по развитію неграмотнаго ирландскаго крестьянина», — прибавляет Гвин. Автор сокрушается по поводу распространенія англійской грамоты среди ирландских крестьян, так как боится, что она смоет всѣх сказителей. Как и всѣ крайніе ирландскіе націоналисты, цитируемый автор стоит за возрожденіе умирающаго гальскаго языка, признавая тут же, что он очень труден.

IV.

Теперь, как извѣстно, англійскій гарнизон совершенно удален из трех католических провинцій Ирландіи (Мейстора, Ленстера и Коннота), которые представляют с 1922 года «Вольный Штат». Вѣковое пребываніе англичан породило существованіе в Ирландіи двух совершенно независимых міров, из которых каждый имѣл свои особыя понятія о преступленіи и доблести, о законном и беззаконном, о нравственном и безнравственном. К одному міру принадлежали ирландкіе крестьяне, а к другому—англичане — с их полиціей, помѣщиками и судами. Все это был «враг». Ирландскій крестьянин считал долгом скрывать рѣшительно все от оффиціальных представителей другого

міра, даже в рѣдкіе моменты, когда тѣ выступали заступниками интересов фермеров. На почвѣ революціонной борьбы за землю в Ирландіи в XIX вѣкѣ рядом с такими замѣчательными организаціями, как Земельная Лига, постоянно возникали полуразбойничьи, полупатріотическія организаціи под разными названіями. Члены этих организацій, называвшіеся то «бѣлыми ребятами», то «лунными ребятами», то «непобѣдимыми», то еще иначе, стрѣляли из-за угла в упрямаго помѣщика или его агента, поджигали скирды, громили усадьбы, отрубали хвосты коровам, принадлежавшим фермеру, снявшему землю, находившуюся под бойкотом, обрѣзывали волосы у дѣвушки, обмазывали ее дегтем и обваливали перьями, если она танцовала с кѣм нибудь из гарнизона, карнали уши крестьянину, отказавшемуся дать деньги тайной организаціи, убивали доносчиков и. т. д. Сильные вожди с огромной волей, как Парнелль, умѣли держать эти организаціи в руках, хотя и не всегда. Доказательством является убійство «непобѣдимыми» в 1882 году в Фениксъ-паркѣ, в Дублинѣ лорда Кавендиша и Берка*). При болѣе слабых вождях тайныя террористическія организаціи превращались в казнь египетскую не только для англичан, но и для ирландских крестьян. Так было в 80 годах; так оно происходило в 1918—1922 гг. И крестьяне, знавшіе и знающіе всѣх участников шайки, совершавшей ночной набѣг на их фермы, никогда не искали защиты у представителей «другого міра». Французскій изслѣдователь, посѣтившій Ирландію в 80 годах XIX вѣка, описывает, например, такой случай. Конные стражники, совершая ночной об'ѣзд, слышат отчаянные крики, доносящіеся из уединенной крестьянской усадьбы. Стражники пришпорили лошадей, прискакали к фермѣ и стучатся в ворота. Наступает молчаніе.

— Кто там?—спрашивает потом извнутри крестьянин.

— Мы слышали крики. Вѣроятно «ночные ребята» напали на вас. Мы прибыли на помощь.

— Ступайте в ад—раздается дрожащій голос крестьянина. — Никто вас не звал. Зачѣм вы суете нос не в ваше дѣло? Не безпокойте честных граждан в их жилищѣ.

И стражники уѣхали. А «лунные ребята», дѣйствительно находившіеся на фермѣ, докончили свое дѣло, т. е. забрали у крестьянина деньги и уѣхали спокойно. Такія же сцены повторялись в 1919—1922 годах. В судѣ ни один свидѣтель - ирландец не дает показаній против убійцы или грабителя, хотя бы сам пострадал от них. «Наш крестьянин ненавидит правосудіе, представленное англичанами», — об'ясняет это явленіе один ирландец-писатель. «Наш крестьянин, вообще сутяга в денежных дѣлах, ненавидит уголовные процессы» — об'ясняет другой ирландскій писатель. — «Закон безсилен, когда дѣятельность его постоянно тормозят сами же граждане», — замѣтил извѣстный судья О'Брайен, убѣдившись во время разбора важнаго уголовнаго дѣла в Ирландіи, что свидѣтели - крестьяне не хотят давать показаній и предугадав, что присяжные, не совѣщаясь даже, вынесут оправдательный приговор убійцам, преступленіе которых было внѣ сомнѣнія.

«При таком положеніи дѣла немыслима ни защита личности, ни собственности»—добавил судья. Ирландскій крестьянин, вызванный свидѣтелем не по гражданскому дѣлу, старается давать такія показанія, чтобы англійскій

*) Убит был новый статс-секретарь, тепло относившійся к Ирландіи и присланный Гладстоном, чтобы радикально измѣнить англійскую политику в отношеніи к Эрину.

суд не мог извлечь из них рѣшительно ничего. По приводѣ умный и остроумный крестьянин пытается одурачить англійскій суд, прикинувшись простачком.

Берем, например, знаменитое слѣдствіе, назначенное в 1888 году парламентом по поводу статей «Парнелизм и преступленіе», появившихся в «Таймсѣ». Слѣдственная комиссія под предсѣдательством судьи Ханнена, вызывает свидѣтелем зажиточнаго ирландскаго фермера Пата Доноге, котораго «лунные ребята» обобрали и избили. Свидѣтель не хочет сказать ничего опредѣленнаго. Пат Доноге, под перекрестным допросом адвоката, которому необходимы показанія, должен признать, что его вывели во двор фермы, гдѣ стрѣляли в него, а потом избили.

— Чѣм они вас били? — допытывается адвокат.

Крестьянин сейчас же насторожился и считает за лучшее отвѣтить невѣдѣнием.

— Не знаю чѣм.

— Была то палка?,—допытывается адвокат.

— Не знаю. Я стоял спиной.

— Ну, а спинѣ вашей как казалось? Не получила ли она впечатлѣніе будто от палки?

— Да, как будто бы,—вынужденно повторяет свидѣтель.

Когда ирландскій крестьянин, вызванный в свидѣтели англичанами в уголовном дѣлѣ, боится, что у него невзначай выпытают показаніе,—он прикидывается дурачком, хотя в его интересах и в интересах его страны, чтобы показанія были даны.

Так было в концѣ восьмидесятых годов. Так оно осталось и теперь. В 1919—21 гг. убійства совершались ежедневно в Ирландіи на глазах у всѣх, но никто никогда ничего не видѣл и не слышал. «Надо об'яснить англичанам, что вся Ирландія хранит тайну (т. е. не выдает преступников) даже в том случаѣ, если от руки убійцы пал не судебный пристав (bailiff) и не крестьянин, снявшій ферму, находящуюся под бойкотом, а добрый ирландец, не связанный с политикой», пишет автор-шинфейнер*). «Крестьянин может быть забит до смерти камнями во время драки, но его родственники не шевельнут пальцем, чтобы предать убійцу в руки правосудія,—говорит проф. Магафф.— И это в странѣ, гдѣ клан развит больше, чѣм гдѣ либо. Уголовный суд ненавистен всѣм ирландским крестьянам».

Не только убійца, даже когда его всѣ знают, никогда не будет выдан крестьянами суду, но он становится героем в глазах деревни. То обстоятельство, что суд и законы были англійскіе, создало у ирландских крестьян особую психологію: всякое нарушеніе закона есть уже подвиг. Чѣм грознѣе наказаніе, ждущее нарушителя закона, тѣм большим героем становится он в глазах ирландских крестьян.

V.

Всѣ современные наблюдатели крестьянской жизни в Ирландіи согласно отмѣчают стремительное нарастаніе благосостоянія фермеров. Одним из вѣрных показателей этого явленія служит уменьшеніе числа лиц, находящихся на

*) „Today and Tomorrow in Ireland", p. 114.

9

общественном призрѣніи. Послѣднія цифры — относящіяся к 1914 году— получающих общественную помощь:

Выдано пособій.

1906 году	— 562.269	— 1.070.181	ф. ст.
1907 „	— 557.138	— 1.048.465	„
1909 „	— 588.222	— 1 105.328	„
1911 „	— 553.796	— 1.022.125	„
1913 „	— 499.588	— 1,033.863	„
1914 „	— 471.563	— 1.032.079	„

Число осужденных за пьянство уменьшается. Вклады в банках, в сберегательных кассах и в ссудо-сберегательных товариществах наростают, как это видно из слѣдующих цифр. В іюнѣ 1920 года вкладов было: в ирландских банках 163.509.000 ф. ст., в почтово-сберегательных кассах 13.600,000 ф. ст., в ссудо-сберегательных товариществах—3,353.000 ф. ст. В декабрѣ того же года в банках было 182,682,000 ф. ст., а в ссудо-сберегательных товариществах—3,414,000 ф. ст. Во время войны, когда Англія была почти отрѣзана от Россіи и Даніи, ирландскіе фермеры разбогатѣли, доставляя в Англію молочные продукты и копченое свиное сало. Увеличеніе благосостоянія ирландских крестьян обусловливается четырьмя причинами: 1. фермер, платившій раньше ренту помѣщику и безжалостно изгоняемый, если не мог внести эту ренту, с 1903 года, когда парламент принял закон о выкупѣ земли в Ирландіи, стал собственником надѣла; 2. в консервативную деревню принесена была творческая мысль и инициатива, и результатом явилось стремительное развитіе кооперации; 3. политическія реформы, результатом которых является то, что крестьянин становится вершителем собственных дѣл; 4. увеличеніе грамотности. Разсмотрим всѣ эти причины.

Послѣ выкупа земли в Ирланіи мы видим такую картину. Большинство крестьянских хозяйств ведется на клочкѣ в один акр или на участкѣ в 30 акров. Слѣдующая таблица показывает количество земли у ирландских фермеров в настоящее время.

Имѣется хозяйств.

в 1 акр	114 824	хоз.
„ 5 „	45 345	„
„ 10 „	64.527	„
„ 15 „	59.262	„
„ 30 „	122.972	„
„ 50 „	72 987	„
„ 100 „	57,675	„
„ 200 „	23.275	„
„ 300 „	8 150	„
больше чѣм в 300 акр.	1.968	„

Сухія цифры, показывающія число хозяйств в один акр, если проанализировать их, раскрывают перед нами картину поразительной энергіи, совершенно исключительнаго трудолюбія и безконечной преданности со стороны крестьянина землѣ. «У земледѣльца нѣт шага, нѣт поступка, нѣт мысли, которые бы принадлежали не землѣ... Земля забрала его в руки без остатка, всего цѣликом».—Эти поразительныя слова Глѣба Успенскаго о власти земли вѣрны и по отношенію к ирландскому крестьянину. Хозяйства в один акр возникли в самых бѣдных мѣстах Ирландіи, гдѣ крестьяне сидѣли на болотѣ или на каменистом угорьѣ. Возможность стать собтсвенником клочка земли развила в крестьянах-нищих какую-то сверхчеловѣческую энергію. «Трудолюбіе

ирландскаго крестьянина сверх'естественное,—говорит о таких фермерах культурный ирландец в пьесѣ, написанной ирландцем же.—Оно сильнѣе, чѣм трудолюбіе кораловаго полипа. Англичанин имѣет нѣкоторое представленіе о том, как надо работать. Он дѣлает то, что необходимо и выполняет добросовѣстно, за что взялся. Ирландскій же крестьянин будет работать так, как будто умрет, если только остановится. Мэтью Хаффиган и его брат Энди создали фермы на скатѣ холма, усѣяннаго камнями. Они очистили всѣ камни и вскопали палками клочек земли. Лопаты они купили из перваго урожая картофеля. Эти два человѣка превратили в ниву, засѣянную пшеницей, поля, гдѣ между валунами рос только богульник»*).

Великій французскій писатель XVIII в. сказал, что цивилизатором является тот, кто выростил два колоса, гдѣ прежде рос только один. Нас может раздражать «ограниченность», «эгоизм», «мелкобуржуазность» и не знаю еще какіе грѣхи Мэтью Хаффигана и его брата Энди, но всетаки мы должны признать, что настоящими цивилизаторами являются они, ибо нечеловѣческими усиліями выростили пшеницу там, гдѣ рос только безполезный кустарник...

Благосостояніе ирландских крестьян сильно возросло, когда в косную деревню принесена была новая идея — кооперація. Честь почина принадлежит ирландской интеллигенціи. И тут главная и самая почетная роль сыграна, странно сказать, наиболѣе замѣчательным поэтом современной Ирландіи Джорджем Ресселем, подписывающимся всегда «А. Е.». Перед нами крайне любопытная личность: мистик, поэт, публицист и организатор сельских коопераціій. Как мистик, «А. Е.» пишет стихи, в которых зовет «домой». Означает это возвращеніе души к «сверхдушѣ» и поглощеніе духа — душой вселенной. Восторженные ирландскіе критики называют стих «А. Е.» — нечеловѣческим, так как главной темой их является «отношеніе человѣка к божеству и души к Вѣчности». Как всѣ новые писатели ирландскаго возрожденія, —А. Е.» — крайній націоналист, мысль котораго — в легендарном прошлом Ирландіи. Но нас в данный момент занимает другая сторона дѣятельности «А. Е.». Воскрешеніе Ирландіи кажется ему возможным только при условіи возрожденія крестьян. И, исходя из этого положенія, поэт - мистик начал насаждать кооперацію среди крестьян. Ирландскій крестьянин, как мы видѣли уже, очень консервативен. В теченіе вѣков он жил на берегу океана, изобилующаго рыбой, но ему никогда не приходило в голову, что ее можно ловить как нибудь иначе, чѣм удочкой. В 1898 году Ирландія получила самое широкое мѣстное самоуправленіе. Немедленно в новых органах самоуправленія явились люди с широкой иниціативой, рѣшившіе насадить рыбный промысел на западном берегу Ирландіи. «Надо было преодолѣть крайній консерватизм крестьян, выставлявших великій аргумент: «Наши отцы, дѣды и прадѣды не неводили, так зачѣм же мы станем это дѣлать». «Без чужой иниціативы ирландскій крестьянин не сдвинется с мѣста, — говорит современный изслѣдователь. — Он будет дѣлать, как его предки и как поступают его сосѣди. Зато наш крестьянин изумительно подается нововведеніям, если дѣйствует в с я д е р е в н я».

Ирландскій крестьянин, как видите, подобно украинскому селянину, убѣжден, что «громада великій чоловік». Когда удалось убѣдить в с ю деревню приняться за рыбные промысла, и когда явились инструкторы, показавшіе, как это дѣлается, неводьба пошла на лад. Теперь все крестьянское населеніе от Донегаля до Клэра рыбачит и кормится этим.

*) Bernard Shaw, „John Bull's other Island", Act III.

Поэт «А. Е.» лѣт 15 назад основал крайне распространенный теперь журнал для крестьян «Усадьба» (Homestead), чтобы насадить идеи сельской коопераціи. «Ирландское кооперативное движеніе безконечно много выиграло от присоединенія к нему «А. Е.», внесшаго в дѣло возвышенный идеал и вѣру в человѣчество, т. е. черты, составляющія особенности литературной дѣятельности поэта, — пишет извѣстный ирландскій критик и историк литературы Эрнест Бойд. — В кооперативном движеніи «А. Е.» видит нѣчто большее, чѣм сохраненіе прибыли, идущей теперь посреднику, и раздѣленіе ея между потребителями. Для Джорджа, Ресселя кооперація, это новый соціальный порядок. Это отнюдь не означает, — продолжает Бойд, — что «А. Е.» непрактичный идеалист. — Проповѣдует ли он, поэтому, учрежденіе сельских товариществ взаимнаго кредита или кооперативных молочных, полемизирует ли с врагами кооперативнаго движенія, — «А. Е.» вкладывает в свои статьи одновременно опыт и идеализм»*) Журнал «Усадьба» должен быть изучаем тѣми, которые желают работать среди крестьян. Свои статьи, помѣщенныя в журналѣ, «А. Е.» собрал и выпустил сборником под названіем «Кооперація и національность». (Cooperation and Nationality). По выраженію критика, эта книга является «Библіей Ирландскаго Кооператорства». Она призывает к созданію деревенской цивилизаціи, основанной на коопераціи. И, исходя из того положенія, что Ирландія по преимуществу страна земледѣльческая, а не промышленная, «А. Е.» заключает, что прогресс ея обусловливается требованіями условій сельской жизни. Автор против государственнаго національзма, против «мрачнаго механическаго государства», узурпирующаго инициативу, которая принадлежит индивидууму». Всѣ надежды «А. Е.» основаны на развитіи индивидуума, т. е. крестьянина.

Когда ирландскіе крестьяне поняли значеніе коопераціи, движеніе стало стремительно разростаться. Раньше всего успѣх выпал на долю кооперативных молочных, когда крестьяне убѣдились, что получат плату в зависимости от количества доставленнаго молока. Нѣкоторых слишком «оборотливых» крестьян ужасно удивило, что молочная быстро опредѣляет количество воды, подлитой ими в доставляемое молоко. В 1908 году в Ирландіи были 292 хорошо оборудованных кооперативных молочных. А в 1920 году — 334 молочных. В 1908 г. молочныя коопераціи имѣли 42,404 сочленов, а в 1917 году — 50.052 (относительно 1920 года цифры у меня нѣт). В 1908 году оборотный капитал молочных был 1.700.000 ф. стр., а в 1917 году 5.200.000 ф. стр. Всѣ ирландскія молочныя коопераціи образуют одну федерацію Irish Cooperative Agency Society.

Другой характерной чертой ирландскаго крестьянскаго кооперативнаго движенія является быстрое развитіе Земледѣльческих Обществ. Эти Agricultural Societiy представляют собой склады, в которых фермер может достать все необходимое по оптовой цѣнѣ. Существованіе Земледѣльческих Обществ выгодно отразилось на развитіи земледѣлія в Ирландіи, так как они снабжают крестьянина удобреніем, земледѣльческими орудіями, до того совершенно неизвѣстными, и кормом для скота. Коопераціи снабжали фермера дешевым кредитом и избавляли его таким образом от гомбимэна, или деревенскаго ростовщика, игравшаго прежде первую роль в деревнѣ, послѣ священника.

---

*) Ernest A. Boyd, „Ireland's Literary Renaissance" p. 217.

Слѣдующим фактором, содѣйствовавшим поднятію благосостоянія крестьянскаго населенія, была грамотность. Сравнительно еще недавно ирландское крестьянство почти поголовно было неграмотно. Реформа мѣстнаго самоуправленія в 1908 году имѣла послѣдствіем созданіе сѣти народных школ. По послѣдней переписи из крестьянских дѣтей старше 9 лѣт:

88% умѣет читать и писать
3% умѣет только читать
9% совершенно неграмотно.

Мы переходим теперь к послѣднему фактору: к участію ирландской деревни в борьбѣ за независимость своей страны.

VI

Во второй половинѣ XIX вѣка главным борцом в Ирландіи против англичан был ирландскій крестьянин. Вожди тогда выставили лозунгами политическое равноправіе, отдѣленіе церкви от государства, выкуп земли, отдѣльный ирландскій парламент (Гомруль). Из всѣх этих лозунгов ближе, роднѣе и понятнѣе всего был крестьянину лозунг «земля». И, осуществляя этот лозунг, крайне консервативный ирландскій крестьянин превращался в революціонера и террориста. Во всяком случаѣ он одобрительно смотрѣл на сыновей своих, стрѣлявших из канавы в управляющаго, поджигавших помѣщичій хлѣб и рубивших хвосты коровам фермеров, навлекших на себя гнѣв Земельной Лиги. Этот фермер считал, что все достигнуто, когда в парламентѣ прошел закон 1903 г. о выкупѣ земли, и когда наканунѣ об'явленія великой войны билль о гомрулѣ стал законом. Остальные пункты программы, выставленные когда то ирландскими вождями: равноправіе католиков, отдѣленіе церкви от государства, мѣстное самоуправленіе, католическій университет — все это было уже осуществлено. Прежніе вожди ирландскаго народа, как Редмонд, напримѣр, опиравшіеся всегда на фермеров, заявили, что историческіе счеты Ирландіи и Англіи покончены, и тут в Ирландіи народилось новое движеніе, вожди котораго об'явили прежних вождей отсталыми и даже измѣнниками. Новые вожди дали новый лозунг: «шинфейна», что буквально означает «мы сами по себѣ». В силу новаго лозунга Ирландія признает историческій счет покрытым только тогда, когда станет независимой республикой. Во время войны новые вожди нашли и готовую идеологію: «право національности на самоопредѣленіе». Любопытно, что шинфейнизм, требуя для себя права на самоопредѣленіе, не желал признать его за протестантами сѣверной провинціи, т. е. для Ольстера. Революціонное броженіе восьмидесятых годов было по преимуществу деревенским движеніем, тогда как шинфейнизм зародился в городѣ и был сперва преимущественно движеніем городским, а до 1910 года — даже только — интеллигентским. В 1904 году ирландскій журналист Артур Грифит выпустил книжку «Возрожденіе Венгріи» (Regeneration of Hungary), которая намѣчает программу «шинфейн» и дает это слово. Ирландія, — доказывает Грифит, — может возродиться, только когда станет отдѣльной націей. Для этого ей необходимо возвратиться к своему языку и к старинным традиціям. Книга Грифита сейчас же превратилась не только в манифест новой партіи, но и в коран. К партіи сперва принадлежали, по преимуществу, литераторы, поэты (нигдѣ не пишут столько стихов, сколько в Ирландіи), печатавшіе о возстановленіи Ирландіи, как она была в началѣ средних вѣков (точнѣе, как им казалось, что Ирландія была). Если можно так выразиться,

шинфейнизм тогда представлял собой ирландское славянофильство. Приведу нѣсколько любопытных тезисов, выставленных шинфейнерами перваго періода и постоянно повторяемых до настоящаго момента в газетных статьях, брошюрах и в книгах. Ирландія—умственный центр кельтскаго міра. Она должна возродить кельтскій дух, кельтскій ум и кельтское міропониманіе. Психологія кельта совсѣм особая, не похожая на психологію остальных народов. В особенности она отличается от духовной жизни англичанина. Кельтскій дух может воскреснуть только возрожденіем кельтскаго языка. Кельт-литератор должен писать только по-кельтски, ибо лишь языком, на котором говорили былинны красавицы Дейрдра, богатыри Кулин и Коннибар, да пѣли древніе барды,—можно передать вполнѣ характер народа. Кельт всегда будет плохо писать по-англійски, хотя бы от рожденія не знал другого языка. Исторія завѣщает расѣ полулегендарных героев, являющихся высшими выразителями національнаго духа, національных идеалов и національнаго міропониманія. Изученіе дѣятельности этих героев приближает нас к ним. Вполнѣ постигать этих героев можно лишь, разумѣя язык, на котором они говорили. Ирландскій эпос—единственный в мірѣ. Ему предопредѣлено оздоровить и оплодотворить одряхлѣвшую западно-евоpпейскую литературу, забывшую уже своих національных героев. Гальскій язык не должен переступать границу Ирландіи. Его надо ревниво охранять, как оберегали когда-то евреи свою религію, воздерживаясь от миссіонерства. Чѣм больше язык распространяется, тѣм хуже для него. Его свѣжесть, сочность, красочность и наивность теряются, как пыль с крыльев бабочки, от всякаго прикосновенія. Язык, быть может, становится лучшим орудіем для дѣловых сношеній, для торговой переписки, для накопленія денег, но ухудшается, как проводник мысли и поэтическаго настроенія. Литература классических народов утратила всякую оригинальность,—увѣряют шинфейнеры,—как только латинскій и греческій языки пріобрѣли космополитическій характер. Великія произведенія рождались только в маленьких, замкнутых государствах. Ирландских интеллигентов нельзя было смутить указаніями на драмы Шекспира, даже романы Сервантеса и Толстого, родившіеся в больших государствах, открытых для других стран, ибо писатели-шинфейнеры признавали «литературой» только лирическія стихотворенія, не поддающіяся переводу.

Как я сказал, шинфейнизм нѣсколько лѣт представлял собою движеніе т о л ь к о городское, интеллигентское, литературное. Революціонным движеніем шинфейнизм стал послѣ 1910 года, когда впитал в себя городских рабочих и сельских батраков (это уже случилось в самом началѣ войны). В земледѣльческой странѣ, как три католическія провинціи Ирландіи, положеніе городских рабочих тяжелое. Всѣ крупныя промышленныя предпріятія находятся в протестантской провинціи, т. е. в Ольстерѣ. В трех католических провинціях рабочіе заняты почти исключительно по транспорту. И, начиная с 1910 года, когда транспортных рабочих об'единил выдающійся, если не по развитію, то по уму, энергіи и энтузіазму рабочій Джим Ларкин,—они стали самым безпокойным, революціонным элементом в Ирландіи. Джим Ларкин об'единил также и городских чернорабочих, представляющих собою еще болѣе безпокойный элемент, чѣм транспортные рабочіе. Незадолго до войны в Ирландію из Америки возвратился талантливый и энергичный рабочій Джемс Коннолли, основавшій ирландскую соціалистическую республиканскую партію. О Ларкинѣ, как соціалист, трудно говорить. Это был скорѣе анархист—разрушитель. Что касается Коннолли, то он привез из Америки цѣльное соціалистическое ученіе. Слѣдующим элементом, придавшим шинфейнизму революціонный характер, являются батраки.

Старый аграрный вопрос, как он существовал при Парнеллѣ, был разрѣшен в 1903 году, но в Ирландіи возник новый земельный вопрос, обусловленный быстрым наростаніем класса безземельных. Состоял он из многочисленных сыновей мелких фермеров, имѣвших 1—5 акров. В нормальное время такая молодежь отправлялась за счастьем в Соединенные Штаты, но когда началась война, эмиграція прекратилась. Положеніе ирландских батраков ухудшилось, так как им теперь приходилось бороться за землю не с податливыми помѣщиками, которые не знали, как им скорѣе отдѣлаться от своей вотчины, а с кремнями-крестьянами, крѣпко держащими в руках, что раз пріобрѣли. Ирландскіе драматурги часто вводят в своих произведеніях этот спор за землю фермеров с батраками. Наиболѣе непримиримыми являются мелкіе фермеры вродѣ тѣх, о которых я сказал уже: тѣ крестьяне, которые нечеловѣческими усиліями превратили каменистый угор в ниву. Мэтью Хаффигни приходит в ярость, когда слышит слова: «земельный вопрос».

«Довольно мы уже наслышались толков про безземелье,—негодует фермер.—Какому разумному человѣку придет в голову надѣлить землей лѣнтяя Петен Фарла. Какое право он имѣет на землю? Развѣ он знает, что с нею дѣлать. Страдал он за землю, как я... Если мою землю дадут батраку Фарлу, —я забунтую»*).

Произошло странное об'единеніе в одну республиканскую партію крайних консерваторов и непримиримых католиков, как граф Плейкет, получившій свой титул от папы, с соціалистами и свободными мыслителями, как Джемс Коннолли; монахов с большевиками, батраков с эстетами типа графини Маркович (она ирландка, бывшая замужем за экзотическим графом); поэтов, мечтающих о возвращеніи к IV вѣку, а, если возможно, то к временам, когда жили еще полу-боги, с анархистами. Произошло возстаніе 1916 года, в котором крестьяне не только не принимали участія, но которое они даже осуждали. Военные суды, разстрѣлы немедленно превратили всѣх вождей возстанія в мучеников. Затѣм, к концу войны, когда выяснилось, что у Англіи накопляется громадный государственоый долг, для погашенія котораго понадобится тяжелый налог в «6% всего дохода», шинфейнеры сумѣли привлечь фермеров на свою сторону. Республиканцы об'явили крестьянам, что «гомруль» означает участіе Ирландіи в погашеніи военнаго долга Великобританіи. При гомрулѣ ирландскій фермер также должен будет отдавать государству, как и англичанин, 26% своего дохода. Республика означает, что Ирландія будет совершенно чиста от военнаго долга. Фермер будет платить при республикѣ в видѣ налога не 26% своего дохода, а только 5.

Фермер не принял активнаго участія в революціонном движеніи 1919—1921 годов, но он также и не высказался против самых крайних террористических эксцессов. Так продолжалось, покуда не начался новый террор. Но предварительно я должен сказать еще о двух крайних революціонных элементах, принимающих участіе в террористических выступленіях. Выше уже сказано, что большинство об'единенных рабочих в Ирландіи принадлежит к одной организаціи, основанной в 1910 г. Джимом Ларкиным.**) Есть в Ирландіи еще болѣе крайняя организація: «промышленные работники всего міра»***) или „J. W. W.“, враждебно относящаяся к союзу транспортных рабочих. „J. W. W“ носит ярко выраженный большевистскій характер. Вождем этой партіи является теперь Роди Коннолли, сын основателя ирланд-

*) John Bull's other Island, p. p. 60-61.
**) Irish Transport and General Workers Union.
***) Industrial Workers of the Word.

ской республиканской соціалистической партіи Джемса Коннолли, разстрѣляннаго за участіе в возстаніи 1916 года. Роди Конолли издает теперь еженедѣльную газету «Республика рабочих». Партія эта, принимающая участіе во всѣх крайних революціонных выступленіях, крайне малочисленна. По утвержденію спеціальнаго корреспондента Таймса, она находится в постоянном сношеніи с Москвой... Основатель „J. W. W.“ — Гейвуд, или «толстый билль», бѣжал в Москву, гдѣ и состоит одним из директоров пропаганды... Москва помогает „J. W. W.“ деньгами».*)

Среди молодого поколѣнія Ирландіи шинфейнизм принял характер религіознаго фанатизма, — говорит профессор Вальтер Аллисон Филлипс, автор „History of Ireland“. — Со времени мятежа 1916 года явилось цѣлое поколѣніе юношей и дѣвушек, выросшее в атмосферѣ крови и насилія, твердо убѣжденное, что Ирландія является центром міровой цивилизаціи, и потому Англія из зависти вот уже 700 лѣт угнетает ее, задерживает ея рост и застит ея славу. Это поколѣніе, — говорит профессор Филлипс, — твердо убѣждено, что стоит только сбросить ярмо варваров, гибельное даже когда носит призрачный характер, как Ирландія немедленно превратится в свѣточ цивилизаціи для всего міра. К этому примитивному идеализму надо прибавить еще экономическій гнет, испытываемый молодым поколѣніем, скученным на небольшом островѣ без работы, без денег и без надежды на будущее. Из этой молодежи вышли солдаты республиканской арміи и слѣпые исполнители самых страшных террористических актов». Многіе из этих солдат-исполнителей таких актов, как массовое избіеніе англійских офицеров в Дублинѣ в одну ночь, — были мелкими клерками или приказчиками в маленьких городках.

VII.

Во время бурнаго революціоннаго движенія 1919—1921 г.г. ирландскіе крестьяне, — говорит профессор Филиппс, — называли себя иногда шинфейнерами из чувства самосохраненія: шинфейнерство являлось для крестьян «защитным цвѣтом».

В началѣ весны 1920 года в Англію начали прибывать сообщенія, что в Ирландіи в деревенских округах происходит захват помѣщичьих земель, причем производится разгром усадеб. «В моей усадьбѣ в юго-западной Ирландіи все разграблено и разгромлено ,— писал лорд Лэнсдаум. — Плодовыя деревья и кусты в саду выпаханы и увезены. Строевой лѣс весь вырублен и свезен, скот угнан... в домѣ все разграблено. Даже двери, полы и окна увезены. Лѣстницы подрублены... Грабители, выломав двери виннаго погреба, перепились до полусмерти... На усадьбу потом набросилась толпа женщин и дѣтей, чтобы унести все до послѣдняго. Ничто не пощажено: унесены картины, бѣлые, посуда — и именные сувениры, накоплявшіеся нѣсколькими поколѣніями... Разгром моей усадьбы — не единственный факт... Во всем округѣ нѣт, вѣроятно, ни одной барской уцѣлѣвшей усадьбы». Это типичное письмо ирландских помѣщиков. Надо помнить, что у помѣщиков, послѣ 1903 года, остались только усадьбы, парки при них и иногда по нѣсколько акров луга. Свѣдѣнія о том, кто грабит и громит, нѣсколько расходились. Одни сообщенія говорили, что грабят крестьяне. Лорд Лэнсдаум в своем письмѣ в «Таймс» категорически утверждает, что разгром производили не сосѣди-крестьяне, а какіе-то чужіе люди. Крестьяне не только не принимали участія в разгромѣ, но энергично протестовали. «Крестьяне совершенно безсильны

*) The „I. W. W.“ and Ireland. Times, june 30, 1922.

остановить громил», — прибавляет лорд Лэнсдаум.—Другой ирландскій помѣщик Баркер тоже пишет, что его громили не крестьяне, а «чужіе», „Bolshies", т. е., большевики с красным флагом. Корреспонденты англійских газет, посланные в Ирландію, давали такое об'ясненіе. Крайніе шинфейнеры, желая заручиться поддержкой безземельных батраков, обѣщали им надѣлы.

Ирландскіе крестьяне, повидимому, дѣйствительно не принимали участія в разгромах усадеб, но и не останавливали также громил. Крестьяне вышли из пассивнаго состоянія, когда неизвѣстные, кончив разгром помѣщичьих усадеб, принялись за захват земли, т. е. когда начали забирать крестьянскія земли.

Сперва безземельные захватили луга у скотоводов, а потом явились притязанія вообще на землю. Лѣвые шинфейнеры бросили лозунг: «У кого нѣт земли, бери ее у того, кто имѣет много акров. Если нѣт помѣщиков, то бери землю у богатых крестьян». Агитація, которую ведут лѣвые шинфейнеры с цѣлью надѣленія землею безземельных, распространяется с быстротою степного пожара по всѣм западным и центральным графствам Ирландіи, — писал в маѣ 1920 года дублинскій корреспондент „Daily Telegraph". — Лозунги осуществляются с большею настойчивостью, чѣм проявляла в восьмидесятых годах Земельная Лига. В графствѣ Голфэй ни один землевладѣлец не чувствует себя в безопасности. Графство Роскомон почти все находится в руках жадной толпы, одержимой земельным хмѣлем. В остальных графствах безземельные тоже пустили в ход все, чтобы принудить землевладѣльцев к продажѣ своих владѣній мелкими участками.[1]) «Землевладѣльцы фактически находятся в руках батрацких шаек, которые путем устрашенія заставляют крупных фермеров отдавать землю лѣвым шинфейнерам, а эти уже распредѣляют ее между наиболѣе шумными сторонниками своими», — писал тогда же спеціальный корреспондент «Таймса». Шинфейнеры продают землю участками, по цѣнам установленным революціонерами. Только часть собранных денег достается прежним владѣльцам».[2]) Корреспонденты согласно указывали, что землевладѣльцы вынуждены подчиниться всѣм требованіям под угрозой смерти. Упрямый землевладѣлец Шоу-Тэйлор, напримѣр, был убит, и судьба его, конечно, служила грозным напоминаніем.

Англійскіе суды перестали дѣйствовать всюду в западных графствах в началѣ 1920 года, так как всѣ власти ушли. Край очутился в руках лѣвых шинфейнеров. В каждом крошечном городкѣ явился свой вождь, обыкновенно юноша лѣт 18—20, приказчик или клерк, отдававшій приказанія об отчужденіи земли. И тогда, под вліяніем инстинкта самосохраненія всюду в католических провинціях Ирландіи возникли своеобразные трибуналы для борьбы с волной анархіи. «Суд обязан не потворствовать страстям большинства, а безпристрастно, не боясь никого, защищать права меньшинства, — передает корреспондент рѣчь предсѣдателя одного из таких аграрных трибуналов. Если голос спокойнаго большинства есть глас Божій, то страсти бушующей толпы почти всегда от лукаваго.*) Аграрные трибуналы разбирали споры между

1) Daily Telegraph, May 8, 1920.
2) Times, May 9, 1920.
*) Знаменитый англійскій врач и философ XVII вѣка сэр Томас Браун в своем трактатѣ „Religio Medici" так говорит о толпѣ, охваченной страстью: „Великій враг Разума, Добродѣтели и Вѣры. В отдѣльности каждый представляет собою разумное Божіе созданіе, но собранныя в толпу, эти существа превращаются въ свирѣпое, страшное, многоголовое чудовище, болѣе грозное, чѣм гидра".

батраками, отнявшими по совѣту лѣвых шинфейнеров землю, и крупными фермерами. Возможность достать землю дешевым способом пробудила также и у нѣкоторых мелких фермеров желаніе округлить свой клочек на счет со-сѣда-скотовода.

Постараемся набросать картину земельнаго трибунала. Мы в Боллинробѣ, в графствѣ Мэйо. Суд засѣдает в бывшей помѣщичьей усадьбѣ. Девять арендаторов из округа Килмэйн пред'явили притязаніе на землю двух скотоводов Джона Мэрфи и Джона Хэйлэнда. Адвокат, выставленный арендаторами, указал, что у довѣрителей его слишком мало земли, чтобы существовать, тогда как Мэрфи и Хэйлэнд владѣют не только лугами, которые требуют его кліенты, но еще усадьбами и землей при них. Адвокат прибавил, что семейства его довѣрителей вынуждены были эмигрировать вслѣдствіе малоземелья.

Адвокаты побоялись выступать защитниками интересов Мерфи и Хэйлэнда. Представителем их был приходскій священник. Он подверг перекрестному допросу арендаторов, которые признали, что они могли бы легко пріобрѣсти землю через крестьянскій банк, как это сдѣлали Мерфи и Хэйлэнд. У банка есть еще много свободной земли. Хэйлэнд и Мерфи показали, что пріобрѣли землю через крестьянскій банк на выплату и вносят ежегодно 260 ф. ст. Они молочники и каждый кормит большую семью. У одного 8 дѣтей, а у другого 10 членов семьи. Если суд отнимет землю, то он обязан возвратить им тѣ 4.000 ф. ст., которые внесены уже в видѣ уплаты. Истцы с 1904 года работали, как невольники, чтобы платить банку. Судьи рѣшили, что вынесут приговор, когда осмотрят землю. Приговор, конечно, не соломоновскій, но в то тревожное время он всетаки представлял собою нѣчто лучшее, чѣм «постановленіе» 18-лѣтняго «диктатора» о конфискаціи земли. «Аграрные суды возникли самородно для того, чтобы поддержать порядок в мѣстах, гдѣ началась анархія»,—писал корреспондент «Manchester Guardian». Корреспондент дальше сообщает о составѣ трибуналов. Всѣ мѣстные священники являются членами его ex-officio. Остальные судьи выбираются из 25 кандидатов, намѣченных мѣстной шинфейнерской ложей. Суд состоит из трех посредников, один из которых — священник. Тяжущіеся дают подписку, что признают рѣшеніе суда за окончательное и подчинятся ему. «В подавляющем большинствѣ случаев так и бывает. Когда же проигравшій процесс упрямится, в дѣло вмѣшивается добровольческая республиканская полиція и подкрѣпляет постановленіе суда*). Иногда захватившіе землю отказываются явиться в суд. Тогда суд посылает вызов. Добровольческая полиція уже слѣдит за тѣм, чтобы вызванный явился по повѣсткѣ». Разбор дѣла в самородном аграрном судѣ крайне своеобразный. «Засѣданіе происходит в бывшей билліардной старинного помѣщичьяго дома,—описывает корреспондент. — За столом сидѣли три посредника и протоколист. Посредниками были: священник, исполнявшій обязанности предсѣдателя, и два мѣстных адвоката. Вдоль стѣн на скамьях сидѣли тяжущіеся и их друзья: скотоводы, батраки и мелкіе фермеры. Стѣны были задрапированы шинфейнерскими флагами и украшены портретами участников возстанія 1916 года. Посѣтители сидѣли чинно и спокойно. Иногда, при удачном отвѣтѣ хитраго свидѣтеля, слышался смѣх. Тяжущіеся имѣют право приглашать адвокатов, но так как юридическій жаргон упразднен, а производство упрощено, то обѣ стороны свободно могут обойтись и без профес-

*) Надо помнить, что трибуналы дѣйствовали в эпоху анархіи, когда Ирландія не была еще Вольным Штатом.

сіональных юристов*),— говорит корреспондент. — Процедура в судѣ происходит на двух языках, так как в самом городѣ населеніе говорит только по-англійски, тогда как крестьяне, в особенности побережные, предпочитают галльскій язык. Выслушав тяжущихся, судьи удаляют всѣх присутствующих и совѣщаются. Затѣм, когда выносится приговор, публику опять впускают. Резолюція выслушивается совершенно спокойно, без всякаго проявленія гнѣва или ликованія. «Это все,—произносит предсѣдатель,—и засѣданіе закончено». «Чѣм больше я изучаю эти суды,—тѣм сильнѣе убѣждаюсь, что ничего болѣе удивительнаго в дѣлѣ аграрнаго правосудія не было в Ирландіи со времени вторженія норманов. Суды эти быстро выросли во всей Ирландіи, как полевые цвѣты весной».

Роберт Линд описывает разбор дѣла. Тяжущимся дают подписать бумагу, что они подчиняются приговору Один из тяжущихся—неграмотен. Протоколист подписывается за него, причем крестьянин дотрагивается пальцем до пера. Какая коллекція типов,—восклицает корреспондент,—описывая зал суда. Вот старуха в шали, накинутой на сѣдые волосы. Ирландка подалась вперед, боясь пропустить хоть слово. Вдоль стѣн, на длинных скамьях, сидят крестьяне всѣх возрастов, до столѣтних старцев включительно. Дѣло заключается в слѣдующем. Фермер Киггин, имѣющій только шесть акров земли, требует, чтобы два сосѣда продали ему землю. Один из этих сосѣдей, имѣющій молочную ферму, жалуется, что Киггин грозил ему «революціонным поджогом». Киггин отрицает угрозы. Он говорит, что открыто, среди бѣла дня подошел к молочнику и потребовал, чтобы «богатый продал ему землю». Земля нужна ему, Киггину. И именно необходим луг, входящій клином в его шесть акров. «Суд обязан поддержать меня,—убѣждает Киггин,—я хочу выпахать землю, тогда как у сосѣда - молочника она под пастбищем». Киггин выставляет тезис, что земля должна быть подѣлена между всѣми поровну. Никто не должен имѣть больше земли, чѣм у всѣх. Всякій, у кого мало земли, —прав. Каждый, имѣющій больше земли, чѣм у Киггина, уже потому разбойник. Киггин, желая подкрѣпить свои притязанія, говорит суду, что ему надо кормить «восемь дочерей». Из свидѣтельских показаній выясняется однако, что у Киггинга дочерей нѣт. Молочник об'ясняет, что если его заставят продать луг, то будет невозможно держать коров. И тогда молочнику и семьѣ его придется голодать. Землю они пріобрѣли годами каторжнаго труда. Суд рѣшает в пользу молочника. Слѣдующее дѣло свидѣтельствует о том, что лозунг: «бери землю» заставил забыть даже про родственныя узы. Старуха Брайен и сын ея просят суд о возвращеніи поля, захваченнаго ея двоюродным братом, видным членом мѣстной революціонной организаціи. Старуха была должна ему пятнадцать ф. ст. Когда лѣвые шинфейнеры бросили лозунг: «бери землю» заимодавец забрал себѣ поле.

— Земля мнѣ нужна,—в полном сознаніи своей правоты об'ясняет фермер.—А что касается денег, то пусть земля пойдет за долг в пятнадцать фунтов ст.

Его спрашивают, не думает ли он, что пятнадцать ф. ст. слишком ничтожная плата за поле. Заимодавец немедленно заявляет, что кромѣ этих пятнадцати ф. ст. дал еще своей двоюродной сестрѣ картофеля и «немножко»

*) Впослѣдствіи выяснилось, что без юристов разобрать земельные вопросы невозможно. Импровизированные трибуналы превратились в обычные суды с учеными безпристрастными судьями и адвокатами, знающими законы.

зерна для посѣва, всего на восемнадцать ф. ст. Суд любопытствует узнать, сколько именно картофеля получила старуха. Оказывается—двѣ корзины.

— А какая была тогда цѣна на картофель,—допытывается суд.

Выясняется, что цѣна была—два пенса за стон, т. е. за 15 русских фунтов. В каждой корзинѣ было два стона. Суд заявляет фермеру, что картофель стоит не 18 ф ст., а только восемь пенсов. Захватчик выдвигает тогда новый аргумент: «Зачѣм старухѣ земля? Земля ему нужна, а не старухѣ. Бабы существа глупыя и пустыя, ничего не понимающія в землѣ. Земля любит, чтобы ее обрабатывали». Тема эта так волнует отвѣтчика, что он начинает кричать и размахивать руками. Ну, хорошо, он отдаст землю двоюродной сестрѣ. Пусть земля гибнет в руках бабы. Но суд обязан вознаградить его. Пусть отберут у кого-нибудь землю и прирѣжут ему. Суд постановляет возвратить старухѣ поле.

Корреспондент консервативной газеты отмѣчает, что земельные трибуналы совершенно безпристрастны.

В настоящее время, как я указал уже, в Ирландіи начали дѣйствовать нормальные суды.

Ирландских крестьян, как и русских, то увѣнчивали цвѣтами в литературѣ, то развѣнчивали. Крестьянин изображался то носителем всѣх добродѣтелей, какія только были у легендарных героев ирландскаго эпоса, то жестоким, жадным существом, которому «от рожденія отпущена двойная доза первороднаго грѣха». Каждый писатель пытался пристегнуть ирландскаго крестьянина к готовой доктринѣ или доктрину ко всему крестьянству. Долго писатели не хотѣли признать, что нѣт класса, представляющаго собою только однѣ добродѣтели или только одни пороки, и что в одну формулу невозможно вогнать огромную часть населенія. Идеализаторы ирландских крестьян закрывали глаза на отрицательныя черты, порожденныя нищетой, подневольным состояніем и невѣжеством.

Обличители ирландскаго крестьянства забывали, что оно работает больше, чѣм кто-либо.

Мы видѣли, что в послѣднее время ирландское крестьянство прогрессирует под вліяніем таких факторов, как «земля», «кооперація», «просвѣщеніе» и «свобода».

Лондон.

Діонео.

Россія послѣ нэпа.

(К пятилѣтнему юбилею октябрьской революціи).

§ 1.

В пятилѣтній період, прошедшій с начала революціи, можно отмѣтить три основныя стадіи. Первым этапом является стадія *анархіи,* — стихійнаго разрушенія всѣх основ стараго общества. В этом періодѣ доминировал «дух разрушающій над духом созидающим». Падали основы государственной организаціи, рушились правовые устои, институт собственности, центробѣжныя силы разрывали единство государства и цѣлостность общества (классовые, національные и групповые

сепаратизмы), историческая сцена занята была стихійными движеніями бунтующаго своеволія масс. Попытки организаціи новаго порядка не имѣли успѣха. Онѣ тонули в общей анархіи. Кристализація новаго общества еще не выявилась.

На смѣну этой стадіи пришла стадія *деспотическаго коммунизма или коммунистическаго деспотизма.* Диктатура коммунистов, поддерживая анархію, с одной стороны, с другой пытается ввести бунтующую стихію в опредѣленное русло, придать ей опредѣленныя формы и создать на развалинах стараго общества новый коммунистическій строй. На общество надѣвается смирительная рубашка, его берут в «желѣзо», «огнем и мечом» пытаются ограничить своеволіе всѣх и каждаго и заставляют стихію течь в опредѣленных берегах. Так как г. г. диктаторы пытались не только укротить своеволіе, но пытались насадить порядок, абсолютно противорѣчащій всѣм основным импульсам и инстинктам человѣка, так как в этом дѣлѣ они обнаружили величайшее невѣжество, величайшую слѣпоту вмѣстѣ с упорным фанатизмом и глубокой извращенностью, *то «смирительная рубашка»,* надѣтая ими на Россію и русскій народ, *не столько успокоила возбужденіе безумія, сколько задушила самый организм больного общества и привела его к полному развалу.* Милліоны убитых, десятки милліонов искалѣченных, развал всего народнаго хозяйства, разрушеніе духовной жизни, огромная криминализація Россіи, голод, болѣзни и смерть, смерть и смерть — таковы были плоды «коммунизма». Конкретные результаты этой политики насажденія коммунизма извѣстны. Они довольно и точно описаны в рядѣ работ. Повторять здѣсь сказанное в этих работах нѣт надобности. Интересующагося читателя отсылаю к этим трудам. В данной же статьѣ я кратко коснусь лишь тѣх измѣненій, которыя произошли в Россіи со времени прекращенія гражданской войны и введенія Нэпа (новой экономическ. политики), т. е. примѣрно за 1921 и 1922 г. *Нэп один из столбов, указывающих переход революціи в третью стадію.* Он означает ликвидацію коммунизма и переход к возсозданію Россіи на «новых», т. е. старых капиталистических началах. Нэп знаменует полное банкротство коммунизма и превращеніе коммунистической власти в простую неограниченную тиранію авантюристов исторіи. Нэп, наконец, служит симптомом, говорящим, что русскій народ переварил не только стадію анархіи, но и стадію коммунизма.

Исторія, поистинѣ, сыграла злую шутку с коммунистами. Она заставила их собственными руками вводить снова капитализм, так усердно разрушавшійся ими. И они увидѣли, наконец, что коммунизм привел к полному развалу всей хозяйственной жизни, и им стало понятно, что коммунистическая система не в состояніи возродить хозяйство, и что без капитализма нѣт спасенія. Казалось бы, отсюда можно сдѣлать только один вывод, гласящій: раз коммунисты принуждены вводить капитализм для возрожденія хозяйства, разрушеннаго коммунизмом, то, очевидно, капиталистическая система есть система созидательная, обогащающая, коммунистическая — разрушительная, разоряющая, что первая выше, совершеннѣе, чѣм вторая. Но... фанатикам законы логики не писаны. Введя «Нэп», г. г. коммунисты продолжали упираться и стали бормотать о «передышкѣ». «Нэп» — «капитализм» — это передышка, она нужна для возсозданія хозяйства. «Когда оно будет возстановлено — мы снова перейдем к коммунизму»,

так говорили они. Поистинѣ архистранная логика и политика! На обычном языкѣ она гласит: «для возстановленія хозяйства нужен капитализм, и мы его вводим. Когда хозяйство возродится — мы введеніем коммунизма снова разрушим его. По достиженіи полнаго развала для возстановленія снова введем капитализм, как передышку. По возстановленіи снова замѣним его коммунизмом, т. е. разрушеніем; потом опять будет капитализм, за ним — опять коммунизм» и т. д. — такова сказка про бѣлаго бычка, логически вытекающая из аргументаціи г. г. коммунистов. Почему такой ход исторіи благодѣтелен, и почему коммунизм, как разрушительная система, выше капитализма и должен быть непремѣнно введен, как только хозяйство наладится,—простому смертному не понять. Но.. «коммунистическіе антропоиды» с их логикой примитивнаго человѣка это «понимают», проповѣдуют и, вводя, под напором необходимости, одной рукой «Нэп», другой обуздывают его и сводят «на нѣт». В результатѣ такого «упирательства», *на мѣстѣ погибшаго коммунизма оказался введенным не настоящій капитализм, а хозяйственно-соціальный строй, представляющій смѣсь всѣх отрицательных сторон капитализма* (спекуляція, хищничество, шакализм, контрасты голода и роскоши и т. п.), *без его положительных* организаціонно-производственных функцій *и всѣх отрицательных сторон деспотическаго коммунизма* (тиранія, опека, безправность, подавленіе стимулов к иниціативѣ, труду и т.д.), *без его положительных* (уничтоженіе неравенства эксплуатаціи и т. д.). Этому «монстру» было дано громкое названіе «*государственнаго капитализма*»,—якобы высшей формы капиталистическаго режима. Между тѣм система «*государственнаго капитализма*» *является самой древней и наихудшей формой капитализма, а не наилучшей и наиновѣйшей.* Но наши «антропоиды» «учились понемногу, чему нибудь, да как-нибудь», а потому: какое им дѣло до фактов?

Мы могли бы спокойно предоставить им полную свободу проявлять свое коммунистическое невѣжество, если бы... за него не приходилось платить милліонам людей своей жизнью. Этот факт мѣняет дѣло и заставляет всѣх и каждаго напрягать усилія к скорѣйшей ликвидаціи установившагося послѣ коммунизма строя, который воплощает в себѣ всѣ недостатки капитализма без его достоинств и всѣ минусы царизма без его плюсов.

Этот строй, существующій со времени «Нэпа», нѣсколько лучше коммунистическаго строя. Но он остается по-прежнему безконечно худшим, чѣм строй частно-капиталистическій.

Мудрено ли поэтому, что, дав нѣкоторый простор индивидуальному почину и интересу, придушенным коммунизмом ,он вызвал нѣкоторое оживленіе в торговом и мелком производствѣ, сыграл роль свѣжаго воздуха, вдыхаемаго задыхающимся человѣком. Но так как порція этого воздуха оказывается совершенно ничтожной, так как рядом с ним больную Россію по-прежнему угощают солидными дозами коммунистическаго яда, то о серьезном оздоровленіи при таких условіях не может быть и рѣчи, впредь до введенія подлиннаго капитализма со всѣми его соціально-правовыми и политическими предпосылками.

Сказанное подтверждает нижеслѣдующій краткій обзор основных измѣненій в жизни Россіи и русскаго народа за період «Нэпа».

§ 2.

Состояніе и естественное движеніе населенія.

Картина «физіологическаго движенія» населенія с окончаніем гражданской войны должна была бы рѣзко измѣниться, приближаясь к нормам обычнаго времени; иными словами, должна была бы пасть смертность, рѣзко повыситься брачность (всегда повышающаяся в годы, слѣдующія за войной, когда она обычно падает), и подняться рождаемость. Но движеніе коэффиціентов смертности, и особенно брачности и рождаемости, с 1917 года у нас приняло нѣсколько необычный характер. Брачность необычайно возросла, а рождаемость пала. Мудрено ли, что при таких условіях приближеніе к нормѣ за 1921—1922 г. должно у нас означать, помимо паденія смертности, паденіе брачности и рост рождаемости. Такія тенденціи и обнаружились в тѣх частях Р. С. Ф. С. Р., гдѣ жизнь чуть чуть приблизилась к нормѣ—хотя бы за счет всей Россіи, как напримѣр в столицах. Здѣсь за эти годы мы, дѣйствительно, видим такую тенденцію; напр. в Петроградѣ (*) уже в 1920 г. *смертность* понизилась с 72,6 на 1000 населенія (в 1919 г.) до 50,6; в 1921 г. паденіе продолжалось, дойдя уже в первую половину 1921 г. до 27,8. Этот прогресс продолжается и в 1921—22 г., недостигнув, однако, норм до-военнаго времени (23.2 на 1000 нас.). Точно также обнаружилось и нѣкоторое пониженіе *брачности*, поднявшейся за 1917 до 1920 года до небывалаго коэффиціента (27.7 на 1000 нас. в 1920 г. вмѣсто 6—7 на то же населеніе). С первой половины 1921 г. намѣтилась тенденція к паденію. За этот період коэффиціент был равен 26.7. Паденіе шло и во вторую половину 1921 г. и 1922 г. Однако, брачность попрежнему далека от норм до-военнаго времени. Стала подниматься и *рождаемость*, необычайно павшая за годы революціи (1917 — 1919), несмотря на необычайный под'ем брачности (13.8 на 1000 нас. в 1919 г., вмѣсто 26.4 в 1913 г.). В 1920 г. рождаемость оправилась, достигнув коэффиціента в 21.8, а в первой половинѣ 1921 г. она равнялась уже 36, т. е. превзошла не только нормы обычнаго времени, но и приблизилась к коэффиціенту начала 60 годов. Такой исключительный под'ем рождаемости—обычное явленіе по окончаніи войн. Обнаружилось оно и у нас. Но под'ем этот бывает всегда временным. То же видим и у нас. С 1922 г. этот коэффиціент стал быстро падать, приближаясь к нормѣ до-военнаго времени.

Сходный характер имѣло движеніе населенія и в других мѣстах Россіи, гдѣ жизнь нѣсколько стала приближаться к нормѣ. *Но, увы! таких областей было немного.* Петроград и Москва за эти годы кормились за счет всей Россіи и были в исключительно благопріятных (по сравненію с другими городами и селами) условіях. *В остальных мѣстах было хуже. Гораздо хуже, чѣм в 1919—20 г.г.*

В 1921—22 г. и в 1922—23 г. огромныя области Россіи были и будут постигнуты катастрофическим голодом. Это обстоятельство, вмѣстѣ с болѣе худшим по сравненію с столицами положеніем ряда областей, не об'явленных оффиціально «голодными», дает здѣсь совер-

---

(*) См. «Матеріалы по статистикѣ Петрограда», вып. V. ст. С. А. Новосельскаго. 1922 г. Для Москвы см. «Красную Москву». 1921 г. Стр. 64—66 и др.

шенно иную картину; а именно: *необычайный рост смертности, побившій всѣ рекорды (она достигала в рядѣ мѣст до 400 на 1000), необычайное паденіе и брачности, и рождаемости, короче—огромное вымираніе.*

Приведу типичныя данныя. Беру для примѣра Николаевскій уѣзд той же губерніи. Абсолютное число браков и рожденій за послѣдніе годы здѣсь было слѣдующим:

Годы	Число браков	Число смертей	Число рожденій	Избыток рожденій + Избыток смертей —
1914	1987	8565	14546	+ 5981
1915	1380	7780	10542	+ 2762
1916	1386	8435	10263	+ 1828
1917	2830	7250	9072	+ 1822
1918	5274	10201	11600*)	+ 1399
1919	4071	13368	8670	— 4698
1920	3049	8190	6213	— 1977(*)

В 1921—22 г. г. картина такова:

Города	Родилось в 1921 г.	Умерло в 1921 г.	Избыток рожденій + Избыток смертей —
Херсон и Алешки	2254	4241	— 1987
Полтава	1949	3595	— 1646
Лубны	492	1684	— 1192
Гадяч	262	235	+ 27
Зеньков	396	478	— 82
Кобеляки	362	281	+ 81
Константиноград	257	301	— 44
Лохвица	332	237	+ 95
Миргород	453	604	— 151
Ромны	510	613	— 103
Севастополь (март-іюль 1922 г.)	233	1297	— 1064
В городах Запорожской губ. во вторую половину 1921 г.	2533	2567	— 34
В Екатеринбургѣ за декабрь 1921 г.	208	615	— 407
В Туапсе за 1 пол. 1921 г.	131	1172	— 1041
Во всѣх городах губерній: Запорож., Екатеринослав., Кременч., Полтавской и Подольской за 1 чертв. 1922	5703	14475	— 8772(**)

Из этих данных видно, что в 1921 г. еще в губерніях, не постигнутых катастрофическим голодом, движеніе населенія, в противоположность Москвѣ и Петрограду, не только не улучшалось, а ухудшалось. Данныя же за четверть 1922 г. губерній, кромѣ Екатеринославской и Херсонской, не признанных за голодающія, говорят об интенсивнѣйшем вымираніи населенія.

Что же касается голодающих губерній в 1922 г., то положеніе дѣл в них рисуется слѣдующими данными (оффиціальными).

Населеніе Татарской республики с 1920г. в 1922г. уменьшилось на 470.000, т. е. на 1/5; в рядѣ уѣздов Башкиріи к апрѣлю 1922 г. населеніе (по сравненію с 1920г.) убыло на 1/3, в Уральской области вымерло 25%, в Керченском — около 33%, в Пугачевском у., Самар. губ., — 50%. Населеніе Херсона уменьшилось на 60%. В Царицынской губерніи в 1 полов. 1922 г. на 1000 нас. родилось 27, умирало 94, (убыль в 67 на 1000), в Екатеринославской губ. за апрѣль—май 1922 г. родилось 7345, умерло — 14.000, в Николаевскѣ, Сам. губ. за август родилось 38, умерло 112 и т. д. (***)

(*) Бюллетень Центр. Стат. Упр. Украины. № 9. 1922. 29.

(**) Ibid., № 9, 31, № 7, 29, № 11, 50 «Красн. Черном. Флот.»» 12. IV.

(***) Извѣстія В. Ц. И. К. 5—XI, № 214.

«В Пугачевском у., пишет корреспондент И.В.Ц.И.К., рождаемости почти нѣт — голодныя матери недонашивают или родят мертвыми, браков совершенно не заключается, жизнь остановилась». Другой корреспондент И. В. Ц. И. К. Рихтер пишет: «В Заволжьи многія большія села — 10—12 тысяч жителей превратились в маленькіе хутора, многія совсѣм не существуют; в списках статист. бюро против них стоит черточка, а внизу примѣчаніе: «не существуют в силу разоренія их на почвѣ голода».

Эти данныя говорят, что движеніе населенія Петрограда и Москвы не типично. В большинствѣ областей Россіи за 1921—22 г. вымираніе не ослабѣло, а усилилось.

Вот почему в общем и цѣлом для всей Россіи едва ли 1921 и 1922 г. г. внесли что нибудь новое в явленія вымиранія населенія Р.С.Ф.С.Р. и совѣтских республик,с 1914 до 1920 г. уменьшившагося на 19—20 мил. Как и в 1918—20 годах, рождаемость за 1921—22 г. по всей Россіи не покрывала смертности. Населеніе Россіи продолжает убывать. Не мало этому содѣйствует и санитарное состояніе страны, за эти два года еще болѣе ухудшившееся. По заявленію Наркомздрава Семашко от 28 октября 1922 г. за 1921——22 г. г. —число больничных учрежденій сократилось по сравненію с 1920 г. до 92%, число фельдшерских пунктов — до 86%, медицинская помощь на дому — до 62%, т. е. фактически мы имѣем почти полную ликвидацію лечебнаго дѣла. С качественной стороны в оставшихся «оазисах» еще хуже. В лучших клиниках Петрограда температура зимой: минус два, самое лучшее — три четыре градуса — часто нѣт кипятку, нѣт термометров, грязь, нѣт чистаго постельнаго бѣлья и т. д. Что же говорить об обычных больницах! Большинство их — просто не существует.

В этом отношеніи «все обстоит попрежнему, даже хуже». В связи с естественным движеніем населенія заслуживает упоминанія рост разводов. Со времени декрета 20 дек. 1917 г. кривая разводов стала рѣзко подниматься. В 1920 г. число их достигло в Петроградѣ 92,2 на 10.000 существующих браков, или 1 развод на каждые 16 заключаемых браков — цифра для Петрограда исключительно высокая. При чем из каждых 100 разведенных браков 51.1% имѣли продолжительность менѣе 1 года, 17.8% от 1 до 2 лѣт, 8.2% от 3 до 4, лишь 32,9% продолжительность выше 4-х лѣт. Из 51.1% расторгнутых браков 11% имѣли продолжительность менѣе 1 мѣсяца, 22% — менѣе двух, 26% менѣе шести, и лишь 43% свыше шести мѣсяцев. (*).

В провинціи дѣло обстоит, пожалуй, еще хуже. За 1921 г. в Полтавѣ 1 развод приходился на 4.9 заключеных браков, в г. Николаевѣ — на 3.9, за первую четверть 1922 г. в городах губерній: Запорожской, Екатериносл., Кременч., Подольской 1 развод приходился на 3.8 заключаемых браков. (**).

Отсюда видно, что представляют собой «совѣтскіе браки», и насколько революція разрушила семью и брак. Есть основанія полагать, что этот процесс (как и при французской революціи) в ближайшіе годы не остановится, а будет продолжаться.

(*) Матеріалы по статистикѣ Петрограда, в. V. 27.

6 (**) Бюллет. Ц. Ст. Упр. Украины, № 7, 29, №11, 50.

10

Если в *количественном* отношенiи в движенiи населенiя мало новаго, то в *качественном* отношенiи дѣло нѣсколько измѣнилось. Иным стал контингент людей, уносимых в царство смерти. За годы войны и революцiи гибли преимущественно наиболѣе здоровые бiологически, наиболѣе квалифицированные умственно и нравственно, наиболѣе сильные и выдающiеся по своим качествам элементы населенiя. Военный и революцiонный отбор всегда таков. Он убивает «лучших» и оставляет жить и плодиться «худших». Окончанiе войны, и особенно гражданской войны, значительно измѣнило дѣло в положительную сторону. Отбор, производимый голодом, в первую очередь убивает наиболѣе *слабых* бiологически: дѣтей, стариков, больных и т. д. и плюс наименѣе энергичных, изворотливых, трудоспособных и т. п. В этом смыслѣ он — с точки зрѣнiя будущих судеб народа — не столь ужасен, как отбор войны и революцiи. Это проявилось и у нас за 1921—22 г.

Но увы! В условiях «Нэпа» и совѣтскаго режима даже и эта «положительная» сторона голоднаго отбора (приговоренные к смерти часто разстрѣл считают «лучшим», чѣм пытки и медленное удушенiе и в этом смыслѣ говорят о «положительных сторонах...» разстрѣла; в таком же смыслѣ приходится и мнѣ говорить о «достоинствах голоднаго отбора!») не могла выявиться сколько нибудь достаточно. Разстрѣлы «лучших» шли (чего стоит один разстрѣл 10.000 кронштадтцев, 65 профессоров и интеллигентов по Таганцевскому дѣлу! и т. д. и т. д.) и идут, лица, морально честныя, и при «Нэпѣ» обречены на голод; власть массовым орбазом гноит лучших лиц в тюрьмах, обрекает на смерть в ссылках, высылает за границу — и тѣм ослабляет указанный «положительный» — характер голоднаго отбора. Нѣкоторое измѣненiе в этом отношенiи все же имѣет мѣсто. Его необходимо отмѣтить. В общем и цѣлом — значительных измѣненiй в положительную сторону в движенiи и состоянiи населенiя за 1921—22 г.г. нѣт.

§ 3.

Измѣненiя в структурѣ общества.

Здѣсь за прошлые два года произошли существенныя измѣненiя. Онѣ двоякаго рода. Часть измѣненiй нова по сравненiю с до-революцiонной структурой русскаго общества; часть — нова только по сравненiю с революцiонными годами и представляет реставрацiю «царскаго перiода».

Главнѣйшiя измѣненiя таковы:

А) *В области классового строенiя русскаго общества.*

Крупные землевладѣльцы не возродились еще, но намѣтилась возможность их появленiя в видѣ иностраных земельных концессiонеров, и в видѣ «арендаторов» «совѣтских хозяйств». Зародыш имѣется, но он еще не прiобрѣл сколько нибудь значительных размѣров. Появилась и довольно сильно развилась *новая буржуазiя* («Нэпманы») — зоологическая, спекулятивная, шакалиная, непроизводительная, но «полнокровная», душой и тѣлом преданная собственности. Она вышла главным образом из рядов коммунистов и их клiентов.

Пролетарiат продолжает исчезать и деклассироваться. За эти годы мы имѣли «диктатуру пролетарiата» без пролетарiата. Исчезновенiе его продолжается по сей день.

Крестьянство относительно не уменьшалось, а даже нѣсколько росло.

Интеллигенція — частью продолжала вымирать, частью, в видѣ «спецов», вошла в состав новаго *чиновничества* и новой *бюрократіи*.

Родилась и оформилась «послѣдняя», дифференцировалась от населенія, отдѣлила себя рядом привилегій, провела глубокую бездну между собой и «управляемыми», пріобрѣла всѣ черты старой бюрократіи, без ея дѣловитости и сознанія долга.

B) Процесс имущественной нивеллировки со времени «Нэпа» пріостановился и *замѣнился процессом имущественной дифференціаціи, как во всем населеніи, так и в крестьянствѣ.* Общая бѣдность осталась, но одни еще сильнѣе обѣднѣли, другіе стали относительно богатѣть. Имущественная пирамида возстановилась. Контраст бѣдности и богатства стал громадным. Вся «уравнительная работа» революціи оказалась безплодной.

C) То же приходится сказать и о других формах неравенства, в частности, правового. За два года создались и оформились вновь «привилегированные» (власть, коммунисты, спецы», «сочувствующіе», новая бюрократія, новая — иностранная и отечественная — буржуазія) и «обдѣленные». Контраст между ними стал большим, чѣм раньше. Уравнительныя потуги революціи кончились безрезультатно.

D) Измѣнился *по своему соціальному составу и характер обитателей «верхних и нижних» слоев общественной пирамиды.*

До «Нэпа» бывшіе привилегированные («старая аристократія», буржуазія и высокое чиновничество) сбрасывались «с верхов» на «низы», а верхнія, командующія позиціи занимались главным образом выходцами из низших слоев: пролетаріата, крестьянства и «разночинцев». *Со времени «Нэпа» начался обратный процесс:* «бывшіе люди» снова стали карабкаться на «верхи», бывшіе рабочіе, забравшіеся туда, усиленно стали снова сползать вниз. В 1922 году «верхи» арміи (кромѣ нѣскольких декоративных мѣст) были заполнены старым генералитетом и командным составом; то же относится к «наркоматам», к правленію трестов и т. д. И издѣсь стали главенствовать «реставраціонныя» тенденціи: люди снова стали размѣщаться по старым мѣстам под новыми названіями. Исключенія из этого правила есть, но не велики.

E) Процесс заполненія командующих позицій и привилегированных слоев общества *этнографически не рускими элементами,* в частности евреями, начавшійся со времени октябрьской революціи, продолжался и шел «crescendo». В 1922 г. огромное количество отвѣтственных мѣст, как в правительственных учрежденіях, так и в промышленности и торговлѣ, — частной и государственной, — было занято евреями. Равным образом шел «crescendo» и процесс их перемѣщенія из мѣстечек в города, особенно в столицы, населеніе которых сильно измѣнилось, в частности семитизировалось. *Революція, иными словами, измѣнила рассово-этнографическій состав «командующих классов».*

F) Продолжались *территоріальныя перемѣщенія* населенія. Со времени «Нэпа» процесс бѣгства из голодных столиц в провинцію замѣнился противоположным: бѣгством из провинціи в столицы, в силу чего, в 1921—22 г. г. населеніе столиц стало увеличиваться. Еще большія миграціи вызвал голод: огромныя массы народа бросились из голодных областей в менѣе голодныя, Первыя опустѣли. Населеніе (Поволжья,

Юго-Востока, Юга Россіи и других голодных раіонов) сильно порѣдѣло. Значительная часть его погибла. (От 8 до 12%).

Таковы главнѣйшія измѣненія в структурѣ населенія за эти годы. *В общем и цѣлом они означают возстаневленіе разрушенной революціей соціальной пирамиды, возврат к старому, безрезультатность громких обѣщаній революціи.* Рядом с такой реставраціей намѣтились и новыя явленія, но онѣ мало общаго имѣют с революціонными заданіями и цѣлями. Ни одно из положительных обѣщаній революціи (равенство, уничтоженіе эксплуатаціи и т. д.) не было исполнено.

§ 4.

Измѣненія в экономической области.

«Правда-ли что в Петроградѣ и Москвѣ имѣются великолѣпные магазины и все можно достать?» — Правда. «И рестораны?» — Умопомрачительные. «И на улицах шикарно одѣтая публика?» — Есть и такіе. «И международные вагоны со старым комфортом?» — Ну, чуточку хуже, но ничего. «И великолѣпные отели, вродѣ Европейской гостиницы» — Да, имѣются. — «Значит — все по старому? Значит налаживается хозяйство? «Неправда-ли?» — Таковы вопросы, которые мнѣ ставились, мои отвѣты на них и тот вывод, который из отвѣтов дѣлал легкомысленный вопрошатель. Еще чаще приходилось читать такіе выводы и завѣренія в статьях иностранцев, побывавших теперь в Россіи и изучавших ее из окон отеля, купе международнаго вагона и со слов любезнаго правительственнаго «гида». Не читали-ли мы недавно горячія завѣренія г. Эрріо в том, что в Россіи хозяйство налаживается, власть оказалась хорошим организатором, обожаема народом и т. д.?

Нѣт надобности говорить, что такія утвержденія дѣлаются или по глупости и наивности, или по подлости. Первое не извинительно, второе возмутительно и преступно. Хотя с введеніем Нэпа кой-гдѣ хозяйственная дѣятельность немного и оживилась, но говорить о каком либо серьезном ея улучшеніи, больше того — просто об улучшеніи, — не приходится. Не приходится, основываясь на тѣх же оффиціальных данных. Рѣзкое измѣненіе внѣшней картины Москвы и Петрограда — простая видимость, скрывающая подлинное положеніе дѣла. Единственно, что можно утверждать — и то только относительно областей, не постигнутых голодом, — это замедленіе темпа разрушенія и развала в рядѣ отраслей народнаго хозяйства, главным обрзом, сельскаго, и кое какіе симптомы улучшенія в немногих областях. За 1922 г. нѣт еще общих данных. Но и то, что есть, опредѣленно подтверждает это положеніе.

Сельское хозяйство. *). *Посѣвная площадь,* сократившаяся к 1920 г. до 55 — 60% до-военной нормы, в 1921 г. сократилась еще на 18%, по сравненію с 1920 г., в 1922 г. в силу голода и неурожая, она уменьшилась еще на 12 — 16%. В итогѣ посѣвная площадь 1922 г. не превышает 40 — 45% до-военной нормы. Голод 1922 — 23 г. не дает оптимистических надежд на ея расширеніе и в текущем году.

*) См: «Экономист» Петроград. № 2 и № 5. 1922 г. *Кондратьев:* Регулировка рынка за годы войны и революціи. Изд. Нар. Ком. Земл., 1922.

Урожайность продолжала падать. Вмѣсто сбора с десятины ржи 53.9 пуда (в 1909—13 г.), 62.3 п. пшеницы, 50.7 п. яровой пшеницы — соотвѣтственныя цифры за 1920 г. были: 33.7 пуда ржи, 32.7 пуда озимой пшеницы, 28.5 яровой. В 1921 г. в силу засухи и политики власти, общая урожайность была еще меньше. В 1922 г. она нѣсколько повысилась, но ничтожно. Мудрено ли поэтому, что вмѣсто 7.009, 331.600 пудов валового сбора всѣх зерновых хлѣбов и картофеля (в переводѣ на зерно) в 1909 — 13 годах (на территоріи современных совѣтских республик) и 4.498.507.000 пудов чистаго сбора, в 1920 г. было собрано только 2.1 милліардов пудов. В 1921 г. еще меньше, в 1922 г. — около 1.8 милліардов пудов. Россія, вывозившая раньше заграницу около 650 мил. пудов, теперь не имѣет хлѣба для своего прокормленія, голодает, вымирает и дошла до людоѣдства.

Сходное видим и в области *животноводстыа.* К 1921 году крупный рогатый скот сократился на 50% по сравненію с до-военной нормой, молодняк—на 60%, число свиней — на 60%, овец — на 70%, лошадей — на 77% (с 35 — 6 милл. до 8 милл.). *).

Славно поработала октябрьская револющія и здѣсь. Племенные разсадники уничтожены, производители — съѣдены. В 1921 — 22 г. крестьяне принялись усиленно разводить молодняк. Это дало нѣкоторое увеличеніе его, но незначительное, и только в областях, непостигнутых голодом. В послѣдних же весь живой инвертарь — почти 80 до 90% его погиб или съѣден. *Сбор льна* в 1921 г. пал с 2 милліонов пудов, в 1920 г. до 1.5 милліонов пудов (вмѣсто 31.9 милліонов пудов в 1913 г.) **)

Сбор *хлопка* дает ту же картину. Вмѣсто 12 милл. пудов — в 1916 г. — 1919 г. было собрано 4.5 милл. пуд., в 1920 г. — 3.2, в 1921 г. около одного милліона (по другим данным только 700 тыс.). В 1922 г. оффиціально предполагалось собрать 3 милліона пуд., т. е. норма 1920 г., но вряд ли и она собрана.***)

Свекло-сахарная промышленность — в еще худшем положеніи. Принимая площадь посѣва и производства сахара в 1914 — до 15 г. за 100, мы получаем:

	1914—15 г.	1918—19 г.	1919—20 г.	1920—21 г.
Посѣв. площ.	100	59.0	55.6	25.9
Произв. сахара	100	19.3	4.6	5.3

В 1921 — 22 г. о «сладкой жизни» не приходилось думать.

Производство сельско-хозяйственных машин, равнявшееся в 1914 г. 44.8 милліонов рублей, в 1920 г. равнялась 2.8 милліонов рублей, в 1921 г. — 3.1. Если здѣсь нѣт существеннаго улучшенія, то нѣт, слава Богу, и дальнѣйшаго ухудшенія.

---

*) Эти цифры беру я из «Экономиста», изд. в Россіи, № 2 и 4 до 5. Как здѣсь, так и в других отраслях оффиціальная статистика дает разныя данныя, несовпадающія друг с другом. Приходится выбирать из них болѣе вѣроятныя.

**) См. В. С. Н. Х. К IX партійному съѣзду. Только для коммунистов. Промышленность и торговля. 1922. 73. См. также: Народ. Хозяйство Россіи за 1921 г. Изд. «Экон. Жизни». Берлин 1921. 252. Цифр для 1922 г. еще нѣт, но едва ли можно говорить о каком либо увеличеніи сбора и здѣсь.

***) Пром. и Торговля; в «Народ. Хоз-вѣ» для 1920 г. дается цифра сбора 1.5 милл. пуд., 252 стр.

Сбор шерсти 6 милліонов пудов до-военнаго времени пал до 600 — до 700 тыс., в 1921 г. (до 3 милл. пуд. по другим источникам), сбор *пеньки* — 20 милліонов пудов, до 3 милліона пуд., в 1922 г. не произошло значительных измѣненій.

В области *кожевенной промышленности* в 1916 г. было выработано 12.500 крупных кож, в 1919 г. — 2.612, в 1920 г. — 20.21, в 1921 г. за первую половину 16.88 (см. Промышл. и торговля, 79 стр.). Из этих цифр картина ясна — и коментаріев не требуется.

Промышленность. Продукція всей промышленности, равнявшаяся в мирное время 4.5 милліардам золотых рублей, в 1921 г. непревосходила 450 милліонов золотых рублей, т. е. составляла 10%.

Добыча угля с 1.8 милліарда пуд., в 1920 г. съѣхала до 450 милліонов пуд., в 1921 г. была близка к той же величинѣ, в первую половину 1922 г. чуть поднялась (321 милліон. пуд. за одно полугодіе, а за второе снова пала). «Налаживается хозяйство». Причем само — потребленіе угля на копях, раньше не превышавшее 7 — 8%, теперь дошло до 48%, из остальной части значительная доля расхищалась на пути — в итогѣ — чистый остаток был еще меньше.

Добыча нефти с 525 милліонов пуд. в 1920 г. спустилась до 230 милліонов пуд., в 1921 г. равна была 242 милліона пуд., в 1922 г. предполагалось повысить ее до 300 милліонов пуд., но едва ли это осуществилось.

Выплавка чугуна с 249. 4 милліонов пуд. в 1914 г., в 1921 г. пала до 7.5 милліонов пуд., т. е. до 3%; первое полугодіе 1922 г. дало повышеніе до 5.4 милліона пуд., но второе опять понизило.

Добыча желѣзной руды с 560 мил. пуд. сошла в 1921 г. до 13 мил. пуд., в первое полугодіе 1922 г. добыто около 11 мил. пуд., за второе добыча опять пала.

Добыча мѣди составляла 6% до-военной нормы.

В области хлопчато - бумажной промышленности в 1921 г. работало только 12% веретен (до-военнаго времени), и то не полные часы. В 1922 г. здѣсь намѣтилось нѣкоторое улучшеніе. По оффиціальным данным в первое полугодіе 1921 г. было произведено 589 тыс. пуд. пряжи и 119 милліонов аршин тканей, в первое полугодіе 1922 г. соотвѣтственныя цифры будут: 1695 тыс. пуд. пряжи и 232 милліон. аршин. Но эти цифры явно преувеличены.

Льняная промышленность сократилась на 75% и вернулась к нормѣ 50 — 60 годов 19 вѣка.

Химическая промышленность с 10% до-военной нормы в 1920 г. поднялась до 15 —17% в 1922 г. Поднялось производство галош с 10.000 штук в 1920 г. до 500.000 шт., в 1921 г., и до 4.000.000 в 1922 г.

Но в этих цифрах есть тенденція преуменьшать производство 1920 г. и преувеличивать «прогресс» 1922 г. Другіе оффиціальные источники картину «прогресса» рисуют гораздо болѣе скромно.

Добыча золота вмѣсто 3.774 пуд. до-военнаго времени в 1920 г. дала 109 пуд., в 1921 г. около 84 пуд.

Добыча платины со старой нормы в 299 пуд. в 1920 г., пала до 13 пуд. 25 фунт. (по другим данным до 21 пуда), в 1921 г. до 12 пуд., 35 фунт.!

Транспорт тоже «налаживается». *Из 19.000 паровозов* до-военнаго времени в 1921 г. было 7.000. Причем значительная

часть из них была «безработными» за неимѣніем грузов и топлива. Единому Богу, да «вѣрному служащему» Симменс-Шуккерта Красину вѣдомо, зачѣм нужно было заказывать их за границей, при наличіи своих безработных паровозов.

Число вагонов с 437.000 сократилось до 195.000, причем только 20.000 из них были вполнѣ исправными.

Процент больных паровозов и вагонов растет. Грузоборот пал до 15% старой нормы. Дороги почти не чинились, шпалы и рельсы не мѣнялись. Словом, «налаживается».

Государственные финансы налаживаются умопомрачительно. До 1-го января 1922 г. было выпущено бумажных денег на 7 трилліонов рублей. К 1-му мая 1922 г. их выпущено на 124 трил. рублей. К 1-му ноября 1922 г. их выпущено 1.302 трил. С 1-го октября по 31-ое декабря 1922 г. предполагалось еще выпустить 1.888 трил. Итого за год эммиссія грозит достигнуть до 3 квадрильонов рублей! Несмотря на «налогоманію», смѣнившую період «универсальной безплатности» («безплатности старой царской каторги», как ее охарактеризовал один рабочій на конференціи), в 1921 г. было покрыто лишь 1.5% эммиссій, за первые 4 мѣсяца 1922 г. поступило всѣх доходов на сумму в 10.5 трил. рублей, выпущено же денег на 117 трил. За эти послѣдніе 4 мѣсяца, к 1-му октября поступило около 100 трил., выпущено 1.000 слишним трил. Словом, государственный бюджет «стабилизирован». «Стабилизировался» и рубль. Вначалѣ сентября 1922 г. 10-ти рублевый золотой стоил около 25 мил. совѣтских рублей, 26 октября того же года он стоил уже... 125 мил.

Несмотря, однако, на эти «астрономическія» цифры эммисій в переводѣ на золото онѣ очень скромныя и колебались от 33 до 90 мил. золотых рублей. Таково все національное денежное богатство Россіи! Оно говорит яснѣе всего, до какой степени населеніе обѣднѣло. *Денежная душевая норма теперь составляет 1 — 2% до-военной денежной душевой нормы.*

Дополним картину характеристикой *торговли*. Под вліяніем Нэпа *внутренняя торговля* нѣсколько оживилась. В столицах дѣйствительно появилась масса всевозможных весьма приличных магазинов. Но..... это только в столицах, и пышность магазинов показная. На дѣлѣ же «оживленіе» очень скромное.

За ноябрь — декабрь (1921 г.) и январь 1922 г. было совершено торговых операцій всѣми государственными торговыми учрежденіями Россіи и Украины на сумму... в 55.203.890 зол. руб.! Вот вам «пышный расцвѣт» торговли всего государства. Причем большинство из этих операцій совершено было одним «Главком» с другим, т. е. люди занимались перекладываніем товара из одного государственнаго кармана в другой.

Внѣшняя торговля, в до-военное время дававшая ввоз из заграницы на 1.139.600.000 зол. руб., вывоз на 1.501.400.000 зол. руб., в 1921 г. дала ввоз на 248.500.000; в первой половинѣ 1922 г. — на 279.200.000 рублей; вывоз в 1921 г. — на 20.200.000, в первой пол. 1922 г. на 24.800.000 зол. руб. Цифры ясны. Не говоря уже об их величинѣ, отмѣтим, что там балланс был активным на сумму около 400 мил. рублей. Здѣсь он пассивен в 221 мил. зол. рублей, за 1921 г., и в 275 мил. за второе полугодіе 1922 г.

Нѣкоторое оживленіе торговли есть, но ясно, что она носит по преимущественно спекулятивный характер, и при данном режимѣ, при обѣднѣніи населенія, при разгромѣ производства, — не может принять сколько-нибудь серьезные размѣры. По существу, кромѣ столиц, она представляет тот же нищенскій примитивный «товарообмѣн», каким она была в 1918 до 20-го года.

Таково хозяйственное положеніе.

Прибавим к этому, что *крупная промышленность, остающаяся націонализированной, не только не улучшилась, а продолжала (как это признал и Рыков) разваливаться и приносить все большій и большій дефицит.*

Нѣсколько лучше обстоит дѣло с кустарной и денаціонализированной мелкой промышленностью. Но, конечно, в данных условіях, и она не может развиваться. Вмѣшательство власти, придирки, непомѣрные налоги, отсутствіе гарантій — душат ее. Это видно хотя бы из статистики всѣх арендованных предпріятій. Предназначено было к сдачѣ 12.507 пром. заведеній. Сдано в 1922 г. — 9.748. Недурныя как будто цифры. Но, оказывается, 60% из них — мельницы, остальные 40% составляют мелкіе (от 4 до 30 раб.) — кирпичныя, мыловаренныя, кожевенныя и химическія — предпріятія. Причем взяты они в большинствѣ «на ходу», 20,7% взято бывшими хозяевами. Мотивами арендованія служили и служат тѣ же хищнически — спекулятивные мотивы: использовать остатки цѣнностей и оборудованія, «снять жир» и.... только. Ни о каком налаживаніи производства, связанном неизбѣжно с затратой капитала, рѣчи быть не может. Идет то же использованіе послѣдних остатков. С половины 1922 г. многіе из арендаторов, «снявшіе жир» или задавленные непомѣрными налогами, начали бить отбой... О возрожденіи же крупной промышленности, о капитализмѣ производительном, пока говорить не приходится. При данных условіях он невозможен.

Из всего сказаннаго сама собой вытекает картина *экономическаго положенія масс.* Населеніе стало нищим. За послѣдніе два года его положеніе быть может и не ухудшилось (кромѣ голодных областей, гдѣ оно «улучшилось до смерти»), но и не улучшилось.

Замѣна «подразверстки» «продналогом» не облегчила положенія крестьянства, ибо во многих мѣстах продналог оказался тяжелѣе разверстки; вдобавок продолжали существовать десятки натуральных повинностей (дровяная, сплавная, гужевая, топливная, дорожная и т. д.) плюс — десятки новых денежных налогов, сыплющихся изобильно на голову крестьянина («подворная», «поголовная», на скотину вплоть до кошек и т. д., и т. д.).

Все это не дает крестьянину вздохнуть. Он задавлен, он вынужден голодать даже не в голодных губерніях. Про послѣднія же и говорить нечего. Поистинѣ, с мужика дерут не семь, а семьдесят семь шкур во славу и на пользу... третьяго интернаціонала, пышных дипломатических миссій, тысяч «смѣновеховцев», десятков тысяч агентов, на подкупы, на печать, на содержаніе самой власти и всего совѣтскаго аппарата.

Мтеріальное положеніе остатков рабочаго класса видно из величины его заработка. До войны средній мѣсячный заработок рабочаго равнялся 21 р. 25 к.; в 1920 г. заработок московскаго рабочаго (болѣе вы-

сокій, чѣм провинціальных) составляет 2 р. 70 к., в 1921 г. 4 р. 40 к.; в 1922 г. за 1 четверть был равен 3 р. 58 к.; за вторую четверть 5 р. 63к.; за третью 7 р. 53 к. Вот цифры. Да не подумает читатель, как увѣряют коммунисты, что за 1922 г. мы видим непрерывное улучшеніе положенія рабочих. Во первых, это цифры московскія, в Донбасѣ, напр., картина была обратной; во вторых — рядом с ростом платы росли и налоги, исчезла «и безплатность». Достаточно учесть одни эти обстоятельства, чтобы «улучшеніе» стало весьма проблематичным. Прибавьте к сказанному ростущій «кризис» на почвѣ «перепроизводства товаров» в Россіи (выходит, и мы «не лыком шиты»: в виду колосальнаго обѣднѣнія населенія оно, дѣйствительно, не в состояніи покупать то ничтожное количество товаров, которое производится), поведшее к закрытію предпріятій, к появленію и росту (вмѣстѣ с сокращеніем штатов) огромной арміи безработных (в одном Петроградѣ по оффиціальному исчисленію было к 1-му октября 65000 безработных, фактически — больше, по всей же Россіи число безработных никак не меньше 1.000.000). Учтите абсолютно безвыходное положеніе послѣдних, неизбѣжный рост их числа в дальнѣйшем — и тогда матеріальное положеніе масс будет ясным. Если же учесть голодныя области, то придется сказать, что в общем и цѣлом в 1921—22 г. г. общее положеніе их не только не улучшилось, а скорѣе ухудшилось.

К пятой своей годовщинѣ октябрьская революція воздвигла себѣ безсмертный, нерукотворный памятник в видѣ огромной горы трупов исчисляемых милліонами, погибших и погубленных ею «ad majorem gloriam» революціи.

Но, увы! эти жертвы еще не послѣднія!

Таковы экономическія измѣненія за послѣдніе годы.

§ 5.

Дегенерація коммунизма, дегенерація власти и политическія группировки.

Истекшіе два года являются годами вырожденія и ликвидаціи коммунизма. Эта дегенерація выражается не только в полном дискредитированіи коммунизма, как идеологіи, но и в об'ективных фактах соціальной жизни. Основным из них служит самое явленіе «Нэпа». Его введеніе и признаніе означало и означает полное банкротство коммунизма.

«Нэп» был слѣдствіем антикоммунистическаго движенія крестьянских масс, вынудивших власть капитулировать и сдать свои коммунистическія позиціи.

С 1920 г. ряд стихійных об'ективных процессов в жизни крестьянства свидѣтельствует о том же антикоммунистическом переломѣ, нашедшем свое признаніе и в рядѣ юридических актов власти. Основным из этих процессов был процесс стихійнаго движенія *крестьян на отруба и хутора.* Этот процесс, начавшійся с 1906 г. и за десятилѣтіе 1906 — 1916 г. приведшій к образованію 1.596.625 участковых хозяйств с площадью в 15.896.095 десятин (10.5% всѣх крестьянских хозяйств) был прерван революціей *). В 1917—18 г. начался процесс разрушенія

*) См. сборники «О землѣ», сб. I и II. Изд. Нар. Ком. Зем., 1922 г.

хуторов, процесс «коммунизаціи» и «общинизаціи» деревни. Закон 19 февр. 1918 г. об'явившій отмѣну частной собственности на землю, уничтоженіе нетрудовых форм землевладѣнія, наемнаго труда и аренды, стремившійся уравнять крестьянство и коммунизировать деревню путем введенія «комитетов бѣдноты», совхозов, коммун, артелей, был юридическим симптомом этой тенденціи. Власть всячески старалась провести эти мѣры. И это ей в первые годы как будто удавалось. Во многих мѣстах от хуторов перешли к общинѣ. Проявилась *и нивеллировка* крестьянства, что видно из слѣдующих цифр.

	% безпосѣвных	% хозяйств с посѣвн. площадью в 4 дес.	% от 4-8 дес.	% болѣе 8 дес.
В 1916 г.	11.4	59.1	26.6	7.9
В 1919 г.	6.5	74.0	16.4	3.1

Появились и росли с.-х. комуны, совѣтскія хозяйства и артели. *С.-х. коммун* было в 1918 г. — 950, в 1919 г. — 2.099, в 1920 г.—1732 в 1921 г.—1528

Совѣтских хозяйств в 1918 г.—3.101, в 1919 г.—3.500, в 1920 г.—4400 в 1921 г.—4300

Артелей было в 1918 г. — 422, в 1919 г. — 1.935, в 1920 г.—3865 в 1921 г.—10015*)

С 1919 г. начался обратный процесс в формѣ стихійнаго движенія на хутора и отруба, охватившаго губерніи: Вятскую, Вологодскую, Сѣверо-Двинскую, Новгородскую, Черепов., Петрогрд., Псковск., Тверскую, Смоленскую, Витебскую, Гомельскую, Брянскую, Орловскую, Калужскую, Московскую, Тульскую, Рязанскую, Владимирскую, Ярославскую, Костромскую, Полтавскую, Харьковскую, и отчасти Херсонскую, Донскую, Саратовскую, Самарскую, Ставропольскую и друг. **)

Движеніе это было столь могучим, что власть принуждена была капитулировать и легализовать его. Такой легализаціей и являются законы 30-го Апрѣля и 27 Мая 1920 г. Сохраняя коммунистическую фразеологію, они об'явили, что в цѣлях поднятія производительности сельскаго хозяйства *«пользованіе землей должно быть устойчивым и безсрочным»*. Необходимо предоставить населенію *свободу выбора форм землепользованія* с тѣм, чтобы были *ограничены передѣлы и обезпечено развитіе производительных сил сельскаго хозяйства.* Необходимо разрѣшить *внутри-надѣльную аренду и наемный труд»*. Как видно отсюда, эти декреты анулировали закон 19 Февраля 1918 г. и санкціонировали фактически индивидуальную собственность на землю («устойчивое и безсрочное пользованіе») и хутора («свобода форм землепользованія») и наемный труд, и аренду. Дальнѣйшее — и фактическіе процессы, и декреты, особенно закон 22-го Мая 1922 г. — представляет развитіе этих тенденцій, в настоящее время приведших в огромной части Россіи к *превращенію бывшаго общинника — в хуторянина-собственника, а коммунистическое законодательство трансформировавших — в повтореніе земельных законов Столыпина, от которых оно отличается лишь вводной вывѣской («сохраняется государственная собственность на землю»),* — пустой и не играющей никакой роли.

---

*) « О землѣ», вып. I, 25 стр. и сл.

**) См. там же подробности.

Короче, *коммунистическая революція привела в деревнѣ к созданію класса мелких собственников - крестьян и к разливу «мелко - буржуазной стихіи»*.

Таковы «шутки исторіи».

Этот же процесс виден и на движеніи числа коммун и совѣтских хозяйств. Из приведенных цифр видно, что с 1920 г. число коммун уменьшается. С 1921 г. ту же тенденцію обнаруживают и совѣтскія хозяйства. Ростут артели, причем огромное большинство их создалось на бывших частно-владѣльчески землях; но артели рѣшительно ничего общаго с коммунизмом и коллективным землепользованіем не имѣют. Чаще всего это тѣ же хутора, группы лиц, поселившихся на бывших частных землях, ведущих совершенно индивидуальныя хозяйства и для власти выкинувших вывѣску «артели». То же примѣнимо и к коммунам, а тѣм болѣе к совѣтским хозяйствам, с тѣм различіем от артелей, что в первых было простое «сниманіе жира», а не серьезное веденіе хозяйства (напрм. в совѣтских хозяйствах использовались только 13.2% всей годной земли, остальная лежала втуне). Теперь «жир снят», государство больше не дает субсидій, а потому — с.-х. коммуны исчезают, совхозы превращались и превращаются в простыя «арендуемыя» отдѣльными лицами имѣнія. Ни о какой «коммунизаціи» деревни больше говорить не приходится.

Наконец, процесс *нивеллировки* крестьянства с введеніем «Нэпа» вновь замѣнился *процессом дифференціаціи:* «деревенская бѣднота» потеряла всякое значеніе, сильные элементы деревни вновь взяли власть в свои руки, захватили «Волисполкомы», стали рости и относительно богатѣть.

Не говоря уже о явленіях крестьянских возстаній, эти об'ективные факты говорят ясно *о полной деккомунизаціи деревни, о потерѣ коммунизмом всякой почвы среди крестьянства.* Нужно ли говорить, что рядом с этим исчезли и коммунисты в деревнѣ. Их теперь там нѣт; если есть — то лишь единицы, все болѣе и болѣе тающія и чувствующія себя очень скверно среди враждебной стихіи. То же произошло *и в городѣ, среди пролетаріата:* 4-х лѣтній опыт насажденія коммунизма, приведшій к истребленію пролетаріата, закрытію фабрик, к голоду, к болѣзням, нуждѣ, вымиранію, к диктатурѣ над пролетаріатом, к потерѣ всяких прав и свободы, к усмиреніям, к разстрѣлам рабочих, к их арестам и ссылкам, научил и пролетаріат. Всѣ его иллюзіи разсѣялись. Он понял воочію, что такое представляет «рабоче-крестьянская власть». Ни прав, ни власти, ни сытости.

Поэтому с 1920-го года, особенно же с 1921-го года, разрыв власти с рабочими стал полным и безповоротным. Рабочее движеніе 1921-го года служит конкретным симптомом этого разрыва. Фактическое же уничтоженіе фабрично-заводских комитетов, учета и контроля рабочих, введеніе на фабриках режима опеки, худшаго, чѣм у частнаго капиталиста, плюс полное банкротство коммунизма, разгром Россіи, заигрываніе власти с капиталистами, введеніе аренды промышл. предпріятій, устраненіе рабочих из трестов, наконец, ликвидація «универсальной безплатности»: безплатных обѣдов, квартир, школ, трамваев, одежды и др. выдач и замѣна ея «налогоманіей» — все это служит об'ективным свидѣтельством ликвидаціи коммунизма в городах и в области промышленности, — с одной стороны, с другой — все это оборвало тѣ

послѣднія нити, которыя еще поддерживали иллюзію, что данная власть есть рабочая власть, что она «своя», и что царство свѣтлаго и радостнаго труда наступает. Результатом этого разрыва был массовой уход рабочих из партіи коммунистов. Совершенно неизвѣстно, почему послѣдняя называется и теперь рабочей партіей. С таким же правом ее можно было бы считать партіей зулусов, не имѣющихся в ней. Непролетарскій состав коммунистической партіи в настоящеее время и ея банкротство в глазах русских рабочих видно хотя бы из слѣдующих цифр, опубликованных Всер. Центр. Прав. Профсоюзов (т. е. тѣми же коммунистами). В октябрѣ 1922 г. в союзѣ металлистов, насчитывающем 576.000 членов, коммунистов было только 3617, т. е. меньше одного процента (0.6%), в союзѣ текстильщиков, имѣющем 280.000 членов, коммунистов было лишь полтора процента, в союзѣ деревообдѣлочников (245.000 членов) коммунистов 2%, в союзѣ рабочих городских предпріятій (163.000 чл.), коммунистов 2—2½%; в остальных союзах один коммунист приходится на 500—600 человѣк. И число их все болѣе и болѣе падает. Если таков процент коммунистов среди рабочих, об'единенных в профсоюзы, то легко понять отсюда: 1) насколько рабочіе сочувствуют властвующей партіи, 2) как велик процент коммунистов среди всего населенія.

Словом, партія потеряла всякій кредит среди прелетаріата; по составу и политикѣ перестала быть рабочей, а тѣм болѣе крестьянской партіей, какой она в значительной мѣрѣ была в 1918—1919 г.г.; она переродилась в простую клику (по составу и политикѣ) новых бюрократов и правящих — больших и малых сатрапов. Итогом этого служит то, что коммунизм и власть потеряли всякую опору и в рабочем классѣ. Таким образом всѣ коммунистическія начала исчезли из соціальной жизни. (Кромѣ развѣ разваливающейся государственной промышленности, продолжающей морить рабочаго голодом). Коммунизм был... умер, оставив послѣ себя развалины, трупы, смрад и смерть. Его стадія пройдена. Начинается новая.

Естественно, что тот же процесс дегенераціи *испытала сама власть и партія коммунистов.* Их положеніе теперь поистинѣ трагическое. Раньше у них был опредѣленный живой дух, пусть однобокій, пусть фанатическій, пусть ошибочный, но он был. Были великія цѣли, была вѣра, были крылья иллюзіи, поднимавшія от земли к идеалам, дававшія оправданіе войнѣ, убійствам, разгрому, преступленіям. Теперь всѣ позиціи коммунизма сданы. Никто из серьезных коммунистов уже не вѣрит, что они создают новое общество. Слѣпые из слѣпцов увидѣли, что ничего кромѣ ужаса и разгрома из их попыток не получилось. Нѣт больше иллюзіи. Нѣт фанатизма. Нѣт вѣры. Нѣт «живого духа». Нѣт «оправданій». Пришло горькое похмелье. Осталось только голое «цѣпляніе за власть» во имя голаго самосохраненія, во имя «животишек» и «крупных окладов». Отсюда — внутреній развал и вырожденіе, как власти, так и партіи.

Оно привело, во-первых, к уходу почти половины членов из партіи. Число их с 600.000 за полтора года упало до 420.000. Во вторых, в рядѣ случаев, к самоубійствам. В третьих, к потерѣ всякаго живого духа в партіи и во власти, к росту цинизма, интриг, грызни, взяточничества, пьянства, разврата, к разнообразному «собиранію капитальца» и т. д., т. е. к полной моральной и соціальной деградаціи. Пусть аппарат

власти налажен, пусть партія организаціонно сильна, пусть формальная связь ея членов (об'единяемых главным образом привилегіями и общей ненавистью к ним населенія) существует, тѣм не менѣе партія коммунистов сейчас является «живым трупом», который пока дѣйствует, но может распасться от малѣйшей причины.

Поистинѣ исторія временами умѣет мстить безпощадно. Судьба, *постигшая коммунизм, власть и партію коммунистов, самая тяжелая из всѣх мыслимых.* Еслибы они года два тому назад были раздавлены — ореол геройства, спасенія человѣчества, славы и мученичества навсегда остался бы за ними в исторіи. А теперь? Начать так пышно и кончить... полным банкротством, сожиганіем того, чему поклонялись, заживо «сгнить на корню», разложиться позорно, безславно, сдать всѣ позиціи, біологически цѣпляться за одну власть, за одни «животишки», потерять весь свой ореол и идеалы, во имя этого цѣплянья громоздить одну тысячу трупов на другую, стать низким интриганом, мерзавцем, жуликом, простым Хлестаковым от революціи и коммунизма, потерять всю любовь трудовых классов и быть ненавидимым со всѣх сторон и... главное, не дать ничего, кромѣ смерти и развала всей Россіи, и лгать, лгать без конца, чередуя лганье с убійствами — что может быть позорнѣе и безславнѣе этого!

И этот позор — будьте увѣрены — останется в исторіи. Исторія умѣет временами шутить чрезвычайно остроумно. За пять лѣт «коммунистическій двор» прогнил сильнѣе, чѣм «императорскіе дворы» за сотни лѣт своего существованія. «Тайны» перваго двора в тысячи раз скандальнѣе и позорнѣе вторых.

Короче — коммунизма больше нѣт в Россіи. Коммунистическая партія и власть потеряли всякую опору в народѣ. 97—8 % % населенія ненавидят их. Только часть нэпманов из бывших коммунистов, часть «спецов» и новой бюрократіи, наконец, наемныя рептиліи и 300.000 «отрядов особаго назначенія» — только эти группы связаны с ними. Но... до первой неудачи. Случись она — и «крысы побѣгут с корабля». Полный маразм царит и во внутренней жизни партіи.

Значит ли это, что власть быстро падет? — Это может быть, но не обязательно. Вѣроятнѣе, что она еще нѣсколько лѣт просуществует, но при условіи дальнѣйшей эволюціи в сторону капитализма и правового строя. Иначе — она будет сброшена насильственно. Если эта эволюція будет — в концѣ ея власть ожидает тоже паденіе, но болѣе мягкое. Таковы основныя измѣненія в этой области.

Что касается других политических партій — то всѣ онѣ потеряли сколько нибудь серьезное значеніе. Мѣсто старых партійных дѣленій занято сейчас новым: дѣленіем всего населенія на партію коммунистов с прихлебателями и анти-коммунистов, т. е. всего остального населенія. Это дѣленіе отодвинуло на второй план всѣ былыя различія. Анти-коммунисты созданы стихійно. Они не организованы. Современныя условія — террор и сыск — дѣлают сколько нибудь широкую организацію трудной. Как только минимум надлежащих условій будет — а он всетаки будет — организація эта будет выполнена.

Основную роль здѣсь займет партія, выражающая интересы крестьянства.

§ 6.

Духовная жизнь.

Статья разрослась. Приходится быть максимально кратким.

Народное просвѣщеніе — за эти два года рѣшительно деградировало. Вмѣсто «ликвидаціи безграмотности» получилась «ликвидація грамотности». Разрушена и низшая, и средняя, и высшая школа.

Это признала и сама власть. По заявленію Луначарскаго на 4-й сессіи «ВЦК», за послѣднія 3 года число лиц, получивших высшее образованіе, сократилось на 60%, среднее — на 50%, низшее — на 70%. Фактически дѣло обстоит еще хуже и с количественной, и особенно с качественной точки зрѣнія. Теперь и власть начинает лить «крокодиловы слезы», но продолжает дѣлать все, чтоб это разрушеніе довести до конца.

Если молодое поколѣніе растет не вполнѣ безграмотным, то только благодаря самодѣятельности населенія, глубоко осознавшаго необходимость знаній и просвѣщенія.

Моральное состояніе населенія продолжает быть чрезвычайно печальным. Морально-правовая деградація за 1921—22 г. г. продолжалась. Но в теченіе послѣдняго года намѣтилась и здоровая реакція. Есть основанія думать, что возрожденіе морально-правовое будет «crescendo» продолжаться.

За эти годы вполнѣ отчетливо выявился ряд психических измѣненій, только намѣчавшихся раньше.

Во первых, несмотря на рост безграмотности, общее самосознаніе народа поднялось весьма сильно. В трагической школѣ жизненнаго опыта он «экспериментально» научился и понял многое. Существует огромная *тяга к знанію техническому и общему. Круг духовных интересов рѣзко расширился. Пониманіе множества явленій также возросло.* На «опытѣ» народ изучил: капитализм и коммунизм, формы государственнаго устройства, «хартію вольностей», финансы, промышленность, международныя отношенія и т. д., и т. д. Все это изучено «на своей шкурѣ». И понято многое. Одними «хорошими словами» теперь не проведешь мужика. Он смотрит в «корень вещей». Осознана связь своей судьбы с судьбой цѣлаго. Психологія: «мы пензенскіе» теперь почти невозможна. Волей, неволей приходится народу самому теперь думать и «государеву думу», размышлять о дѣлах государства, общества и т. д. Наряду с этими новыми чертами измѣнились массовая психологія и идеологія и по существу.

Основныя черты этой деформаціи слѣдующія:

1) *Отрицательное отношеніе к коммунизму, соціализму и ко всему, что с ними связано.*

2) *Положительное отношеніе к частной собственности, к собственнику, капиталисту и «буржую».*

3) *Серьезный под'ем религіозности, привязанности к церкви, в частности, к православной.*

Произошло оздоровленіе духовенства и приходов. Преслѣдованіе и разстрѣлы вѣрующих и пастырей еще сильнѣе укрѣпили эти явленія. Т. Н. «живая церковь» и «религіозное возрожденіе» — эти «красные

попы» и рептилии власти, как и всѣ другія смѣновѣховскія рептилии, вызывают одно презрѣніе.

4) Рѣзкій рост *національнаго чувства и обратно — полное дискредитированіе всякаго интернаціонализма.* Національное чувство бьет сейчас из всѣх пор русской жизни. Эту огромную, глубоко органическую любовь к своей родинѣ, народу, государству, к быту, к своим цѣнностям — вы чувствуете в каждом разговорѣ, в публичном засѣданіи, в театрѣ, на концертѣ, в аудиторіи, в войскѣ, в прибауткѣ, в мимолетном замѣчаніи — всюду: это — стихія, захватившая даже часть коммунистов. Она дает себя знать в ненависти к интернаціонализму, в недружелюбном отношеніи к хищникам - иностранцам, в горькой обидѣ против бывших союзников, покинувших Россію и помогающих ея разгрому, и наконец, в огромном антисемитизмѣ, разлившемся по всей Россіи сверху до низу, охватившем всѣ слои без исключенія, вплоть до русских-коммунистов.

5) *Глубокое сознаніе в необходимости надѣяться только на себя и рост вѣры в то, что возрожденіе Россіи и русскаго народа наступит.*

Таковы вкратцѣ «завоеванія октябрьской революціи» за пять лѣт ея существованія. О, еслибы не было ни этой революціи, ни ея завоеваній!

Питирим Сорокин.

Сельско-хозяйственная кооперація в современной Россіи.

(Общественная среда, состояніе, основныя потребности).

Печатныя и устныя извѣстія, которыя идут с Родины и рисуют жизнь с.-х. кооперации, представляют тройной интерес.

В состояніи кооперативнаго движенія видишь прежде всего отраженіе общаго состоянія русской жизни. Ищешь отвѣта на основные вопросы: начались ли процессы возстановленія народно-хозяйственной жизни? Кончился ли період распада соціальных скрѣп и распыленнаго состоянія общественных сил? Складываются ли в странѣ вновь очаги общественной жизни с коллективной работой мысли и об'единенными дѣйствіями воли? Нашлись ли среди измученнаго и кровью истекающаго населенія силы для соціальнаго творчества?

С.-х. кооперація не только симптом общаго состоянія русской жизни, она и крупнѣйшій фактор в жизни и судьбах крестьянскаго хозяйства. Прогрессивная эволюція послѣдняго невозможна внѣ развитой и дѣятельной с.-х. коопераціи. А без роста крестьянскаго хозяйства немыслим рост и всего народнаго хозяйства страны. В показаніях мертвых страниц и живых людей ищешь отвѣта поэтому и на другой ряд вопросов — в каком же состояніи находится этот народно-хозяйственный фактор в современной Россіи? Каков его об'ем, энергія дѣйствія, результаты, какія задачи ставятся перед ним его дѣятелями и в какой мѣрѣ онѣ реализируются?

Волнующе интересуют, наконец, и тѣ потребности, в удовлетвореніи которых нуждается с.-х. кооперація для своего безпрепятственнаго и быстраго роста. Если внѣ развитія с.-х. коопераціи не может быть возрожденія и под'е-

ма крестьянскаго хозяйства, а внѣ послѣдняго неосуществимо возстановленіе всей экономической жизни страны, то нужды с.-х. кооперацiи в современной Россiи выходят далеко за предѣлы интересов кооператоров-практиков или лиц, идейно связанных с кооперативным движенiем: онѣ представляют общую народно-хозяйственную важность и, слѣдовательно, широкiй общественный интерес. Уясненiе этих нужд с.-х. кооперацiи представляется поучительным: от них, устанавливаемых в процессѣ живой реальной работы и потому апробированных лучшим оцѣнщиком — жизнью, ждешь или поправок к сложившимся представленiям о важнѣйших потребностях русской жизни, или подтвержденiя их.

С.-х. кооперацiя вновь появилась в Россiи не со вчерашняго дня, она уже больше года живет и работает на виду у всѣх — срок достаточный, чтобы ожидать удовлетворенiя отмѣченнаго тройного интереса. Мы располагаем и необходимыми данными для полученiя отвѣта на тройной ряд поставленных выше вопросов; в нашем распоряженiи имѣются, во-первых, комплект весьма содержательнаго центральнаго органа с.-х. кооперацiи («Бюллетень Сельскосоюза») за перiод с 1 декабря 1921 года по 15 октября 1922 года, во-вторых — довольно длинный ряд встрѣч и разговоров с лицами, то и понынѣ работающими в с.-х. кооперацiи Россiи, то близко и недавно наблюдавшими ее.

I.

С.-х. кооперацiя Россiи, замиравшая вмѣстѣ с распадом всего народнаго хозяйства с 1918 года, была окончательно убита декретом 27 января 1920 года. Этот декрет лишил ее права на организацiонно-самостоятельное существованiе: с.-х. кооперативы и их союзы должны были стать подчиненными секцiями в соотвѣтственных потребительных обществах и их союзах. Смертельная сила этого декрета создавалась тѣм, что потребительныя общества и их союзы к этому времени были, во-первых, нацiонализированы, во-вторых, «большевизированы». Нацiонализацiя выразилась в уничтоженiи кооперативнаго принципа добровольнаго участiя членов в кооперативах и в замѣнѣ его началом обязательной приписки в с е г о населенiя к потребительным обществам, «большевизацiя» — в созданiи коммунистическаго большинства в правленiях союзов. Омертвѣнiе, поразившее потребительную кооперацiю, должно было перейти и на с.-х. кооперацiю, поскольку послѣдняя становилась составною и подчиненною частью первой. Так и случилось: со второй половины 1920 года с.-х. кооперацiя существовать почти перестала.

Формально-правовыя условiя для появленiя с.-х. кооперацiи снова в русской жизни были созданы четырьмя декретами 1921 года — 19 апрѣля, 17 мая, 26 iюля и 16 августа. Наиболѣе важным был послѣднiй: своим содержанiем он не только покрыл всѣ права, предоставленныя с.-х. кооперацiи предшествующими декретами, но даже значительно расширил их. По декрету от 16 августа с.-х. кооперацiя получила сумму прав, почти достаточную для ея **формально** безпрепятственнаго роста. Для союзов с районом дѣятельности больше губернiи был установлен, правда, трудный **разрѣшительный** порядок их открытiя, но и он не помѣшал появиться сначала Всероссiйскому союзу с.-х. кооперацiи, потом Центральному товариществу льноводов и коноплеводов и Центральному союзу картофельной кооперацiи.

Дѣйствительная правовая обстановка, в которой жила с.-х. кооперацiя, вовсе не была такой благопрiятной, как она опредѣлялась декретами. Произвол, остающiйся и понынѣ характернѣйшей принадлежностью совѣтскаго строя, много раз и тяжело поражал с.-х. кооперацiю. Никакое содержанiе

декретов от него гарантировало. Хотя «поправки» к декретам со стороны административной практики начались с первых же дней жизни возрождавшагося движенія, но формально правовыя условія для появленія с.-х. кооперации все же были созданы. В большом числѣ случаев они могли быть безпрепятственно реализованы. С.-х. кооперація воспользовалась ими, и в ея исторіи начался новый період.

Безконечно хуже была экономическая среда. Невѣжественная экономическая политика совѣтской власти сдѣлала ее для с.-х. кооперации весьма тяжелой. Назовем два элемента этой экономич. обстановки: разоренное и натурализованное крестьянское хозяйство и в конец разстроенное денежное обращеніе с безостановочно катившимся к нулевой цѣнности рублем.

Современное разореніе и натурализація крестьянскаго хозяйства Россіи — факт общеизвѣстный. Менѣе извѣстен и болѣе спорен размѣр разоренія и степень натурализаціи. Считаем поэтому интересным привести из «Бюллетеня» нѣсколько относящихся сюда цифр, обращающихся в кооперативной средѣ, сопоставив их с данными довоеннаго времени.

«Народный доход от сельскаго хозяйства Россіи (без Украины) в настоящій момент составляет около 1,5 милліардов золотых рублей *), а по цѣнам 1913 года около одного милліарда рублей **). В районѣ, к которому относятся эти цифры, насчитывается около 10 милліонов крестьянских хозяйств или около 53 милліонов земледѣльческаго населенія. Современный народный доход от сельскаго хозяйства по цѣнам 1913 года равняется, слѣдовательно, 100 золотым рублям на крестьянскій двор или 19 руб. на крестьянскую душу. В 1913 году этот доход стоял на высотѣ 270 руб. на двор или 51 рубля на душу. Паденіе продукціи сельскаго хозяйства выражается, таким образом, в 170 руб. на двор, в 32 рубля на душу или в 63% для обѣих единиц.

Понижение общей продукціи крестьянскаго хозяйства закономѣрно влекло за собой паденіе его товарности в гораздо большей степени. «Товарную часть дохода от сельскаго хозяйства можно исчислить приблизительно в суммѣ 75—100 милліонов золотых рублей»**). Если за вѣрную принять даже вторую — высшую — цифру, то и в этом случаѣ современная денежность крестьянскаго хозяйства выразится лишь 10-ю золотыми рублями на двор. В 1913 году она равнялась 90 золотым рублям. При паденіи общей продукціи крестьянскаго хозяйства меньше, чѣм в три раза, его товарность сократилась в девять раз.

Разореніе и натурализація крестьянскаго хозяйства вызывали для с.-х. кооперации два тяжелых слѣдствія: сокращеніе об'ема ея возможной дѣятельности и увеличенную трудность организовать и вести даже эту суженную работу.

Дѣятельность с.-х. кооперации всегда шла по трем **основным** руслам: 1) сбыт с.-х. продуктов в натуральном видѣ, 2) сбыт тѣх же продуктов с предварительной переработкой их, 3) снабженіе сельскаго хозяйства средствами производства. Об'ем кооперативной работы зависѣл, таким образом, во-первых, от «полнокровія» обслуживаемых крестьянских хозяйств, во-вторых, от степени их денежности. Понятен поэтому удар, наносимый с.-х. кооперации современным разореніем крестьянскаго хозяйства и его натурали-

---

*) От хлѣбных культур 900 милліонов рублей, от технических культур 200 милл. руб. и от животноводства около 400 милл. р.

**) Статья И. Жирковича — «Состояніе с.-х. кооперации в Россіи», Бюллетень № 21—22.

заціей: неизбѣжным являлось сокращеніе числа с.-х. кооперативов, количества членов в них, товарных оборотов и т. д.

Возрастала трудность веденія и этой сокращенной работы: истощенному и натурализовавшемуся хозяйству деревни было тяжело видѣлить из своего нищенскаго денежнаго дохода средства для членских и паевых взносов в кооперативы; взносы были под силу только **части** сельскаго населенія, и только **мелкіе** взносы; у возрождавшейся с.-х. коопераціи неизбѣжным дѣлался в таких условіях сильный недостаток оборотных средств. «Самый острый вопрос в работѣ союзных организацій», пишет В. Кильчевскій, пытаясь установить, «что заботит на мѣстах», — «несомнѣнно финансовый. Он висит над всѣми»*).

Создалась напряженная потребность в кредитѣ. «К кредиту сходятся всѣ нити с.-х. коопераціи», говорил в своем докладѣ Всероссійскому Агрономическому с'ѣзду профессор А. Мануйлов. «Это — центральный вопрос для ея возрожденія и развитія». Кредит стал в фокусѣ забот и в центрѣ усилій кооперативных дѣятелей.

Нужда в кредитѣ у с.-х. коопераціи была и прежде. Никогда она не была, однако, такой напряженной, как теперь, и никогда не была так бѣдна источниками ея удовлетворенія. Прежде нужда в кредитах обслуживалась кредитной коопераціей, государственным банком и в нѣкоторой мѣрѣ капиталистическими банками. Теперь два из этих источников исчезли — не было ни кооперативнаго, ни частнаго кредита. Остался один государственный банк. Его кредит был и недостаточен, и общественно — тяжел. Недостаточность опредѣлялась тѣм глубоким, длительным и все болѣе обостряющимся финансовым кризисом, в котором находилось и находится совѣтское государство.

Послѣднее не могло дать коопераціи кредит в необходимом для нея размѣрѣ. По вычисленіям проф. А. Мануйлова, чтобы довести работу и оборотныя средства с.-х. кооперацій Россіи (без Украины) до уровня 1917 года, в мартѣ 1922 года требовался кредит в 250 милл. золотых рублей. Между тѣм, по подсчетам проф. С. Первушина**), реальная цѣнность всѣх денежных знаков, находившихся в обращеніи, равнялась (в милліонах довоенных руб.):

в декабрѣ 1921 г. — 77,2,	в мартѣ 1922 г. — 34,6,
в январѣ 1922 г. — 64,0,	в апрѣлѣ » » — 27,1,
в февралѣ » » — 41,3,	в маѣ » » — 25,6,

Денежный кредит в необходимом размѣрѣ власть дать не могла. Невозможным для нея был и широкій товарный кредит, так как 1) продукція **всей** промышленности Россіи в 1921 г. исчислялась всего лишь в 450 мил. рублей, 2) товар, поскольку он находился в руках власти и вызывал спрос, «до зарѣзу» необходим был самой власти. Кредит, открытый Всероссійскому Центру с.-х. коопераціи («Сельскосоюзу»), не поднимался выше 1 милліона золотых рублей. Союзу приходилось отказываться «от сдѣлок, завѣдомо выгодных по своим перспективам» ***).

Тяжесть государственнаго кредита заключалась в том, что исключительная и напряженная зависимость с.-х. коопераціи от государственнаго банка влекла за собой усиленную зависимость коопераціи и от государственной власти, т. е. от коммунистической партіи. Послѣдняя получала в свои руки могущественное средство давленія на с.-х. кооперацію, даже без формальнаго

*) Бюллетень, № 10.

**) «К вопросу о современном кризисѣ сбыта в Россіи», Бюллетень № 14.

***) «Производственныя задачи в современных условіях», Бюллетень № 5. Ст. М. Нерсесова.

нарушенія ея прав, установленных декретами. Коммунистическая партія использовала это оружіе.

С.-х. кооперація попыталась возстановить кредитно-кооперативный аппарат, надѣясь при его помощи усилить свои оборотныя средства. По ея настоянію был издан декрет, которым кредитная кооперація призывалась снова к жизни. Попытка, однако, результатов не дала. И не могла дать. Три причины препятствовали полученію ожидавшагося эффекта: 1) у сельскаго населенія почти не было средств, ибо бумажныя деньги, выручаемыя за с.-х. продукты, оно немедленно переводило в нужные ему предметы личнаго и производственнаго потребленія, 2) пассивныя операціи кредитных кооперативов в условіях безостановочно и быстро обезцѣнившагося рубля в сельской обстановкѣ Россіи почти невозможны, 3) в населеніи отсутствовало, вѣроятно, важнѣйшее условіе для существованія организованнаго и развитаго денежнаго кредита — довѣріе к власти, вѣра в прочность ея экономической политики и в длительность ея самых торжественных декларацій и обязательств. Циническую ложь, лицемѣріе и невѣжество совѣтской власти населеніе не могло забыть, тѣм болѣе, что эти свойства власти были не только в недавнем прошлом, но проявлялись и в настоящем.

Затруднял работу с.-х. коопераціи и падающій рубль. Он стремительно катился к нулю. Уровень цѣн на Московском рынкѣ на 1-ое число каждаго мѣсяца, по сравненію с цѣнами 1913 года, принятыми за единицу, равнялся:

сентябрь 1921 г.	— 58.090,	февраль 1922 г.	— 720.385,
декабрь » »	— 129.073,	март » »	— 1433.825,
январь 1922 г.	— 276.013,	апрѣль » »	— 2789.142,

май 1922 года — 4.750.900.

В этой обстановкѣ денежнаго хаоса населеніе не могло быть склонным к товарным операціям, которыя связывались с болѣе или менѣе длинными промежутком между сдачей продуктов и окончательным расчетом за них. Между тѣм, с.-х. кооперація при нормальных методах ея работы (комиссіонный сбыт) требовала такого промежутка, ибо полную расплату она могла учинить только послѣ сбыта собранных ею от членов товаров. Конкуренція с частно-торговым капиталом, учинявшим немедленный и полный расчет за принятые с.-х. продукты, для коопераціи отягчалась. Перед нею становилась тяжелая альтернатива: или сохранять вѣрность своим здоровым принципам работы и тѣм значительно сузить и без того узкій круг своих товарных операцій, или стремиться к увеличенному об'ему операцій, производить покупку продуктов за твердый счет и утерять свое кооперативное «лицо». С.-х. кооперація пошла вторым путем, вводя поправку на кооперативность в видѣ готовности выдать доплату, если она окажется возможной послѣ реализаціи купленных продуктов.

Валютный хаос мѣшал установленію опредѣленности денежных обязательств между кооперативами разных степеней и их членами при вступительных и паевых взносах. Первоначально принятый способ установленія взносов в совѣтских рублях скоро показал свою полную непригодность, и большинство союзов перешло на взносы, исчисленные в золотом рублѣ, или в натурѣ. Мы нашли свѣдѣнія о взносѣ зерном, мукою, льном, пенькою, виноградным вином и другими продуктами.

Наряду с натурализаціей взносов в кооперативы — натурализовались и торговыя операціи, и ссуды, и вклады. Страницы «Бюллетеней» пестрят такими фактами. Стремительно падающій рубль перестает выполнять свою соціально-экономическую функцію мѣрила цѣнностей, и он вытѣсняется из

экономических отношеній. Даже «Сельскосоюз» вынужден переходить на прямой обмѣн товара на товар, хотя это сильно сужает и замедляет его торговыя операціи. Натурализуется жалованье служащих. В отчетах мѣстных союзов встрѣчается выраженной в пудах зерна даже прибыль. В результатѣ — торговая дѣятельность коопераціи сильно депрессирована.

Мѣшала работѣ с.-х. коопераціи политика и поведеніе Комиссаріата Внѣшней Торговли. Права самостоятельнаго и свободнаго выхода на міровой рынок у коопераціи не было. Продажа за-границу могла происходить только через «Комвнѣшторг», пользующійся заслуженною славою самого вороватаго и недѣлового вѣдомства Р. С. Ф. С. Р. А нужда в свободном выходѣ на міровой рынок у с.-х. коопераціи была огромна. Его требовали и сбыт продуктов крестьянскаго хозяйства, и производственное снабженіе послѣдняго. В выходѣ на міровой рынок прежде всего нуждался лен, явившійся товаром крупнаго значенія в работѣ с.-х. коопераціи. За сезон 1921—22 г. он был собран кооперативным аппаратом в количествѣ 523 тысяч пудов, причем больше половины (286 тыс. пудов) было передано «Сельскосоюзу».

К августу 1922 г., т. е. долго спустя послѣ конца льняного сезона, «Сельскосоюз» смог отправить за-границу только 5%.

На русском рынкѣ реализовать лен не стоило: по подсчетам И. Жирковича, цѣна льна на внутреннем рынкѣ увеличилась против 1913 года только в 1.857.430 раз, между тѣм как цѣна на рожь поднялась в 5.065.217 раз: по сравненію с рожью, лен, таким образом, обезцѣнился втрое. Продавать лен на внутренем рынкѣ значило принимать участіе в дѣлѣ, которым годы занималась невѣжественная совѣтская власть, — разореніем льновода и убійством в крестьянинѣ стимулов к льняной культурѣ. Надо было идти со льном на внѣшній рынок. Но на пути к нему лежали ущелья и дебри «Комвнѣшторга», в которых грабили всякаго, попадавшаго в них, и губили даже самое живое и вѣрное дѣло.

«Комвнѣшторг» погубил и сбытово-яичныя операціи с.-х. кооперативов. «Яичный рынок», поэтически пишет в своем отчетѣ животноводственный отдѣл «Сельскосоюза», «как бы задыхается в душных рамках внутренней атмосферы и естественно ищет выхода на необ'ятный простор заграничных рынков... Возбуждено было ходатайство перед Н. К. В. Т. (Комвнѣшторг) о предоставленіи «Сельскосоюзу» права этого экспорта в количествѣ 10-15 вагонов, главным образом, в обмѣн на заграничныя принадлежности молочнаго хозяйства, с помощью собственнаго аппарата «Сельскосоюза». Но Н. К. В. Т. не нашел возможным предоставить свободный экспорт яиц, запросив **десять процентов** комиссіоннаго вознагражденія». С.-х. кооперація не могла пойти на эти условія. А в концѣ сентября, когда яичный сезон кончился, Н. К. В. Т. «разрѣшил Сельскосоюзу экспортировать любое количество вагонов яиц. Однако, разрѣшеніе поступило слишком поздно, чтобы экспортные районы могли воспользоваться им»... Нужное дѣло было погублено комиссаріатом Воровства.

Монополія распространялась не только на внѣшній рынок; важнѣйшие из предметов внутренняго товарооборота — хлѣбные продукты — фактически оказались также в монопольном владѣніи коопераціи, наиболѣе близкой коммунистической власти — потребительской. Никакого правового основанія под этой монополіей не было. Она создалась и проводилась явочным порядом и оттого, однако, не сдѣлалась менѣе дѣйствительной.

Укажем, наконец, еще на одну особенность среды, в которой снова начала жить и работать с.-х. кооперація — это отношеніе к ней населенія.

Политика власти, разрушавшая в недавнем прошлом кооперацію Россіи и тѣм наносившая чувствительный вред каждому участнику кооперативнаго движенія, была населенію памятна. В прочность новой политики власти оно не вѣрило. С его стороны было естественно поэтому проявленіе опаски и недовѣріе к возрождающимся кооперативным организаціям. В сводном обозрѣніи мѣстной кооперативной жизни В. Кильчевскій пишет: «сообщенія с мѣст отмѣчают, что отношеніе к коопераціи еще не установилось окончательно. В рядѣ мѣстностей отношеніе сдержанное, опасливое, предпочитают работать в одиночку, старые кооператоры не идут».

Такова в общих и важнѣйших чертах сложная обстановка — правовая, экономическая и общественная, в которой с.-х. кооперація должна была сызнова начинать свою жизнь. Обстановка отягчалась еще растройством парового транспорта,*) почтовых сношеній, «налогоманіей», безчисленными случаями то замаскированнаго, то цинично-наглаго вторженія власти в кооперативную работу и т. д. Существовали только два обстоятельства, которыя помогали коопераціи преодолѣвать препятствія, стоявшія на пути ея возрожденія, и, несмотря ни на что, все-таки жить и рости.

Первое из них кроется в современной психологіи русскаго общественнаго дѣятеля. Оно выражается в настоятельной и глубокой потребности **живого, творческаго** дѣла, которое сначала вклинилось бы в процессы всеобщаго распада и разрушенія, а потом и смѣнило бы их. Всѣ имѣющіяся свидѣтельства настойчиво указывают на эту черту психологическаго под'ема и общественнаго воодушевленія, внесенную в ежедневную дѣловую работу. Было горѣніе, был энтузіазм. За період разгрома русской жизни силы не исчезли, не упали, и онѣ радостно были брошены в работу, как только для нея открылась возможность.

Стоит внимательно пересмотрѣть «Бюллетень», стоит послушать работающих в современной с.-х. коопераціи и близко наблюдавших ее, чтобы отмѣчаемая особенность в работѣ кооперативных дѣятелей выступила безспорно и четко. Характерна эта неудовлетворенность кооператоров обычными торговыми операціями и их напористое стремленіе подойти к производственным процессам, чтобы их поднять, расширить и продлить до выработки послѣдних фабрикатов. Характерна эта попытка ввести в кооперативный товарооборот новые, ранѣе отсутствовавшіе в нем предметы в видѣ лѣкарственных трав, виноградняго вина, рыбы, живого — рабочаго и продуктивнаго — скота, извести, фосфоритов и т. д. Характерны попытки организовать сѣмеочистительныя станціи, пункты первичной обработки льняного волокна, характерно созданіе при с.-х. союзах агрономических отдѣлов, стремленіе доставлять крестьянскому хозяйству прежде всего предметы производительнаго потребленія и четко выступающая неудовлетворенность работой при невозможности реализовать это желаніе в силу истощенности соотвѣтственнаго рынка. Несмотря на острый недостаток средств у коопераціи, она продолжала постройку крупнаго механическаго картофелеосушительнаго завода (в Ростовском районѣ), произвела постройку рыбоосушительных и рыбокоптильных заводов

*) Для характеристики состоянія современнаго транспорта приведем факт, сообщаемый отдѣлом снабженія «Сельскосоюза»: партія недостающих частей к плугам Брянскаго завода (тоже характерный факт: Брянскій завод по заказу «Сельскосоюза» изготовил ему около 3.500 плугов, но отправил их без 6.184 частей) от Брянска до Москвы (365 верст) шла 62 дня, т. е. менѣе *6 верст* в сутки.

(Новгородскій район), производила стройку мельниц, картофельных заводов, починочных мастерских для с.-х. инвентаря, кожевенных заводов и т. д.

Второе благопріятное обстоятельство заключалось в том, что с.-х. кооперація **возрождалась,** а не появлялась впервые. Она начинала свою работу не на «диком полѣ», а на почвѣ уже вспаханной и удобренной. У нея были фонды, накопленные в предшествующей работѣ, — матеріальные, духовные и общественные.

На основаніи декрета 4 декабря 1921 г., устанавливавшаго порядок возвращенія прежним владѣльцам их предпріятій, с.-х. кооперація получила возможность взять в свои руки значительную часть ея прежняго имущества — главным образом недвижимаго. Правда, предпріятія возвращались к кооперации неузнаваемыми, но и в своем разоренном видѣ они имѣли значительную цѣнность. Накопленные прежде духовные фонды заключались в кооперативных знаніях, навыках и умѣніях дѣятелей коопераціи. Общественные фонды коопераціи заключались в сложившемся ранѣе кадрѣ ея работников, а также в знакомствѣ с нею со стороны населенія. Политика власти, как указано выше, породила в населеніи осторожно-недовѣрчивое отношеніе к возрождающейся коопераціи, но недовѣріе питалось не коопераціей самой по себѣ, не незнакомством с ней, а неопредѣленностью и неустойчивостью современной правовой обстановки и свойствами большевистской государственной власти. Общественные фонды выражались затѣм и в многочисленных кооперативных организаціях, которыя за годы разгрома властью замерли, почти или вовсе бездѣйствовали, но совершенно все же не исчезли. Огонек жизни в них тлѣл, и он вспыхнул, когда пришла пора.

2

Что же дѣлала, что сдѣлала, как развернулась с.-х. кооперація в трудных условіях своего новаго періода жизни?

Имѣющіяся свѣдѣнія относятся к трем различным степеням кооперативных организацій — к первичным кооперативам, их союзам (мелко- и крупно-районным) и к всероссійскому центру — «Сельскосоюзу». Чѣм ниже спускаемся мы с вершины кооперативной лѣстницы, тѣм скуднѣе матеріал. С наибольшей полнотой он освѣщает дѣятельность «Сельскосоюза», с меньшей — работу мѣстных союзов и с наименьшей — жизнь первичных ячеек. Характеристика кооперативной жизни остается, однако, возможной для всѣх трех этажей. Начнем с перваго из них.

К 1 іюля 1922 года, по подсчетам статистико-экономическаго подотдѣла «Сельскосоюза», с.-х. кооперативов первой степени в Россіи (без Украины) было 16.667*). Ими было об'единенно около 2.300.000 крестьянских хозяйств. Эти цифры подотдѣлом считаются преуменьшенными, так как учитывались,

---

*) На Украинѣ имѣется около 6.500 кооперативов сельско-хозяйственных и кустарно-промысловых. В Россіи без Украины число кустарно-промысловых артелей исчислялось на 1. XII. 1921 года в 4.486. Во всей современной Россіи бесспорно имѣется, таким образом, свыше 27.500 кооперативов. Сюда надо прибавить еще, частично или полностью, не вошедшіе в этот итог лѣсорубочныя артели, земледѣльческія артели, с.-х. общества и другіе «несоюзженные» кооперативы. Общее число всѣх кооперативов без казенных потребительных обществ должно опредѣляться какою-то цифрою между 35 и 40 тысячами.

повидимому, только кооперативы, входящіе в союзы. Кооперативы, не об'единенные союзами, в подсчет, повидимому, не вошли. Подсчет велся при посредствѣ мѣстных союзов, но полных свѣдѣній даже о союзах (и даже о числѣ их) подотдѣл не имѣл.

По типам, 16.667 кооперативов распредѣляются так:

с.-х. товарищества	9.244	55,4%
кредитныя товарищества	616	3,7%
маслодѣльныя и сыроваренныя артели .	1.753	10,6%
прочіе с.-х. кооперативы	5.054	30,3%
	16.667	100 %

В таблицѣ бросается в глаза ничтожное количество кредитных кооперативов: их всего на всего 616 или 3,7%, между тѣм в 1917 году среди 27.500 кооперативов с.-х. значенія их было около 16.000 или болѣе 58%. С другой стороны, с.-х. товарищества, имѣвшіяся в 1917 г. в количествѣ 2.500, теперь увеличились до 9.244. Разница об'ясняется тѣм, что еще в 1920 году кредитные кооперативы начали переходить на устав с.-х. товариществ — в эту сторону толкал их декрет, ликвидировавшій кредитную кооперацію, и отмираніе в быстро-разрушавшейся экономикѣ страны организованно-кредитных операцій. В 1921 и 1922 гг. этот процесс преобразованія замерших кредитных кооперативов в с.-х. товарищества шел усиленно. Почти всѣ сообщенія о жизни на мѣстах говорят об использованіи современным кооперативным движеніем остатков организованных ячеек прежняго времени — по преимуществу кредитных. Только одним общественным фондом, полученным современностью от прошлой жизни, и можно об'яснить такое колоссальное количество первичных организацій, создавшихся послѣ одного года жизни с.-х. кооперации.

Важность наслѣдства от прошлаго не надо, однако, преувеличивать. Оно во всяком случаѣ не должно затѣнить громадную работу, требовавшуюся для превращенія почти безжизненных и разсыпанных по странѣ остатков прошлаго в дѣятельно-дѣйствующій общественный организм современности. К тому же значительное число кооперативов возникло впервые.

В таблицѣ интересна группа «прочих с.-х. кооперативов». Охватывая почти третью часть всѣх учтенных организацій, она скрывает в себѣ новообразованія, неизвѣстныя или почти неизвѣстныя ранѣе. В нее входят трудовыя лѣсопромышленныя артели, контрольныя товарищества, союзы скотоводов, кооперативы виноградарей, меліоративныя товарищества, земледѣльческія артели (садовыя и огородныя, по совмѣстной обработкѣ земли, с полным земледѣльческим хозяйством), кооперативы посѣвщиков сахарной свекловицы, мельничныя товарищества, рыболовныя артели и т. д. Сюда же относятся извѣстные и раньше кооперативы по сушкѣ и переработкѣ овощей и картофеля, товарищества пчеловодов и т. д.

Современные кооперативы мельче прежних: в 1917 году 27.500 кооперативов с.-х. значенія об'единяли 13,5 милліонов крестьянских хозяйств, т. е. на 1 кооператив приходилось 491 хозяйство, теперь в кооперативѣ их только 138. Помимо указаннаго уже вліянія общественной обстановки, на измельчаніе средняго кооператива дѣйствовала и организаціонная перемѣна в преобладающем типѣ кооператива: раньше им было кредитное товарищество, не требовавшее от членов никаких взносов, теперь им сдѣлалось паевое с.-х. товарищество.

Свѣдѣнія о характерѣ дѣятельности первичных кооперативных ячеек имѣются только по 6 губерніям.

Из 70 товариществ, входившихъ в Козловскій союз, 12 или 18% были «наиболѣе активными, с явным уклоном в производственную дѣятельность», 16 или 24% были «активными, но производственная работа в них менѣе развита, чѣм торговая», 30 товариществ или 44% были «малоактивными, исключительно с торговыми операціями» и 12 товариществ или 18% были «не проявляющими жизни, так сказать, мертвыми». Среди кооперативов Козловскаго района, 5 имѣли свои земельные участки, при 7 были случные пункты, при 8 — прокатные пункты земледѣльческих орудій; 30 организовали кооперативную переработку молока, из них 13 работу уже наладили; 7 арендуют сады с площадью в 4½ десятины; 4 арендуют общественныя водяныя мельницы; при 3 товариществах организуются скотоводческіе и коневодческіе союзы.

В Орловской губерніи «общее впечатлѣніе от дѣятельности с.-х. товариществ то, что большинство из них переживает еще період организаціоннаго строительства и еще не успѣло и отчасти не сумѣло развернуть работу достаточно широко». Однако, «рядом товариществ предприняты практическія мѣры к организаціи прокатных пунктов, случных пунктов и показательных участков». Намѣчена «организація собственных предпріятій — кирпичных заводов (15 товариществ), черепичных мастерских (7 товариществ), мельниц (5 товариществ), мастерских пенько-прядильных (2 товарищества), овчинных (2 товарищества), ремонтно-починочных (2 товарищества), бондарной, гончарной (2 товарищества) и маслобойнаго завода (1 товарищество)».

В Гжатском уѣздѣ (Смоленской губ.) имѣется 30 с.-х. товариществ. В ноябрѣ 1921 года в них было 560 членов, к 1-му марта 1922 года число членов поднялось до 992. Одиннадцать товариществ из 30 имѣют собственныя предпріятія: 9 кузниц и 3 мельницы (с механическими двигателями). Оборудуются еще 5 мельниц — также всѣ с механическими двигателями. В 23 товариществах имѣются прокатные пункты земледѣльческих орудій и при 22 зерноочистительные пункты. За весну и осень 1921 г. на них отсортировано до 35 тысяч пудов зерна, преимущественно ржи. При 3-х товариществах организованы случные пункты — один конскій, два бычьих. Имѣется мелко-районное об'единеніе из 5 товариществ, перешедшее к настоящему от прошлаго, с мельницей и маслобойным заводом. Мельница в 1922 году сгорѣла, но через два мѣсяца, при дружной поддержкѣ населенія, она была вновь возстановлена.

В Курской губ. «наиболѣе типичными операціями с.-х. товариществ являются — а) заготовка для союза продуктов сельскаго хозяйства, б) закупки для членов кустарных издѣлій, пиленнаго лѣса и с.-х. орудій, в) производственныя операціи (ремонтныя мастерскія, кирпичные заводы, предполагаются торфяныя разработки), г) организація случных пунктов, аренда садов и огородов, сѣменных хозяйств».

В Витебской губ. из 217 с.-х. товариществ «46 поставили себѣ производительныя задачи: аренда совхозов, садов, мельниц, сѣменоводство, пчеловодство, прокатные пункты и т. д.».

В районѣ Южно-Кубанскаго с.-х. союза «товарищества заводят собственные посѣвные участки (в 20-30 десятин), сбор с которых поступает в фонд товарищества».

В Петроградской губ. «кромѣ снабженія населенія с.-х. орудіями, сѣменами и удобреніями, задачей товариществ является культурно-просвѣтительная работа: распространеніе с.-х. знаній... К сожалѣнію работа этого рода

ведется только 12% товариществ*), да и тѣ ведут ее в самом незначительном масштабѣ, случайно, отрывочно. Товарищества сознают, что распространеніе с.-х. знаній желательно и полезно; они даже начинают вести с «Трудсоюзом» переговоры о присылкѣ лекторов, но выясняющіеся расходы останавливают их благія намѣренія».

Современные с.-х. кооперативы, как правило, строются интегральными. В спеціальные кооперативы не выдѣляются даже кредитныя операціи, поскольку их пытаются ставить. За интегральность высказался «Сельскосоюз»; за нее же высказываются и мѣстные союзы.

Среди организаціонных новостей в современной с.-х. кооперации наиболѣе интересной является появленіе среди обычных кооперативов земледѣльческих артелей: на 1-ое января 1922 г. онѣ среди первичных кооперативных ячеек, охваченных через мѣстные союзы «Сельскосоюзом», составляли 12%. Выдержками из черезвычайно красочной статьи о них по одной губерніи мы и закончим использованіе матеріалов о «низовой» коопераціи. Статья принадлежит Г. Ушакову и описывает артельное движеніе в губерніи, которая в истекшем году наиболѣе волновала русское сердце тяжелым бѣдствіем, выпавшим на ея долю. Это губернія Самарская. Статья достойна тѣх длинных цитат, которыя мы сдѣлаем: она до увлекательности красочна и ярко характеризует состояніе духа деревни — бодрое, ищущее, творческое. Даже в Самарской губ., перенесшей нечеловѣческіе ужасы.

«Самарская губернія охвачена настоящей кооперативной горячкой. Пройдя через всю губернію, мы не встрѣтили ни одного села, гдѣ бы артельное движеніе не было представлено в той или иной степени, и не нашли ни одной избы, гдѣ бы об артелях не говорили, не думали, не спорили — то злобно и недовѣрчиво, то восторженно и с увлеченіем»... Голод 1921-22 года вымел из Самарской губерніи «богатѣев» и «деревенскую нестроевщину». «Под удары несчастья предстали середняки, тѣ, для которых хлѣб — все и, кромѣ землепашества, нѣт ничего. Они полегли костьми там, гдѣ схватки были жаркія и не хватило поддержки, и устояли, гдѣ можно было устоять... Устоявшее «середнячество» и питает артельное движеніе Самарской губ. Каковы его размѣры? Нѣт ни общегубернской сводки, ни данных по уѣздам. Но перед нами доклады правленій Пугачевскаго и Балаковскаго союза и докладная записка Б. Грушицкаго союза. Из этих документов мы видим, что членами Б. Грушицкаго союза состоит около 20 артелей, Балаковскаго — 100; в Пугачевском союзѣ на 1 января 1922 г. 32 артели с 547 членами, на 10 мая — 133 артели с 2.212 членами. Всего по трем союзам около 250 артелей». «А в то же время число с.-х. товариществ в Пугачевском союзѣ осталось почти прежним: 1 января 1922 г. — 42 с 6.641 членами, 10 мая — 45 с 6.794 членами... Артели растут, как грибы, и растут сами собой никѣм ни пропагандируемыя, ни инструктируемыя». «Почему случилось так, а не иначе, почему воспрянувшее крестьянство ударилось в артельную кооперацію, а не во что-нибудь другое? Повидимому, потому, что опыты артельной работы самарское крестьянство уже имѣло. Артельное движеніе в Самарской губ. зародилось не этой весной, а нынче лишь вспыхнуло «бурей и натиском». Артели, возникшія в прошлом году, дали прекрасные результаты. Крестьяне - артельщики сберегли свои хозяйства, а убыль населенія за голодный год не превышает в артелях 6%; это в то время, как в окружных селах % вымиранія доходил до 70».

*) Всего в Петроградской губерніи 227 с.-х. кооперативов, не считая чисто огородных артелей.

«Земледѣльческія артели Самарской губерніи... представляются нам кооперативными образованіями универсальнаго типа, но отнюдь не полными земледѣльческими артелями. Эти артели, по преимуществу, полеводственныя и животноводственныя. § 19 устава артелей говорит: «всѣ члены артели остаются собственниками своих индивидуальных имуществ, в чем бы они ни заключились, и распоряжаются ими по своему усмотрѣнію». По § 2 — «артель устанавливает устойчивое отношеніе к опредѣленной, подлежащей разработкѣ площади земли в предѣлах дѣйствующих законоположеній; для организаціи культурных хозяйств на особых участках вводит правильный сѣвооборот и переходит на многопольную систему полеводства». «Земельный вопрос — первая забота артельнаго движенія. В формѣ артельнаго движенія стихійно выливается давно назрѣвшая у мѣстнаго населенія потребность разселенія из огромных многотысячных сел в мелкіе поселки... Но за землеустроительным вопросом стоит ряд других. В доказательство сошлемся на слѣдующіе абзацы 2-го параграфа устава и на наши наблюденія. Весь второй параграф слишком длинен, чтобы приводить его цѣликом, но в нем говорится: о пріобрѣтеніи в общее пользованіе инвентаря, рабочаго скота, сѣменного матеріала и пр., об изысканіи кредита, сооруженіи зернохранилищ, зерносушилок и пр., о библіотеках, школах и пр...» — Предсѣдателю одной мордовской артели автор задал вопрос: «чего они хотят со своими артелями?» и получил отвѣт: «Есть у нас в соображеніи три ступеньки: первая — это чтобы была малая кучка людей, чтобы обо всем столковаться можно было, и чтобы земля к одному мѣсту... Вторая — это чтобы орошеніе, скот племенной, двигатель на плантацію, словом, интенсификація... Третья — чтобы ребят учить, и агроном свой». Предсѣдателя другой артели автор встрѣтил на дорогѣ. «Он сидѣл над обрывом над рѣкой Иргизом, сушил на солнцѣ онучи и жевал кукурузныя лепешки, запивая водой. — В Пугачев ходил, учителя нанимать. — На что он вам? — Артельно рѣшили ребят учить с осени. — Ну, и что же учитель? — Шесть пудов, подлец, запросил. — Значит, не выгорѣло? — Коль уродит — непремѣнно»... «Чаянія деревенских идеологов артельнаго движенія жизнь цѣликом оправдывает. Мы имѣли возможность в этом убѣдиться, наблюдая тѣ артели, которыя возникли раньше и теперь с вопросами землеустройства уже покончили, и тѣ, которыя землеустраиваются сами: выдѣляются с разрѣшенія общества, мѣряют сами землю. Тѣ и другія рѣшительно не хотят останавливаться на первом абзацѣ 2-го параграфа и упорно стремятся дальше».

Странное впечатлѣніе производит эта Самарская губернія: только что по ней пронесся страшный соціальный смерч, унесшій в могилу сотни тысяч людей и доводившій населеніе до убійства для пищи своих и чужих дѣтей, а уже идет стройка, откуда-то силы взялись, стремительно растет новое общественное движеніе.

Такое же ощущеніе остается и от всей Россіи, когда знакомишься с ея кооперативным движеніем: послѣ двух десятков милліонов потерянных жизней, послѣ всеобщаго разгрома, всяческих лишеній, жесточайшаго издѣвательства власти, в пору еще длящагося политическаго террора, жизнь уже пускает новые ростки — свѣжіе и сильные. Это ощущеніе ростков, тянущихся из-под груд мусора к верху, создаваемое знакомством с дѣятельностью первичных кооперативных ячеек, усиливается, когда от них переходишь в слѣдующіе этажи кооперации — к кооперативным союзам, мѣстному и центральному.

3.

К 1-му сентября 1922 года кооперативных союзов — с.-х. и смѣшанных (с.-х. и кустарно-промысловых) в Россіи без Украины было 288. *) По району своей дѣятельности они распредѣлялись слѣдующим образом: губернских — 53, районных — 180, мелко-районных (уѣздных и волостных) — 55. До перваго декрета (17 мая 1921 г.), открывшаго період возстановленія с.-х. кооераціи, союзы имѣлись в ничтожном числѣ — от 10 до 20. Послѣ декрета их рост усиливается. По данным о времени возникновенія 140 союзов, они появились в слѣдующіе періоды:

за май—іюнь	1921 г.	12	союзов
за іюль—август	„ „	56	„
за сентябрь—октябрь	„ „	38	„
за ноябрь—декабрь	„ „	17	„
за январь—іюнь	1922 „	17	„

Общее число кооперативов в 288 союзах исчисляется в 19.273, а без кустарно-промысловых — в 16.667. Один союз об'единяет в среднем только 67 кооперативов. Эта цифра, однако, мало показательна, ибо она охватывает союзы с весьма рзличными рйонами дѣйствія — губернскіе, районные и участковые. Цифра, кромѣ того, и не вѣрна, так как кооперативы, входящіе в союзы высших ступеней не непосредственно, а через союзы низших степеней, при опредѣленіи величины губернских и районных союзов, не учитывались... Надо бы было вывести среднее число об'единенных кооперативов для каждаго из трех типов союза в отдѣльности. Имѣющіяся в «Бюллетенѣ» данныя не позволяют сдѣлать это: вывести среднюю возможно только для мелко-районных союзов. Эта средняя не высока: к іюлю 1922 года она равнялась 51 кооперативу на один союз. Добавим, однако, что за год работы и жизни с.-х. кооераціи средняя поднялась значительно: в концѣ августа 1921 г. всѣ 51 союз с.-х. и смѣшанной кооперацій об'единяли всего-навсего около 600 кооперативов первой степени; на один союз приходилось, таким образом, лишь 12 кооперативов...

Как можно было бы предполагать à priori, союзы чисто с.-х. кооперацій мельче, чѣм союзы смѣшанные, включающіе в свой состав и кустарно-промысловые кооперативы и с.-х.: смѣшанным мелко-районным союзом в среднем об'единено 55 кооперативов, а чисто с.-х.-ным — 46 кооперативов.

Среднее число крестьянских хозяйств, об'единенных мелко-районным союзом, равнялось 4.202, при чем для чисто с.-х. союза оно опускалось до 3.021 двора, а для смѣшаннаго подымалось до 5.051 двора.

Всероссійских с.-х. союзов к октябрю было три: Всероссійскій союз с.-х. кооперацій (Сельскосоюз), Центральный союз льноводов и коноплеводов (Льноцентр) и Центральный союз картофельной кооперацій (Союзкартофель). Два послѣдних возникли уже в концѣ періода, охватываемаго нашими матеріалами (Льноцентр — в серединѣ августа 1922 г., Союзкартофель — в сентябрѣ 1922 г.). Об их работѣ сказать еще нечего. Можно говорить только

*) На Украинѣ было около 130 союзов. Общее число узлов, связывающих кооперативныя ячейки, во всей странѣ превышает, таким образом, 400.

об их планах. «Сельскосоюз» отпраздновал уже годичный юбилей своей работы и жизни. У него не только планы на будущее, но и не малая работа в прошлом.

«Если пытаться дѣлать заключеніе о направленіи хозяйственной работы союзов», пишет в 10 номерѣ «Бюллетеня» В. Кильчевскій, «то общій тон отзывов и данных говорит о том, что работа эта задѣвает поверхностно хозяйство населенія, касается второстепенных и третьестепенных его нужд, основныя же нужды — в с.-х. орудіях, машинах, инвентарѣ, сѣменах удовлетворяются в минимальной степени или остаются вовсе без удовлетворенія». В другом мѣстѣ тот же автор, пытаясь опредѣлить основное русло в дѣятельности кооперативов, констатирует, что оно направляется «в сторону неожиданную — в сторону **сбыта:**» кооперативы и их союзы ищут напряженно вокруг предметы сбыта, чтобы обзавестись денежными знаками, необходимыми для их существованія.

Характеристика и вѣрная, и невѣрная. Она правильно отражает дѣйствительность, утверждая, что с.-х. кооперація задѣвает крестьянское хозяйство лишь поверхностно. Иначе не может и быть: при современной нищетѣ крестьянскаго хозяйства и при его огромнѣйшей потребности в необходимѣйших предметах производства — с одной стороны, а с другой при трагически-ничтожных средствах для удовлетворенія этой нужды, которыми обладает с.-х. кооперація, вліяніе послѣдней не может не быть поверхностным. Нѣт ничего «неожиданнаго» и в том, что дѣятельность коопераціи идет прежде всего в сторону сбыта,—кооперація с.-х. значенія всегда шла преимущественно по этому пути; его неизбѣжность теперь повышается, ибо нѣт кредита и, слѣдовательно нѣт возможности заняться снабженіем крестьянскаго хозяйства за счет посторонних, со стороны привлеченных средств.

Характеристика невѣрна, поскольку она содержит в себѣ (если содержит), указаніе на отсутствіе вниманія с.-х. коопераціи к проблемам снабженія. Из обзора печатных матеріалов и устных свидѣтельств нам положеніе вещей представляется прямо обратным: заботы о возстановленіи крестьянскаго хозяйства, вниманіе в сторону с.-х. **производства** никогда не выступали в жизни нашей коопераціи с такой отчетливостью и такой напряженностью, как выступают они теперь. Фактов много. Мы видѣли выше интерес с.-х. товариществ Орловской губ. к организаціи показательных участков. Орловскій с.-х. союз реагирует на этот интерес товариществ порученіем своему с.-х. отдѣлу «провести цѣлый ряд мѣропріятій по организаціи опытно-показательных участков в с.-х. товариществах — членах союза». Орловскій союз не одинок. В статьѣ Л. Шлыкова (Бюллетень, № 17) констатируется, что 68% союзов «в той или иной степени организовали у себя агрономическую помощь». В остальных союзах агрономическаго аппарата нѣт только по временным и внѣшним причинам: «80% союзов, не организовавших у себя агрономической помощи населенію, указывают, как на причины этого, на отсутствіе средств и агрономическаго персонала». Сознаніе обязательности таких отдѣлов в союзах есть. Отвѣчая на эту сторону в дѣятельности мѣстных союзов, «Сельскосоюз» организовал агрономическій отдѣл и у себя*). Выраженіем чего иного,

---

*) На службѣ в 24 союзах находилось 37 агрономов. Союзы работали во всѣх областях сельскаго хозяйства: в области полеводства — 13, луговодства — 3, огородничества — 4, садоводства — 3, лѣкарственных растеній — 2, животноводства — 10, распространенія с.-х. знаній — 8, организаціи

как не рѣзкаго **производственнаго** уклона в дѣятельности современной с.-х. кооперации Россіи, является этот факт сравнительно развитой агрономической работы мѣстных союзов!.. А рядом с ним стоят аналогичные другіе. Ряд союзов ввел в круг своей дѣятельности снабженіе населенія скотом — рабочим и пользовательным. Другой ряд прилагает дѣятельныя усилія для организаціи в своем районѣ прокатных и случных пунктов. Почти всѣ союзы снабжают товарищества посѣвными сѣменами и почти у всѣх стремленіе к организаціи собственных сѣменных хозяйств *) В сообщеніях об отдѣльных союзах перед нами шеренгой идут факты, говорящіе о попыткѣ союзов то поставить свою переработку фосфоритов в удобрительную муку, то завести питомник для выращиванія конскаго молодняка, то организовать починочныя мастерскія для мертваго с.-х. инвентаря и производственные мастерскія и заводы для выработки брусков, веревок, кожи, пчеловодных принадлежностей, колесной мази, мелкаго с.-х. инвентаря, иногда пахотных орудій и т. д.

Производственное направленіе работы одинаково характерно и для Всероссійскаго центра, и для мелких союзов. Какой-нибудь Бѣжецкій союз, начавшій свою дѣятельность при 8 членах и доведшій за 6 мѣсяцев работы их число до 33, формулирует свои задачи таким образом: 1. углубленіе и расширеніе торгово-посреднической дѣятельности в смыслѣ созданія таких условій, при которых часть излишков крестьянскаго хозяйства обращалась бы в капитал, непосредственно вложенный в производство, 2. созданіе при с.-х. товариществах прокатных пунктов, 3. организація союзнаго животноводческаго хозяйства с цѣлью улучшенія крестьянскаго скота, 4. помощь и возбужденіе инициативы в области меліоративных работ... А. Сасовскій с.-х. союз, совершившій за 5 мѣсяцев работы заготовку продуктов всего лишь на 52 милліона рублей (500—600 золотых рублей), сообщает, что «в первую очередь необходимо было обратить вниманіе на садово-огородныя мѣропріятія» всего района, так как за время націонализаціи сады и огороды пришли в упадок, надо было снова поднять их. И союз сдѣлал все, чтобы рѣшить эту задачу. Он создал спеціальныя артели по эксплуатаціи садов и огородов, настойчиво инструктировал их, ликвидировал, когда артели не подчинялись указаніям союза, создавал на их мѣстѣ новыя и в концѣ концов добился своего: садово-огородная комиссія земельнаго отдѣла послѣ обслѣдованія садов уѣзда «пришла к заключенію, что сады артелей приведены в болѣе или менѣе удовлетворительный вид, в большинствѣ случаев продѣланы главныя сезонныя работы, и таким образом задача союза сохранить и спасти гибнущіе націонализованные сады в значительной степени была выполнена». Своей другой задачей союз поставил улучшеніе лугов в своем районѣ. И тоже кое-что сдѣлать успѣл, создав ряд спеціальных меліоративных товариществ.

прокатных пунктов — 6. По мнѣнію Л. Шлыкова, «кооперативные союзы в дѣлѣ агрономической помощи населенію пойдут, повидимому, по своему самостоятельному пути, который сводится к организаціи содѣйствія сельскому хозяйству в направленіи оказанія помощи *отдѣльным отраслям земледѣльческаго промысла, а не всему сельскому хозяйству в цѣлом*».

*) К іюлю 1922 г. «Союзы сдѣлали заявку на 126 совѣтских хозяйств с площадью выше 3.000 десятин для созданія агрономических баз, главным образом и для производства сортового и племенного матеріала».

Было бы совершенно непонятным, если бы с.-х. кооперація, уходя своими корнями в индивидуальное хозяйство крестьянина, не отразила бы основной потребности этого хозяйства — возстановленіе и усиленіе его производства. Было бы необ'яснимо, если бы кооперативные дѣятели современной Россіи, являющіеся наиболѣе близкими к жизни и ея запросам в общей фалангѣ наших общественных работников, не учли и в своей дѣятельности не отразили основной потребности всего русскаго народнаго хозяйства современности — потребность возсозданія его производственных процессов. Это не могло случиться и не случилось.

Самая статья В. Кильчевскаго, с цитированія которой мы начали характеристику дѣятельности союзов, является выраженіем и симптомом того-же важнаго по послѣдствіям перелома в психологии всѣх русских общественных дѣятелей: среди проблем распредѣленія, доминировавших раньше в сознаніи и поведеніи основной части русскаго общества, теперь все настойчивѣй и повелительнѣй звучат голоса проблем производства. С.-х. кооперація, в частности, из средства борьбы с капиталистическим строем (угол, под которым она почти исключительно разсматривалась и расцѣнивалась прежде) превращается одновременно и в средство возсозданія сельскаго хозяйства, в фактор возстановленія и усиленія его производства. Характеристика В. Кильчевскаго, по нашему воспріятію ея, не отрицаніе отмѣченнаго перелома и идущаго обогащенія коопераціи новыми задачами и новыми элементами в ея оцѣнкѣ, а знак неудовлетворенности темпом, с которым идут процессы, и об'емами, в которых реализуются новыя задачи и новые моменты пониманія... Отраженіем этих переоцѣнок в кооперативной средѣ является и статья А. Рыбникова,[1]) которая доказывает, что с.-х. кооперація имѣет право и должна **торговать:** прежде, до современнаго разрушенія хозяйства, доказательство такого положенія было бы смѣшно. Теперь, как поправка на рѣзкій производственный уклон с.-х. коопераціи, это, очевидно, никого не смѣшит.

Частным случаем той же потребности и того же перелома является и современное артельное движеніе: мы видим в нем прежде всего здоровую реакцію крестьянства на разрушеніе производственных процессов в его хозяйствѣ.

Отмѣчаемому уклону с.-х. коопераціи, как **самой крупной новости в русском кооперативном движеніи,** мы придаем огромное значеніе, но в настоящих условіях он реализоваться может в ничтожном об'емѣ и с ничтожными результатими. Основная причина все та же: народно-хозяйственная нищета Россіи.

Средства, с которыми работает с.-х. кооперація, мизерны. Средній баланс Союза (по данным о 17 союзах) за январь—іюнь 1922 г., по подсчетам статистико-экономическаго подотдѣла «Сельскосоюза», равняется всего лишь 77.100.792.648 совѣтским рублям или 35.694 золотых рублей (по частному курсу московскаго рынка). Средства, находящіяся в распоряженіи всѣх 288 союзов, составляет, слѣдовательно, всего лишь десять с четвертью милліонов золотых руб. А на 1-ое января 1917 г. кооперація с.-х. значенія располагала средствами приблизительно в милліард золотых рублей. Произошло обѣдненіе почти **в сто раз.** О кредитѣ криком кричит вся народно-хозяйственная жизнь современной Россіи, вопіет о нем и с.-х. кооперація. Вопрос кре-

*) «Торговля — очередная задача с.-х. и промысловой коопераціи». Бюл., № 9.

дита — центральный вопрос настоящей и будущей жизни Россіи, потребность в нем — основная среди основных наших общественных потребностей. От размѣров, форм и условій его жизнь Россіи будет зависѣть на долгія десятилѣтія.

Наши матеріалы лишены данных, позволяющих судить о размѣрах дѣятельности союзов с.-х. кооперации. Можно привести только один общій итог в области сбыта — сбор льняного волокна. Сбором занимались 26 союзов и в сезон 1921—22 г. собрали 524.676 пудов. Итог крупный, ибо в первый год дѣятельности Центральнаго товарищества льноводов (1915—16 г.) было собрано 102.814 пудов, во второй (1916—17 г.) — 941.500 пудов. Размѣр сбора показывает, что кооперативный аппарат на мѣстах сумѣл быстро развернуться и находится в не плохом состояніи. Фонды, доставшіеся от прошлаго, выручают.

Об общем содержаніи работы с.-х. кооперации мы уже говорили: это — обычныя формы дѣятельности, окрашенныя ясно выраженным производственным устремленіем. Характерно, что современная нищета не останавливает кооперативных союзов от созданія новых производственных предпріятій для переработки предметов сбыта. В задачах союзов стоят постройки заводов — картофельно-терочных, для механической сушки картофеля, овоще- и плодосушильных, переоборудованіе и постройка мельниц и маслобойных заводов и т. д.

Неторговая дѣятельность слаба. Однако, ведется и она. Агрономическая работа, как указано, развита сравнительно сильно. Кооперативно-инструкторскіе аппараты у союзов являются также обычными. Встрѣтили мы указанія о трех кооперативно-счетоводных курсах — частью намѣченных (1 случай), частью уже проведенных (2 случай), об одних курсах по молочному хозяйству, маслодѣлію и сыроваренію, об одних курсах по сборкѣ, обработкѣ и сортировкѣ льняного волокна, об одних курсах для завѣдующих прокатными и сѣмя-очистительными пунктами при с.-х. товариществах.

Уже успѣли создаться союзы, которые поражают размахом и напряженностью своей работы. Новгородское товарищество промышленных и с.-х. союзов и Воронежскій Союз производственных с.-х. и кустарно-промышленных кооперативов являются наиболѣе яркими образцами этой еще небольшой группы. Союзы крѣпнут — и финансово, и общественно. Доказательство этого двойного роста дают частые случаи рѣшеній собраній уполномоченных об увеличеніи членских и паевых взносов. И рѣшенія не остаются на бумагѣ: они проводятся в жизнь, несмотря на нищету современнаго крестьянскаго хозяйства.

Таковы общія свѣдѣнія, которыя можно извлечь о дѣятельности мѣстных союзов из имѣющихся в нашем распоряженіи матеріалов. Они весьма не полны и работу союзов освѣщают недостаточно. Данныя о дѣятельности «Сельскосоюза» дополняют их.

4.

При созданіи Всероссійскаго «Сельскосоюза» (конец августа 1921 г.) на его учредительном собраніи присутствовало 49 союзов — чисто с. х. и смѣшанных. В закладкѣ центра с.-х. кооперации приняли участіе почти всѣ союзы, существовавшіе в то время в Россіи (без Украины). Не послали своих представителей только два союза. Через год число членов «Сельскосоюза» удвоилось: в нем состояло уже 97 мѣстных союзов. Кромѣ того, в этих союзах-

членах «Сельскосоюза» — в свою очередь членами состояли 83 союза низших степеней. Всего, посредственно и непосредственно, «Сельскосоюз» об'единял через год своей дѣятельнотси 180 союзов, т. е. 62,5% общаго числа союзов Россіи (без Украйны). Союзы, входившіе членами в «Сельскосоюз», были крупнѣе остальных: общее число кооперативов, связанных «Сельскосоюзом», было не 62,5%, а больше — 70% (абсолютное число — 12.982 кооператива). Еще выше был процент крестьянских дворов, об'единенных «Сельскосоюзом», — — он равнялся почти 75% кооперированных крестьянских хозяйств Россіи (абсолютное число — 1.851.102 хозяйства). В работѣ «Сельскосоюза» в большей или меньшей степени было заинтересовано таким образом почти 18% всѣх крестьянских хозяйств Россіи (без Украины). В лицѣ «Сельскосоюза» в разгромленной странѣ сложился, слѣдовательно, общественный центр крупнаго экономическаго значенія, — крупнаго, впрочем, больше по возможностям, открывающимся перед ним, чѣм по об'ему реальной работы. Реальная работа абсолютно была невелика. Ея рост систематически подкашивался косой тѣх жестких общественных и экономических условій, в которых снова начала жить и работать с.-х. кооперація.

По словам П. А. Садырина — предсѣдателя правленія «Сельскосоюза», послѣдній «за год своей работы выпустил товаров на сумму свыше 2.000.000 золотых рублей и, кромѣ того, сосредоточил к 1-му сентября 1922 г. на своих складах товаров на сумму болѣе 2.000.000 золотых рублей»*). Завѣдующій сатистико-экономическим подотдѣлом «Сельскосоюза» опредѣляет товарный оборот центра с.-х. коопераціи точнѣе: «общая сумма продажи товаров «Сельскосоюза» с начала года (25 августа 1921 г.) по 1-ое сентября 1922 г. выразилась в суммѣ 2.350.000 золотых рублей по курсу котировальной комиссіи (при Государственном Банкѣ. СМ) и одного милліона золотых довоенных рублей*).

В обоих показаніях товарные обороты по сбыту и снабженію слиты. Установить об'ем каждаго оборота в отдѣльности нѣт возможности. Допустим, что обѣ категоріи операцій примѣрно равны**). При этом предположеніи получаем, что «Сельскосоюз» обслуживает лишь около 1% современной покупательной способности всѣх крестьянских хозяйств Россіи и около 5% покупательной способности всѣх крестьянских дворов, об'единенных в конечном счетѣ «Сельскосоюзом» ***). Примѣрно в таких же размѣрах обслуживается и потребность в сбытѣ современнаго крестьянскаго хозяйства.

Если обслуживаніе кооперированнаго крестьянства «Сельскосоюзом» выразить в абсолютных цифрах, то онѣ будут малы до смѣшного: «Сельскосоюз» поставлял крестьянскому двору и сбывал его продуктов на 50—55 золотых довоенных копеек в год. Если же взять значеніе «Сельскосоюза» для всѣх крестьянских дворов Россіи, то оно выразится примѣрно 10 золотыми копейками в год в дѣлѣ снабженія и сбыта средняго земледѣльческаго двора. Матеріальная нищета — убогая и в рубищах — центра с.-х. коопераціи глядит на читателя сквозь эти цифры.

---

*) Бюллетень № 21—22.

**) Сбытовыя операціи были, повидимому, развиты нѣсколько сильнѣе снабженческих.

***) Исходим 1. из покупательной стоимости крестьянских хозяйств Россіи в 100 мил. золотых довоенных рублей, 2. из оборота «Сельскосоюза» по сбыту и снабженію (считая и товары на складах) в 2 милл. довоенных золотых руб.

О группах предметов, вошедших в товарно-торговый оборот «Сельскосоюза» и об их относительной роли в оборотах, дает представленіе слѣдующая таблица:

	на 1. 1. 1922 г.	на 1. V. 1922г.	на 1. IX. 1922 г.
Средства производства	19,0%	20,5%	22,7%
Хозяйственн. инвентарь	60,0	34,3	26,9
Продукты животноводства	1,7	8,5	17,4
Лен и пенька	0,5	11,1	12,2
Зерновые и фуражные	8,5	5,6	4,5
Сѣменные	0,1	1,2	3,2
Сырье	—	1,1	2,1
Овощи в сыром и переработанном видѣ	2,2	3,6	2,1
Прочіе	8,0	11,1	8,9
	100%	100%	100%

В поясненіе таблицы слѣдует сообщить, что в «хозяйственный инвентарь» занесены предметы не только инвентарные, но и чисто-потребительскіе (керосин, мануфактура, спички), игравшіе в оборотах «Сельскосоюза» роль товарообмѣннаго фонда. Потребительные товары в оборотах с.-х. коопераціи — ненормальность. И не только потому, что они принадлежат другому виду коопераціи, но, главным образом, потому, что сужают дѣятельность с.-х. коопераціи в области одной из ея важнѣйших задач — снабженія крестьянскаго хозяйства средствами производства. Роль «хозяйственнаго инвентаря» в оборотах «Сельскосоюза», однако, рѣзко упала: с 60% всего товарнаго оборота к 1. I. 1922 г. она снизилась до 26,9% к 1 сентября. Упали, значит, и операціи с чисто-потребительскими предметами — признак оздоровленія товарных операцій. Вообще, всматриваясь в таблицу, приходишь к выводу, что эволюція товарных операцій «Сельскосоюза» в смыслѣ их содержанія была здоровой. Чѣм дальше живет и работает Сельскосоюз, тѣм все сильнѣе он оперирует с товарами, с которыми он **должен** оперировать: растут обороты со средствами производства (мертвый с.-х. инвентарь, средства борьбы с вредителями, минеральныя удобренія, техническое оборудованіе предпріятій и т. п.), с продуктами животноводства, со льном и пенькой, с сѣменами, сырьем. Падают обороты с зерновыми и фуражными продуктами, но тут, повидимому, вина не «Сельскосоюза»: товарныя операціи с хлѣбными продуктами незаконно отошли в монопольное вѣдѣніе казенной потребительной коопераціи.

Чтобы наглядно иллюстрировать размѣр оборотов «Сельскосоюза», выразим результаты работ какого-либо отдѣла в товарных единицах. Частичную возможность сдѣлать это дает отдѣл снабженія, имѣющій дѣло со средствами производства. Его продажи на 1. IX. 22 г. составляли 22,7% всѣх продажных операцій «Сельскосоюза». За исключеніем отдѣла хозяйственнаго инвентаря, он является самою дѣятельною и крупною частью союза. За год через него было продано:

плугов и борон разных	5.290	шт.
уборочных машин	1.243	»
минеральных удобреній разных	23.190	пуд.
средств борьбы с вредителями сельскаго хозяйства	13.140	»
мелкаго с.-х. инвентаря (косы, серпы, вилы, грабли, молотки, бабки и пр.)	177.390	шт.
садовый инвентарь (ножницы, пилы, мотыги и пр.)	6.229	»

Стоимость всѣх названных предметов составляет почти $^2/_3$ оборотов (62%) отдѣла *).

Размѣр этого снабженія таков, что он не превышает соотвѣтствующей дѣятельности средняго союза кредитных кооперативов прежняго времени. По сравненію с потребностями 10 милліонов крестьянских хозяйств, находящихся в районѣ «Сельскосоюза», доставленное им — капля в морѣ...

В снабженческой дѣятельности «Сельскосоюза» появился живой скот — рабочій и племенной. За год «Сельсоксоюзом» было доставлено: 100 бычков ярославской породы, 50 штук племенных іоркширов и 200 рабочих лошадей.

Обороты Союза все время росли. Выростал и его баланс: с 38 тысяч золотых рублей в октябрѣ 1921 г. он поднялся до 450 тысяч золотых рублей в августѣ 1922 г. Задолженность государству уменьшилась, но незначительно. Все время она оставалась огромной: в балансѣ на 1 октября 1921 г. она равнялась 71%, в балансѣ на август 1922 г.—60%. «Сельскосоюз» все время находился в тяжелой финансовой зависимости от государственнаго банка и от руководящей им коммунистической партіи.

В области пріемов сбыта в дѣятельности «Сельскосоюза» есть новость это — сбыт потребительных с.-х. продуктов через собственные магазины на Московском рынкѣ. Таких магазинов к сентябрю имѣлось пять. Основными предметами торговли в 4 из них были фрукты и овощи, в одном фрукты, мед, масло, сыр и вино. В Москвѣ были организованы оптовые винные погреба, выпускавшіе вино за маркой «Сельскосоюза».

В области производственной дѣятельности работа «Сельскосоюза» шла тремя руслами — одно вело к созданію собственных предпріятій, второе — к воздѣйствію на чужія предпріятія в цѣлях выпуска ими товаров опредѣленных сортов и марок, третій — о всякаго рода помощи в организаціи предпріятій мѣстными союзами.

Из собственных предпріятій у «Сельскосоюза» имѣлись: Одинцовское сѣмянное хозяйство с площадью в 300 десятин, питомник плодовых деревьев около Симферополя (на 5 десятинах), сѣмяочистительные (льняные) пункты в Псковском, Рыбинском и Вятском районах, заарендованный завод (в Москвѣ) молочной посуды, на котором было начато производство принадлежностей маслодѣлія и сыроваренія... Планы «Сельскосоюза» в области собственнаго производства были болѣе широкими — предполагалось организовать перемол фосфоритов, добывать средства борьбы с с.-х. вредителями, поставить заводы по первичной обработкѣ льна и пеньки и т. д. Планы остались нереализованными.

Воздѣйствіе на чужія предпріятія выразилось в заказах заводам с.-х. машин и орудій тѣх типов, размѣров и марок, которые были приняты «Сельскосоюзом». «Было обращено особое вниманіе на производство в Россіи аппаратов,

---

*) Важнѣйшіе результаты в работѣ других торговых отдѣлов к 1-му іюля 1922 г.:

Хлѣбно-фруктовый отд.	Сырьевой отд.	Плодоовощн. отд.	Отд. волокна
Заготовлено сѣмян огородных и кормовых растеній 53.000 п, яровых сѣмян и хлѣбных продуктов для голодающих районов 250.000 п. отпущено сѣмян льна по порученію продорганов 160,000 п.	Заготовлено шерсти 7,500 п. пушнины 12,000 шт. кожи 6,000 п конск. вол. 1,000 п. др. вид. сыр. 2,000 п.	Было продано плодоовощн. продуктов ок. 1,000.000 п.	Собрано ок. 283.500 п. льна и нѣсколько десятков тысяч. п. пеньки

необходимых в сельском хозяйствѣ, которые вывозились раньше из-за границы — опрыскиватели, термометры, ареометры, лактобутирометры, молочная посуда с двойной полудой».

Содѣйствіе производственной дѣятельности мѣстных союзов проявилось в ходатайствах «Сельскосоюза» о возвратѣ им національзованных предпріятій, о передачѣ им сушилок и других технических установок для переработки свѣжих фруктов, в разработкѣ плана «кооперативной сѣти мочильно-мяльно-трепальных пунктов и способов проведенія этого плана силами коопераціи», в разработкѣ плана производства сѣмян на плантаторских началах (был выработан образец договора с плантаторами, и созданы инструкціи по техникѣ выращиванія нѣскольких десятков сортов сѣмян). К этой же дѣятельности должно быть отнесено содѣйствіе созданію кооперативных организацій посѣвщиков свеклы, созданію в районѣ 40 союзов сѣти прокатных пунктов, хлопоты об отводѣ союзам совѣтских имѣній, командировка в Германію инженеров «для скорѣйшаго полученія терочных пилок для картофельных заводов», работа по снабженію производственных союзов молодняком свиней, предназначенными спеціально для использованія отбросов маслодѣльных и картофелетерочных заводов» и т. д.

Довольно крупную работу выполнил «Сельскосоюз» по выработкѣ общей дѣловой политики с.-х. коопераціи и общих планов дѣятельности в различных областях жизни. Средством тут были совѣщанія при «Сельскосоюзѣ» представителей мѣстных и центральных кооперативных союзов. Количество и разнообразіе совѣщаній велико. В «Бюллетенѣ» помѣщены свѣдѣнія о 18 совѣщаніях, на которых участвовали представители 299 мѣстных союзов. Каждое из совѣщаній было посвящено какому-либо опредѣленному кругу вопросов. Были подняты, обсуждены и рѣшены слѣдующіе вопросы: 1. сбыт льняного и пеньковаго волокна, 2. организація кооперативнаго производства сѣмян, 3. культура, переработка и сбыт картофеля, 4. мѣры к под'ему садоводства, огородничества и спеціальных культур, 5. сбыт яиц, 6. мѣры содѣйствія животноводству и молочному хозяйству, 7. кооперированіе посѣвщиков свеклы, 8. реализація хлѣба и фуража урожая 1922-23 г., 9. усиленіе снабженія крестьянскаго хозяйства, 10. постановка счетоводства и отчетности в кооперативах и мѣстных союзах, 11. учет операцій союзов в золотых рублях.

К совѣщаніям представителей мѣстных союзов надо прибавить еще совѣщанія внутри самаго «Сельскосоюза» и его дѣятельное представительство в коллективных дѣловых органах Комиссаріата Земледѣлія. Отдѣл животноводства «Сельскосоюза» в одном из своих отчетов ставит себѣ в спеціальную заслугу проведенную им работу по поддержкѣ свиноводства в Гомельской губ. и по борьбѣ с сильно развившейся кастраціей молодых баранчиков Романовской породы.

На плюс «Сельскосоюзу» слѣдует поставить и созыв перваго всероссійскаго с'ѣзда организованных пчеловодов Россіи: идея этого с'ѣзда была выдвинута на одном из совѣщаній при «Сельскосоюзѣ», при дѣятельном участіи послѣдняго был организован и самый с'ѣзд.

Тяжелая обстановка, в которой пришлось работать «Сельскосоюзу», безпощадно урѣзывала об'ем его работы и суживала, порой засыпая совсѣм, ея русла. Так, сорганизованный послѣ длительных усилій «Сельскосоюза» спеціальный аппарат по закупкѣ рабочих лошадей и доставкѣ их в голодающія губерніи был использован только в небольшой части. Хлѣбно-фуражныя операціи были задавлены монополіей «Центросоюза». Сбытовыя операціи, связанныя с выходом на міровой рынок, тормозились невѣжественной и воровской

политикой Комиссаріата внѣшней торговли. Всю работу, вообще, угнетали недостаток средств, стремительно обезцѣнивающійся рубль, разстройство парового транспорта, «упалость» крестьянскаго хозяйства, атмосфера безправія и пышно развившійся в ней произвол власти и т. д. Несмотря на эту безконечно-трудно обстановку работы, «Сельскосоюз» развил значительную дѣятельность. В его лицѣ русская жизнь получила энергичный, с широким размахом, с большой инициативой и значительным вліяніем общественный центр.

За год жизни и работы «Сельскосоюз», а также кооперативный аппарат на мѣстах настолько сложились и окрѣпли, что дѣловыя перспективы на второй год работы у них расширились значительно. По планам Правленія «Сельскосоюза», обороты послѣдняго во второй год работы, несмотря на прекращеніе операцій со льном, пенькой и картофелем с его продуктами, *) могли подняться уже до 15 милліонов золотых рублей. Во второй год дѣятельности Правленіе надѣялось доставить крестьянскому хозяйству на 4.000.000 золотых рублей мертваго с.-х. инвентаря, металлов и издѣлій из них; 100.000 пудов минеральных удобреній и 25.000 средств борьбы с вредителями; 300.000 пудов сортовых и улучшенных сѣмян; на 600.000 золотых рублей племенных производителей в районѣ развитаго маслодѣлія и сыроваренія; на 300.000 золот. рублей молочно-хозяйственнаго инвентаря; до 3.000 голов рабочих лошадей; 20.000 пудов огородных сѣмян и на 100.000 золот. рублей садово-огороднаго инвентаря. Предполагалось собрать и сбыть: масла, сыра, продуктов птицеводства и мясных на 1.800.000 золотых рублей; фруктов, овощей и виноградного вина на 1.750.000 золотых рублей; хлѣба и фруктов на 1.000.000 золотых рублей; кож, пушнины, шерсти и пр. на 2.000.000 золот. рублей.

Высокія качества «Сельскосоюза», как дѣятельнаго и вліятельнаго центра общественно-хозяйственной инициативы, сдѣлались, однако, и бѣдой его: тираническая власть современной Россіи, вынужденная мириться с фактом существованія такого центра, не могла примириться с его формальной независимостью от власти, с отсутствіем в его руководящей группѣ (в Правленіи), шпіонскаго «недреманнаго ока» коммунистической партіи, наконец, с его успѣхами, рѣзко противорѣчащими неуспѣхам в начинаніях власти. В августѣ из состава Правленія «Сельскосоюза» были выброшены три его члена (А. И. Сигирскій, И. П. Матвѣев и Н. И. Любимов). Вмѣстѣ с членом Совѣта «Сельскосоюза» и представителем одного из самых дѣятельных кооперативных союзов— Новгородскаго (А. А. Булатов), они были сначала арестованы, а потом высланы заграницу. Взамѣн из'ятых, в состав Правленія «Сельскосоюза» на октябрьском (1922 г.) собраніи уполномоченных властью были введены четыре коммуниста. Собраніе уполномоченных ни одним словом не обмолвилось в своих работах об этом из'ятіи дѣятелей «Сельскосоюза». Под давленіем своих «верхов», оно согласилось и на второй акт насилія над его волею и совѣстью — на введеніе четырех коммунистов в состав Правленія. Горечь желчи и боль гражданской обиды поднимаются от этих фактов.

V.

Новая экономическая политика совѣтской власти, вынужденная легализовать индивидуально - хозяйственную инициативу и личное предприниматель-

*) Эти операціи отошли к вновь образовавшимся центральным союзам — Льноцентру и Союзкартофелю.

ство, катастрофическим развалом народнаго хозяйства вынуждена была допустить в экономической жизни и общественную инициативу. Законодательство 1921 г. во главѣ с декретом 16 августа устранило формальныя препятствія к появленію в русской жизни с.-х. кооперации. Послѣдняя, послѣ недавняго дикаго разгрома, вновь получила формальное право жить и работать. Вставали вопросы: найдутся ли в несчастной странѣ послѣ смертей, крови и всяческаго распада, в пору еще продолжающагося азіатскаго произвола власти силы возрожденія? Проявит ли крестьянское хозяйство, доведенное до нищеты, нужную энергію и должныя исканія, чтобы войти в с.-х. кооперацію и дать ей опору и фундамент? На эти вопросы можно отвѣтить твердо и утвердительно: творческія силы возрожденія и строительства нашлись; они нашлись в верхах, в мѣстных общественных и экономических узлах, нашлись, что важнѣе всего, и в самом низу соціальной пирамиды — в крестьянствѣ. Безсмысленно и страшно разрушенное крестьянское хозяйство, несмотря на всѣ пережитые ужасы и утраты, не потеряло ни упругости, ни исканій, ни надежд на лучшія времена. За один год оно создало десятки тысяч с.-х. кооперативных ячеек, через которыя связались для общей борьбы и общих успѣхов около 2,5 милліонов крестьянских дворов. Силы возрожденія и под'ема в Россіи есть!

Эти силы уже в дѣйствіи: наряду с продолжающимися процессами распада народно-хозяйственной жизни уже появились явно выраженные процессы строительства. Параллельно с длящимся разрушеніем и «проѣданіем» **основных** матеріальных цѣнностей вновь началось созиданіе их. В странѣ опять идет завязываніе соціальных кристаллов с коллективной мыслью, общими интересами и совмѣстными дѣйствіями. Результаты возстановленных процессов далеко еще не покрывают и не перевѣшивают продолжающихся потерь, но первые уже вклинились в послѣдніе. Общественно-важное и творческое кооперативное движеніе в современной Россіи — безспорный факт. Этот фактор возрожденія уже действует. Он обладает большой силой внутренняго напряженія, большой энергіей дѣйствія, широкой постановкой своих задач. Сам по себѣ он с высокими качествами. В своем об'ективном значеніи он, однако, мал и в реальной жизни значит немного. Его возможную крупную роль душат тяжелыя условія среды, в которой он дѣйствует. Кооперативное движеніе, чтобы стать тою крупною силою возрожденія, которою оно может быть, нуждается в рядѣ важных предпосылок и в устраненіи ряда важных препятствій. Эти предпосылки и препятствія у него общи со всей русской жизнью. Назовем наиважнѣйшія среди них.

Остро, **болѣзненно** остро русское сельское хозяйство нуждается в широком притокѣ к нему элементов производства. Само оно настолько разорено, что выдѣлить денежныя средства для их пріобрѣтенія не в состояніи. Необходим, властно необходим кредит. Внутри Россіи для него источников нѣт. Необходим кредит извнѣ — из-заграницы. Это — потребность, перед которой меркнут в своем значеніи всѣ другія. Это — потребность, которую первой почувствует всякая власть Россіи, и которая неминуемо создаст тяжелую зависимость всякой власти от иностраннаго вліянія. Вліяніе это неизбѣжно отразится не только на внѣшней политикѣ всякой власти, но и на ея поведеніи во внутренних вопросах русской жизни... С этой первоочередной своей задачей может справиться только власть устойчивая, широко и прочно связанная с населеніем страны и с программой, лишенной элементов политических или общественно-экономических авантюр. С задачей справится лишь власть, которая подходит под средне-привычное представленіе о ней в странах, об'ек-

тивно-могущих стать кредиторами Россіи. Равно исключенной представляется сколько-нибудь длительная власть политических реставраторов и власть групп, желающих продолжить соціальные эксперименты на изъязвленном, но еще живом тѣлѣ Россіи. Обезпеченіе внѣшняго и внутренняго мира должно стать основной линіей во внѣшней и внутренней политикѣ власти. Кричащая нужда в кредитѣ принудительно и властно может сказаться и на формѣ рѣшенія земельнаго вопроса, и на формах государственнаго устройства Россіи... Внимательно всматриваясь в современное кооперативное движеніе и в состояніе его экономической среды, ясно видишь и чувствуешь, как широка и сурово-принудительна власть основной потребности русской жизни, и насколько недостаточно учитывается она в прогнозах и надеждах различных русских политических групп.

Второй по важности потребностью народно-хозяйственной жизни Россіи является прекращеніе современнаго хаоса в денежном обращеніи и прежде всего созданіе устойчивой денежной единицы. Задача может быть удовлетворительно рѣшена, во-первых, при сколько-нибудь удовлетворительном рѣшеніи первой — при полученіи кредита, во-вторых, при абсолютно-устойчивой экономической политикѣ власти и при полном довѣріи к ней со стороны населенія, ибо лишь при этом условіи может возникнуть и расти ток денежных знаков в их резервуары — в кредитныя учрежденія всякаго рода. А развитая и нормальная дѣятельность послѣдних в условіях мѣнового хозяйства является необходимым условіем устойчивой денежной единицы.

Ясной становится третья из основных потребностей русской жизни — уже названная: требуется власть, в экономическую политику которой населеніе вѣрит, которую населеніе считает твердой в исполненіи своих законов и в соблюденіи своих декларацій. Нынѣшняя власть этому условію не удовлетворяет и неспособна удовлетворить: ея прошлое незабываемым и несмываемым проклятіем тяготѣет над ней. Хозяйственное возрожденіе Россіи требует власть **новую.**

Сергѣй Маслов.

Старое и новое.

(«Революціонная Россія» 1920—1922 г. г. №№ 1—22; с № 11 (авг. 1922 г.) Центральный орган Партіи Соціалистов-Революціонеров).

1. «Революціонная Россія» и крестьянская партія.

В статьѣ «Зеленый интернаціонал на русской почвѣ» г. М. Куделенко очень ѣдко говорит о будущих конкуррентах партіи с.-р. «Чтобы подорвать ея популярность и авторитет в деревнѣ, возникнет вскорѣ цѣлый ряд попыток созданія чисто-крестьянской партіи. Прикровенно или открыто они будут или совсѣм выбрасывать за борт «лишній груз» соціализма, или же разводить его блѣдно-розовой водицей, в большей или меньшей мѣрѣ они всѣ будут сворачивать на избитую дорожку частной собственности на землю, маскируя это болѣе или менѣе искусно ширмами кооперативизма; они будут ставить крест на интернаціонализмѣ или подмѣнять его «зеленым» суррогатом плоскаго пацифизма. Но главное, всѣ они будут ревниво блюсти «чисто земледѣльческій» характер движенія, контрабандой всовывая мужику в попутчики новобуржуазнаго плантатора» *).

Попробуем об'ективно разобраться в этой огульно-отрицательной оцѣнкѣ всякой «крестьянской партіи», долженствующей возникнуть, и постараемся выяснить, чѣм вызвана эта злая характеристика идеологіи такой партіи со стороны оффиціальнаго органа с.-р.

Прежде всего для всякаго политическаго дѣятеля ясно, что новыя группировки возникают не на почвѣ «конкурренціи» и не из-за простого стремленія «подорвать популярность и авторитет» другой партіи, **а вслѣдствіе каких-то об'ективных причин, вызывающих отход от партіи.** Сам автор признает в той же статьѣ «логику исторіи», дѣлающей неибѣжной появленіе в деревнѣ «конкуррентов» партіи с.-р. Логика исторіи, во всяком случаѣ, нѣчто иное и большее, чѣм зависть к популярности партіи с.-р. Мы должны в самом началѣ оговориться. Там, гдѣ имѣются об'ективныя условія возникновенія новой партіи, лежащія в правильной оцѣнкѣ соціальнаго сдвига, неизбѣжны разнообразныя попытки использованія этой об'ективной возможности группами, чуждыми идеологіи того слоя, на который партія должна опереться. Это явленіе старым партійным дѣятелям хорошо извѣстно; вспомним хотя-бы многочисленныя попытки чуждых пролетарской идеологіи групп опереться на рабочій класс, подсовывая ему свои интересы. Но было бы ошибочно утверждать, что там, гдѣ есть эти попытки, там все гнило и кромѣ «примазыванія» ничего нѣт. Именно, модная сейчас погоня за мужиком только подтверждает неизбѣжность возникновенія «крестьянской» партіи, которая создается в процессѣ кристаллизаціи и отметанія чуждых ей элементов.

Борьба с этими «пузырями» на поверхности глубиннаго процесса формированія новой идеологіи неизбѣжна и вполнѣ законна. И если партія с.-р., как обѣщает г. Куделенко, «будет безпощадна в разоблаченіи истин-

*) «Рев. Россія» 1921, № 12—13, стр. 17.

ной сущности «мужиковствующих политиканов», и эта безпощадность выльется в обоснованную критику идеологии таких новообразований, то она принесет будущей крестьянской партии неоцѣнимую услугу. Мы уже на страницах «Крестьянской Россіи» имѣли случай отмѣтить наше отношеніе к такого рода попыткам. Но какова же «логика исторіи», дѣлающая неизбѣжной появленіе крестьянской партии? Этой логикѣ исторіи посвящено наше изданіе, и в нем мы стремимся всесторонне отвѣтить на поставленный вопрос. Здѣсь мы можем только попутно коснуться ряда спорных положеній, насколько они связаны с нашим обзором. Мы должны сознаться, что в приведенной характеристикѣ г. Куделенко совершенно правильно указан ряд причин, вызывающих неизбѣжное возникновеніе крестьянской партіи. Нужно только отвлечься от специфически раздраженнаго тона статьи, и тогда возможен разговор по существу. Мы его и поставим. Прежде всего для нас цѣнно указаніе, что возникнет цѣлый ряд чисто крестьянских партій. Мы тоже думаем, что возникнет нѣсколько крестьянских партій, из которых одна будет опираться на широкіе слои крестьянства. И эти крестьянскія партіи могут быть вовсе без кавычек, ибо онѣ будут опираться на разныя группы крестьянства. Наряду и предваряя их будет ряд попыток отчасти неудачных, отчасти «псевдо-крестьянских, поддѣлывающихся под мужика».Это мы наблюдаем уже и сейчас. Но процесс идет в сторону созданія **одной**, чисто крестьянской партии, которая охватит крестьянское большинство. Среди русских партій, уже оформившихся и имѣющих за собою годы работы, такой партіи нѣт. Партія с.-р., ближе всего стоявшая к крестьянству, не сумѣла, не хочет и не может стать партіей «чисто крестьянской». Виктор Чернов в полемикѣ с В. Рудневым категорически об этом заявляет: **...«мы не были, не будем и не можем быть только крестьянской партіей. Наши судьбы и судьбы городского пролетаріата друг от друга неотдѣлимы»*)**. Но что дѣлать с логикой исторіи, которая властно требует созданія в интересах возрожденія Россіи именно крестьянской партіи? Это положеніе усвоено даже в рядах групп, мало склонных к признанію политических классовых организацій. В. Д. Набоков утверждал: «внѣ крестьянства не будет никакой прочной опоры для той новой русской власти, перед которой будут стоять такія грандіозныя, безконечно трудныя задачи. Реально такая опора станет только через посредство сильной, хорошо организованной, прочно связанной с крестьяством партіей**).

Но, может быть, в постановкѣ В. Чернова мы имѣем излишнее полемическое заостреніе, и партія с.-р. сможет взять на себя задачу созданія чисто крестьянской партіи? Идеологія партіи всегда, вопреки утвержденію В. Чернова, была проникнута пафосом крестьянства, а не рабочаго. Да и в понятіе крестьянской партіи вовсе не входит непремѣнно «итти походом на рабочаго». К сожалѣнію, слишком крѣпко укоренилось убѣжденіе, что крестьянская идеологія неизбѣжно включает в себя враждебное отношеніе к городскому населенію, в первую очередь, к пролетаріату. Мы не закрываем глаза на обострившіяся отношенія, в результатѣ большевистскаго опыта, между деревней и городом, мы понимаем, что между рабочим и крестьянином есть неизбѣжные элементы антагонизма. **Но из этого вовсе не слѣдует, что каждая крестьянская партія должна строить свою идеологію на обостреніи этого антагонизма и стараться использовать роковыя недоразумѣнія.**

---

*) В. Чернов «Стихія революціи и политическіе трезвенники». «Р. Р.» № 12—13, стр. 6.

**) «Руль», 1921 г., 15. IX.

Можно себѣ представить и иныя отношенія — найти путь к мирному сожительству рабочаго и крестьянина в интересах государственнаго строительства. Ибо было бы преступно строить государственно-правовую идеологію на обостреніи классового антагонизма рабочаго и крестьянина. Но идеологія крестьянской партіи безусловно исключает возможность господства иного класса, себѣ подчиняющаго крестьянство в ущерб интересам національно-государственнаго цѣлаго. С этим необходимо покончить раз навсегда.

Поскольку в идеологіи партіи с.-р., судьбы которой неотдѣлимы от судеб городского пролетаріата, прочно укрѣпились элементы такого пониманія задач пролетаріата, крестьянству с нею не по пути.

Партія с.-р. в ея оффиціальном выявленіи заставляет однако самым серьезным образом опасаться, что пути к возглавленію ею крестьянскаго политическаго движенія отрѣзаны. Слишком прочно она связала себя с господствующим міросозерцаніем догматическаго соціализма, чтобы найти в себѣ органическія силы к перерожденію.

2. Соціальная революція.

В. Чернов в докладѣ конференціи партіи с.-р. в сентябрѣ 1920 г. о пересмотрѣ партійной программы совершенно правильно указал на условія жизнедѣятельности всякой партіи:

«Никогда не позволять себѣ сковывать партійную мысль окостенѣлыми догмами, все время внимательно вчитываться в приходо-расходную книгу общественно - политической жизни; все время развиваться вмѣстѣ со своим временем, черпая матеріал из новорождающихся условій этого времени; ежедневно и ежечасно помнить, что кто не идет вперед, тот неизбѣжно идет назад*)». Несмотря на ясное опознаніе необходимости идти за жизнью, особенно послѣ того грандіознаго сдвига, какой мы пережили, в партіи с.-р., насколько мы знаем о ней по оффиціальным документам и статьям ея центральнаго органа, господствует дух окостенѣлости и психологическаго отталкиванія от всякаго ревизіонизма. Тут какое-то роковое противорѣчіе между велѣніем разума и психологіей. И все же жизнь властно требует ревизіи партійной программы, и приходится волей-неволей с этими требованіями считаться. Но при создавшейся в средѣ руководителей партіи психологіи окапыванія в старых лозунгах и боязни измѣнить всякую букву партійной программы на неизбѣжных уступках лежит печать половинчатости и недоговоренности.

Идеологія партіи с.-р. оттачивавшаяся в борьбѣ с марксизмом, незамѣтно для себя впитала чрезвычайно много от «марксистскаго» пониманія хода исторіи и роли в нем пролетаріата.

Даже в рядах твердокаменных с.-р. сейчас чувствуется нѣкоторый отход от прежней рабской подчиненности марксизму. Так В. Чернов пытается теоретически обосновать борьбу против индустріальнаго пролетарскаго соціализма, противопоставляя ему соціализм «аграрный». Здѣсь не мѣсто входить в разбор этой концепціи, по существу возвращающей нас к старому народническому «утвержденію права трудового хозяйства на развитіе к соціализму собственным, прямым и непосредственным путем, минуя капиталистическое чистилище». **

Для нас эта попытка знаменательна, как стремленіе вырваться из тисков «пролетарскаго» соціализма. Его однобокость уже сознана, и приговор

*) «Пересмотр партійной программы» Рев. Рос. № 3, стр. 8.

**) «Рев. Рос.» № 3, стр. 10.

произнесен: «марксистскій соціализм есть дѣтище капиталистической централизаціи и воспроизводит ее идеологически в превращенной соціалистической формѣ», но отход от марксизма только намѣчается, и пока остаются внѣ прикосновенности такія его стороны, которыя не могут быть примиримы с идеологіей крестьянской партіи.

На первом мѣстѣ здѣсь стоит самое пониманіе хода революціи, связанное с теоріей **соціальной революціи.** В самом марксистском лагерѣ понятіе соціальной революціи подвергается пересмотру. Указывается на внутреннюю противорѣчивость в сочетаніи понятій «соціальная революція»: если революція есть акт отчаянія масс, зашедших в тупик, и вызвана отсталостью внѣшних форм соціально-политической жизни, повергающих общество в нищету, то соціализм имѣет своей предпосылкой высшую ступень развитія, полнокровность, насыщенность общества сложными формами народно-хозяйственной жизни. «Соціализм произойдет от богатства. Революція всегда происходит от нищеты. Поэтому понятіе, в котором одновременно заключаются оба противоположныя начала, является понятіем логически противорѣчивым». *)

Таким образом к соціализму, как высшей формѣ соціальной жизни, можно придти только в результатѣ полноты общественно-экономическаго развитія, а никак не в результатѣ революціи.

И тѣм не менѣе, вѣра в міровую соціальную революцію, которая приведет нас в обѣтованную землю соціализма, до сих пор крѣпко держится в соціал-демократіи, откуда эта марксистская концепція проникла и в русское народничество.

Мало того, из области чисто теоретическаго предвидѣнія, вопрос о міровой соціальной революціи перешел в тактическій вопрос дня, окрашивая собою программу дѣйствія партіи.

В резолюціи по текущему моменту конференціи партіи с.-р. 8 сент. 1922 г. в пунктѣ 4 утверждает, что Европа вступила в полосу соціальной революціи, темп и характер которой будет зависѣть от суммы экономических, культурных и бытовых особенностей каждой страны**). «Мы переживаем эпоху соціальной революціи», говорит и В. Чернов в своем пересмотрѣ партійной программы. Правда, В. Чернов старается сузить понятіе соціальной революціи, вывѣтривая его специфическое содержаніе. «Соціальная революція тѣм отличается от революціи политической, что в ней власть переходит из рук одного класса в руки **другого новаго** класса, а не из рук одной фракціи в руки другой или в руки других фракцій того же класса***).

Такое суженіе понятія «соціальной революціи» отрывает его, однако, от «соціализма» и приводит к выводу, что буржуазная французская революція была тоже революціей соціальной. Но во всей системѣ взглядов В. Чернова «соціальная революція» вовсе не занимает столь безобиднаго мѣста, что видно хотя бы из его оцѣнки всего хода русской революціи. Но об этом позже. Для чисто крестьянской «идеологіи» вопрос о соціальной революціи чрезвычайно важен, ибо он тѣсно связан с другим положеніем марксисткаго міровоззрѣнія, с «диктатурой пролетаріата».

---

*) С. Иванович. О диктатурѣ. Сов. Зап. 1922 г. № 10, стр. 238.

**) «Рев. Рос.» № 1, стр. 31.

***) «Рев. Рос.» № 3, стр. 13. Подчеркнуто В. Черновым.

3. Диктатура пролетаріата.

Раз мы вступили в эпоху «соціальной революціи», то совершенно неизбѣжно практически ставится вопрос о завоеваніи **политической власти рабочим классом.** В письмѣ членов центральнаго комитета партіи с.-р. к «зарубежным товарищам» эта мысль выражена с достаточной определенностью. Весь процесс современной борьбы за соціальную революцію, по словам авторов письма, протекает для нас под знаком одной основной идеи, завоеванія государственной власти рабочим классом с цѣлью использованія ея в формѣ демократіи для послѣдовательной соціализаціи всей хозяйственной жизни*).

В полном согласіи с этим, пункт 3 резолюціи конференціи партіи с.-р. говорит: «современная борьба неизбѣжно ставит перед рабочим классом задачу завоеванія политической власти**). Если здѣсь под завоеваніем власти рабочим классом понимается только постепенный рост участія представителей рабочей партіи в управленіи, то в таком пониманіи нѣт еще ничего опаснаго для государственнаго организма. Но ученіе о завоеваніи власти рабочим классом слишком прочно в теоріи соціализма связалось с вопросом о **диктатурѣ пролетаріата.** Пусть это смѣшеніе теоретически не оправдано, но практически это смѣшеніе тяготѣет над ученіем марксистскаго соціализма и, как паутина, опутывает всѣ програмныя построенія. Вопрос о диктатурѣ пролетаріата в послѣдне время оживленно обсуждается в печати, в связи с неожиданным практическим примѣненіем диктатуры в Россіи. Именно, этот практическій опыт заставляет даже соціал-демократов критически отнестись к этому пункту своей программы***). В программу с.-р. понятіе диктатуры никогда не входило в полном об'емѣ. Но и признаніе в **случаѣ надобности** временной революціонной диктатуры рабочаго класса заставляет, послѣ русскаго опыта, с большой опаской подходить к этому программному вопросу. Для соціальнаго переустройства необходима рабочему классу полнота власти С.-р. полагают, что эта полнота власти не противорѣчит демократизму. Но очень скоро ученіе о диктатурѣ показывает свои когти! Полнота власти «может обостряться и даже вооружаться диктаторскими методами, поскольку непокорное меньшинство пробует грубым насиліем, заговорами и захватами стать поперек дороги нормальному и законному осуществленію программы партіи труда»****).

Под такую формулу диктатуры можно с успѣхом подвести какіе угодно акты насилія над волей народа. Формулировка этого пункта программы дает возможность в любой момент примѣнить практически диктатуру в полном об'емѣ. Если вскрыть смысл оцѣнки русской революціи, даваемой на страницах центральнаго органа партіи и слѣдовательно отвѣтственной за нее, то станет ясно, как близко оффиціальое крыло партіи подошло к соблазну диктатуры. В его изображеніи главная вина «соціалистов-центристов», в руках которых была фактическая власть в Россіи в 1917 г., была в том, что они эту власть не взяли полностью в руки и не повели Россію по пути послѣдовательной революціонной политики. Этим воспользовались большевики и перехватили власть у партіи с.-р. «Исключительно потому, что партія с.-р. не оказалась достаточно сплоченной и рѣшительной, чтобы возглавить

---

*) «Р. Рос.» № 14 — 15, стр. 39.

**) Ibid № 1, стр. 31.

***) См. Каутскій. „Von der Demokratie zur Staatssklaverei.“ 1921.

****) В. Чернов. Пересмотр партійной программы «Р. Р.» № 3, стр. 13.

во второй половинѣ 1917 г. все еще нароставшую революцію и взять власть, которая сама шла ей в руки — исключительно поэтому революціонная волна перекатилась через ея голову, вынося на своем гребнѣ партію большевиков, которая сама, повинуясь логикѣ событій, похитила у партіи с.-р. лозунги, составляющіе ея силу, только для того, чтобы изуродовать и извратить их на практикѣ, подготовляя этим, однако, свое неминуемое грядущее паденіе». *)

Развѣ в этой концепціи нѣт все тѣх же слѣдов вѣры во всеспасительную силу «захвата власти» и в конечном счетѣ «диктатуры»? Что же. В. Чернов и сейчас убѣжден, что об'ективно-хозяйственныя условія Россіи 1917 г. давали возможность путем овладѣнія власти проводить «в формах демократіи» полностью партійную программу партіи с.-р.? Неужели для него не очевидно, что этот опыт привел бы в концѣ концов к «диктатурѣ» партіи с.-р., формы которой заранѣе опредѣлены содержаніем этого понятія. Мы думаем, что партія с.-р. только выиграла оттого, что исторія избавила ее от этого опыта и дала ей возможность при свѣтѣ большевистскаго эксперимента еще раз теоретически провѣрить свою программу в этом вопросѣ. Опыт не прошел даром. Так, М. Вишняк, например, в своем обзорѣ «На родинѣ», посвященном отчасти идеологическим сдвигам в партіи с.-р., говорит: «из эсеровской идеологіи, равно как из ея лексикона, идея диктатуры, как и идея «господства»**) одного класса над другим, должна быть из'ята безоговорочно раз навсегда»***).

4. Классовая борьба.

Для идеологіи крестьянской партіи идея диктатуры могла бы быть особенно соблазнительной. Диктатура «трудовых слоев», противопоставленная диктатурѣ одного пролетаріата, т. е. раздѣленіе власти между рабочим и крестьянином, очень легко через понятіе «большинства» может соскользнуть к «диктатурѣ» крестьянства. Обстановка русской дѣйствительности, надо в этом сознаться, очень благопріятствует именно такому уклону крестьянской психологіи. Ежечасно на своей спинѣ крестьянин чувствует власть крѣпко спаянной группы коммунистов, оправдывающих свое насиліе теоріей «диктатуры рабочаго класса». Вся ненависть направляется неизбѣжно против рабочаго, который якобы навязывает крестьянскому большинству свою эгоистическую волю, нарушая этим права большинства крестьянства. Отсюда естественно стремленіе подчинить волю меньшинства большинству, взять палку в свои руки. Неудивительно, что находятся охотники использовать это настроеніе деревни и при помощи мужика поквитаться с рабочим. Для этого под психологію необходимо подвести идеологію. Самый простой путь — использовать готовую и столь успѣшно уже испытанную идеологію своего врага. Рабочему классу противопоставить «крестьянскій класс» и рабочему интернаціоналу — «зеленый интернаціонал», красному «циммервальду» — «зеленый циммервальд». Если там привело к власти крестьянина, если там подлиннаго рабочаго оттѣснил «коммунист», прикрывшійся рабочим, то здѣсь у власти станет «зеленый», дѣйствующій от имени мужика, если там «долой войну» привело к походу города на деревню, то здѣсь приведет к жестокой войнѣ деревни против города.

*) «Рев. Рос.» № 3., стр. 11.

**) В пониманіи Каутскаго господство пролетаріата на основѣ демократіи, завоеванной путем революціи.

***) Совр. Записки 1922. № 12, стр. 320.

И тогда-то весьма пригодится с.-р. разрѣшеніе «вооружиться диктаторскими методами, поскольку непокорное меньшинство пробует грубым насиліем, заговорами и захватами стать поперек дороги нормальному и законному осуществленію программы партіи труда». Партія труда — это будет зеленый революціонный штаб, а меньшинством станет рабочій, который вздумает «бастовать», об'единяться в союзы и вмѣшиваться не в свои дѣла. И если г. Куделенко думает серьезно бороться с «зеленым интернаціоналом» этого типа, то ему прежде всего слѣдовало бы вырвать почву из-под его ног, отбросив из своей идеологіи положенія, которыя питают это теченіе. Борьба с «зеленым интернаціоналом» в таком пониманіи возможна только противопоставленіем теоріи созидательной борьбы классов теоріи классовой солидарности на почвѣ общественнаго строительства. Нельзя не признать факта классового строенія современнаго общества, но вовсе не обязательно возводить классовую борьбу в самоцѣль, только в ней видѣть путь и средство к достиженію соціальнаго мира.

В этом вопросѣ у части с.-р. замѣтен значительный сдвиг. В уже упомянутой статьѣ М. Вишняк с большим сочувствіем отмѣчает это обстоятельство. «Классовая борьба, как факт, а не как норма, как сущее и исторически-неизбѣжное классовое, как исходное для построенія программы и для борьбы за общечеловѣческое, с подчиненіем этого классоваго всенародному и общечеловѣческому во всѣх тѣх случаях, когда класс, будь он даже трудовой класс, вступает в конфликт с цѣлым; словом, от Маркса к Лассалю — такова та эволюція, которая все опредѣленнѣе ставится в современном соціалистическом сознаніи*)».

Однако, такое трезвое отношеніе к «классовой борьбѣ» не находит вовсе отраженія в оффиціальном органѣ партіи с.-р. Мы знаем, что подобный ревизіонизм вызывает на страницах «Рев. Россіи» самое рѣзкое осужденіе, вплоть до угроз исключенія из партіи. Вовсе не ставя перед собой проблемы переоцѣнки теоріи классовой борьбы, с.-р. центр догматически дѣлает из нея всѣ практическіе выводы. Самый актуальный из них — вопрос о сотрудничествѣ классов в достиженіи ближайшей цѣли — возрожденія государства, другими словами, столь много сейчас обсуждаемая «коалиція». Здѣсь твердокаменность оффиціальных с.-р. доходит до геркулесовых столбов.

Резолюція X Совѣта партіи выносит свое суровое вето: как в первый подготовительный період, так и в дальнѣйшей борьбѣ, партія должна строго отмежевываться от всѣх элементов справа, отказаться от какой либо, хотя-бы тактической коалиціи с буржуазіей. **)

И это вполнѣ послѣдовательно для приверженцев партіи классовой борьбы. М. Вишняк в своей статьѣ очень ярко подчеркивает эту связь, цитируя слова Каутскаго: «принципіальный отказ от какой бы то ни было коалиціи при любых условіях берет свое начало от того пониманія классовой борьбы, которое разсматривает всѣ буржуазныя партіи без исключенія, как сплошную реакціонную массу» ***) И это послѣдовательно для увѣровавших в соціальную революцію. Какая уж тут коалиція, когда вот-вот грянет послѣдній, рѣшительный бой с буржуазіей. Правда, получается кое гдѣ невязка. На Западѣ, гдѣ больше данных для перехода власти к пролетаріату, идея коалиціи находит все болѣе широкое примѣненіе; правда, даже такіе теоретики

---

*) Совр. Зап. № 112, стр. 321.

**) «Рев. Россія» № 11, стр. 3.

***) Сов. Записки № 12, стр. 32.

марксизма, как Каутскій, называют эту твердокаменность «не классовым сознаніем, а классовым тупоуміем»*). Но для послѣдовательных с.-р. Запад не указ. Они твердо рѣшили преподнести русской буржуазіи «Учредительное Собраніе» своими неоскверненными коалиціей руками. Ну, а если в «Учредительное Собраніе» пройдет нѣсколько больше буржуев и «трезвеников», чѣм полагается в эпоху «соціальной революціи», что тогда? Подчиниться большинству, отойти в сторону и замкнуться в классовую опозицію, предоставив судьбу государства и народа «буржуям и трезвеникам»... или вспомнить пункт о диктатурѣ?

Полная невозможность оставаться дольше отвѣтственным за такую постановку вопроса о коалиціи заставила наконец «трезвое» крыло с.-р. отмежеваться в этом пунктѣ от твердокаменных сторонников спасенія Россіи обѣими соціалистическими руками.

В. Руднев называет «изувѣрской» теорію, по которой пролетаріат, не измѣняя своей самодовлѣющей «классовой позиціи» и провиденціальной роли, не может имѣть ничего общаго с другими классами буржуазнаго общества**). И этой «изувѣрской» формулѣ он противопоставляет иную позицію, исходя из которой, коалиція становится очевидно не только желательной, но и обязательной. «Партія рабочаго класса должна ставить себѣ только такія цѣли, которыя отвѣчают интересам страны и пріемлемы для всего народа; не изолируясь искусственно на мнимо-революціонных классовых позиціях, она должна среди остальных классов искать себѣ спутников и попутчиков — не на весь дальнѣйшій путь к соціализму, разумѣется, а для скорѣйшаго достиженія ближайшей цѣли, общей всѣм классам: возрожденія Россіи». Повелительную необходимость для демократіи «об'единенія работы» выдвигает и Н. Авксентьев: будущее Россіи в значительной мѣрѣ зависит от того, будет ли осознана необходимость «построенія обще-національнаго демократическаго фронта для революціонной борьбы за дорогой всей демократіи лозунг — демократическую республику»***).

В наши задачи не входит постановка вопроса о предѣлах и возможностях коалиціи, но одно мы должны сказать опредѣленно: коалиція всѣх госсударств. творческих элементов необходима и желательна, ибо задачи возстановленія Россіи так огромны, отвѣтственность за ея судьбы так велика, что ни одному классу в отдѣльности с этими задачами не справиться, и ни один класс не в правѣ взять на себя отвѣтственность за ея будущее.

Итак, крѣпко держась за теорію созидательной классовой борьбы, оффиціальная часть партіи с.-р., сама того не опознавая, питает враждебную ей идеологію «зеленаго интернаціонала». И только та группа, которая сумѣет отказаться от этого марксистскаго настроенія, сможет противостоять опасной тенденціи в крестьянском движеніи. В самой идеѣ международнаго общенія крестьянских партій нѣт ничего предосудительнаго и опаснаго. Вѣдь идея кооперированія в международном масштабѣ находит себѣ оправданіе в самых разнообразных областях. Взаимный учет опытов в проведеніи аграрных реформ, отчетливое знаніе о положеніи и формѣ участія крестьянства в политической жизни, укрѣпленіе международной солидарности на почвѣ заинтересованности крестьянства в мирѣ и т. д. — все это в достаточной мѣрѣ дѣлает актуальной проблему международнаго организованнаго общенія крестьянских

*) Цитирую по статьѣ М. Вишняка.

**) Совр. Запис. № 13, стр. 296.

***) Совр. Запис. № 13, стр 318.

партій. Но на первом мѣстѣ здѣсь должна быть не цѣль классоваго противопоставленія себя другим группам и осуществленіе эгоистических побужденій в ущерб общенаціональным и общечеловѣческим задачам, а усиленіе созидательно творческих сил крестьянства. «Зеленый интернаціонал», ставящій себѣ эти цѣли, можно только привѣтствовать. Но для его осуществленія необходимо, чтобы в каждой странѣ создалась крестьянская партія, ставящая своей задачей не узко эгоистическую защиту классовых интересов крестьянства, а намѣчающая широкій общечеловѣческій и національный идеал. Этот идеал несовмѣстим с ученіем о классовой борьбѣ, как творческим началом, и партія, упорно держащаяся за этот догмат, неизбѣжно отрѣзает себѣ путь к здоровому межнаціональному крестьянскому общенію.

5. Диктатура крестьянства.

Диктатура крестьянства... Для одних с нею связано много надежд, для других — много опасеній. И если бы же приглядѣться к тѣм, кто ставит сейчас ставку на мужика, то опасенія других становятся понятны.

Пробиться в первые ряды, занять руководящее положеніе, подсунуть крестьянству по существу чуждую и враждебную ему идеологію стремятся и сейчас силы в основѣ своей разрушительныя, проникнутыя настроеніем политической реставраціи и политич. мести. Они ищут опоры не в положительных задатках крестьянской психологіи, а в темных его предразсудках, его косности и некультурности. Если бы, к несчастью для Россіи, крестьянство оказалось орудіем в руках этого типа, «мужиковствующих политиканов», то по существу мы снова попали бы во власть правящей от имени класса кучки самозванцев. Россія от этого не выиграла бы, а крестьянство очень быстро почувствовало бы, как вслѣд за политической реставраціей подняла бы голову и реставрація соціальная. Опасенія такого оборота дѣла, повторяем, больше, чѣм законны. Но незаконно опорачиваніе из-за подобных опасеній всякой попытки идеологическаго обоснованія задач и цѣлей крестьянской партіи, а еще болѣе ошибочно уклоненіе от активной работы в направленіи выявленія и оформленія основных линій будущей крестьянской партіи. Именно, **учитывая опасность демагогическаго подхода к крестьянству, необходимо теперь же противопоставить совершенно отчетливую демократическую по своему характеру идеологію.**

Эта идеологія должна опираться на наличныя в крестьянской средѣ и только окрѣпшія за время революціи творческія силы крестьянской психологіи, содѣйствуя их организованному выявленію и закрѣпленію. Вовсе не закрывая глаза на темныя стороны крестьянства, ни в малой мѣрѣ не потворствуя им и не стремясь демагогически их использовать в цѣлях ускоренія процесса завоеванія крестьянством господствующаго положенія, идеологи крестьянскаго движенія неизбѣжно становятся в столь же враждебныя отношенія к идеѣ крестьянской диктатуры, как и к диктатурѣ всякой иной партіи, группы или лица.

Но в этом вопросѣ необходима полная ясность и, как мы уже указывали, рѣшительный разрыв с наслѣдіем марксизма. **Отказ от диктатуры требует отчетливой формулировки идеи демократіи, как ея антипода.** Гдѣ имѣется хоть частичное пріятіе «пріемов диктатуры», там неизбѣжно эта отчетливость теряет в ясности и опредѣленности. Партія с.-р. вела и ведет настойчивую борьбу за установленіе форм демократіи: она противопоставляет «захвату власти меньшинством движеніе и направленіе к соціализму в формах демократіи»*). Демократія, по мнѣнію партіи, «как господство большинства, не

*) «Рев. Рос.» № 1, стр. 31.

только не может быть препятствіем соціализму, но является единственной политической формой, гарантирующей успѣх дѣла соціальнаго переустройства *). Вполнѣ послѣдовательно поэтому зафиксировано в партійной идеологіи и отрицаніе диктатуры соціалистической партіи, установленіе которой означало бы перенесеніе гражданской войны в лагерь труда, что оказалось бы гибельным для дѣла соціальной революціи **). В этом вопросѣ, по крайней мѣрѣ, мы имѣем как будто бы необходимую ясность и опредѣленность. Но мы уже выше указали на одно «но». Первую брешь в твердынѣ демократіи пробивает условное допущеніе партіей с.-р. примѣненія «диктаторских методов». Уже это допущеніе заставляет подозрѣвать, что идеал демократіи является здѣсь не абсолютной цѣнностью, а пріемлется лишь условно, постольку, поскольку. И в тѣх формулировках, которыя нами выше приведены, подчиненное положеніе идеалу демократіи дает себя знать довольно отчетливо. Только потому, что демократія, как политическая форма, не препятствует осуществленію соціализма, только потому она и является фактором положительным. Достаточно опредѣленной группѣ преданных соціализму лиц усомниться в благодѣтельности рецепта демократіи, и он с успѣхом будет выброшен за борт. Может быть, самый страшный и трагическій по своим послѣдствіям удар соціализму нанесен отказом части соціалистов от форм демократіи, как абсолютной цѣнности. И в этом смыслѣ совершенно прав Ю. Делевскій в своем утвержденіи, что «демократія — единственный политическій режим, который постулируется в моральном порядкѣ, как своего рода «категорическій императив»***).

Только в установленіи первоначальной связи идеи демократіи с основной цѣнностью — человѣческой личностью — идея эта может быть освобождена от привнесенных в нее незаконно наслоеній. Идея демократіи самоцѣнна, ибо она в конечном счетѣ оберегает не отвлеченный общественный идеал соціализма, а конкретную, во плоти и крови человѣческую личность.

Понятіе демократіи, как абсолютно цѣлеполагаемой нормы, должно быть отдѣлено от ея временных воплощеній в тѣх или в иных политических формах. Из таких воплощаемых преходящих форм, как бы идеальны онѣ ни казались, нельзя дѣлать фетишей или ими подмѣнять послѣдній идеал свободнаго человѣческаго общежитія. Поэтому отрицаніе демократіи, столь принятое нынѣ, только потому, что преходящія формы ея связаны с недостатками, столь же ошибочно, как и обожествленіе временнаго достиженія по пути к конечному идеалу.

Марксизм в значительной мѣрѣ повинен в том, что он привнес в понятіе демократіи чуждый ему признак экономизма и соціальнаго первенства. Под демократіей, как совокупностью личностей в человѣческом обществѣ, стали понимать его обездоленное экономическое большинство. Устраненіе экономическаго первенства, как путь к освобожденію личности от лежащих на ней пут, превратилось в конечную цѣль, в идеал «демократіи». Защита прав личности была подмѣнена защитой прав трудящихся, в конечном счетѣ рабочаго. Это и привело к «диктатурѣ пролетаріата», как теоріи насильственнаго пріобщенія человѣка к идеалу человѣческаго общежитія — соціализму. Эту роковую роль марксизма в искаженіи понятія демократіи очень ярко отмѣчает

---

*) Ibid. II 14 резолюцій конференц, п. с.-р. 8 сент. 1920 г.

**) Св. п. 5.

***) Совр. проб. Пар. 1920, стр. 320.

Ю. Делевскій в уже цитированной выше статьѣ: «с воцареніем марксизма в соціализмѣ формулою послѣдняго стала борьба с капитализмом, и пролетаріат был провозглашен единственным носителем соціализма, классом избранным и провиденціальным, классом, итересы котораго сливаются с высшими интересами соціализма. Пролетаріат — сверхкласс, пролетаріат — божество, не знает законов, ограничивающих его волю, ибо воля его совпадает с моральным законом для человѣчества, и диктатура пролетаріата есть диктатура морали, против которой нѣт права отвода. Религія санкціонировала, как божественную, власть королей и императоров. Религія пролетаріата поставила его закон над законом демократіи»*).

Идейная борьба с диктатурой пролетаріата сравнительно легка, ибо она в конечном счетѣ утверждает право меньшинства над большинством. Борьба с диктатурой «трудовых масс» или «крестьянства» значительно труднѣе, ибо она может носить внѣшній характер принудительной воли большинства, по существу являясь узурпаціей прав этого большинства. Именно поэтому идеологія крестьянской партіи должна начисто изжить марксистское пріятіе «демократіи», как условной цѣнности, ибо в противном случаѣ она легко докатится, если не до «диктатуры крестьянства», то до иных форм, стоящих в рѣзком противорѣчіи с основной цѣлью — возможно болѣе свободнаго выявленія личности и ея способностей в формѣ государственнаго общежитія.

6. **Соціализація.** —

Можно принимать соціализм, как теорію и идеал общественно-экономическаго развитія, но вовсе не бояться критическаго отношенія к тому или иному построенію соціализма. Если, по мнѣнію г. Куделенко, крестьянская партія в этом смыслѣ «выбросит за борт лишній груз соціализма», то в этом нѣт ничего порочащаго партію. Вѣдь, как мы видѣли, В. Чернов в своем отталкиваніи от марксизма тоже кое-что от соціализма выбросил за борт и не убоялся это сдѣлать. Весь вопрос только в том, что подлежит пересмотру и отметанію. Мы вполнѣ понимаем, что в процессѣ этого отметанія есть большія психологическія трудности, которыя тормозят неизбѣжный процесс пріобщенія соціализма к реализму, к умѣнію учитывать обстановку сегодняшняго дня и отказу от губительных опытов над живым хозяйственным организмом страны.

И самым больным и трудным является **вопрос о частной собственности.**

Большевики, разрушив прежнія основы хозяйственных отношеній, все же до извѣстной мѣры вызвали иллюзію возможности коренного переустройства экономических отношеній, возможности немедленнаго проведенія в жизнь в значительном об'емѣ форм коллективизма. Как ни отрицательно расцѣнивал соціализм опыты большевистской націонализаціи и соціализаціи, все же создавался соблазн использовать из его наслѣдія формы обобществленія, к которым всегда стремится соціалистическій идеал. Создавалось тяжелое противорѣчіе между жестокой дѣйствительностью, убѣждавшей на каждом шагу в гибельности продѣланнаго опыта, и иллюзорными достиженіями обобобществленія промышленности и сельскаго хозяйства. Преодолѣть это противорѣчіе мог только политическій реализм, котораго у оффиціальной части с.-р. не оказалось. Отсюда боязнь «избитой дорожки частной собственности на землю», которой пугает г. Куделенко будущую крестьянскую партію. Особенно выпукло обнаружился этот утопизм оффиціальнаго крыла партіи с.-р. в вопросѣ

*) Op. cit, стр. 26.

о возстановленіи промышленности: положеніе в этом столь важном для нашего будущаго вопросѣ для ортодоксальных с.-р. дѣйствительно оказалось крайне трудным.

С одной стороны теоретически установлено, что «Европа вступила в полосу соціальной революціи», поэтому на очередь поставлен актуальный вопрос о замѣнѣ буржуазнаго строя «иными соціально-экономическими отношеніями, устраняющимся в корнѣ разрушительныя тенденціи капиталистическаго общества»*).

С другой стороны приходится признать, что «капиталистическое общество... еще не является трупом», поэтому «трудовым классам в революціонных схватках с нынѣ еще господствующими силами предстоит послѣдовательно ограничить сферу господства капиталистических отношеній, утвердить преобладаніе коллективных форм над не коллективными и, наконец, полностью вытѣснить эти послѣднія». Таковы общіе принципы. Их формулировка настолько каучукообразна, что ее легко заполнить любым содержаніем. Но когда дѣло переходит к Россіи, то «послѣдовательное ограниченіе» капиталистических отношеній принимает неожиданную форму. Если буржуазный строй только «подорван» на Западѣ, то в Россіи ему нанесен, пускай большевизмом, сокрушительный удар.

Приходится считаться с фактом національзаціи промышленности и декретированія отмѣны частной собственности. Неужели же «собственными соціалистическими руками осуществлять возврат к капитализму?» И вот запнувшись об это мѣсто, ортодоксальные с.-р. окончательно теряют голову. Достаточно познакомиться с проектом экономической программы В. Чернова, помѣщенной на страницах «Революціонной Россіи», чтобы убѣдиться в этом. Нам незачѣм подробно останавливаться на этой своеобразной попыткѣ строительства «на второй день послѣ ликвидаціи большевизма»: критическая оцѣнка проекта В. Чернова уже была дана в печати В. Рудневым, к которой мы и отсылаем читателя**).

В. Чернов рѣшительно несогласен соціалистическими руками насаждать капитализм, вѣдь это было бы противоестественно. Наоборот, он стремится из этой части большевистскаго наслѣдія сохранить побольше. Дѣлается это довольно просто — вмѣсто національзаціи — соціализація, и наслѣдіе спасено. Соціализируется вся крупная промышленность, муниципализируется и передается кооперативам. Другія предпріятія принудительно синдицируют отрасли производства, «недостаточно концентрированныя», и только незначительная часть промышленных предпріятій денаціонализируется и возвращается частному капиталу и то «впредь до новых рѣшеній народнаго представительства»***).

Как эту программу согласовать с неотложной задачей возстановленія производственнаго процесса, немыслимаго без самаго широкаго привлеченія частнаго капитала, особенно иностраннаго, автор не сообщает.

Не менѣе утопичен другой проект «экономической политики демократической Россіи», выдвинутый А. Мойсеевым. Он просто предлагает считаться с фактом національзаціи и над прошлым поставить крест. Что-де перешло к государству, того возвращать не слѣдует. Но для того, чтобы «создать условія, при которых капитал, в особенности западный, пошел бы в Россію»,

*) «Р. Р.» № 11, стр. 6.

**) «К вопрос. о судьбах рус. промышленности», Сов. Зап. кн. 6.

***) «Рев. Рос.» № 5, стр. 9—11.

надо возстановить частную собственность. Поэтому «фабрики и заводы, вновь построенные на новыя, свѣжія средства, иностранныя или внутреннія, должны оставаться частной собственностью»*).

В этом рѣшеніи все до-нельзя просто и геніально, только уж больно оно напоминает большевистское рѣшеніе вопроса о займах. Со старым распрощайтесь, а капитал подавайте! Отношеніе капитала к подобнаго рода предложеніям мы уже знаем. Остается также неясным, зачѣм оставлять націонализованными предпріятія, которыя очевидно не в состояніи отвѣчать своей активной задачѣ. Неужели Россія может позволить себѣ такую роскошь, как возстановленіе производственнаго принципа путем постройки заново заводов и фабрик при наличности убыточных предпріятій в руках государства?

И этот утопизм обоих проектов, помѣщенных на страницах «Революціонной Россіи», крѣпко связан с общей концепціей оффиціальнаго крыла п. с.-р. И резолюція X совѣта партіи «отдать преимущество государственным и общественным формам пред частно-капиталистическими» и письмо ц. к. партіи вновь избранному Бюро 6 сент. 1921 г. выставляли требованіе соціализаціи наиболѣе важных отраслей промышленности.

Поэтому совершенно прав В. Руднев, поставившій в послѣднем № «Совр. Записок» ребром вопрос об отношеніи партіи с.-р. к проблемѣ возстановленія буржуазнаго строя. Идеологія партіи в этом вопросѣ, говорит В. Руднев, «полна недомолвок, наивнаго утопизма, если не заимствованій у тѣх же большевиков**). Если возстановленіе Россіи мыслимо лишь на основѣ буржуазно-капиталистическаго строя, то прямым долгом демократіи является содѣйствіе и укрѣпленіе этого строя. «Возстановленіе буржуазнаго строя является предпосылкой возрожденія страны; если демократія оттолкнет от себя долг обезпечить условія этого возрожденія в интересах всего народа, —историческая задача будет выполнена в пользу опредѣленных классов силами реакціонными». Итак, вопрос о частной собственности поставлен, наконец, с достаточной четкостью в рядах самой с.-р. партіи. В. Руднев в своей статьѣ однако ничего не говорит о **соціализаціи земли,** которая тоже остается пока догмой оффиціальной партійной программы (см. Рез. X сов. «Р. Р.» № 11, стр. 8). Но и в этом вопросѣ в рядах партіи не все благополучно.

Правда, В. Чернов считает, что «соціализація земли, как ближайшая практическая жизненная задача», остается на очереди***), и в этом смыслѣ набрасывает свой проект земельной реформы («Р. Р.» № 5, стр. 13), но на страницах того же журнала мы находим другое мнѣніе А. Мойсеева в уже упомянутой статьѣ. Он считает необходимым исходить в построеніи сельскохозяйственной политики из положенія, «что намѣчавшіяся до большевистской революціи возможности общественно трудового права владѣнія на земли, соціализація земель в значительной мѣрѣ поколеблены большевистской революціей»****). Автор не мыслит возстановленія сельско-хозяйственнаго процесса без «обезпеченія за крестьянином личной заинтересованности в его трудѣ, т. е. другими словами права собственности на вырабатываемые им продукты». Но этого мало: «по причинам психологически революціонным, за крестьянином должно быть обезпечено право на землю». И особенно слѣдует отмѣтить, что автор вѣрно отмѣчает связь между вопросом о собственности и ролью крест-

*) «Рев. Рос.» № 7, стр. 13.

**) «Возстановленіе буржуазнаго строя в Россіи и соціалистическія партіи», Совр. Зап. № 13, стр. 284

***) «Рев. Рос.» № 4, стр. 9.

****) «Рев. Рос.» № 8, стр. 10.

янства в политических судьбах Россіи: «закрѣпленіе за крестьянами земель, всеобщее разореніе, необезпеченность труда, потребность в продуктах, а слѣдовательно в возстановленіи производительнаго процесса и государственнаго порядка совершенно неудержимо толкает крестьянство к борьбѣ за демократическія начала русской жизни при **непремѣнном условіи сохраненія за ним собственности на землю.** Являясь единственно уцѣлѣвшим русским слоем, русскою почвою, а в будущем и носителем русской демократической власти, крестьянство является наиболѣе заинтересованным в сохраненіи государственнаго порядка и государственной жизни в Россіи. Именно оно заинтересовано, как цѣлое, как класс, больше всего в возстановленіи производственнаго процесса в его цѣлом». Эта постановка вопроса для партіи крестьянской имѣет рѣшающее значеніе. Не отвлеченное рѣшеніе вопроса о признаніи частной собственности внѣ времени и пространства, а учет конкретной дѣйствительности, рѣшеніе вопроса: можно ли возстановить экономически Россію без признанія за крестьянином права на землю. Можно вовсе не проникаться пафосом частной собственности, но по необходимости признать в настоящих условіях вопрос предрѣшенным. И если партія с.-р. в этом вопросѣ не с'умѣет учесть живой дѣйствительности, жизнь пройдет мимо нея. Эта опасность осознается уже и сейчас в другом крылѣ партіи с.-р.

«Пересматривая свою идеологію и тактическія позиціи, партіи с.-р. не миновать пересмотра и той части программы 1906 г., которая касается и переустройства поземельных отношеній», говорит М. Вишняк в уже упоминавшейся нами статьѣ. «Здѣсь, может быть, наиболѣе чувствительный и сложный пункт всей ревизіи»*). Он вмѣстѣ с тѣм является и рѣшающим. С'умѣет партія внести поправку на ход событій послѣдних лѣт, и она вновь, быть может, овладѣет этим «ходом» и направит событія в желанное ей русло. Не рѣшится партія на такой шаг — и тогда, сохранив вѣрность своему традиціонному прошлому, она рискует потерять свое политическое будущее. Или—или. И сам автор очень низко оцѣнивает шансы проведенія в жизнь с.-р. пункта программы «соціализаціи».

«Если Россія в итогѣ большевистскаго пятилѣтія сейчас дальше от соціализма, чѣм была до войны (К. Каутскій), то и шансы на проведеніе стройной правовой земельной реформы даже в послѣбольшевистской Россіи приходится признать весьма низкими, приближающимися, б. м., к нулю. С соціализаціей земли случилось то же, что с диктатурой пролетаріата и коммунизмом. Исторія связала их с большевизмом. А политическіе лозунги... гораздо тверже осознаются и усваиваются из хода исторіи, нежели из лексикона или программы». И, исходя из русской дѣйствительности, М. Вишняк считает предѣльным достиженіем огосударствленіе земли, но «с укрѣпленіем ея в твердое, хотя бы и наслѣдственное владѣніе трудящихся на ней, но без права залога и отчужденія ея»**). Так внутри самой партіи с.-р. назрѣвают очень серьезныя разногласія и по вопросу об отношеніи к частной собственности на землю. Уже сейчас, как мы видим, намѣчается довольно сильный уклон в сторону отнесенія пункта о соціализаціи в число регулятивных принципов, а не программных требованій сегодняшняго дня. Поэтому вряд-ли «Рев. Рос.» вправѣ заранѣе осуждать возникновеніе крестьянской партіи только потому, что она сможет свернуть на избитую дорожку частной собственности. Не вдаваясь сейчас в подробности вопроса о возстановленіи производства и сельскаго хозяйства в Россіи, мы можем сказать лишь одно: **если для возстановленія эконо-**

*) «Совр. Зап.» № 12, стр. 324.

**) «Совр. Зап.» № 12, стр. 325.

мической мощи Россіи, а слѣдовательно и ея государственнаго бытія необходим путь возстановленія, как мы думаем, частной собственности, то подлинно-крестьянская партія должна смѣло и опредѣленно вступить на этот путь. Здѣсь не может быть ни колебаній, ни сомнѣній. Весь вопрос сводится, слѣдовательно, не к теоретическому спору о допустимости отказа от «соціализаціи» с точки зрѣнія чистоты программных требованій, или преклоненія перед всеспасающим институтом частной собственности, а исключительно к анализу русской дѣйствительности. И перед партіей с. р. стоит вопрос «или-или», и пока ея оффиціальное крыло топчется на мѣстѣ и строит утопическія схемы, вродѣ проекта экономической программы В. Чернова, неизбѣжен отход от партіи групп, для которых именно в этом вопросѣ промедленіе — смерти подобно.

7. Логика исторіи.

Конкуренція или логика исторіи? Стремленіе подорвать популярность и авторитет партіи с. р. или неизбѣжное созданіе крестьянской партіи на почвѣ пересмотра идеологіи? Так поставлен вопрос. Нам думается, отвѣт на него уже дан в значительной мѣрѣ жизнью. Процесс складыванія новой идеологіи идет отраженіе его—на-лицо внутри самой партіи с.-р. На встрѣчу этому процессу идет не менѣе важный — опознаніе крестьянством своей особности, своего права на устроеніе судеб своих собственными руками и стремленіе освободиться от опеки партій, проникнутых чуждой ему городской идеологіей.

Партія с. р., ближе всего стоявшая к крестьянству своими народническими устремленіями, постепенно впитала в себя элементы, чуждые крестьянству, элементы пролетарской идеологіи в ея марксистском пониманіи. Опираясь на «трудовой класс», превратившись в партію рабоче-крестьянскую, она в стремленіи активно пріобщиться к болѣе импульсивному, ярче окрашенному и сулящему видимые успѣхи движенію рабочих, все болѣе отходила от крестьянства. Желая охватить в единой программѣ интересы двух групп, об'единенных признаком «трудового начала», но таящих в себѣ глубокія различія, партія с. р. неизбѣжно должна была в себя впитать преимущественно интересы одной из групп. И не столько вина партіи, сколько историческаго періода, в который ей пришлось дѣйствовать, что вѣсы склонились не на сторону крестьянства. Но, если можно понять и признать большія заслуги партіи в прошлом, то теперь наступило время выбрать одну из дорог: либо стать окончательно партіей рабочей, либо крестьянской. К. Качоровскій, один из идеологов народничества, приходит к тому же выводу. Первый шаг по пути сплоченія всего трудового народа, по его мнѣнію, лежит в «**самоопредѣленіи каждой из сил труда**». Смѣшеніе идеологіи нѣскольких групп ведет неизбѣжно к гегемоніи одной из них и приводит в конечном счетѣ не к сплоченію, а к раз'единенію. Крестьянство должно идти своим путем, выявить свободно свои творческія силы, «переход (по формулѣ Маркса) интеллигенціи и крестьянства» на точку зрѣнія «пролетаріата», говорит К. Качоровскій, «и невозможен, как невозможен, напр. переход одной націи «на точку зрѣнія» другой, и был бы гибелен, ибо обезличил бы при том в данном случаѣ — как раз **болѣе полныя и творческія классовыя индивидуальности**». *)

Таким образом, вопрос не в конкуренціи, а в чем то болѣе значительном. Возникновеніе попыток созданія крестьянских партій свидѣтельствует только об одном — о назрѣвшей потребности классоваго самоопредѣленія крестьян-

*) К. Качоровскій. Трудовая демократія. Совр. Проб., стр. 130.

ства. Когда этот процесс дозрѣет, то неизбѣжно оформится и чисто крестьянская партія. Бояться этого не приходится, ибо в самом крестьянствѣ уже сейчас имѣются на-лицо творческія силы, которым необходимо найти пути выявленія. Наоборот, надо идти навстрѣчу тягѣ крестьянской к непосредственному участію в строеніи государственной жизни и помочь ему в нахожденіи правильных путей. Это—задача интеллигенціи, и она стоит в полном согласіи с лучшими традиціями народничества.

А. Омельянов.

Об'единенная эмиграція.

В послѣднее время на страницах русской прессы, издающейся заграницей, усилились толки о необходимости об'единенія разных политических группировок и теченій, о созданіи единых коалиціонных демократических центров и пр. Наряду с толками в печати предпринимаются кое-какіе шаги к практическому осуществленію планов об'единенія, и повсюду замѣчается оживленное обсужденіе такого рода планов.

Очевидно, вопрос об об'единеніи, о коалиціи становится в порядок дня политическаго сезона россійской эмиграціи. Не будем гадать, к чему приведет на этот раз поднявшійся интерес к об'единительным планам: улягутся ли вскорѣ, как это бывало не раз, всѣ эти толки и разговоры, и пойдет политическая эмигрантская жизнь своим обычным ходом, или мы наканунѣ рожденія новой *демократической* силы из нѣдр осуществившагося об'единенія. Важно отмѣтить одно: эмигрантским кругам, задумывающимся над вопросами об участіи в дальнѣйших судьбах Россіи и особенно тѣм, кто готов уже это участіе претворить в дѣло, — жизнь, опыт прошлаго снова и снова напоминают как о непремѣнном условіи: о необходимости об'единенія, и о подчиненіи своих интересов интересам общаго. Это требованіе жизни стоит, конечно, не только перед кругами эмиграціи; оно обязательно для всѣх общественных дѣятелей, гдѣ бы они ни находились. Но это обстоятельство нисколько не уменьшает ни остроты, ни значенія вопроса, поднятаго именно заграницей, ибо современная россійская эмиграція является, по нашему мнѣнію, настолько важным фактором русской жизни в настоящем и, особенно, в ближайшем будущем, что ея политическая жизнь заслуживает особаго вниманія.

*

Что представляет собою современная эмиграція? Послѣднія статистическія данныя говорят об общем числѣ выходцев из Россіи в 1½ милліона человѣк. Мы имѣем, слѣдовательно, перед собой не отдѣльные кружки или небольшія группы россійских эмигрантов, а весьма солидное населеніе, почти равное цифрѣ населенія нѣкоторых вновь образовавшихся государств. Само собою разумѣется, что милліонная масса представляет собою совсѣм не однородное тѣло. Есть одно положеніе, которое в извѣстной степени роднит между собой громадное большинство выходцев из Россіи — это то, что их погнало с родных мѣст — большевизм. Во всем остальном — громадное разнообразіе интересов, взглядов, часто враждебных и непримиримых. Вмѣсто групп

русской соціалистической интеллигенціи, каковой была эмиграція в царскія времена, групп, изолированных от окружающаго міра, со своеобразным укладом жизни, с интересами преимущественно идейнаго характера, нынѣ мы имѣем разношерстную толпу людей, прибывшую заграницу не только с идейным багажем, но со всѣм своим домашним скарбом, со своим блеском и убожеством, идейностью и пошлостью.

Нынѣшняя эмиграція — это кусок, осколок Россіи. Отсюда ея слабыя стороны, но отсюда и ея сила и значеніе, в особенности той части эмиграціи, которая стремится осознать или уже осознала себя политически. Глубоко заблуждаются тѣ, кто мѣрит теперешнюю эмиграцію старой мѣркой или твердит неустанно унылыя слова об оторванности, безпочвенности, никчемности и пр. эмигрантской жизни, об «эмигрантщинѣ», слова столь любезныя сердцу большевистских заграничных писателей и агентов, имѣющих миссію «разложить», «уничтожить» всячески ненавистную им эмиграцію. Конечно, не красна жизнь эмигрантской массы (как не красна она и в Россіи), есть много в ней темнаго, много вреднаго. Есть и оторванность от родной почвы, есть, если хотите, органическій недуг, который подтачивает энергію и волю, и с которым немногіе справляются — это тоска по родинѣ. Есть многое другое, рожденное трудной, ненормальной обстановкой. Но, несмотря на это, если вглядѣться болѣе пристально в жизнь эмиграціи в ея совокупности, верхушек и низов, политически - общественных групп и простых обывателей, нельзя не найти в ней много здороваго и цѣннаго.

*

В самом дѣлѣ. Современная эмиграція включает в свои ряды значительное число интеллигенціи, людей науки, искусства, политики и культурной работы, среди которых много имен заслуженной извѣстности. Есть, даже, болѣе чѣм десятитысячная армія молодой интеллигенціи, уже учащагося студенчества, и, наконец, еще большее число молодых сил, постепенно стряхивающих с себя кошмар пережитаго и жадно ищущих здоровой работы, а, главное, знанія, знанія.

Суммируйте всѣ эти культурныя силы эмиграціи, выявившіяся и потенціальныя, и вы получите в итогѣ величину; которую далеко не приходится игнорировать. В особенности, если вспомнить, как бѣдна нынѣ культурными силами Россія, как будет она еще бѣднѣе к моменту своего возрожденія, и как много может дать ей (и творческаго, и разрушительнаго) тот поток эмигрантской массы, который хлынет, растекаясь по всему пространству Россіи.

Чѣм будет одушевлен этот людской поток, что принесет он к себѣ домой, — вопрос существенной важности.

Освобожденіе Россіи совершится, конечно, силами ея самой, взрывом накопившихся внутри ея сил, но и для этого процесса накопленія сейчас, немедленно нужна всяческая помощь, всяческое участіе извнѣ и еще больше потребуется участія творческаго, созидательнаго, когда минуют дни взрыва, и придется строить новую жизнь. Как ни отрадно слышать, что несмотря на тяжкія условія существованія, в Россіи растут и зрѣют новыя силы для государственнаго строительства, не приходится однако увлекаться этой перспективой. Силы, особенно руководящія, на счету; их мало, слишком мало. Нынѣшней эмиграціи, ея культурным руководящим слоям придется занять отвѣтственное мѣсто в жизни страны, как бы это ни отрицалось иными.

Этим иным надлежит хотя бы вспомнить уроки прошлаго, перелистав тѣ страницы из исторіи россійской революціи, которыя трактуют о роли в ней русской эмиграціи.

Гдѣ сложилась, окрѣпла, чтобы дать толчек силам в нѣдрах самой Россіи, идеологія освободительнаго движенія на зарѣ русской общественности, откуда вышли программы и первоначальныя ядра партій, соціалистических и либеральных, организовавших россійскую революцію? Из слабых числом тайных эмигрантских кружков. Оставим далекое прошлое, возьмем совсѣм близкое. Откуда пришли к нам большевики? В эмиграціи сложилась их идеологія, и здѣсь же образовался их понынѣ здравствующій немногочисленный штаб, чтобы затѣм, нащупав почву, с головокружительной быстротой овладѣть огромной страной.

Таким образом, разсматривать эмиграцію как quantifé negligeable не приходится. Сильно ея значеніе в прошлом, еще сильнѣе в настоящем, в преддверіи свободной Россіи. Все дѣло в том, сумѣет ли она подготовиться к предстоящей задачѣ, насколько вѣрно нащупает пульс событій. И насколько явит собою единое, сплоченное общностью стремленій цѣлое, а не людскую пыль.

*

Если стоять на точкѣ зрѣнія возможности возрожденія и дальнѣйшаго роста Россіи только на основах демократіи, то для всѣх, кто раздѣляет эту точку зрѣнія, является элементарным положеніе, что только из свободнаго сотрудничества всѣх творящих в одном направленіи сил может родиться и окрѣпнуть эта демократія, а с нею и здоровая государственность. Что в коалиціи сил, а не в диктатурѣ какого нибудь класса, партіи или лиц выход из современнаго хаоса, это особенно, казалось, должно было стать очевидным послѣ пережитых опытов и крахов в большом и малом масштабѣ.

О том же вопіет наше близкое грядущее. На другой день паденія большевистской власти может быть и окажется на лицо какая либо сила, чтобы закрѣпить за собою отнятое и не отдать власть вновь большевикам, но навѣрное не найдется класса, партіи, а тѣм болѣе лиц, которые сумѣли бы наладить своей волей дальнѣйшую жизнь, заложить фундамент правопорядка. И это не только потому, что диктатурой не установить правопорядка, но и потому, что нѣт и не окажется к моменту переворота ни партій в полном смыслѣ этого слова, ни организованнаго представительства классов, ни наполеонов. Будут группы, осколки расколовшихся старых партій, будут вновь выросшія группировки партійныя, національныя и пр., и вокруг всего этого огромная масса «безпартійнаго» люда. Перед политическими демократическими группировками встанет дилемма, встанет с особенною, как никогда, остротой: или прежней тактикой сепаратизма, непримиримости ввергнуть себя и всю страну в хаос, или об'единив силы в одно цѣлое, стать активным участником новой общественности.

Казалось бы, все это не требует доказательств, раз'ясненій. Казалось бы, для всѣх задумывающихся о завтрашнем днѣ вопрос о важности, неизбѣжности коалиціи в разных видах и формах—вопрос рѣшенный. Политическая часть эмиграціи должна была, казалось бы, уже давно не только разрѣшить этот вопрос, но и сдѣлать его регулятивным методом своих непосредственных дѣйствій и планов.

И, однако, мы видим нѣчто другое. Вмѣсто осуществленія, — еще только споры, разговоры о коалиціи; споры робкіе, разговоры путанные; с недоговариваніем. И это не только между слишком далеко разошедшимися людьми и группами, но и между близкими, почти однородными. Психологическая готовность к воспріятію духа коалиціи еще слишком слаба, еще не изжит старый дух.

Гдѣ причины этого явленія? Их много, увы, очень много.

Прежде всего огромное количество кружков, групп, организацій, на которыя расколовшись, живет эмиграція. Разнообразіе программ, разношерстность состава. И как ни слабы всѣ эти группировки в отдѣльности, и сколь ни явно безпочвенны их притязанія на право самостоятельнаго политическаго бытія, — они всетаки ревниво берегут свою неприкосновенность. Об'единеніе столь часто разгороженных друг от друга групп становится дѣлом нелегким, не говоря уже о том, что между частью этих группировок никакого об'единенія и не может быть по существу их стремленій и программ.

Второй причиной является еще не изжитое отрицаніе коалиціи, отрицаніе принципіальное, — упирающееся корнями в особую идеологію. Это наблюдается в соціалистических эмигрантских кругах. Та часть эсеровских заграничных кругов, которая претендует на званіе оффиціальных охранителей тактики партіи с. р., ссылаясь на заявленія, документы и пр. своих единомышленников в Россіи, — эта часть с.-р. эмиграціи продолжает упорно стоять на отрицаніи коалиціи с не-соціалистическими группировками, думает не о коалиціи с буржуазіей, а о войнѣ с ней и о введеніи демократіи особаго рода, т. н. трудовой демократіи (которая в Россіи упрощеннѣе зовется трудократіей), продолжает жить планами о захватѣ соціалистами власти при содѣйствіи народных масс, которыя ждут, не дождутся такого захвата. То новое, чуждое что влилось с большевизмом в психологію и идеологію старой партіи с. р. и все в ней перевернуло, влилось прочно и не скоро отхлынет, исчезнет. Эта категорія соціалистической мысли обречена на изолированное положеніе по отношенію ко всему, что находится от нея, выражаясь обычным языком, справа, и коалиціонный путь ея лежит налѣво, по тропинкам, уже пробитым партіей лѣвых с. р. и частью с. д.

Третья причина слабости коалиціоннаго духа в эмиграціи, — это воспоминанія о неудачах в прошлом, часто очень живыя воспоминанія. Много было коалиціонных начинаній и попыток, и очень мало было или почти не было удачных. Есть от чего заразиться скептицизмом и стать сугубо осторожным и глухим даже к очень громкому зову современности. Напомним нѣкоторые опыты прошлаго.

Союз Возрожденія Россіи. Коалиція лиц с большим положеніем в партіях. Сгруппировались к. д. лѣваго крыла партіи и соціалисты правых направленій. Платформа союза быстро завоевала популярность. Крах послѣдовал на первом отвѣтственном дѣлѣ. Союз исчез, оставив в исторіи среди многого иного один не скоро забываемый факт: среди сторонников союза началась междуусобица; дошло до того, что в Омскѣ члены союза Возрожденія оказались под арестом, которым руководили, в числѣ других, члены этого же союза.

Далѣе. Т. н. Директорія или Временное Всероссійское Правительство, избранное в 1918 г. в Уфѣ. Вышло оно из нѣдр совѣщанія членов всѣх партій и группировок, какія только были в Россіи в эту

пору (за исключенiем одних большевиков с их приспѣшниками). Совѣщанiе кончилось об'единенiем, закрѣпленным письменной клятвой. Клялись монархисты, клялись соцiалисты («воздержались» только нѣсколько с. д.) И скоро пришла измѣна. Пришла она справа и слѣва. Справа дѣйствовали грубо и открыто, слѣва—подтачивали. Поклявшись, начали немедленно разрушать. И разрушили, чтобы дать мѣсто большевикам.

От русских примѣров перейдем к заграничным. Вот «Нацiональный Комитет». Шумно велось дѣло об'единенiя эмиграции. Боевые лозунги, широкая программа. Об'единяющiя руки тянулись ко всѣм. Вскорѣ оказалось, что они миновали соцiалистов, потом лѣвых кадетов. Из широкаго об'единенiя создавалось узкое, нѣчто напоминающее особую партiю. Появились комитеты об'единенiя. Затѣм все начало таять; затихли боевые кличи «бей большевиков» и «да здравствует Врангель» и нынѣ Нацiональный Комитет — гдѣ он?

В 1921 году создалось коалицiонное учрежденiе из находившихся заграницей членов Вс. Учр. Собранiя 1917 под названiем Комитета членов В. У. С. В числѣ задач, которыя были поручены Комитету, была очередной важности задача — выработать план созданiя политическаго органа, который явился бы результатом широкаго об'единенiя россiйской демократiи заграницей. Не слышно ничего ни об этом планѣ, не слышно нынѣ и о самом Комитетѣ.

Возьмем, наконец, послѣднiй примѣр. Это коалицiя соцiалистическая. Из опубликованной большевиками переписки читатели узнали о существованiи заграницей в 1920—21 тайной об'единенно-соцiалистической организацiи. Потом из матерiалов, относящихся к московскому процессу с. р., и из печатных заявленiй членов этой организацiи выяснились и задачи ея и об'ем дѣятельности. Об'единенiе ставило задачей широко охватить заграницей соцiалистическiе круги. Но этим кругам, как и всѣм другим, ничего неизвѣстно о существованiи организацiи.

Таковы три основных, по нашему мнѣнiю, причины, которыя стоят на пути к коалированiю эмигрантских демократических сил. Есть и другiя причины, которыя хотя и не имѣют характера постоянства, но дают себя чувствовать весьма осязательно. Причины так сказать психологическаго порядка. Это прежде всего партiйность в кавычках, привезенная с родины. Малая склонность к индивидуальной мысли и дѣйствiю, затхлый воздух кружковщины, подозрительность, а чаще и презрительность к окружающему. Не рѣдкость партiйность, возводимая в догму. Этим грѣхом заражены не только лѣвые, как это принято думать. Вспоминается случай из парижской хроники, когда правые круги отказались по «принципiальным» соображенiям сотрудничать с лѣвыми в вопросѣ о помощи голодающим в Россiи и образовали свой комитет помощи. Таких примѣров способности к необ'единенiю не оберешься.

Если прибавить к «партiйности», кружковщинѣ и пр. еще элементы личнаго порядка, борьбу самолюбiй, борьбу лидеров, перебранку давно ссорящихся людей, то все это на общем эмигрантском фонѣ усталости и невѣрiя дает нам представленiе о той трудности, которую приходится преодолѣвать идеѣ демократической коалицiи.

И всетаки, как мы сказали выше, преодолѣнiе совершается. Медленно, робко, но идет. Доказательства этому выростают с каждым днем. О демократической коалицiи начали говорить в положительном

смыслѣ даже в кругах соціалистических, до сего дня бывших противниками ея, и одновременно стали смѣлѣе звучать голоса соціалистических сторонников. Очевидно, совершается какой то перелом в настроеніях.

Причины его, как нам кажется, лежат с одной стороны в нѣкотором под'емѣ активности в связи с ожиданіем больших и скорых событій в Россіи и, с другой стороны, в сознаніи той опасности, которой подвергает себя демократія бездѣйствіем,—опасности справа и слѣва, от монархистов и большевиков, которые ведут энергично и успѣшно свои дѣла, овладѣвая понемногу ареной эмиграціи, пока демократическіе круги ея занимаются самодифференціацией и пребывают в спорах да нудных переговорах по поводу «республики», «демократіи» и пр.

Так или иначе, но интерес к коалиціи растет.

*

Условія успѣшности всякаго рода об'единительных планов являются, во первых, ясность программы об'единенія, во вторых, максимальная сжатость этой программы, не связывающая членов об'единенія в их дѣйствіях и взглядах, поскольку они не противорѣчат основным пунктам об'единенія, и в третьих, организаціонная форма, при которой обезпечивается большая степень отвѣтственности входящих в об'единеніе лиц, связь их с окружающим и самая устойчивость коалиціи. Это условіе достигается наилучшим образом при коалиціи партій или правомочных организацій и менѣе всего при коалиціи отдѣльных групп или лиц, — как это часто бывает в дѣйствительности. В зависимости от той или иной степени реализаціи условій находится судьба начинанія: его жизненность или эфемерность. Не смотря на всю, казалось бы, безспорность этого положенія, мы видим, что о нем почти всегда как то фатально забывают договаривающіяся стороны.

Возьмем прежніе примѣры. Союз Возрожденія в момент своего созданія сумѣл точно опредѣлить основы программы, но атмосфера ли нелегальнаго бытія под вѣчной угрозой большевистской расправы, желаніе ли перейти поскорѣе от слов к дѣлу или другія какія либо причины помѣшали ясности договора в нѣкоторых пунктах, как напримѣр, рѣшительность в отрицаніи диктатуры и степень признанія за Вс. Учр. Собраніем 1917 г. его прав на всенародное представительство; и неясность оказалась роковой. Хотѣли избѣгнуть излишней ясности в такого рода пунктах и оказались уязвленными как раз в них.

При избраніи Всер. Правительства в Уфѣ и при выработкѣ платформы его дѣятельности было необходимо соглашаться на пунктах, которые своею «демократичностью» выворачивали душу на изнанку у право-монархических кругов и своею малой «революціонностью» дѣлали тоже с душами лѣвых, эсеровских кругов. Пошли на компромисный самообман, ибо показалось, что под угрозой близкаго большевистскаго фронта вспыхнуло патріотическое желаніе об'единиться во что бы то ни стало, и что это широкое об'единеніе уже совершилось. На самом дѣлѣ об'единеніе кончилось с момента подписанія бумажки и смѣнилось открытой борьбой.

Кого и как об'единили иниціаторы «Національнаго Комитета» и почему их гора родила мышь? Было ясно, что лозунги «долой большевиков» или «національное возрожденіе Россіи» черезчур неопредѣленны, чтобы замѣнить собою программу, а, с другой стороны, пункт вооруженнаго вмѣшательства был черезчур опредѣленен, чтобы можно было

его сдѣлать общепріемлемым. И в результатѣ из національнаго об'единенія эмиграціи вышло об'единеніе части правых эмигрантов с программой тыла врангелевской арміи.

Комитет членов Вс.Учр.Собранія в Парижѣ, как общедемократическій центр. Историк русскаго освободительнаго движенія за эти годы несомнѣнно отмѣтит ряд полезных дѣл этого Комитета в сферѣ защиты русских интересов заграницей, в сферѣ представительства перед Зап. Европой и Америкой. Но политическим центром он не стал и не мог стать ибо слишком узок был его коалиціонный базис, да и в предѣлах этого базиса не было ясности и прочности. Лѣвая часть его даже при желаніи упрочить дѣло, расширить основаніе и задачи коалиціи не могла бы этого сдѣлать, ибо круги, на которые она опиралась в своем большинствѣ, были недостаточно коалиціонны, в момент об'единенія пошли на него, слишком часто оглядываясь; а потом вскорѣ дѣятельность Комитета начала встрѣчать лишь неодобрительную критику да систематическое замалчиваніе на страницах не только монархической но и лѣвоэсеровской прессы. Коалиціонная попытка не удалась, ибо пункты не были четко сформулированы, и не было дано договаривающимися твердое «да» на тѣ из них, которые особенно обязывали к отвѣтственным коалиціонным дѣйствіям в политической области.

О безымянной непартійной организаціи, о которой мы упомянули выше, говорить много не приходится, ибо о ея программѣ и дѣятельности слишком мало извѣстно. Но то, что извѣстно, дает право заключить, что основной грѣх этой об'единительной попытки состоял в том, что организація была втиснута в рамки конспиративной работы и узкаго подбора членов. Тайность организаціи давала возможность достигнуть извѣстных результатов, но возможности осуществить хотя бы часть широкой программы задач организація была лишена, ибо не таков дух времени; широкія возможности открываются только перед тѣми политическими об'единеніями, которыя сумѣют охватить не отдѣльныя однородныя группы (соціалистическія или иныя), а болѣе разнообразный состав.

Из перечисленных примѣров об'единенія, если отвлечься от индивидуальных условій, в которых каждое протекало, и игнорировать ряд случайных причин, явствует, насколько важна в этом дѣлѣ ясность задач и пріемлемость этих задач для всѣх входящих в об'единеніе.

С этим уроком прошлаго, как бы безотрадным он ни казался, и должно приступать к постройкѣ новых зданій демократической коалиціи.

*

Прислушаемся к голосу из Россіи: «Интерес к жизни, дѣятельности и исканіям эмиграціи не только не ослабѣл, но, пожалуй, даже повысился. . . . Не смотря на годы оторванности и почти полнаго отсутствія идейнаго общенія, в сознаніи русской общественности эмиграція все же по-прежнему рисуется, как крупная общественно-политическая величина, как сила, которая при надлежащем направленіи может сдѣлать очень многое. Консолидація передовой эмиграціи в один *политическій союз* с цѣлью работы для Россіи и в тѣснѣйшем контактѣ с общественными силами самой Россіи, осуществленіе *реальной политической коалиціи* на

почвѣ демократическаго освобожденія страны имѣло бы огромное моральное психологическое и политическое значеніе».*).

«Консолидація передовой эмиграціи в один политическій союз». Таково рѣшеніе, которое подсказывается из Россіи. Рѣшеніе, которое нельзя не признать принципіально совершенно правильным. Собираніе демократической эмиграціи и превращеніе ея в реальную силу, способную сыграть ту роль, которая выпадает ей на долю в переживаемое время, возможно только на почвѣ широкаго об'единенія с единым политическим центром во главѣ.

Возможно ли, осуществимо ли такое об'единеніе; есть ли для него необходимыя предпосылки?

Нам кажется, что оно возможно и что созрѣли условія если не для быстрой реализаціи всего плана, то, во всяком случаѣ, для немедленной закладки фундамента его.

В самом дѣлѣ. Какія задачи, какая платофрма могут об'единить разсыпанные нынѣ слои демократической эмиграціи, вдохнуть жизнь и обезпечить дѣйственность ея коалиціонных начинаній? Лозунг настоящаго дня это тот же лозунг, который двадцать лѣт назад двинул русскую соціалистическую и либеральную эмиграцію на совмѣстныя дѣйствія. Тогда, в Парижѣ (в сентября 1904 г.) на конференціи дѣятелей разных крыльев освободительнаго движенія удалось выработать и принять коалиціонную программу дѣйствій с платформой: уничтоженіе самодержавія во имя свободнаго демократическаго строя. Правда, тогда вѣяло «весной», ожидали событій «за чертой», все толкало на общность дѣйствій, будило энергію, но кто может с увѣренностью гарантировать, что мы и сейчас не накануне скорой, дѣйствительной, а не очередной эмигрантской «весны».

Сейчас, как и тогда, двадцать лѣт назад, перед нами стѣна самодержавія, и уничтоженіе ея всѣми доступными средствами — задача первонасущная.

И настолько огромна эта задача, что за осуществленіем ея как будто исчезает дальнѣйшая переспектива, и пропадает интерес знать, что будет на мѣстѣ упавшей стѣны, и что именно хотѣлось бы видѣть на этом мѣстѣ. Поэтому, заключают нѣкоторые, нѣт надобности заглядывать в будущее, стараясь опредѣлить его. Будь что будет, ибо все, что будет, будет лучше большевистской анархіи. Лозунг «уничтоженіе большевистской власти» сам по себѣ достаточно ясен и императивен, чтобы об'единить эмиграцію и двинуть ее на общія дѣйствія.

В этом заключеніи, каким бы искренним порывом оно ни было продиктовано, кроется большая ошибка. Это один из тѣх неясных, недоговоренных пунктов, которые роковым образом разбивали и разбивают всѣ коалиціонныя попытки. Если двадцать лѣт назад об'единенная платформа борьбы с самодержавіем не требовала болѣе точнаго опредѣленія, чѣм «во имя свободнаго демократическаго строя», то теперь, послѣ всего пережитаго и передуманнаго, перед лицом самых разнообразных теченій, программ, новых слов и новых понятій такія ранѣе всѣх воодушевлявшія слова, как «свободный, демократическій» нынѣ никого не воодушевляют. Ибо употребляются они всѣми, кому не лѣнь. Мы знаем демократію и «демократію».

Под этим термином, равно как под разными другими, вродѣ «національное возрожденіе, освобожденіе» и пр. можно многих об'единить

*) «Послѣдн. Новости» № 815. Из письма из Россіи.

на бумагѣ, но на дѣлѣ никого. Оставлять неясным представленіе о завтрашнем днѣ противобольшевистской революціи, закрывать глаза на ближайшія требованія, во имя которых она совершается, это значит завѣдомо обречь себя на неудачу. Взаимным недовѣріем будут пропитаны стороны, вступившія в договор, не только потому, что в их сознаніи они союзники на сегодня, а на завтра — враги, но и потому, что это недовѣріе, легко переходящее в рознь и борьбу, будет преслѣдовать их на каждом шагу, так как слишком велика разница в методах, пріемах и во всей обстановкѣ борьбы, ведущейся во имя тѣх или иных планов будущаго.

Вот почему понятны тѣ предварительные вопросы, к сожалѣнію часто слишком затягивающіеся, которым обмѣниваются стороны, изискивающіе общую платформу для договора, как это видим мы на примѣрѣ лѣвокадетской газ. «Посл. Новости», правокадетской «Руль» и газеты без направленія «Дни» и др. И вот почему прав цитированный уже автор из Россіи, который, примѣняясь и к русским и эмигрантским условіям, требует осуществленія «реальной политической коалиціи на почвѣ демократическаго освобожденія страны» именно в формѣ *«республиканско-демократическаго союза»,* гдѣ бы не было и намека на монархію, ибо, по его мнѣнію, «республиканскій демократизм — знамя, диктуемое всей совокупностью обстоятельств, и исторических, и политических, и психологических, и тактических».

Таким образом, платформа, которая, на наш взгляд, могла бы нынѣ об'единить достаточно широкіе слои демократической эмиграціи, формулируется, как борьба с существующей властью во имя демократической республики. Платформа политическая, не переступающая извѣстных границ, за которыми начинается область чисто партійных, программных вопросов, которые надлежит предоставить на усмотрѣніе самой жизни и на свободное состязаніе будущих партійных, національных и иных группировок в Россіи.

Краткая политическая платформа, указанная нами, не только не исключает, но, наоборот, предполагает дальнѣйшій сговор и об'единеніе сторон на рядѣ основных положеній, конкретизирующих политическую и экономическую программу послѣбольшевистской, республиканской Россіи. Предугадать, до какой грани дойдет этот сговор, сейчас невозможно, но вполнѣ естественно допустить, что, например, общепринятыми окажутся такіе вопросы, как вопрос о необходимости организаціи твердой и устойчивой власти будущей республики, или об экономической политикѣ, обезпечивающей широкій простор всѣм видам хозяйственной дѣятельности с отказом от реставраціонных земельных планов с одной стороны и соціалистическаго экспериментаторства с другой и т. п. Болѣе трудна категорія вопросов національных, но и в этой области, как и в других, найдется, думается нам, об'единяющая формула.

Чѣм дальше пойдет сговор — тѣм лучше, ибо в этом гарантія еще большей крѣпости об'единенія и большей силы его вліянія.

Возможность дальнѣйшаго сговора по тѣм или иным пунктам представляется нам, наконец, не только желательной, но и реально осуществимой, ибо характер политических слоев, которые должна охватить демократическая коалиція, таков, что он гарантирует наличность солидарности между ними по многим основным и животрепещущим вопросам современности.

*

В чем же может проявиться жизнь, дѣятельность коалиціоннаго об'единенія, о котором идет рѣчь? Не сведется ли все, в лучшем случаѣ, к появленію еще одного эмигрантскаго парламента без аудиторіи, еще одного кружка политическаго саморазвитія — как думают насыщенные скептицизмом люди.

Начертать программу дѣятельности мы здѣсь не беремся, но указать нѣкоторые наиболѣе существенные пункты ея не составляет большого труда.

Прежде всего необходимая оговорка. Дѣленіе на заграничную и «русскую» отрасли дѣятельности можно принимать только условно. Нѣт ни одного политическаго акта, ни одного выступленія, которые, в конечном счетѣ, рано или поздно, не сказались бы там «за чертой», в Россіи. Все, что дѣлается заграницей, все дѣлается для Россіи; и это тѣм болѣе естественно, что черта то самая, нынѣ отдѣляющая нас от Россіи, стала очень тонкой, прозрачной; если через прочную стѣну царской Россіи удавалось проникать эмиграціи, то через нынѣшнюю тѣм болѣе.

Необходимо имѣть ввиду также, что общественная работа эмиграціи имѣет цѣнность не только, как непосредственно обслуживающая текущія нужды россійскаго движенія, но в ней заключается своя самостоятельная, весьма отвѣтственная функція; если представить себѣ на минуту, что между эмиграціей и Россіей выросла бы, по щучьему велѣнію, непреоборимая острожная стѣна, то и в предѣлах отрѣзанной заграницы нашлась бы масса живой, нужной работы для общественных дѣятелей всѣх категорій, уже не говоря о тѣх, чьею спеціальностью всегда было терпѣливое буравленіе стѣн, не смущаясь их толщиною.

Итак, возьмем политическую дѣятельность непосредственно заграничную. Перед демократической коалиціей («Республиканско-дем. Союзом», «Респ.-Дем. Лигой» или как нибудь иначе), с политическим центром во главѣ, открывается здѣсь необозримое поле работы, которая нынѣ ведется кустарно отдѣльными, слабыми группами лиц.

Прежде всего, организованный отпор все растущей большевистской пропагандѣ заграницей,—в этом ростѣ виноваты не только деньги, подкупы; виновата и демократическая эмиграція, не дающая должнаго отпора, громко и увѣренно не указывающая дороги заблудившимся, слабѣющим. Голос политическаго центра, говорящаго именем авторитетной организаціи, может сильно обуздать ничѣм не сдерживаемую энергію заграничных большевиков, с их смѣновѣховской агентурой, может расшевелить инертных и растерявшихся и, наконец, дать толчек к организаціи, к сплоченію тѣх многих, которые этого толчка, этой твердой иниціативы ждут. За антибольшевистской пропагандой и агитаціей не приходится забывать и того отпора, который надо давать направо, в сторону большевиствующих монархистов. Как ни малы их шансы на наслѣдованіе послѣбольшевистскаго престола, но работу свою разрушительную они ведут, и притом все усиливая. Положеніе «между двумя большевизмами» обяжет демократическую коалицію на это двусторонность дѣйствія.

*

Не менѣе важна и, во всяком случаѣ, болѣе сложна и отвѣтственна задача выступленія коалиціи на международной аренѣ. Здѣсь не только

состязаніе с большевиками за вліяніе на общественное мнѣніе Европы, разоблаченіе их закулисной международной игры и пр., но и борьба против захватнических, звѣриных инстинктов, которыми насыщена атмосфера, окружающая обезсиленную Россію, и которой начинают заражаться всѣ. Голос об'единенной русской демократіи, — если в ея рядах окажутся к тому же лица, отвѣтственно связавшія себя с судьбой родины,—такой голос, твердый, настойчивый может сдѣлать многое своим моральным авторитетом. Как ни печальна обстановка, как ни тяжки условія служенія демократической Россіи в атмосферѣ грубѣйшаго эгоизма, но вѣдь нельзя же забывать, что есть и исключенія, есть и оазисы, гдѣ политическая международная совѣсть не скинута со счетов. Укрѣпить хотя бы там позиціи демократической Россіи — задача благодарная. Не приходится забывать и еще одного: русская демократія сейчас не ко двору, не в модѣ; но стоит показаться первой открытой трещинѣ в совѣтской постройкѣ, первым густым облачкам занимающагося противобольшевистскаго пожара, как расчистится сразу же международная атмосфера. Станут искать демократію, с тою же поспѣшностью и настойчивостью, как это было в 1917 г. И важно, чтобы демократія оказалась на мѣстѣ, чтобы знали, гдѣ ее найти.

Политическая работа в международном, и в непосредственно россійском масштабѣ требует одного: наличности положительнаго матеріала, который давал бы возможность демократіи противопоставить свою программу программѣ враждебных сторон, а не ограничиваться лишь отрицательной критикой. Авторитетность ея голоса зависит от этого. Как много проиграно, как много пропущено удобных моментов на политической аренѣ, именно потому, что кромѣ отрицательной, всегда многоголосой, критики от демократіи не слышали ничего или слишком мало положительнаго и едино - солидарнаго.

Это приводит нас к третьей категоріи задач, которыя может взять на себя демократическая коалиція. Сгруппировав живыя силы, она может сильно облегчить разработку вопросов, входящих в программу «завтрашняго дня» послѣбольшевистской Россіи. В своих нѣдрах она может пріютить всякаго рода дѣловыя, спеціальныя коалиции для этой нужной, неотложной работы. Стоит ли перечислять эти вопросы «завтрашняго дня»? Их так много, один другого важнѣе, неотложнѣе. Приняться за рѣшеніе их можно с успѣхом только коллективно.

Мы, участники «Крестьянской России», принципіальные сторонники коалиціи, видим на своем примѣрѣ не только необходимость, но и созрѣвшую возможность ея для такого рода работы среди эмиграціи. И если будущая «Респ.-Демокр. Лига» или Союз включит в свои задачи эту дѣловую коалицію, то консолидація демократических эмигрантских сил будет обезпечена наилучшим образом, не говоря уже о той огромной пользѣ, которая получится в результатѣ для завтрашней Россіи.

*

Такова, вкратцѣ, схема работ для демократической коалиціи заграницей. Напомним то, что сказано раньше. Все, что будет дѣлаться заграницей, дѣлается для Россіи.

Но есть и прямой, непосредственный путь туда. Непосредственная связь с оффиціально «безпартійной» Россіей возможна, осуществима. Содѣйствовать всячески освободительному процессу, происходяще-

му там, — задача из первоочередных. Как это дѣлать — можно узнать, перелистав хронику прошлой эмигрантской борьбы.

Цитированный нами не раз «голос из Россіи» говорит, между прочим: «важна сейчас работа по переизданію и созданію политической литературы демократіи»... «по основным вопросам демократическаго государственнаго устройства и критикѣ существующей политической системы». И, далѣе, прибавляет: «изданіе такой литературы и транспортировка ея в Россію всегда занимала видное мѣсто в дѣятельности зарубежных революціонных организацій».

К этому приходится лишь присоединиться и добавить, что только от энергіи организаціи зависит, чтобы к ея услугам появились разнообразные способы живой связи с Россіей и непосредственнаго обслуживанія интересов внутри россійскаго движенія.

Остается сказать нѣсколько слов об организаціонных формах демократической эмигрантской коалиціи. Наилучше обезпечивающей политическую сторону была бы, конечно, форма коалиціи партій, как мы указали выше. В ней можно сочетать широту и авторитетность дѣйствій. Но как ни заманчива эта постройка, от нея приходится сейчас отказаться; не только потому, что нѣкоторыя партіи еще не дозрѣли до политической коалиціи, а потому, что подлинных прежних партій нѣт, и новых не появилось. Великій ликвидатор — жизнь разнесла, разметала партіи, и только наивные или недобросовѣстные могут завѣрять себя и других, что все обстоит благополучно, по старому, и всякіе разговоры о неблагополучіи в этой области являются агитаціонными происками «ликвидаторов».

Приходится, слѣдовательно, нарушить стройность постройки и взять за основаніе тѣ уже сложившіяся заграницей политическія группировки, которыя, об'единившись через конференцію представителей, могли бы впитать в себя все наиболѣе активное и цѣнное, что имѣет демократическая часть нынѣшней эмиграціи.

Организаціонный путь этот, конечно, несовершенен и труден, но другого пока не дано; в особенности он труден там, гдѣ мало или нѣт болѣе или менѣе широких группировок, и каждый живет сам по себѣ. В этих случаях должна быть пройдена полоса предварительных соглашеній, об'единеній, хотя бы в видѣ мѣстных совѣщаній или политических клубов.

Особенное значеніе мы придаем в этом случаѣ созданію новых и об'единенію существующих уже организацій, работающих в различных областях эмигрантской жизни, особенно в области культурно просвѣтительнаго характера. Наблюдаемое стремленіе организацій обособиться от других, сосуществованіе, часто в одном мѣстѣ, однородных по духу и цѣлям учрежденій (Совгоры, Земгоры и пр.), все это плохой проводник коалиціоннаго духа; надо думать, что, как и в сферѣ политической, должен наступить перелом и в этой повседневной работѣ, которая всегда была и остается лучшей школой для подготовки к об'единенной общественной дѣятельности. Чѣм энергичнѣе пойдет процесс консолидаціи, об'единенія в указанных областях, тѣм скорѣе, шире и прочнѣе осуществится коалированіе демократической эмиграціи.

*

Таковы задачи эмиграціи и путь к их выполненію.

Хочется добавить еще: нужно спѣшить. Нужно спѣшить с консолидаціей сил и с постановкой широко организованной работы. Каждый день несет нам вѣсти с родины: много ужасающих вѣстей, но не мало и ободряющих. Продолжается развал страны, но валится с ускоряющейся быстротой и гнет; растет освободительный процесс, и с ним уже не справляются; и, вообще, как пишет поэт в «Наканунѣ»: «революція устало лижет лапу».

Каждый день промедленія в этих условіях кажется непонятным, ибо там ждут. И думается нам на основаніи наблюденій за текущей жизнью эмиграціи, что мы наканунѣ рѣшительнаго перелома в ея настроеніях и скоро будем свидѣтелями энергичной инициативы по собиранію и об'единенію демократических сил.

А. Аргунов.

Из печати и жизни.

Максим Горькій о крестьянствѣ.

Русское крестьянство должно чувствовать себя именником.

Глава Совнаркома, Ленин, отвѣшивает низкій поклон в сторону крестьянства: дѣлали, говорит, все так, как они, крестьяне, хотѣли, и дальше будем дѣлать... Новыя работы о Россіи, оцѣнки революціи, перегруппировок — также выдвигают на первый план эту новую силу, силу будущаго. Невольно поэтому всѣ взоры обращаются туда, в эту тихую, темную русскую глубину — а что там? А так как в Россіи ничто не бывает половинчатым, в мѣру точным, и в мѣру взвѣшенным, то и эта тяга «к крестьянину» грозит превратиться в новую пылкую любовь... Это хорошо, конечно, без любви и увлеченія и горки не сдвинешь, а нам предстоит горы сдвигать... Но и «безмѣрно» — тоже не хорошо: будешь попадать в ямы, которых в увлеченіи не замѣтил. «Как вы думаете, спросил меня недавно молоденькій студент, а не сдѣлают общественники из крестьянина шоколаднаго солдатика, как дѣлали сласти из «народа»? «Не думаю, отвѣтила я ему, вѣдь, теперь мы немного обучились да и на народ смотрим не издали, сам он — на сценѣ». Ему сказала, а сама подумала: а в самом дѣлѣ — научились - ли?

Лѣпить сласти из народа, может быть, и будем осторожнѣе, но что ринемся в другую сторону и будем хулить (да и хулили уже), все, чему недавно поклонялись, — это не подлежит сомнѣнію. Такова уже русская необузданная природа — чтобы во всем полная амплитуда... Именно такое впечатлѣніе необузданности в сужденіи произвела на меня книжечка М. Горькаго о крестьянствѣ. Правда, Горькій крестьянству никогда не поклонялся, и типы крестьян в его произведеніях, всегда изображались в видѣ фефел, разинь, пришибленных властью землицы и тупостью духа. Какими орлами парящими выступали перед ними Горьковскіе босяки и пролетаріи. Это так. Но нѣт в его произведеніях и того дикаго, обросшаго волосами звѣря, каким представлено крестьянство в его книгѣ. Оказывается, художественный вкус и нюх у Горькаго неизмѣримо выше его холодных изслѣдовательных способностей.

Начинает он свое «изслѣдованіе» с характеристики народа вообще, всякаго народа. «В сущности своей, пишет он, всякій народ — стихія анархическая, народ хочет как можно больше ѣсть и возможно меньше работать, хочет имѣть всѣ права и не имѣть никаких обязанностей. Атмосфера безправія, в которой издревле привык жить народ, убѣждает его в законности безправія, в зоологической естественности анархизма».

С этой точки зрѣнія, правда, совершенно непонятно, каким образом могла бы вырасти хотя бы культура Запада. Каким образом сговариваются люди платить сообща подати (и вовсе не только по принужденію), тратить уйму человѣческаго труда на постройку всякаго рода сооруженій, от стихій природы, создавать и *поддерживать* свои правительства, валить их, когда они не нравятся, не только для того, чтобы поставить новых и т. д. Что касается атмосферы безправія, то и в этом смыслѣ всякій безпристрастный историк должен отмѣтить непрерывную, упорную борьбу народа вовсе не за «анархію», а за права и обязанности, притом равныя для всѣх по возможности: — Неужели «анархическій народ» смог бы выносить в чревѣ своем тѣ сложныя учрежденія, которыя составляют в настоящем основу государственности?

Впрочем, это мнѣніе Горькаго об анархичности всякаго народа не совсѣм прочно. Через страницу мы находим уже другое утвержденіе: «Человѣк Запада еще в раннем дѣтствѣ, только что встав на заднія лапы, видит всюду вокруг себя монументальные результаты труда его предков. От каналов Голландіи до тунелей итальянской Ривьеры и виноградников Везувія, от великой работы Англіи и до мощных Силезских фабрик — вся земля Европы тѣсно покрыта грандіозными воплощеніями организованной воли людей, воли, которая поставила себѣ гордую цѣль: подчинить стихійныя силы природы разумным интересам человѣка. Земля — в руках человѣка и человѣк дѣйствительно владыка ея. Это впечатлѣніе всасывается ребенком Запада и воспитывает в нем сознаніе цѣнности человѣка, уваженіе к его труду и чувство своей личной значительности, как наслѣдника чудес труда и творчества предков».

Этой тирадой Горькій вполнѣ опроверг свое сужденіе об анархической природѣ народов. Эта природа — анархична, если культура не коснулась ея. А что такое культура — с обычным блеском описал сам Горькій: это сгусток накопленнаго труда ряда поколѣній, это неустанная борьба с анархической стихіей природы и диких инстинктов самих людей, — это вообще «сознаніе своей значительности, как наслѣдника чудес труда и творчества предков».

Сам Горькій сдѣлал немало для того, чтобы развѣнчать силу культуры и преображеніе ею дикаго человѣка. Его типы — «вольныя птицы», не связанныя ни с какими предками. Они живут «внутренностью», из себя, весьма мало интересуясь драгоцѣнными продуктами труда, скопленными их родичами на грѣшной землѣ. Очень пріятно, поэтому, видѣть новаго Горькаго, для котораго «культура и ея послѣдовательное накопленіе» не являются уже выдумкой интеллигентов, а сама интеллигенція — «чуланом с протухлой провизіей». Вот с этой высокой оцѣнкой западно - европейской культуры и подходит Горькій к анализу характера и типов русскаго крестьянства.

Воспроизведем прежде всего рисунок. Русское крестьянство в общем — своей духовной культуры не имѣет: множество суевѣрій и никаких идей. Откуда могут явиться идеи у сына «безкрайной равнины, в центрѣ которой торчит ничтожный, маленькій человѣк, брошенный на эту скучную землю для каторжнаго труда? Безграничная плоскость, на которой тѣсно сгрудились деревянныя, крытыя соломой деревни, имѣет ядовитое свойство опустошать человѣка, высасывать его желанія»... Пустота вливается в душу, кругом — никаких слѣдов культуры. Примитивный, тяжелый, труд, «страда» и ничтожные его результаты.

В этой безкрайней пустынѣ и живет русскій крестьянин или, вѣрнѣе, человѣк — звѣрь.

«Я думаю, пишет Горкій, что русскому народу исключительно — так же исключительно, как англичанину чувство юмора — свойственно чувство особенной жестокости, хладнокровія и как бы испытывающей предѣлы человѣческаго терпѣнія к боли, как бы изучающей цѣпкость, стойкость жизни. В русской жестокости чувствуется дьявольская изощренность, в ней есть нѣчто тонкое, изысканное». «В Сибири крестьяне, выкопав ямы, опускали туда вниз головой плѣнных красноармейцев, оставляя ноги их до колѣн на поверхности земли; потом они постепенно засыпали яму землей, слѣдя по судорогам ног, кто из мучимых окажется выносливѣе, живучѣе, кто задохнется позднѣе других. Забайкальскіе крестьяне-казаки учили рубкѣ молодежь свою на плѣнных. В Тамбовской губерніи коммунистов пригвождали желѣзнодорожными костылями в лѣвую руку и в лѣвую ногу к деревьям, на высотѣ метра над землей и наблюдали, как эти нарочито неправильно распятые люди мучатся. Вскрытіе плѣнным животов, сдираніе кожи, вбиваніе гвоздей, вмѣсто погон, «одѣваніе по формѣ» — т. е. сдираніе кожи по линіям портупей и лампас, — все это дѣлалось, все это требовало большого искусства. Отвращеніе не позволило Горькому увеличить примѣры сих гнусностей... Итак, сын безкрайней пустыни, русскій крестьянин, — дикообраз, тупая, утонченная жестокость и никакого сознанія своей вины и гнусности. Горожанин — это совсѣм другое существо. «Из безформенных глыб мертвой руды он создает машины и аппараты изумительной сложности, одухотвореные его разумом, живые. Он уже подчинил своим высоким цѣлям силы природы, и онѣ служат ему, как джины восточных сказок царю Соломону. Он создал вокруг себя атмосферу разума, «вторую природу».

Но как же с точки зрѣнія этого восторга перед «атмосферой разума», создаваемой горожанами, подойти к русской, исключительно городской диктатурѣ пролетаріата? Своим «высоким цѣлям» русская диктатура подчинила вот этих дикообразов-крестьян, какими средствами? Не явилась ли утонченная жестокость крестьянина прямым отвѣтом на городской «гуманизм?». Примѣры этого гуманизма ярко демонстрировались при вскрытіи нѣдр кіевских, харьковских и иных чрезвычайных комиссій. Люди в ужасѣ отступали перед неслыханной жестокостью горожанина. Еще только вчера этот горожанин был творец новых форм» «из безформенных глыб мертвой руды». Сегодня тѣми же руками живыя тѣла превращены в безформенныя глыбы мертвой матеріи. Звѣрь-крестьянин, звѣрь - пролетарій, звѣрь холодный и расчетливый - интеллигент, всѣ соревнуются в жестокости, всѣ садисты, вампиры, жадно пьющіе человѣческую кровь.... Причем тут крестьянство? Уж если рисовать правильную картину жестокости русской гражданской войны, то безусловно, слѣдует признать, что крестьянство оказалось неизмѣримо человѣчнѣе городского пролетарія и ин-

теллигента. Вѣками зрѣла ненависть крестьянина к помѣщику, вѣками чувствовал себя крестьянин жалким рабом, душой и тѣлом котораго могут распоряжаться его враги-помѣщик и чиновник. Еще совсѣм свѣжо преданіе об ужасах крѣпостного права. А как прошло отнятіе земли? В высшей степени рѣдки убійства помѣщиков. Их «вывозили», вѣжливо просили «уѣхать от грѣха», а в большинствѣ мѣст даже впрягали подводы. Землю нужно взять, пришла пора, а человѣка — «не замай», пусть ѣдет искать счастья в другом мѣстѣ, тут ему нечего дѣлать. Сравните это отношеніе с городской ненавистью к «буржую». Этой ненависти — нѣт предѣла. До седьмого поколѣнія надо истребить буржуйный род. Надо сдѣлать так, чтобы «ужаснулись и вѣчно помнили». Надо не только уничтожить, размозжить пулей череп, но и наиздѣваться вдоволь. Надо сдѣлать так, чтобы жены и дѣти валялись в ногах и молили о пощадѣ. Атмосфера «разума» всегда придумает жестокость болѣе утонченную, чѣм наивный сын безкрайней пустыни....

Справедливость измѣнила Горькому. Прав он, оказался жестоким не весь, конечно, русскій народ, а какіе то особые его слои. Но при чем тут крестьянство в массѣ своей — совершенно непонятно. Уж если мѣрить каким то аршином ее, эту русскую жестокость, эту садистскую гнусность, то образ человѣческій неизмѣримо больше исказили, загрязнили люди города, эти люди «из атмосферы разума». И совершенно прав был один крестьянин, собесѣдник Горькаго, который так резюмировал происходящія событія: «По воздуху галками научились летать, под водой щуками плаваем, а на землѣ жить не умѣем. Сначала то на землѣ надо бы твердо установиться, а на воздухѣ послѣ. И денег бы не тратить на эти забавки». Умный крестьянин понимает, что на землѣ «порядка нѣт», может быть даже стал понимать, как этот порядок надо установить, может быть нам, образованным, важно было бы мнѣніе этого сына пустыни и каторжнаго труда спросить, узнать, к этому все вести и этого добиваться, а мы только ставим штемпеля и приговоры: «Этот звѣрь, тот не годится, вот этот садист....» Другіе собесѣдники Горькаго, тоже крестьяне, полностью развернули основную черту своего міросозерцанія: *и дѣловой практитизм.* «Мнѣ подковы надо, топор, у меня гвоздей нѣт, а вы тут на улицах памятники ставите — баловство это». — «Ребятишек одѣть не во что, а у вас вездѣ флаги болтаются». — «Если бы революцію мы сами дѣлали давно-бы на землѣ тихо стало и порядок был-бы». — «Срѣзать надо с земли всѣх образованных, тогда нам, дуракам, легко жить будет, а то — замаяли они нас.»

Странное дѣло. До чего умны заявленія этих «дикообразов». А Горькій этого совсѣм не замѣчает. Вспоминаются огромные крестьянскіе кооперативные с'ѣзды. При всѣх ухищреніях самодержавія, которое великолѣпно умѣло так всѣх «замаять», что мозги вывернутся на изнанку, и мір ненавистен станет, крестьяне так умѣло проводили ладью коопераціи, так умѣло установили порядок в своем царствѣ, что силой своей организованности удивляли изслѣдователей. А пришел горожанин, овладѣл Россіей и — полностью стал похож на бегемота в посудной лавкѣ.... Очевидно, при анализѣ культуры русскаго народа ни в коем случаѣ нельзя дѣлить его по линіям сословій. Есть зубры среди интеллигентов, есть творцы культуры в «безкрайней пустынѣ», и есть профессіональные разрушители ея в городах.

Но есть в книгѣ Горькаго еще одно сужденіе, которое, быть может, ярче всѣх остальных характеризует степень об'ективности его анализов. Это — отношеніе крестьян к городскому голоду. «В 1919 г. милѣйшій деревенскій житель покойно разул, раздѣл и вообще обобрал горожанина, вымѣнивая у него на хлѣб и картофель все, что нужно и ненужно деревнѣ. Не хочется говорить о грубо насмѣшливом, мстительнем издѣвательствѣ, которыми деревня встрѣтила голодных людей города». Брошюрой Горькаго многіе возмущались, называли ее «пасквилем на русскій народ» и т. д. Причем тут «пасквиль»? Гораздо важнѣе всѣх этих слов и словечек понять психологію писателя, способнаго писать такія вещи в острѣйшій момент русской исторіи. Если Горькій «умер» для многих, ибо встал не на ту сторону в гражданской войнѣ, то как писатель он все же оказывает свое вліяніе на формированіе мнѣній хотя бы в «той сторонѣ». И вот с этой точки зрѣнія как можно допускать столь грубую, вопіющую несправедливость в своих сужденіях? На брошюрѣ — дата 1922 г. Написана послѣ того, как развернулся в Россіи голодный кошмар, поразавшій весь мір. Горькому не менѣе, чѣм всѣм остальным наблюдателям, извѣстно, что не палящіе лучи были причиной русскаго голода. Его основная причина — *продразверстка,* обираніе городскими отрядами, выкачиваніе из русской деревни всѣх, даже минимальных запасов, могущих перестраховать ее от стихійнаго бѣдствія. С оружіем в

рукахъ пыталось крестьянство защитить себя от саранчи, несущейся из города. Оно видѣло, оно знало что саранча эта — не работает, что живет она — запасами прошлаго, что ея опыты — он, крестьянин, должен оплатить, и не только ея, саранчи русской, но еще напитать иностранцев, тѣх, которые в интернаціоналѣ. Все это крестьянин отлично знал. Все эго ему, крестьянину, не только не нужно, — нѣт вредно даже, очень вредно. Не даром создалась в его мозгу сентенція: «замаяли вы нас, люди образованные». Да, замаяли. Не только замаяли, но и в гроб вколотили и без того убогое хозяйство. Только было поживился крестьянин на счет помѣщичьей землицы, коровки и заводской лошади, как новая городская напасть — неизмѣримо болѣе страшная. Инстинктом практика — хозяина учуял бѣду землероб. Вот она гдѣ основная его опасность. В этом гнетущем его бездѣльѣ города, в этих флагах, монументах невѣдомому Марксу, в этих экспериментах, губительных для крестьянства. Инстинктом живого и думающаго человѣка крестьянин сразу понял, кто его самый здостный враг: это — город, город, переставшій творить, город-дармоѣдов, город до зеленаго змія опившійся чуждой русскому народу «теоріей развитія». Ощетинилось крестьянство. Как от иноземнаго врага защищало оно свои хатенки, свой хлѣб, свой скот от пролетарія города. Не помогло. Пролетарій оказался вооруженнѣе, организованнѣе. Город задушил крестьянство и бросил его в холодную пасть голода.... И потому в 18—19—20 г.г. крестьянство так ненавидѣло горожан. Вѣдь оно - то не бросало работы.

Оно продолжало в потѣ лица своего вытягивать из земли колосья, вертѣть остановленныя «націонализаціей» мельницы, кормить бездѣльников. Вот это мѣсто книги Горькаго долго не забудется. Оно показало ярче других мѣст, через какія очки смотрит он на русскую дѣйствительность. Не пора ли их снять, эти очки? И взглянуть в глаза правдѣ? Быть может, тогда скорѣе пришли бы к опредѣленному рѣшенію вопроса о крестьянствѣ, о работѣ, о русском народѣ. Как увидѣть ее, эту правду? Путь единственный, тот самый, которым живет культурный Запад... и путь простой — не навязывать этому сыну пустыни чуждых ему цѣлей — спасать иноземный пролетаріат от иноземной же буржуазіи и на это давать хлѣб городу, — а дать ему возможность спасти свою страну своим активным вмѣшательством. Из приведенных Горьким кусочков мужицких мыслей, даже только из них — явствует, что русскій крестьянин не только не глуп, а напротив весьма, и весьма умен и «хитер на дѣло». И всѣ мы так много летали галками по воздуху или ныряли — без почвы — под водой щуками, что такая земная опора нам всѣм была бы несказанно полезна. Спросить его нужно, — что нужно ему и Россіи. Давать же характеристику стомилліонному населенію Россіи на основаніи страшных эпизодов гражданской войны, к тому же начатой городом, раздуваемой, как пожар вѣтром — это значит заниматься легкомысліем в самый отвѣтственный момент русской исторіи. Дикообраз — пустынник уже спасает Россію своей «страдой» в разгар революціи. Поклонимся же ему за это до земли и всемѣрно постараемся сторицей заплатить ему и своим трудом на пользу бѣдных хатенок с соломенной крышей, потерявщихся в безкрайней пустынѣ.... Постараемся не «замаявать» крестьянство своей фальшивой и ненужной ему образованностью, а дать ему все то, что может дать образованность истинная.

В этом теперь вся наша задача.

Ек. Кускова.

Крестьянскія организаціи в Швейцаріи.

Во время войны Швейцарія оставалась в сторонѣ от губительных вооруженных столкновеній. Поэтому, хотя на экономику страны послѣдствія войны оказали и продолжают оказывать тяжелое, угнетающее вліяніе, общій строй жизни, формы ея остались неизмѣнными, сохранили свои прежнія рамки. Общественная жизнь в Швейцаріи была всегда широко развита. И не только общегражданская, политическая жизнь, но и та, другая, подчас гораздо болѣе цѣнная, жизнь общественных об'единеній и союзов, которые преслѣдуют задачи моральныя или экономическія, но всегда на основѣ болѣе или менѣе развитой взаимопомощи. Наблюдателя, который, на основаніи разсмотрѣнія статистических

данных, относящихся к крестьянским организаціям в Швейцаріи, станет дѣлать заключенія об интенсивности их жизни, поразит медленность за послѣдніе годы роста как числа организацій, так и количества членов. Причина этого явленія однако же не в малой активности швейцарскаго крестьянства, а в том, что земледѣльческое населеніе Швейцаріи уже насыщено об'единеніями всякаго рода. Почти каждый крестьянин состоит членом и не одной, а нѣскольких организацій, которыя взаимно дополняют друг друга, преслѣдуя разнообразныя задачи по оказанію коллективной помощи.

Удивляться ли тому, что наступило уже время насыщенности, когда, при трех с половиной милліонном населеніи в странѣ насчитывается свыше 10.000 сельско-хозяйственных обществ и союзов всякаго рода. Переживаемый період, при ослабленіи дѣятельности по расширенію организацій, характеризуется стремленіем установить наилучшим образом взаимную связь, взаимную освѣдомленность различных организацій, чтобы не только устранить треніе между ними, но и наладить общую работу. Такія организація, союзы союзов, создаются, главным образом, по районам, по кантонам, к чему особенно побуждает разноязычіе населенія (нѣмецкій, французскій, итальянскій языки). Но нѣсколько организацій являются об'единяющими центрами и для всей Швейцаріи.

Их можно раздѣлить совершенно отчетливо на двѣ категоріи: 1) соціально политическія, 2) чисто экономическія.

К первым надо отнести «Швейцарскій Крестьянскій Союз». Эта вліятельная, можно сказать даже, самая вліятельная в Швейцаріи организація, существует уже 25 лѣт.

Может быть наилучшим образом будет охарктеризованна задача дѣятельности этого союза, если сказать, что он представляет собою научно обставленную обсерваторію, которая внимательно слѣдит, за всѣми событіями соціально-политической жизни в интересах использованія их для поднятія благосостоянія крестьянства. Круг дѣятельности секретаріата Союза таков:

1) Производство изслѣдованій по доходности сельскаго хозяйства в Швейцаріи, чтобы таким образом давать всегда свѣжій матеріал для общественных и политических дѣятелей, защищающих интересы крестьянства.

2) Собираніе матеріала для пересмотра таможеннаго тарифа и торговых договоров с другими странами.

3) Составленіе докладов для правительства по вопросам сельско-хозяйственнаго законодательства.

4) Изученіе вопроса о сельско-хозяйственных рабочих и об условіях наемнаго труда.

5) Содѣйствіе развитію сельско-хозяйственных обществ.

Организаціи чисто экономическія, распространяющія свою дѣятельность на всю Швейцарію, болѣе многочисленны. Их можно насчитать семь.

Вот их названія с краткой характеристикой главных задач дѣятельности:

1) *Центральный Союз Швейцарских молочных хозяев.* Его главной цѣлью является установленіе однообразной цѣны на молоко в соотвѣтствіи с дѣйствительными затратами на его производство. Союз устанавливает регулярныя совѣщанія для обсужденія молочнаго рынка.

2) *Швейцарскій Союз для торговли сыром.*

3) *Анонимное Швейцарское Общество для экспорта сыров Грюера.*

Оба эти общества занимаются организацией главным образом экспорта сыра заграницу.

4) *Швейцарская комиссія федерацій синдикатов для разведенія крупнаго скота* носит также чисто коммерчекій характер, который выражается в организаціи экспорта скота.

5) *Швейцарскій союз касс взаимнаго кредита* (система Райффейзена), крупная организація, содѣйствующая созданію и развитію мѣстных кредитных товариществ. При союзѣ имѣется центральная касса, которая служит для регулированія и облегченія финансовой дѣятельности союзных товариществ.

6) *Касса денежной гарантіи для сельско-хозяйственных рабочих и мелких крестьян* помогает с.-х. рабочим и неимущим крестьянам организовать самостоятельныя хозяйства.

7) *Швейцарское Общество страхованія убытков от градобитія.*

Кромѣ этих центральных экономических организацій швейцарскаго крестьянства имѣются еще организаціи районныя, об'единяющія особо населеніе кантонов, говорящих на французском, на нѣмецком и на итальянском языках, а также и чисто кантональныя организаціи того же типа.

Н. У.

З. А.

Крестьянство Латвіи на выборах.

При выборах (в апрѣлѣ 1920 г.) в латвійское Учредительное Собраніе, среди двадцати списков, по которым были избраны депутаты, имѣлось пять списков крестьянских политических группировок. То были: 1) Балтійскій крестьянскій союз, 2) Латгальская крестьянская партія, 3) Латгальскій христіанскій союз крестьян, 4) Союз безземельных земледѣльцев и 5) группа беспартійных безземельных.

Двѣ послѣднія группировки были образованіями временными и организаціонно почти не закрѣпленными. Онѣ представляли собой тип политических организацій, образуемых ad hoc обычно на період избирательной кампаніи и лишь во имя участія в ней. При выборах (в октябрѣ 1922 г.) в латвійскій Сейм, смѣнившій Учредительное Собраніе, обѣ группировки уже отсутствовали. Нельзя, однако, сказать, что они исчезли, («аки обры: их же нѣсть ни племени, ни потомства»). Потомство, хотя и сильно измѣнилось от этих группировок, повидимому, осталось. Им является новое политическое образованіе, появившееся при выборах в Сейм, — «новохуторяне»... Соціальный состав всѣх этих трех группировок очевиден из их названій: сначала это безземельные — частью хозяйничающіе, частью батрачествующіе, потом, в результатѣ аграрной реформы, они получили землю и сдѣлались «новохуторянами»... В законодательных собраніях депутаты всѣх трех группировок занимали и занимают мѣста в центрѣ, будучи однако болѣе близкими лѣвому крылу, чѣм правому.

Три первыя группировки являются постоянными: онѣ фигурируют на выборах и в 1920, и в 1922 годах. Депутаты всѣх трех их занимают мѣста на правом флангѣ Учредительнаго Собранія и Сейма. Этот правый фланг в Латвіи своеобразен по своему поведенію в чисто политических вопросах. Он вовсе не повторяет праваго фланга, напримѣр, французской палаты депутатов, или германскаго рейхстага. Политически реакціонныя тенденціи ему совершенно чужды, он совершенно демократичен. Депутаты Балт. крест. союза и Латгальской крест. партіи образуют даже одну общую фракцію. Латгальскій христіанскій союз крестьян стоит особняком — эта организація находится под сильным, даже руководящим вліяніем католическаго духовенства, и потому в ея міровоззрѣніи и поведеніи сильно представлены мотивы религіозные.

Раздѣльное существованіе Балтійскаго крестьянскаго союза и Латвійской крестьянской партіи, при чрезвычайной близости их программ, и почти тождествѣ тактики в законодательных собраніях, является отраженіем особенностей Латгаліи, которыя выдѣляют ее в составѣ современной Латвіи в отдѣльный самостоятельный район — особый по языку, религіи, экономическому положенію его населенія. Латвійскій язык имѣет два діалекта — оба сильно развитых: собственно латышскій и латгальскій. По вѣроисповѣданію огромное большинство латышей — протестанты, латгальцы — католики. По экономическому положенію Латгалія характеризуется гораздо меньшим развитіем промышленности, меньшим развитіем городов, меньшей — в прошлом — обезземеленностью сельскаго населенія и т. д.

Это своеобразіе Латгаліи, почти не отразившееся в программѣ и тактикѣ крестьянской партіи, а в то же время отчетливо чувствуемое населеніем, которое сильно обособляет себя от собственно-латышей, было роковым для латгальской крестьянской партіи.

Голосовавшіе за нее в 1920 году при выборах в Сейм (1922) отказали ей в поддержкѣ, отдав свои голоса в меньшей части христіанскому союзу крестьян, а в большей — распылив их между другими партійными организаціями. Выборы в Сейм показали почти полное исчезновеніе крестьянской партіи Латгаліи и значительное усиленіе ея христіанскаго союза крестьян. В значительной степени эта перемѣна была вызвана также и болѣе сильным участіем интеллигенціи (в лицѣ дѣятельнаго и организованнаго католическаго духовенства) в христіанском союзѣ.

Крупную роль в государственной жизни Латвіи играл и продолжает играть Балтійскій крестьянскій союз. В законодательных учрежденіях его депутаты занимали и занимают второе мѣсто по численности; с іюля 1921 года по декабрь 1922 г. его членами были заняты посты министров — премьера, иностранных дѣл, внутренних дѣл и товарищей министров земледѣлія и финансов. Союз обладает устойчивым слоем своих членов и избирателей, которые рекрутируются из рядов зажиточнаго крестьянства.

Измѣненія в политическом вліяніи, пережитыя крестьянскими организаціями Латвіи — всѣми вмѣстѣ и каждаго порознь — за два с половиною года, между выборами в Учредительное Собраніе и выборами в Сейм, показывает слѣдующая табличка:

Было КРЕСТЬЯНСКИХ ДЕПУТАТОВ

	в Учредительном Собраніи		в Сеймѣ	
	абсол. число	в %% к общему числу депут. (152)	абсол. число	в %% к общему числу депутатов
Балтійскій крест. союз . . . . ,	26	17,1 %	17	17 %
Латгальск. крест. партія . . .	17	11.2 %	1	1 %
Латгальск. христ. союз крестьян .	6	4%	6	6 %
Союз беззем. земледѣльц. . . .	3	2%	—	—
Группа безпарт. беззем. . . .	2	1,3 %	—	—
Новохуторяне	—	—	3	3 %
	54	35.6 %	27	27 %

Крестьянство Латвіи, как видим, не удержало полностью самостоятельных политических позицій, занятых им в 1920 году: послав в этом году 35,6% депутатов Учредит. Собранія, через 2½ года оно выбрало в Сейм только 27% депутатов. Уменьшеніе, однако, произошло только за счет разгрома только одной из трех постоянных партій, двѣ другія или удержали свое прежнее значеніе (Балт. крест. союз), или даже усилились (Латг. христ. союз крестьян). Почти сохранили свой прежній удѣльный вѣс и временныя группы крестьян.

Какія общія заключенія можно сдѣлать на основаніи приведенных данных? Первым является факт сравнительной многочисленности политических группировок крестьянства. В маленькой Латвіи с ея примѣрно двухмилліонным сельским населеніем имѣется три постоянных крестьянских партіи, и то одна, то двѣ группировки временныя. Послѣднія, однако, можно считать также одной постоянной, если вѣрно наше предположеніе, что состав их избирателей почти один и тот-же. Итого — четыре группировки. Второй вывод общаго значенія относится к факторам, которые дробят политическое единство крестьян. Мы видим тут разслойку, во первых, по соціально-экономическому признаку, во вторых по признаку территоріальному, связанному, однако, с рѣзкими различіями в экономическом и духовном укладѣ жизни, в третьих, по признаку большей или меньшей выраженности религіозных мотивов.

В качествѣ третьяго вывода можно, наконец, отмѣтить сравнительную устойчивость политических позицій крестьянства.

З. А.

Политическія организаціи крестьянства Литвы.

На «революціонном сеймѣ Литвы», собравшемся в декабрѣ 1905 года в Вильнѣ, соціалисты — народники образовали фракцію «Крестьянскаго Союза». С этого времени и ведет свою исторію хронологически первая политическая организація литовских крестьян. Возникнув по сторонней иниціативѣ и попав с первых же дней своей жизни под руководство иниціаторов, Союз и до сих пор остается в значительной мѣрѣ политически и идейно несамостоятельным. Им руководят соціалисты — народники. Происходит, впрочем, и обратное воздѣйствіе: выросшій в своем политическом значеніи Союз все сильнѣе приспособляет к себѣ и к особенностям своей соціальной среды не только поведеніе, но и міровоззрѣніе своих основателей и руководителей. Среди послѣдних все усиливаются разговоры о необходимости закончить с организаціонно-обособленным существованіем партіи соціалистов — народников и крестьянскаго союза. И очевидно — если сліяніе произойдет, то продукт сліянія будет гораздо ближе к современному Союзу, чѣм к партіи. Этот результат предопредѣляется рѣзко разнящейся политической значимостью Союза и партіи: тѣ скромные успѣхи, которые пожинает послѣдняя на выборах, созданы гораздо в большей мѣрѣ притяженіем избирателей к Союзу, чѣм к партіи.

Крестьянскій Союз об'единяет трудовые слои крестьянства — среднее, мелкое и отчасти безземельное; повидимому, два послѣдних слоя в большей мѣрѣ, чѣм первый. В зажиточном слоѣ крестьянства он довѣріем и успѣхом не пользуется.

А.

Зажиточные круги крестьянства политически обслуживаются «Союзом сельских хозяев» — организаціей клерикально-консервативной. Эта вторая крестьянская группировка сильно захватывает в орбиту своего вліянія и средній крестьянскій слой. Есть еще и вторая клерикальная группировка, которая претендует — и не без успѣха — на политическое вліяніе среди низовых слоев деревни — среди малоземельных и безземельных. Это «Федерація Труда» с подзаголовком — «Рабочіе, Безземельные и Малоземельные». Крестьянскій Союз встрѣчает, таким образом, конкуренцію и, как увидим, весьма серьезную со стороны клерикалов среди всѣх групп крестьянства, на которыя он пытается опираться и в нѣкоторой мѣрѣ дѣйствительно опирается.

Существует еще третья крестьянская группировка — «Союз землевладѣльцев», но она пользуется ничтожным политическим вліяніем и при выборах в Сейм (в концѣ 1922 года) не провела ни одного депутата.

Борьба за крестьянство, поскольку оно политически группируется вокруг собственных организацій, идет, таким образом, между крестьянами — с одной стороны и весьма умѣренными литовскими соціалистами — народниками — с другой. Главными дѣйствующими частями в этой войнѣ является католическое духовенство у клерикалов, и народные учителя у соціалистов. В каком количествѣ деревня Литвы идет за своими политичекими организаціями и как распредѣляется между двумя идейно враждующими лагерями?

В Литвѣ всеобщіе выборы происходили два раза — весною 1920 года (в Учред. Собраніе) и осенью 1922 года (в Сейм). Количество депутатов от крестьянских партій было слѣдующее:

	1920 г.			1922 г.		
Крестьянскій Союз . . .	20 ч.	16,4%	всѣх депут.	14 ч.	17,9%	всѣх депут.
Союз сельских хозяев . .	8 „	6,6%	„ „	12 „	15.5%	„ „
	28 ч.	23%		26 ч.	33,3%	

«Федераціи труда» мы в подсчет не вводим. Расчитанная, как гласит комментирующій ея названіе подзаголовок, на рабочих, безземельных, и малоземельных, она, повидимому, об'единяет двѣ первых группы — рабочих и безземельных, т. е. нехозяйствующіе элементы деревни и значит не-крестьян. Как видим, выросло политическое вліяніе обѣих организацій в крестьянствѣ: в 1920 г. они проводят меньше четверти депутатов, а в 1922 г. ровно треть. Если считать, что на долю литовской деревни приходится 70% всѣх поданных голосов, то выйдет, что за крестьянскими партіями в 1920 году шло около 30% сельскаго населенія, а в 1922 году почти 42%. Если же принять в расчет одних крестьян и не считать пришлое и нехозяйствующее населеніе деревни, то в 1922 году обѣими организаціями было об'единено больше, чѣм половина крестьянскаго населенія. Процент весьма высокій!

Вліяніе клерикалов среди крестьян растет быстрѣе, чѣм их противников: количество полученных голосов у первых увеличилось за 2½ года на 133%, а у вторых только на 9%. Трудно сказать, результатом чего является эта огромная разница в ростѣ вліянія: сказывается ли тут различіе в возрастѣ организацій, различна ли степень организованности и активности их, обнаруживается ли в крестьянствѣ большее тяготѣніе к религіозно окрашенным организаціям, чѣм к чисто свѣтским...

Отмѣтим еще, в качествѣ факта, не лишеннаго интереса и показательности, что в то время, Крестьянскій Союз, хотя и медленно, но все таки растет, руководящая им партія народников — соціалистов слабѣет: в 1920 году она провела 7,4% всѣх депутатов, в 1922 году только 6,4%.

А.

Крестьянство Польши на выборах в Сейм.

Выборы в Польшѣ происходили согласно новому избирательному закону, проведенному послѣ горячей борьбы в Учред. Сеймѣ в іюнѣ 1922 г. В первоначальной редакціи закон этот преслѣдовал интересы малых групп, избиратели которых разсѣяны по всей территоріи государства. По этому закону, кромѣ избирательных списков по округам, вводились т. наз. государственные списки. Мелкія группы, которыя не собрали достаточнаго количества голосов для полученіи мандата в одном округѣ, могли суммировать поданные за них голоса и проводить кандидатов по государственным спискам. По окружным спискам

было установлено 372 мандата, по государственным 72. По мысли иниціаторов законопроекта, такая система вела к послѣдовательному проведенію принципа пропорціональности.

Вокруг этого закона возникла ожесточенная борьба. В концѣ концов он был проведен, но в таком видѣ, что мог служить интересам как раз противоположным тѣм, какіе защищали его иниціаторы. Было постановлено, что государств. списками могут пользоваться только болѣе крупныя партіи (которыя получили по округам не меньше 6 мандатов), и между этими партіями мандаты дѣлятся не пропорціонально числу поданных за них голосов, а пропорціонально числу уже проведенных по округам кандидатов. В конечном итогѣ, смысл закона свелся к тому, что крупныя партіи увеличивают число своих мандатов за счет мелких групп.

В борьбѣ, которая шла вокруг этого закона в Сеймѣ, крестьянская партія «*Пяст*» стала на сторону крупных правых партій. Причем она имѣла против себя все лѣвое крыло Сейма, в частности радикальную, крестьянскую же партію «Вызволеніе» Таким образом, первым слѣдствіем новаго избирательнаго закона было расхожденіе двух родственных опирающихся на деревню групп. С другой стороны, так как закон покровительствовал самым крупным партіям, и по существу своему был направлен против національных меньшинств, (главным образом против нѣмцев и евреев), то он толкнул всѣ меньшинства на образованіе общаго предвыборнаго блока. Крупная побѣда этого блока на выборах явилась событіем большой важности и усложнила и без того запутанную политическую ситуацію в Польшѣ.

Правыя партіи двинулись на выборы сомкнутым строем. Правое крыло стараго Сейма, представляющее интересы крупных промышленников, аграріев и клерикальных кругов, образовало блок под названіем Христіанско - Національное Единеніе (именуемое — по первым буквам — СН — у — на). Это была самая крупная единица на избирательном фронтѣ, располагающая большим вліяніем в Конгресувкѣ (б. русская Польша), и в Познани. За ней шло, главным образом, городское населеніе, но кой гдѣ (особенно в Познани), ей удалось втянуть в свою орбиту и часть крестьянства. Располагающая громадными денежными средствами, многочисленной и хорошо организованной прессой, вліяя через посредство духовенства на широкіе круги населенія, стоящіе под вліяніем костела, — эта группа шла на выборы с увѣренностью в полной побѣдѣ. Эта увѣренность опредѣлила собой и избирательную тактику этой группы: безудержную и мало разбирающуюся в средствах борьбы не только против своих главных конкурентов — польской соціалистической партіи (П. П. С.) в городѣ и «Пяста» в деревнѣ, — но и против ближе стоящих центровых и націоналистически мыслящих группировок. Но, несмотря на прекрасную организацію , затраты на агитацію громадных сумм, на широкую, по американски поставленную рекламу — надежды на исключительную, монопольную побѣду не оправдались. СН —у— на получила 163 мандата, на 35 мандатов больше, чѣм в старом Сеймѣ. Усиленіе СН — у — ны прошло, главным образом, на счет центровых групп, которыя, под напором справа и слѣва, почти исчезли с политическаго горизонта, усилив оба крыла. Между тѣм, для полученія своего прочнаго большинства СН — у — нѣ нужно было минимум 223 мандата. Таким образом, правый блок, чтобы не уходить в опозицію, вынужден искать соглашенія с «Пястом», или с правой его частью; но послѣ тѣх пріемов избирательной агитаціи, которые были примѣнены СН — у — н ой в частности в борьбѣ против «Пяста», осуществленіе такого соглашенія становится весьма затруднительным.

*

«Еесть у нас широкая, весьма тяжеловѣсная, до сих пор недостаточно образованная крестьянская масса, представляющая в численном отношеніи 2/3 населенія Польши, неподатливая для лозунгов крайней лѣвой, но в равной мѣрѣ, в силу собственных интересов, борющаяся против многих лозунгов, выдвигаемых справа. Эта масса является единственной основой, на которой можно построить в Сеймѣ центральную группу, которая неизбѣжно должна быть и правящей группой, так как нельзя себѣ представить правительства, которое могло бы имѣть против себя крестьянство, т. е. большую часть населенія».

К такой характеристикѣ крестьянства, дѣлаемой журналом «Политика», одним из органов «Пяста», можно присоединиться только с извѣстными ограниченіями. Прежде всего, нельзя согласиться с представленіем о польском крестьянствѣ как единой, монолитной массѣ. На самом дѣлѣ, эти двѣ трети насе-

ленія Польши отдавали и отдают свои симпатіи самым различным политическим группировкам. Сама «Политика» дальше пишет, что нѣт в Сеймѣ ни одной партіи, которая не могла бы похвалиться извѣстным вліяніем в деревнѣ и даже не насчитывала бы в своих рядах нѣскольких крестьян-депутатов. Рѣчь может идти только о разных степенях вліянія на крестьянство, и тогда можно построить такой ряд: «Пяст» (или П. С. Л. - Польске Стронництво Людове), далѣе «Вызволеніе», потом крестьянскую группу Стапинскаго, рабочія партіи, наконец даже клерикально-націоналистическія и помѣщичьи группы.

Но, несмотря на такое раздробленіе крестьянских голосов, истинными выразительницами желаній польскаго крестьянства можно считать только двѣ партіи: «Пяст» и «Вызволеніе». Группа Стапинскаго, насчитывавшая в старом Сеймѣ 12 депутатов, нынѣ влилась в обѣ вышеназваныя партіи. Из них болѣе крупная «Пяст», насчитывавшая в прежнем Сеймѣ 85 мѣст. Вышеприводимая характеристика «Polityki» крестьянина — тяжкодума, умѣреннаго, но стойкаго в своих убѣжденіях, вѣрна постольку, поскольку она относится к избирателю «Пяста», — зажиточному крестьянину, середняку. Этот крестьянин при самых неблагопріятных обстоятельствах сумѣл создать сильную политическую организацію и, мало обслуживаемый городской интеллигенцией, выдвинул из своей среды вождей, занявших видное мѣсто в жизни государства. В самую тяжкую минуту для Польши, когда большевики подходили под Варшаву, судьбы страны были ввѣрены Витосу, лидеру «Пяста» простому галиційскому крестьянину, Галиція, родина «Пяста», его избирательная база, гдѣ, во время нынѣшних выборов, соединившись с группой Стапинскаго, он образовал единый крестьянскій фронт.

Лѣвѣй «Пяста» стоит «Вызволеніе», опирающееся на малоземельное крестьянство и сельско-хозяйственных рабочих. «Вызволеніе», в рядах котораго идет много городской, радикально-демократической интеллигенціи, по своему духу нѣсколько подходит к нашим с. р. Не конкурируя с «Пястом» в Галиціи, «Вызволеніе» (иногда называмое партіей Тугута), имѣет много стронников в б. русской Польшѣ, и единственная из польских партій имѣла нѣкоторый (хотя и минимальный) успѣх на восточных кресах. В старом Сеймѣ «Вызволеніе» было значительно слабѣе «Пяста»; оно имѣло 28 мандатов против 85 пястовцев. В нынѣшнем Сеймѣ положеніе измѣнилось: на 70 депутатов «Пяста» приходится 49 от «Вызволенія».

Процесс «разслоенія» польской деревни, выражающійся в перераспредѣленіи крестьянских мандатов между «Пястом» и «Вызволеніем», далеко еще не закончен. При создавшейся сложной внутриполитической ситуаціи не исключена возможность отрыва значительной части группы Витоса и перехода под знамена «Вызволенія». Во время избирательной кампаніи обѣ партіи шли отдѣльно, так как различный соціальный состав избирателей и партійных штабов помѣшал им блокироваться и создать единый крестьянскій фронт. В свое время пястовцы жестоко нападали на «Вызволеніе» за его нетерпимость, помѣшавшую об'единенію обѣих групп. Дѣйствительность как будто подтвердила справедливость упреков пястовцев, так как при блокировкѣ было бы избѣгнуто то положеніе — на распутьи — в котором сейчас очутился «Пяст».

Окончательный результат выборов, усилив крайнія партіи, сдѣлал невозможным созданіе сильнаго центра, о котором мечтал «Пяст». Оба крыла польской общественности разошлись еще сильнѣе. Результат выборов можно опредѣлить приблизительно так: 163 голоса об'единенной правой, 185 голосов (считая «Пяст») лѣвой, и особняком стоящая сильная группа, 83 депутата, національных меньшинств. Для полученія прочнаго большинства нужно 223 голоса, которых не имѣют ни правая, ни лѣвая стороны.

Так как «Вызволеніе» — группа, безповоротно связавшая свою судьбу с лѣвыми партіями, то сейчас «Пясту», крестьянской и близко стоящей к центру партіи, приходится вторично брать на себя огромную отвѣтственность, не только перед своими избирателями, но и перед всей страной, за судьбы государства, как цѣлаго. При сложившемся соотношеніи сил, от рѣшенія «Пяста» зависит, — правым или лѣвым *креном* пойдет государственный корабль. К этому присоединяется и то, что для крестьянской партіи овладѣніе политической, в частности правительственной властью, представляется моментом чрезвычайной важности. Основныя нужды крестьянства удовлетворены только на бумагѣ, как напримѣр, земельный вопрос. Закон 15 іюля 1919 года устанавливает принудительное отчужденіе и раздѣл частно-владѣльческих имѣній свыше 180 гектаров

(400 гектаров на кресах); но проводится он в жизнь таким темпом*), который настоятельно диктует крестьянству необходимость стать ближе к правительственному механизму и самому нажать нужные рычаги.

Для образованія сеймоваго большинства могут идти в расчет только двѣ комбинаціи. Или коалиціи соединенной лѣвой с блоком нац. меньшинств, или блокировка «Пяста» с правыми группами.

Но этот выход является сейчас почти исключенным. Правда, «Пяст» много воевал с лѣвыми группами в особенности с «Вызволеніем» и «Польской Соціалистичекой Партіей» на почвѣ избирательнаго закона. Правда, что бывали моменты, когда обостреніе отношеній доходило до того, что законопроекты «Пяста» об ускореніи надѣленія крестьян землей проваливались голосами соціалистов.

Но все же «Пяст», крестьянская группа, по всему духу своему, по своей, т. сказать «прирожденной» глубокой демократичности, крѣпкими нитями связан с лѣвыми, вмѣстѣ с которыми и образует фронт „Polski pracujacej"— трудящейся Польши, противостоящей правым «панам». И хотя «паны» и идут сейчас навстрѣчу крестьянским представителям, протягивая руку и предлагая забыть столь недавнія обиды и об'единиться, в виду опасности, грозящей Польшѣ со стороны «жидов» и прочих инородцев, — однако вряд ли такая кооперація осуществится Даже при лучшем желаніи сторон она была бы возможна только в видѣ откомандированія достаточно сильной умѣренно-правой группы навстрѣчу Витосу. Но и в таком случаѣ:

1) сама по себѣ такая группа не дает абсолютнаго большинства и не дает гарантіи прочнаго сотрудничества;

2) не может она разсчитывать на поддержку крайней лѣвой, не может вліять и на крайнюю правую;

3) такая группа будет лишена всякой поддержки національных меньшинств. Мы нарочно останавливаемся на технической сторонѣ вопроса, не останавливаясь на той пропасти міровоззрѣній, которая раздѣляет крестьянскій и правый лагери. Но если мы вспомним о поведеніи правых по отношенію к «Пясту» во время выборов, о зоологическом націонализмѣ помѣщичье-клерикальных кругов, непріемлемом для крестьянина-демократа; наконец, вопрос о Пилсудском, который для всей лѣвой является символом демократіи и выразителем ея желаній и который слѣпо ненавидим правыми группами, — то станет ясно, что всякія право - крестьянскія комбинаціи могут быть только мыльным пузырем. А так как, с другой стороны, иного выхода не видно, то становится понятно настроеніе части польской печати, которая называет нынѣшнее положеніе вещей «в высшей степени опасным и почти катастрофическим». Политическое и экономическое состояніе Польши дает право говорить таким языком.

*

Мы не останавливались на значительной группѣ, 83 депутата, прошедшей в Сейм от національных меньшинств. Исторія возникновенія этой группы, ея борьба на выборах с польскими лѣвыми партіями за украинскіе и бѣлорусскіе голоса могла бы послужить темой особаго очерка. Отмѣтим только, что эта группа одержала полную побѣду на кресах и провела в Сейм больше 30 депутатов от Волыни и Полѣсья. Голосуя за блок меньшинств, крестьянин выражал свое недовольство политикой польских властей — приславших ему чуждую, говорящую на непонятном языкѣ, администрацію, закрывающую школы, закрывающую церкви. От своих депутатов, которых он проводил через блок, он ожидает и разрѣшенія других жгучих вопросов: матеріальной поддержки правительства для отстройки разрушенных войной хозяйств, прекращенія пресловутаго «осадництва», колонизаціи, благодаря которой лучшія земли, которыя могли бы утолить его старинный земельный голод, отдаются в руки пришельцев — польских солдат. Исполнятся ли надежды, которыя были связаны с блоком меньшинств. этот вопрос остается пока открытым. Неизвѣстно даже, будет ли блок выступать в Сеймѣ как самостоятельное цѣлое, или же разобьется по польским партіям, со-

*) Вот цифровая справка: из 1061 имѣнія, предназначеннаго к раздѣлу по закону 15-го іюля 1919 года — фактически было раздѣлено: в 1919 году — 60 имѣній, в 1920 — 66, в 1921 — 232. Причем парцелляціи подверглись, гл. обр. мелкія имѣнія.

отвѣтственно политическим и соціальным симпатіям входящих в него групп. Во всяком случаѣ можно ожидать, что по основным и существенным для *кресоваго* крестьянства вопросам религіи, школы, языка, блок будет выступать солидарно.

Варшава, 30. XI. 22.

С.

От редакціи: Со времени написанія этой статьи в политической жизни Польши произошел ряд крупных событій. Был выбран первый президент польской республики — Нарутович. Его уже нѣт — пуля «народовца» Невядомскаго сразила его. Теперь выбран второй президент — Войцеховскій. Кандидатуры обоих президентов были выставлены крестьянскими партіями... Кандидатура перваго «Вызволеніем», кандидатура второго «Пястом». В процессѣ этих выборов выяснилась и основная линія в политической тактикѣ «Пяста». Послѣдній при выборах перваго президента вмѣстѣ с лѣвым крылом Сейма и Сената голосовал против кандидата, выставленнаго правым крылом, графа Замойскаго. Вмѣстѣ с лѣвыми же, когда выяснилась безнадежность выставленнаго им кандидата в президенты — Войцеховскаго, он подал свои голоса за Нарутовича... При выборах второго президента лѣвое крыло Сейма и Сената голосовало за кандидата «Пяста» — нынѣшняго президента Войцеховскаго. «Пяст», таким образом, связал свою политическую дѣятельность в законодательных палатах Польши, с дѣятельностью лѣваго крыла польской общественности, а не праваго.

В Галиціи.

Из всей территоріи бывшей австровенгерской имперіи только одна Восточная (русская) Галичина все еще ждет — уже пятый год — рѣшенія своей судьбы.

Во время міровой войны Вост. Галичина считалась в Австріи самой несчастной провинціей; в том смыслѣ, что на ея территоріи происходили, почти безпрерывно, главныя военныя дѣйствія, разыгрывались всевозможные военные ужасы — массовые политическіе аресты, военнополевые суды, разстрѣлы, эвакуаціи, постоянныя реквизиціи, грабежи и т. п. Населеніе измучилось и разорилось до крайности.

В 1918 г., послѣ развала Австро-Венгріи, русское населеніе Вост. Галичины было опять поставлено перед неизбѣжной необходимостью начать новую домашнюю войну — с поляками за свое національное освобожденіе.

Эта національная война была в то же время и войной мѣстнаго русскаго крестьянина с польским помѣщиком, войной за землю.*) К сожалѣнію борьба происходила в неравных военных условіях. Поляки стянули на галицкій фронт свои войска из Польши. Россія не имѣла возможности помочь своему галицкому брату, и в результатѣ долгих мѣсяцев кровавой борьбы поляки остались побѣдителями. 25 іюля 1919 г. Польша получила от Верховнаго Совѣта мандат на временную оккупацію Восточной Галичины. Начался новый період польскаго произвола. Русское населеніе, и без того уже разоренное, разорялось новыми польскими побѣдителями без пощады.

Безконечныя жалобы, представленія, просьбы направлялись на мирную конференцію, но не достигали цѣли.

Международное положеніе Восточной Галичины было опредѣлено мирной конференціей в сэн-жерменском договорѣ — 10 сентября 1919 г. По постановленіям 91 ст. этого договора Восточная Галичина осталась под суверенитетом держав Антанты. Поляки однако, чувствуя выгоду своего положенія, созданную благодаря слабости Россіи и отсутствію послѣдней на мирной конференціи, рѣшили всячески использовать предоставленный им мандат оккупаціи для того, чтобы фактическое, временное владѣніе страной превратить в постоянное. Автономія края была упразднена, автономный галицкій сейм, его исполнительный орган, Краевый Выдѣл, и верховный галицкій административный орган Намѣстничество были ликвидированы. Вост. Галичина была раздѣлена на три воеводства

*) 91% гал. русскаго населенія — крестьяне.

— львовское, станиславовское и тарнопольское, которыя были подчинены прямо Варшавѣ. Малорусскій язык начали безцеремонно вытѣснять из вѣдомств и школ. Малорусскія школы постепенно закрывались. Политическим преслѣдованіям не было конца. Тюрьмы и концентраціонные лагери не переставали быть переполненным. Деревню же разоряли новыя реквизиции, постой войск, грабежи и т. п. Однако самым ужасным и опасным средством для всего населенія вообще оказалась колонизація, которую поляки стали проводить в Восточной Галичинѣ — очень поспѣшно и со всей безпощадностью по отношенію к мѣстным мало-и безземельным селянам.

Восточная Галичина — страна крестьянская. 73% всего населенія — это крестьянство, большей частью мало-или безземельное. Страшный земельный голод — основная соціальная болѣзнь страны. Больше 4/5 сельских хозяйств Восточ. Галичины принадлежит экономически несамостоятельным хозяйствам.*) По подсчетам польскаго профессора Тад. Бржескаго для удовлетворенія мѣстных сельских хозяйств в Вост. Галичинѣ не хватило бы еще одного милліона гектаров, если-бы оставить помѣщикам приблизительно по 60 гект. на семью.

Между тѣм, польское правительство издало 1 сентября 1919 г. распоряженіе, в силу котораго требуется для покупки помѣщичьей земли особое разрѣшеніе от Главнаго Земельнаго Управленія в Варшавѣ. Для Вост. Галичины это распоряженіе обозначало, на практикѣ, полное исключеніе мѣстнаго русскаго крестьянства из участія в парцелляціи. За первые два года польской парцелляціи в Вост. Галичинѣ — от сентября 1919 г. по сентябрь 1921 г. — было распродано польским колонистам приблизительно 160.000 гект. восточно-галицкой земли, т. е. 1/4 часть всего восточно-галицкаго земельнаго запаса, причем пересилилось в Вост. Галичину больше 1/4 милліона поляков из Польши.

Широкія массы мѣстных мало-и безземельных селян лишались своих вѣчнолелѣянных надежд пріобрѣсти как-нибудь кусок помѣщичьей земли, рядом с этим отнималась у крестьян возможность того жалкаго заработка, который имѣлся у них при существованіи крупных землевладѣній. Уже до войны сотни тысяч галицких крестьян спасались от безработицы и голода эмиграціей в Америку и в прусскія области Германіи. Сейчас и эти клапаны закрылись или почти закрылись. Германія закрыла совсѣм доступ сезонным рабочим из Галичины. Америка же ограничала в'ѣзд эмигрантов из Вост. Галичины до 6000 душ в год приблизительно.

Просьбы и обращенія мѣстнаго русскаго населенія к державам Антанты остались почти без успѣха. Интерпеляція в лондонской палатѣ общин в 1922 г., по поводу галицкой колонизаціи имѣла слѣдствіем, что варшавское Земельное Управленіе разрѣшило нѣсколько продаж по одной восьмой — пол десятины годной земли мѣстным русским крестьянам. В общем же, польская колонизація продолжалась в усиленном темпѣ.

Широкія массы были поставлены перед страшной дилеммой: или мириться с насиліем, ждать спасенія от... мирной конференціи, идти на встрѣчу вѣрной гибели — экономической, національной или прибѣгнуть к мѣрам отчаянной самозащиты и на насиліе отвѣтить насиліем. Избран был путь второй — отчаянной самоотверженной борьбы.

Минувшей осенью по всей Восточной Галичинѣ прошла полоса поджогов польских помѣщичьих «фольварков» и новопришедших колонистов, начались убійства польских жандармов и других агентов польской оккупаціи, взрывы военных складов, мостов, уничтоженіе телеграфных и телефонных проволок, и вообще шла широкая саботажная работа. Усиленные розыски и слѣдствія польских властей оставались почти без результата. Польскій террор усилился, новые отряды польских войск были посланы в Восточную Галичину, были учреждены военно-полевые суды, произведены безчисленные обыски и аресты.

В такое то время были как раз об'явлны выборы в варшавское народное собраніе, несмотря на то, что В. Галичина не состоит частью польскаго государства. Всѣ политическія организаціи — как русскаго так и украинскаго (самостійническаго) направленія — постановили единодушно бойкотировать выборы. Чтобы сломить бойкот, поляки стали прибѣгать к самым изысканным мѣрам коррупціи, угроз, насилія и террора, лишь бы создать впечатлѣніе, что русское крестьянство приняло участіе в выборах и признало тѣм самым польскій суве-

*) 49,5% хозяйств всей Галичины (около 597.959) с площадью не выше 2 гектаров, 33,5% хозяйств — 2 — 5 гект. В то же время 40% всей земли, т. е. 2.900.000 гект. находилось еще в 1902 г. в руках 2.669 помѣщиков-поляков.

ренитет. Арестовали массу интеллигенціи — студентов, учителей, священников, врачей, адвокатов, чиновников, чтобы легче терроризировать деревню.

Но всё это не имѣло успѣха. Крестьянство держалось очень стойко. В самый день выборов польскіе жандармы и войска прибѣгали к самым грубым пріемам террора, под угрозой сжечь дворы, часто в сопровожденіи кровавых избіеній, — буквально гнали людей, иногда уже поздней ночью, к выборной урнѣ. Мало того, уже послѣ выборов, как писала об этом сама польская газета «Дзенник Людовы» от 15 сентября с. г., на далеком Покутьи появлялись, между 6-м и 11-м ноября польскія войска и агенты-провокаторы и просто - на - просто голосовали добавочно за мѣстное населеніе.

Среди таких условій «избраны» были на всю Галичину «минимальным числом голосов» 5 украинских хлѣборобов в двух округах — коломыйском и в стрыйском.

В то время, как 660.000 еврейскаго населенія Вост. Галичины послало в Варшаву 16 депутатов, от, без малаго, четырех милліонов русскаго населенія поѣхало в Варшаву пять «послов», избранных еврейскими и польскими голосами, поданными по приказу или под давленіем власть имущих поляков. Выѣхали они с почетным конвоем польских жандармов и полицейских агентов, данных им для охраны от кары народнаго гнѣва, выразившагося уже перед выборами в убійствѣ четырех кандидатов, поставленных поляками в выборный список «украинских хлиборобов». В том числѣ был убит украинскій писатель С. Твердохлиб, возглавляющій украинскую полонофильскую группу Вост. Галичины.

В общем, бойкот выборов прошел очень удачно. В отдѣльных округах, за исключеніем Львова, Перемышля, Ярославля, число поданных голосов колеблется от 10%—30%, но есть округа, гдѣ число участвовавших в выборах не превышает 5 — 10%. В среднем, можно сказать, что по приблизительным подсчетам число участвовавших в выборах в русской Галичинѣ не превышает 25%, т. е. 75% населенія воздержалось от голосованія. Если принять во вниманіе, что евреи, составляющіе 12% населенія Вост. Галичины, приняли живое участіе в выборах, но заявили, — через свой Еврейскій Нац. Совѣт, — что их участіе в выборах вовсе не означает признанія польской государственности в Вост. Галичинѣ, — выходит, что, судя по результатам выборов, громадное большинство населенія Вост. Галичины, — приблизительно 87% — продолжает не признавать польскаго суверенитета.

И теперь десятки тысяч малорусских крестьян и интеллигенціи томятся в польских тюрьмах только потому, что не хотят помириться с польским насиліем; на территоріи Вост. Галичины введена военная диктатура: дѣйствуют военно-полевые суды, повторяются разстрѣлы молодых людей — в Чортковѣ, в Львовѣ, в Бережанах... Наконец об'явлен набор в армію всѣх находящихся в военном возрастѣ граждан В. Галичины не польскаго происхожденія, несмотря на то, что, до сих пор в Вост. Галичинѣ, согласно постановленіям мирной конференціи, призывались в армію только поляки.

Е. Вальницкій.

„С'ѣзд русских земледѣльцев" в Прагѣ.

Так назвал себя с'ѣзд русских эмигрантских групп, состоявшійся в Прагѣ 29 — 31-го дек. 1922 года. Созванный по иниціативѣ дѣятелей мѣстной группы «*Русскій Земледѣлец*», издававших ранѣе свой «Бюллетень», а нынѣ издающих двухнедѣльный политическій журнал «Хутор», с'ѣзд должен был заложить фундамент если не партіи, то новаго политическаго об'единенія среди русской эмиграціи под флагом защиты русскаго земледѣлія. Эта тенденція с'ѣзда, оффиціально затушеванная, выявилась однако из первых же организаціонных шагов устроителей, а затѣм вскорѣ стала ясна и сама политическая физіономія задуманнаго предпріятія. Приглашеніе на с'ѣзд было разослано не всѣм группам и лицам, имѣющим то или иное отношеніе к «земледѣлію», а по особому списку, при чем в этот список не попали всѣ соціалистическія группировки, а заодно с ними и группировки лѣво - демократическаго характера. Это обстоятельство, в связи с общим духом и задачами с'ѣзда, заставило нѣкоторые общественные круги воздержаться от участія в с'ѣздѣ Отказ от участія заявила мѣстная «секція русских народных учителей», а затѣм покинули с'ѣзд делегаты пражской группы «Народ. союза защиты родины и свободы», «Рос. крест. союза Юго-

славіи» и «союза агрономов в Прагѣ», опубликовав письменный протест. Редакція «Крестьянской Россіи» отказалась от всякаго участія в организаціи с'ѣзда и от присутствія на нем.

На с'ѣздѣ участвовало 42 делегата, из которых 34 проживают в Чехо-Словакіи. Кого представляли эти делегаты, и каковы были их полномочія — трудно опредѣлить, ибо список участников не был опубликован, не было ни мандатной комиссіи, ни провѣрки мандатов, да и желанія установить формально свой состав с'ѣзд не проявил. Такая легкость в разрѣшеніи вопроса о полномочіях с'ѣзда, намѣревающагося говорить не болѣе не менѣе. как от имени русских земледѣльцев, — об'ясняется весьма просто, если ближе присмотрѣться к основному ядру, к тѣм группам, которыя руководили с'ѣздом. Всѣ онѣ, за малым исключеніем, настолько самобытны по своим наименованіям, что вряд ли могли сдать благополучно экзамен в любой мандатной комиссіи на званіе « русскаго земледѣльца».

В самом дѣлѣ. Наряду с организаціями, вполнѣ умѣстными на земледѣльческом с'ѣздѣ, как «союз агрономов», «группа студ.-агроном.», «группа кооператоров», и т. п., мы имѣем прежде всего не болѣе не менѣе как «Всероссійскій крестьянскій Союз», который к удивленію нашему (надѣемся и всѣх читателей), оказывается не только существующим, но и имѣющим представительство заграницей: в Чехо-Словакіи всероссійское крестьянство представляют г. Могеровскій и г. Котомкин, а в Юго-Славіи — г. Олейник. В качествѣ таковых, не смущаясь слишком высоким званіем, всѣ трое фигурировали на с'ѣздѣ.

Далѣе идут не менѣе красочныя делегаціи: «от Союза сибирских маслодѣлов» (г. Емельянов), «Русских земледѣльцев в Эстоніи» (ген. Васильковскій), «союза земледѣльцев в Австріи» (г. Марков), «от донских казаков» (полк. Чапчиков) и, наконец, от «группы земледѣльцев во Франціи». Представляли эту странную группу главари эмигрантской организаціи, т. н. Русскаго Нац. Комитета, г. г. М. Федоров и Кузьмин - Караваев. Почтенные общественные дѣятели, на этот раз в качествѣ «земледѣльцев», занимали мѣсто почетных членов в президіумѣ с'ѣзда.

Перейдем к работѣ с'ѣзда. Она весьма несложна. Было только два пленарных засѣданія: одно парадное по случаю открытія, с гостями, привѣтствіями и пр., и одно дѣловое, на котором и разрѣшены были всѣ вопросы. В промежуткѣ между засѣданіями работали комиссіи, причем двѣ из них, наиболѣе важныя, политическая и экономическая, засѣдали совмѣстно. Такой постановкой дѣла, может быть, и об'ясняется отчасти то, что доклады названных комиссій, особенно экономической, помимо малосодержательности, носят печать чрезвычайной путанности. В экономической комиссіи не столько говорили об экономикѣ вообще и о земледѣліи в частности, сколько о борьбѣ с большевиками, соціалистами, о фашизмѣ и пр., в политической же комиссіи в порядкѣ дня фигурировали самые разнообразные вопросы, вплоть до военной угрозы со стороны Германіи (доклад ген. Васильковскаго).

В результатѣ работ комиссіи с'ѣзд получил прежде всего — доклад «Об основаніях экономическаго возстановленія Россіи», который не вызвал никаких возраженій по существу и был принят с'ѣздом. Автором этих «основаній» и докладчиком их был М. Федоров. Доклад его — краткое резюме платформы «русскаго національнаго комитета», с обычной аргументаціей, столь знакомой по выступленіям этого комитета и по статьям покойнаго «Общаго Дѣла». Здѣсь нѣт ни основательной критики существующаго, ни собственнаго экономическаго плана. Экономическое разрушеніе Россіи служит лишь матеріалом для агитаціи против большевиков и соціалистов. В началѣ тезис о невозможности экономическаго роста Россіи без сверженія большевистской власти, затѣм слѣдует ссылка на разрушительную работу интернаціоналов вообще, и III-го интернаціонала в частности, отмѣчается рост отрезвленія умов на Западѣ и побѣда фашизма в Италіи.

Положительное требованіе доклада сводится к утвержденію о неизбѣжности участія иностраннаго капитала в востановленіи хозяйства Россіи и о необходимости создать для этой цѣли международный комитет экономической и финансовой помощи Россіи. К этому положенію сдѣлана была поправка о необходимости обезвредить хищническія поползновенія капитала, а одним оратором был поднят вопрос о полезности передать контроль над дѣятельностью проектируемаго комитета в руки об'единенія эмигрантских организацій, таких, как напримѣр, собравшіяся на с'ѣзд.

Преній и возраженій по существу, как мы уже отмѣтили, доклад г. Федорова не вызвал, и этим ограничилось экономическое творчество с'ѣзда. Еще

менѣе этого творчества оказалось в наиболѣе важном для «земледѣльцев» аграрном вопросѣ. Краткій доклад г. Емельянова, принятый с'ѣздом без особых преній, сводится к трем общим положеніям: 1) к указанію на опредѣляющую роль, которую должно сыграть земледѣліе в востановленіи Россіи; 2) к констатированію необходимости и неизбѣжности земельнаго строя на началах частной собственности и 3) невозможности возврата крупнаго частнаго землевладѣнія. Такова аграрная программа, если можно назвать программой эти общія мѣста. В ней нѣт ни плана возрожденія земледѣлія, ни основ аграрной реформы, ни даже болѣе или менѣе точнаго указанія на то, о какой земельной собственности думают собравшіеся земледѣльцы, отвергая лишь «крупное» землевладѣніе.

Болѣе оживленный характер носила работа политической комиссіи под предсѣдательством г. Кузьмина - Караваева, окончившаяся принятіем резолюціи, которая была одобрена с'ѣздом. В основу сужденій комиссіи был положен доклад г. Емельянова. Так как тезисы этого доклада вошли цѣликом в принятую с'ѣздом резолюцію, то нам нѣт надобности останавливаться на нем. Стоит лишь отмѣтить, что по «духу» и слогу доклад г. Емельянова повторяет соотвѣтствующія мѣста из политических статей журн. «Хутор» с их злобными выпадами по адресу интеллигенціи и особенно «соціалистов», с их развязным и беззапелляціонным тоном и поражающими своею безграмотностью сужденіями о великих и спорных вопросах современности. Доклад г. Емельянова пестрит такими положеніями, как: «русская интеллигенція, с ея политической безграмотностью и дѣловой никчемностью»; «рабочіе, составившіе основную опору для иноплеменнаго сброда»; «шарлатанство» соціалистов и т. п. Сильный своими сильными выраженіями доклад чрезвычайно робок в своей положительной части, особенно в опредѣленіи государственной физіономіи той новой Россіи, ради которой, как сказано в докладѣ, «мы готовы признать *всякую* силу, способную возстановить Россію, освятить *всѣ* средства, которыя для этого потребны, нести *всѣ* жертвы, какія для этого необходимы». Это обстоятельство было отмѣчено нѣкоторыми членами комиссіи и послужило предметом оживленнаго обмѣна мнѣній. Оппоненты г. Емельянова указывали на невозможность обойтись без опредѣленія формы правленія будущей Россіи и ограничиться только формулой Нац. комитета: «національная, правовая государственная Россія». Со своей стороны они предлагали формулу: «демократическая республика». Это предложеніе встрѣтило дружный отпор со стороны подавляющаго большинства. Послѣдовала обычная аргументація, что нельзя предвосхищать воли народа. Оппозиція указывала на несостоятельность такой аргументаціи, между прочим ссылкой на пункт проектируемой резолюціи, в котором предвосхищается воля казачества требованіем «самоуправленія казачьих войск на основаніи исторически сложившагося уклада казачьяго быта». Представитель «вообще» донских казаков полк. Чапчиков пояснил при этом, что великій Дон не мыслит себя иначе, как в прежнем областном укладѣ, с атаманом во главѣ, а в Россіи он желал бы водворенія крѣпкой монархической власти. Оппозиція не добилась своей цѣли, и пункт о демократической республикѣ был отвергнут.

На пленарном засѣданіи с'ѣзда вопрос о формѣ верховной власти был просто снят с обсужденія, и это обстоятельство послужило причиной ухода делегатов трех организацій, о которых мы упомянули в началѣ. Ушедшіе опубликовали заявленіе, в котором об'ясняют свой уход тѣм, что:

1) «уклоненіе от разрѣшенія національных вопросов во всем их об'емѣ имѣет слѣдствіем принятіе резолюціи, способной по своей неполнотѣ и неопредѣленности привести к усиленію національной розни и,

2) отказ от разсмотрѣнія вопроса о формѣ верховной власти в Россіи под предлогом «непредвосхищенія» воли народной находится в противорѣчіи с принятіем к разсмотрѣнію и разрѣшеніем всѣх остальных вопросов государственнаго устройства Россіи, и широкими массами может быть истолковано, как средство покрытія монархических устремленій, чему особенно способствует порядок созыва с'ѣзда и случайный его состав».

Без преній с'ѣзд принял резолюцію, которую докладчик комиссіи скромно назвал «пожеланіями, опредѣляющими в совокупности политическія задачи русскаго земледѣльческаго об'единенія за границей». Вот текст этой резолюціи:

1) «Возстановленіе правовой, національно государственной Россіи,

2) При возстановленіи Россіи не допускается: а) строительство на началах соціалистической теоріи, б) реставрація в смыслѣ возврата к условіям до февральской революціи; равно не может быть терпимо созданіе групповых и кастовых привиллегій.

3) Утвержденіе равных для всѣх правовых норм и дѣйствительная защита таковых норм законом и судом. Созданіе твердой національной государственной власти, отвѣчающей дѣйствительным нуждам Россіи. Народоправство, как основа новаго государственнаго строя. Равенство всѣх граждан перед законом.
4) Осужденіе демагогіи как пріема политической работы.
5) Возрожденіе Новой Россіи на началах широкаго развитія мѣстнаго и в том числѣ областного самоуправленія. Самоуправленіе казачьих войск опредѣляется на основаніи исторически сложившагося уклада казачьяго быта. Областное самоуправленіе Украйны может приближаться по об'ему к автономіи.
6) Стремленія новой Россіи должны направляться к возсозданію ея государственной цѣлости. Об'единеніе с Россіей отдѣлившихся от нея частей должно послѣдовать на основѣ свободнаго их соглашенія с соблюденіем государственных интересов Россіи.
7) Возрожденіе Россіи должно быть достигнуто ея собственными силами.»

Заключительным аккордом с'ѣзда явились пренія, перешедшія затѣм в серьезныя тренія по вопросу об организаціи заграницей Союза Земледѣльцев и о названіи его. Почувствовали ли устроители с'ѣзда и его руководители все несовершенство достигнутых результатов, убоялись ли слишком большой политической обнаженности своей, или были еще другія причины, но дух об'единенія отлетѣл от с'ѣхавшихся, и созданіе земледѣльческаго об'единенія с постоянным органом во главѣ послѣ рѣзких преній было отложено. Рѣшили настоящій с'ѣзд разсматривать как предварительный, и президіуму с'ѣзда вручили функціи временнаго правленія, однако с оговоркой: «без права самостоятельной иниціативы». Предложенное президіумом названіе «Союз Русских Земледѣльцев» встрѣтил сильное возраженіе со стороны нѣкоторых участников, указывавших на непопулярность в Россіи термина «земледѣльцев», и на неизбѣжность смѣшенія его с «землевладѣльцем». В концѣ жарких преній пошли на компромисс и приняли названіе «Центральный Союз Русских Земледѣльческих Организацій», и в скобках: «Об'единеніе крестьянских, казачьих и иных русских земледѣльческих организацій».

Вывѣска широко зазывательнаго характера, в явное нарушеніе только что торжественно принятаго пункта, требующаго «осужденія демагогіи, как пріема политической работы».

С этим и раз'ѣхались «земледѣльцы», послав попутно телеграммы, кромѣ ранѣе посланных, на имя представителей гостепріимной Чехословакіи, еще королю Александру и Пашичу.

Характер описаннаго с'ѣзда, его цѣли ясны. В нем очень мало, конечно, от «земледѣлія». Это попытка право настроенных кругов русской эмиграціи, находящихся в орбитѣ Русскаго Нац. Комитета, расширить свою опустѣвшую базу за счет «земледѣлія». Попытка с негодными средствами. Надо думать, что ее постигнет неудача, так как слишком явно, слишком неумѣло поведена она; общественному мнѣнію не только русских, но и иностранных кругов нетрудно будет угадать ея истинный характер.

Нельзя не отмѣтить еще, что такого рода предпріятіями наносится ущерб русскому національному дѣлу заграницей и в том числѣ дѣйствительно назрѣвшему дѣлу об'единенія всѣх серьезно заинтересованных в разрѣшеніи коренных и остро стоящих перед возрождающейся Россіей вопросов аграрнаго ея устройства.

Об'единеніе на этой почвѣ, устройство ради этой цѣли совѣщаній, с'ѣздов, и пр., — это все впереди, это — очередная задача россійской демократической эмиграціи.

А. Ш.

Фермерская партія в Австраліи.

Недавно закончившіеся выборы в Австраліи привели к нѣкоторому ослабленію партіи націоналистов и к усиленію Labour Party и Country Party (партіи фермеров). Партія націоналистов и партія земледѣльцев вступают в блок. Правительство предполагается коалиціонное из этих двух партій. Возраженіе со стороны партіи земледѣльцев встрѣчает лишь кандидатура г. Hughes, (лидера націоналистов, бывшаго премьера министра Австраліи за всѣ послѣдніе годы), на пост премьера. Вліятельная пресса выражает мнѣніе, что г. Hughes, должен снять свою кандидатуру на пост премьера, чтобы устранить единственное препятствіе для коалиціи означенных двух партій, для образованія правительства и «единаго фронта» против Labour Party.

А. Ш.

Фермерская партія в Канадѣ.

И здѣсь партія земледѣльцев («Прогрессивная партія») играет весьма большую роль. В коалиции с другой партіей она являлась и является опорой существующаго коалиціоннаго правительства Канады. И здѣсь она стоит в оппозиціи к Labour Party.

А. Ш.

Годичное собраніе Англійскаго Національнаго Союза Фермеров. (National Farmers' Union).

В январѣ 1923 г. состоялось годичное собраніе національнаго союза земледѣльцев. Возникшій 10 лѣт тому назад союз развернулся и сдѣлался крупной земледѣльческой организаціей, насчитывающей теперь болѣе 100.000 членов. Он является наиболѣе активным органом, представляющим интересы земледѣлія и земледѣльцев в Англіи. Из годичнаго отчета слѣдует, что несмотря на тяжелыя условія, в которых оказалось англійское земледѣліе за этот год, дѣятельность союза успѣшно развивалась, организація продолжала улучшаться, вліяніе — рости. Его отношенія, как с сельско-хозяйственными рабочими, так и с «Центральной Ассоціацией Земельных Собственников» весьма дружественны. Всѣ возникавшіе между ними вопросы были рѣшены удачно и удовлетворительно для всѣх сторон.

А. Ш.

Значеніе и организація земледѣльческих хозяйств различных типов.

(По работѣ чешскаго профессора В. Брдлика).

В чехо-словацком журналѣ «Земледѣльческій Архив», «посвященном наукѣ и практикѣ земледѣльческаго промысла», второй год печатается работа главнаго редактора и профессора В. Брдлика *) — «Хозяйственныя и соціологическія основы земельной реформы в Чехо-Словацкой республикѣ». Названіе работы далеко не охватывает ея содержанія; послѣднее гораздо значительнѣй и шире. Работа обладает общим и глубоким теоретическим интересом. Мнѣ кажется поэтому умѣстным и полезным ознакомить с нею читателей «Крестьянской Россіи».

Работа проф. Брдлика лежит в той же области экономической жизни, в которой давно и со славой работает Крестьянскій Секретаріат Швейцаріи во главѣ с доктором Лауром. Эта область — сельско-хозяйственный промысел. Сходство работ проф. Брдлика и Лаура идет и дальше: основная задача проф. Брдлика выяснить всестороннее народно-хозяйственное значеніе различных типов земледѣльческих хозяйств и внутреннюю организацію послѣдних — в значительной степени совпадает и с задачами Лаура. У обоих одинаков и техническій метод работы: оба они отправляются от сырых матеріалов, собранных по спеціальному плану, от земледѣльческих хозяйств и основанных, главным образом, на записях послѣдних.

Дальше начинаются различія. Швейцарскій Крестьянскій Секретаріат, отпраздновавшій в минувшем году свой 25-ти-лѣтній юбилей, ведет работу по сборкѣ матеріалов в теченіе двух десятков лѣт. Матеріалы, над которыми оперирует Лаур, громадны: уже в 1922 году, они охватывали по нѣкоторым вопросам свыше 2000 хозяйств. Матеріалы проф. Брдлика скромнѣе: по большинству вопросов, ставящихся проф. Брдликом, они получены только приблизительно от 400 хозяйств, и лишь по нѣкоторым отдѣльным вопросам число хозяйств — об'ектов изслѣдованія — поднимается до 1000. Матеріалы проф. Брдлика сложились из счетоводных данных, отвѣтов на письменную анкету среди болѣе или менѣе крупных земледѣльческих хозяйств, и из данных спеціальнаго экспедиціоннаго обслѣдованія крестьянских хозяйств, произведеннаго пятью статистиками. Послѣдніе выбирали по опредѣленному плану необходимыя свѣдѣнія из крестьянских записей періода 1909 — 1913 годов

*) Чешской Высшей Технической Школы в Прагѣ.

Матеріалы проф. Брдлика, количественно меньшіе, чѣм у Лаура, обладают зато большим діапазоном: Лаур имѣет возможность изслѣдовать значеніе и организацію земледѣльческих хозяйств с земельной площадью только до *70 гектаров*, матеріалы проф. Брдлика позволяют ему расширить круг изслѣдуемых хозяйств до хозяйств с площадью *больше 100 гектаров*. Лаур не выходит за границы крестьянскаго хозяйства, проф. Брдлик вовлекает в свое изслѣдованіе и хозяйства капиталистическія. Выводы послѣдняго пріобрѣтают поэтому болѣе широкій теоретическій интерес.

Матеріалы проф. Брдлика затѣм дали ему возможность выражать народноэкономическое значеніе различных земледѣльческих хозяйств различных типов не только в денежных единицах, но и в болѣе стойких величинах — в пищевых днях взрослаго человѣка (3000 калорій), в килограммах бѣлка и в килограммах усвояемых жиров.

Помимо общих выводов, охватывающих всю территорію обслѣдованія, проф. Брдлик дает еще выводы по отдѣльным хозяйственным районам территоріи: свекло-сахарному, зерновому, картофельно-зерновому и кормовому. Такая дифференціація выводов, как показывают цифры проф. Брдлика, является совершенно цѣлесообразной, ибо в зависимости от основного облика района народное-экономическое значеніе земледѣльческих хозяйств претерпѣвает довольно значительныя измѣненія. Д-р Лаур такого дѣленія территоріи не производит. Этот новый момент несходства в двух работах характеризует большую тщательность в обработкѣ матеріалов проф. Брдликом.

Работа проф. Брдлика печатаніем еще не закончена. Важнѣйшее, однако, в ней, повидимому, уже дано, и потому передача ея выводов не может быть преждевременной. Все богатство содержанія статей проф. Брдлика не может быть передано в этой, по необходимости, краткой замѣткѣ. Из 140 страниц печатнаго текста, включившаго в себя 128 таблиц, я могу привести только наиболѣе важные и интересные выводы. Необходимость экономить мѣсто заставляет меня затѣм ограничиться почти исключительно табличным матеріалом и свести к минимуму его комментированія. Не могу я наконец, включить в мою замѣтку и тѣ видоизмѣненія общих выводов проф. Брдлика, которые они претерпѣвают по отдѣльным хозяйственным районам: по количеству имѣющагося мѣста возможна лишь передача результатов изслѣдованія, относящихся ко всей обслѣдованной территоріи.

Матеріал, который дан ниже, раздѣлен на двѣ основныя части: в одной он характеризует общественное значеніе хозяйств различных типов, во второй — показывает различія во внутренней организаціи отдѣльных видов хозяйств.

Общественное значеніе земледѣльческих хозяйств различных типов опредѣляется их продукціей, выражаемой разными способами — производительностью гектара земли и народно-хозяйственным доходом с гектара площади. Эти способы выраженія общественной роли хозяйств покажут различную *производительность земли*. Но та же роль может быть измѣряема, и с точки зрѣнія *производительности человѣческаго труда* в хозяйствѣ отдѣльных видов.

Производительность земли.

Въ хозяйствах с площадью	2—5 г.	5—20 г.	20—100 г.	свыше 100 г
Получено по расчету на 1 гек. земледѣльческой площади:				
продуктов земледѣлія в корон.	223	238	253	274
в пищевых днях	1246	1139	1496	1801
кгр. бѣлков	85	76	75	56
животноводства в коронах	309	213	161	104
в пищевых днях	236	146	118	97
в кгр. бѣлков	39	27	23	18
с. х. промышленности в корон.	—	—	2	30
в пищевых днях	—	—	8	137
в кгр. бѣлков	—	—	—	—
Всего в корон. (довоен.)	532	451	416	408
В пищевых днях (3000 кал.)	1482	1285	1622	2035
В килогр. бѣлков[1])	124	103	98	74
Общій народно-хоз доход в кр.	420	333	305	265

1) В таблицѣ не показана производительность различных хозяйств, выраженная в количествѣ получающихся усвояемых жиров. Этот пропуск об'яс-

Под понятіем общаго народно-хозяйственнаго дохода, в этой таблицѣ понимается «доход всѣх лиц, прямо или косвенно получающих его от сельскаго хозяйства. Он слагается из дохода предпринимателя, управляющаго, служащаго, рабочаго, ремесленника, кредитора, врача, юриста, до извѣстной мѣры и торговца средствами с.-х. производства или с.-х. продуктами, а также из дохода государства, общины и остальных участников в податях и всѣх общественных сборах, взимаемых с сельскаго хозяйства». (Брдлик).

Разница в народно-хозяйственном доходѣ с 1 гектара у мелких крестьянских хозяйств и у хозяйств капиталистических столь велика (165 полноцѣнных корон на гектар), что при парцеляціи всѣх имѣній Чехословацкой Республики, на мелкія хозяйства доход от сельскаго хозяйства Республики, по расчетам проф. Брдлика, увеличился бы на 280 милліонов довоенных корон или на 130 милліонов золотых рублей.

Измѣненія в народном доходѣ, повторяющія тенденцію данных проф. Брдлика, установлены и Лауром. Народно-хозяйственный доход, даваемый хозяйствами Швейцаріи с 1 гектара, равнялся (данныя за період с 1903 по 1910 г.):

В хозяйствѣ с	3—5 гек.	5—10 гек.	10—15 гек.	15—30 гек.	30—70 гек.
	618 фр.	534 фр.	444 фр.	417 фр.	353 фр.

Как видим из таблицы производительности земли, чѣм меньше хозяйство, тѣм больше количество матеріальных цѣнностей, если их выразить в денежной стоимости, извлекает оно из природы — прежде всего из земли. Такую же закономѣрность показывают и выводы Лаура, из матеріалов по 217 хозяйствам Швейцаріи, наблюдавшихся на протяженіи 13 лѣт. Продуктивность хозяйств различных размѣров по расчету на 1 гектар в Швейцаріи равнялась:

В хозяйствах с 3—5 гект. = 900 фр.
В хозяйствах с 5—10 гект. = 786 фр.
В хозяйствах с 10—15 гект. = 693 фр.
В хозяйствах с 15—30 г. = 651 фр.
В хозяствах свыше 30 г. = 535 фр.

Данныя таблицы становятся как будто бы менѣе опредѣленными, когда продуктивность хозяйств выражается в пищевых днях, бѣлках и усвояемых жирах: два послѣдних элемента питанія получаются тѣм в большем количествѣ, чѣм мельче хозяйство, калорійность же полученных продуктов растет в противоположном направленіи, — она тѣм выше, чѣм крупнѣе хозяйство. Несходство понятное, совершенно закономѣрное и находящееся в прямой связи с различіем в размѣрах продуктивности, выраженной в деньгах. Таблица показывает: чѣм меньше хозяйство, тѣм больше вырабатывает оно продуктов животноводства. Это значит, что продукты растеніеводства идут в пищу животных тѣм в большем количествѣ, чѣм мельче хозяйство. При этой переработкѣ животным организмом полевых и частью огородных продуктов в молоко, мясо, сало и т. д. часть калорій должна исчезать, ибо они расходуются на животную теплоту, на движенія животных и т. д. Калорійность продуктов мелких хозяйств ниже именно потому, что они вырабатывают в большем количествѣ бѣлки и жиры и в меньшем количествѣ оставляют продукты растеніеводства в непереработанном животным организмом видѣ.

Высшая валовая продуктивность мелких хозяйств обусловливается гораздо большим количеством труда, затрачиваемаго в них на единицу площади. Это, по общему правилу, ведет к пониженію производительности труда (см. таблицу 2-ую).

няется тѣм, что соотвѣтственныя данныя для *всей* обслѣдованной территоріи у проф. Брдлика почему то отсутствуют. Они приведены лишь по отдѣльным хозяйственным районам. Количество полученных жиров по расчету на один гектар падает вмѣстѣ с увеличеніем хозяйств, причем это паденіе идет гораздо быстрѣе, чѣм для бѣлков. Жиров было добыто (в килограммах на 1 гектар):

	2 — 5 г.	5 — 20 г.	20 — 100 г.	свыше 100 г
В свекло-сахарном районѣ	61	49	43	37
В зерновом „	62	44	29	26
В картоф.-зерновом „	66	40	35	23
В кормовом „	67	42	24	11

Производительность труда.

в хозяйствах	2-5 г.	5-20 г.	20-100 г.	свыше 100 г.
На 1 гект. требуется рабочих . . .	0,57	0,27	0,22	0,17
На 1 гект. расходуется труда в кор.	329	221	170	138
На 100 корон зараб. платы получено:				
продуктов в коронах	173	205	260	286
продуктов в пищевых днях	473	565	1050	1432
бѣлков в килограммах	38	46	64	56
жиров в килограммах	20	20	23	22
На 1 работника получается:				
продуктов в коронах	933	1670	1891	2400
продуктов в пищевых днях	2600	4759	7373	11971
бѣлков в килограммах	218	281	445	435
жиров	111	163	159	176

Производительность труда при всѣх способах ея выраженія, как видим, растет вмѣстѣ с увеличеніем хозяйства и падает с его уменьшеніем. Производительность труда во всѣх хозяйствах крестьянскаго типа (мелких 2—5 гект., средних — 5—20 гект., крупных — 20—100 гект.) такова, что при оцѣнкѣ результатов этого хозяйства с точки зрѣнія капиталиста-предпринимателя, оно является невыгодным и потому лишенным прав на существованіе. Если бы крестьянин руководился точнѣе, если бы он мог руководиться точкой зрѣнія капиталиста, то его хозяйство не существовало бы. Вот доказательства.

Народный хозяйственный доход в хозяйствах различных типов распредѣляется между участниками в этом доходѣ таким образом:

	2—5 г.	5—20 г.	20—100 г.	свыше 100 г.
доход предпринимателя с его семьей	315	215	145	78
доход наемных работников	26	64	101	138
доход остальных	79	54	59	49
Всего	420 кор.	333 кор.	305 кор.	265 кор.

Если доход предпринимателя раздѣлить на доход с капитала и на доход за вложеный труд, с одной стороны *исходя из 4% оплаты обращающагося в хозяйствѣ капитала, а с* другой, исхода из полной оплаты по мѣстным цѣнам *затраченнаго труда,* то получаются такіе результаты в разных хозяйствах:

в хозяйствах	2—5 г.		5—20 г.		20—100 г.		свыше 100 г.	
при полной оплатѣ труда:								
доход за труд (в коронах)	303	96%	156	72%	57	39%	—	—
доход на капитал (в коронах)	12	4%	59	28%	88	61%	78	100%
Всего	315	100%	215	100%	145	100%	78	100%
при полной оплатѣ капитала:								
доход за труд (в коронах)	192	61%	95	44%	39	27%	—	—
доход на капитал (в коронах)	123	39%	120	56%	106	73%	78	100%
Всего	315	100%	215	100%	145	100%	78	100%

Как видим, часть, приходящаяся на оплату капитала, в доходѣ предпринимателя растет вмѣстѣ с увеличеніем хозяйства, но лишь в капиталистическом хозяйствѣ оплата капитала является одинаковой при обоих способах исчисленія. Во всѣх хозяйствах крестьянскаго типа капитал не оплачивается полностью. И чѣм мельче хозяйство, тѣм недоплата значительнѣй. В мелком крестьянском хозяйствѣ капитал оплачивается ниже в 10 раз, чѣм на денежном рынкѣ.

Крестьянин подходит к своему хозяйству с другой мѣркой, чѣм капиталист — для него хозяйство является способом примѣнить свой труд, чтобы добыть необходимыя средства существованія. С этой трудовой точки зрѣнія, оплата капитала интересует крестьянина лишь в той мѣрѣ, в какой он вынужден дѣйствительно оплачивать занятыя средства. Весь остальной доход — для него оплата его (и его семьи) труда.

В порядкѣ выясненія общественнаго значенія различных типов хозяйств, отмѣтим размѣр сбыта продуктов на рынок. Продуктов по расчету на 1 гектар сбывалось (в коронах):

в хозяйствах	2—5 г.	5—20 г.	20—100 г.	свыше 100 г.
Общая сумма сбыта	296	282	345	377
В том числѣ сбывалось:				
Продуктов растеніеводства	99	132	195	204
животноводства	209	149	115	93
крахмала и спирта	—	—	17	32

Абсолютная стоимость сбываемых продуктов, как правило, тѣм выше, чѣм крупнѣе хозяйство. Эта тенденція обрисуется еще выпуклѣе, если взять размѣра сбыта не в абсолютных величинах, а в относительных — в процентах к общей производительности хозяйств по расчету на гектар. Различныя по величинѣ хозяйства отчуждали слѣдующія части своей продукціи:

2—5 г.	5—20 г.	20—100 г.	свыше 100 г.
55,6%	62,5%	82,9%	92,4%*)

Эта рѣзкая разница в относительных размѣрах сбыта прежде всего об'ясняется неодинаковыми размѣрами домашняго потребленія продуктов внутри произведших их хозяйств. По данным проф. Брдлика это потребленіе равнялось (в коронах) по расчету на 1 гектар:

в хозяйствах	2—5 г.	5—20 г.	20—50 г.
	200	104	73

Измѣненія размѣра сбыта у хозяйств различных размѣров идут неодинаково для различных продуктов: на рынок отчуждается тѣм *больше* продуктов растеніеводства и тѣм *меньше* продуктов животноводства, чѣм крупнѣе хозяйство. Животноводство развито, слѣдовательно, тѣм сильнѣе, чѣм мельче хозяйство.

Неодинаковым для различных хозяйств является и *направленіе* в животноводствѣ. Это позволяют утверждать цифры о стоимости различных продуктов животноводства, отчужденных на рынок из различных по размѣру хозяйств. Было продано (в коронах по расчету на 1 гектар.):

В хозяйствах	2—5 г.	5—20 г.	20—100 г.	свыше 100 г.
мясного скота	80	65	48	31
молока и его продуктов	61	31	40	52
свиней	44,2	35	17	4,6
птицы и яиц	19,7	10,8	5	0,2

Как видим, свиноводство и птицеводство, принадлежащія к наиболѣе интенсивным отраслям животноводства, являются достояніем крестьянских хозяйств, а среди послѣдних они развиты тѣм сильнѣе, чѣм мельче хозяйство. Мясное скотоводство также правильно убывает в своем развитіи вмѣстѣ с увеличеніем хозяйства. Молочное хозяйство в капиталистическом хозяйствѣ развито лишь немногим слабѣе, чѣм в мелкокрестьянском, и значительно сильнѣе, чѣм в среднем и крупном хозяйствѣ крестьян.

На этом я закончу извлеченія из работы проф. Брдлика, поскольку она выясняет народно-экономическое значеніе земледѣльческих хозяйств различных типов. Дальнѣйшіе выводы проф. Брдлика относятся главным образом к внутренней организаціи земледѣльческих хозяйств. Извлеченія из них я дам в слѣдующем сборникѣ «Крестьянской Россіи».

З. А. Спудов.

Міровой сбор хлѣба в 1922 г.

По предварительным подсчетам Международнаго Сельско-Хозяйственнаго Института урожай хлѣбов в Европѣ в 1922 г. ниже предыдущаго года приблизительно на 13%. Из отдѣльных стран в Румыніи урожай пшеницы уже

*) Эта табличка, полученная от сопоставленія абсолютных цифр, характеризующих общую продукцію хозяйств., и абсолютных цифр, характерияующих размѣр сбыта, принадлежит автору настоящей замѣтки.

выше, чѣм в 1921 г. Выше он и в Польшѣ на 20%. В Болгаріи урожай пшеницы в этом году хорош, но благодаря сокращенію посѣвной площади сбор пшеницы в 1922 г. составляет только 80% сбора 1921 г.

Зато в Америкѣ, Канадѣ и Британской Индіи картина совершенно другая. По сравненію с 1921 г. в 1922 урожай пшеницы в Канадѣ выше на 29%, в Соед. Штатах Америки на 2%, в Британской Индіи на 48%, в цѣлом здѣсь сбор выше на 17% по сравненію с 1921 г. Таким образом пониженіе уровня Европы покрывается его повышеніем в указанных странах.

Сбор пшеницы в них (в милліонах бушелей) таков:

С. А. Соед. Штаты

	Среднее 1909—13	Среднее 1919—21	1921	Предпол. сбор 1922
С.-А. Соед. Штаты	686	865	794	810
Канада	198	252	300	388
Австралія	85	88	144	—
Аргентина	157	185	170	—

Сбор ржи в этом году выше, чѣм в предыдущем в Польшѣ, в Канадѣ и С. А. С. Штатах. Сбор овса в большинствѣ стран выше, чѣм в предыдущем году; в С.-А. Соед. Штатах он выше на 18%. С ячменем напротив дѣло обстоит хуже. В общем міровое производство зерна в этом году вполнѣ удовлетворительное, но и в этом году недостатки Стараго Свѣта вновь должны покрываться избытками Новаго Свѣта.

Европа, погрязшая в войнах и послѣ-военных ссорах, до сих пор не может вполнѣ выздоровѣть.

Денежная стоимость войны.

По вычисленію проф. Bogart'a стоимость войны опредѣляется нижеслѣдующим образом (в долларах).

С. А. Соед. Штаты израсходовали	32.080.266.968	долл.
Англія	44.029.011.868	„
Канада	1.665.576.032	„
Австралія	1.423.288.040	„
Нов. Зеландія	378.750.000	„
Юж. Африка	300.000.000	„
Индія	601.279.000	„
Другія британ. колоніи	125.000.000	„
Франція	25.812.782.800	„
Европ. Россія	22.593.950.000	„
Италія	12.313.998.000	„
Бельгія	1.154.467.914	„
Сербія	399.400.000	„
Румынія	1.600.000.000	„
Греція	270.000.000	„
Японія	40.000.000	„
Другія страны Согласія	500.000.000	„
Итого Антантой израсходовано	145.287.690.622	долл.
Германія	40.150.000.000	„
Австро-Венгрія	20.622.960.000	„
Турція	1.430.000.000	„
Болгарія	815.200.600	„
Итого	63.018.160.600	долл.
Всего	208.305.851.222	„

Г. Dolph эти расходы исчисляет еще выше. Общую сумму их для однѣх стран Согласія, кромѣ Россіи, он считает близкой к 270 мил. долл. По его же исчисленіям чистый убыток от войны, понесенный однѣми странами Согласія (кромѣ Россіи) за вычетом суммы, покрываемой репараціями в предположеніи, что онѣ будут цѣликом выплачены, равен нижеслѣдующим цифрам:

	Общая сум. расх.		Велич. репарац.	Чистый уб.
Сѣв. Амер. Соед. Штаты	44.173.948 225	долл.	2.300.000.000	41.873.948.225
Англія	51.052 634.000	„	9.850.000.000	41.202.634.000
Франція	54.272.915.000	„	16.000.000.000	38.272.915.000
Италія	18.680.847.000	„	3.500.000.000	15.180.847.000
Бельгія	8.174.731.000	„	5.700.000.000	2.474.731.000
Китай	565.376.000	„	100.000.000	465.376.000
Японія	481.818.000	„	250.000.000	231.818.000
Всего	177.402.269.225	„		139.702.269.225

Присоединяя сюда 925 миллиард. других расходов, мы получаем для указанных стран общій расход в 270 миллiард. дол., чистый расход — в 232 миллiарда дол.

Поистинѣ „выгодным дѣлом" занималось человѣчество 4 года.

Небезынтересно сравнить с этим расходом стоимость предыдущих войн, косвенно и приблизительно опредѣляемую через движенiе величины государственных долгов.

1713	Утрехтскій мир	1.500	мил. долл.
1793	До наполеон. войны .	2.500	„ „
1816	Послѣ напол. войны .	7.000	„ „
1854	В началѣ Крым. войны	8.400	„ „
1862	В началѣ гражд. войны в Америкѣ . .	13.400	„ „
1873	Послѣ фр.-прус. войны	22.400	„ „
1897	Испано-америк. война .	30.200	„ „
1914	Великая война	44.100	„ „
1915	„ „	56.900	„ „
1916	„ „	120.485	„ „
1917	„ „	199.100	„ „
1918	„ „ . . .	22.225.300	„ „
1819	„ „	248.000	„ „
1920	„ „	255.000	„ „

Иностранные капиталы в Россiи.

По данным Высшаго Экономическаго Совѣта с 1856 до 1913 г. величина иностранных капиталов, вложенных в иностранныя предпрiятiя в Россiи и в русскiя компапiи с иностранным капиталом, видна из нижеслѣдующих цифр. Всего было вложено 1,343,5 миллiон. зол. рублей.

Из них приходятся на долю:

Великобританiи	226.5	мил. зол. руб
Бельгiи	144.4	„ „ „
Францiи	253.3	„ „ „
Франко-Белгь. Комп.	224.3	„ „ „
Германiа	378.1	„ „ „
С.-А. Соед. Шт.	13.8	„ „ „
Швейцарiи	12.,2	„ „ „
Швецiи	.7.4	„ „ „
Голландiи.	1.4	„ „ „
Австрiи	1.3	„ „ „
Италiи	0 8	„ „ „
Других стран.	80.3	„ „ „
Итого	1.343.5	миллiон. рублей

Таким образом на первом мѣстѣ стоит франко-бельг. капитал (46.3% или 622 мил. руб.). Эти капиталы приходились на всю бывшую Россію. Часть этих капиталов теперь приходится на долю комп., работавших на территоріях, отошедших теперь от Р. С. Ф. С. Р., но главная – на послѣднюю

Это видно из слѣдующаго:

На Совѣтскую Россію приходится	1 167.9	мил. зол. руб.
Польшу	126.9	„ „ „
Латвію	45.4	„ „ „
Эстонію	2.5	„ „ „
Неизвѣстно	0.8	„ „ „
Итого	1.343.6	мил. зол. рублей

Из них, как мы видѣли, 1.167.9 мил. зол. руб. находятся под властью совѣт. правительства. В этом отношеніи всего счастливѣе была Германія: 28%, вложеннаго ею капитала избѣгли конфискаціи, так как были вложены в предпріятія, оказавшіяся внѣ Совѣт. Россіи. Для Франціи этот % равняется 23. Весь англійскій капитал оказался вложенным в предпріятія, находившіяся в предѣлах Россіи.

По характеру промышленности иностранный капитал распредѣлялся так:

1) металлургія и горная промышленность . .	989.8	мил. рублей
2) электрическая	152 3	„ „
3) химическая	57.0	„ „
4) другіе виды промышленности	144.0	„ „
Итого	1.343.5	мил зол. рублей

Англо-франко-бельгійскій капитал был вложен главным образом в горную и металлическую промышленность, германская—в электрическую. Франція помѣщала также капиталы и в текстильную промышленность.

The Economist 18. 1922.

Движеніе безработицы в Англіи.

По данным „The Economist" процент безработных в тред-уніонах за послѣдніе годы измѣнялся слѣдующим образом:

	1913 %	1917 %	1918 %	1919 %	1920 %	1921 %	1922 %
Январь	2 2	0.3	1.0	2.4	2.9	6.9	16.8
Февраль	2.0	0.3	0.9	2.8	1.6	8 5	16.3
Март	1.9	0.3	1.2	2.9	1.1	10.0	16.3
Апрѣль	1.7	0.3	0.9	2.8	0.9	17.6(*)	17.0
Май	1.9	0.4	0.9	2.1	1.1	22.2(*)	16.4
Іюнь	1.9	0.4	0.7	1.7	1.2	23.1(*)	15.7
Іюль	1.9	0.4	0 6	2.0	1.4	16.7	14.6
Август	2.0	0.5	0 5	2.2	1.6	16.3	14.4
Сентябрь	2.3	1.3	0.5	1.6	2.2	14.8	14.6
Октябрь	2.2	1.1	0.4	2.6	5.3(*)	15.6	14.1
Ноябрь	2.0	1.1	0.5	2 9	3.7	15.9	—
Декабрь	2.6	1.4	1.2	3.2	6.0	16 5	—

(*) Исключая шахтеров.

В октябрѣ 1922 г общее число безработных Великобританіи и сѣверной Ирландіи было — 1.385.000 (по „The Economist" 25 нояб. 1922).

Стоимость жизни в Англіи за послѣдніе годы.

Движеніе дороговизны за послѣдніе годы рисуется нижеслѣдующими цыфрами:

Средній процент вздорожанія по сравненію с іюлем 1914 г. (пища, налоги, отопленіе, освѣщеніе и т. д.)

	1918 %	1919 %	1920 %	1921 %	1922 %
Январь	85—90	120	125	165	92
Февраль	90	120	130	151	88
Март	90	115	130	141	86
Апрѣль	90—95	110	132	133	82
Май	95—100	105	141	128	81
Іюнь	100	105	150	119	80
Іюль	100—105	105—110	152	119	84
Август	110	115	155	122	81
Сентябрь	110	115	161	120	79
Октябрь	115—120	120	164	110	78
Ноябрь	120—125	125	176	103	80
Декабрь	120	125	169	99	—

(The Economist 25. 1922).

Отзывы о книгах.

League of Nations. Report on the problem of Raw Materials and Foodstuffs by Professor Gini with annexes prepared under his direction. Стр. 251.

C. Gini, L'enquête de la Société des Nations sur la question des matières premières et des denrées alimentaires (Metron, vol. II, Nr. 1-2.) Ferrara, 1922. Стр. VI + 458.

G. Mortara, Prospettive economiche, 1922. Citta di Castello, 1922. Стр. XX + 384.

Годы войны внесли неизгладимыя перемѣны в строй міровых хозяйственных отношеній. Условія спроса и предложенія на современном міровом рынкѣ отличны во многом до неузнаваемости отъ до-военных. По новому распредѣлены силы между участниками мірового хозяйственнаго общенія. Пути міровой торговли получили иное направленіе. Приходится в корнѣ перестраивать привычныя представленія, — вырабатывать их заново, всматриваясь в то, как складывается в современной экономической дѣйствительности картина международнаго обмѣна товарами и капиталами.

Потребность в скорѣйшем ознакомленіи с новыми условіями ощущается нынѣ настоятельная. Но удовлетворить ее труднѣе, чѣм когда либо. Жизненный опыт, которым привыкло руководствоваться большинство участников дѣлового оборота, сейчас недостаточен, так как личное непосредственное наблюденіе, лежащее въ его основѣ, требует долгаго времени, дабы выработать надежную картину положенія: слишком уж стремительны и круты происходящіе на наших глазах сдвиги. Таким образом, даже практик, кипящій в котлѣ каждодневных коммерческих сдѣлок и дѣловых распоряженій, видит себя болѣе, чѣм прежде, вынужденным привлекать на подмогу результаты коллективных планомѣрных наблюденій. В тѣм большей мѣрѣ жаждет книжнаго поученія тот, кого к вопросам мірового хозяйства привлекает не барыш, сопряженный съ удачным использованіем знаній в дѣлах, — кто и в былыя времена знакомился съ ходом хозяйственной жизни через книгу, а не путем личнаго участія в торгово-промышленной дѣятельности.

Но и книжный путь осознанія того, что происходит на міровой хозяйственной сценѣ, требует времени, — времени на чтеніе книг и продумываніе их содержанія и, в еще большей мѣрѣ, времени на производство книг, которыя дѣйствительно были бы способны облегчить выработку ясных представленій о

том, что нынѣ творится кругом нас. Первое время по окончаніи войны почти нечего было предложить ищущему указаній читателю. За отсутствіем сводных трудов, каждому приходилось самому подбирать матеріалы, разбросанные по множеству изданій. Но понемногу положеніе начинает улучшаться. Начинают вновь появляться тѣ богатыя фактическим содержаніем „статистическія хрестоматіи“, к которым мы обращались за справками въ первую очередь в былые годы. В „Статистическом ежегодникѣ Германіи за 1921/22 гг.“ (Берлин, 1922) возстановлен, напримѣр, в прежнем об'емѣ столь всегда цѣнившійся отдѣл „международных обзоровъ“. Вышел въ свѣт — на радость и облегченіе всѣм, кто нуждается в свѣжем цифровом матеріалѣ по сельскому хозяйству, — том „Международнаго ежегодника сельско-хозяйственной статистики за 1909/1921 гг.“ с данными за послѣ-военное время (Рим, 1922; изданіе Международнаго Института Сельскаго Хозяйства). Обильныя содержаніем таблицы разработаны съ обычною тщательностью под руководством профессора Риччи и сопровождаются на этот раз сжатым текстовым обзором на двух языках (французском и англійскомъ). Громадный том в восемьсот страниц убористой печати со свѣдѣніями за 1921 год выпущен в маѣ 1922 г. с быстротою, тѣм болѣе изумительною, что спѣх не пошел в ущерб чистотѣ работы. В предисловіи проф. Риччи выражает надежду, что отнынѣ будет имѣть возможность регулярно выпускать к срединѣ года очередной том Ежегодника с данными за предшествующій календарный год.

Как, однако, ни богаты поучительным содержаніем хорошо составленные статистическіе сборники, не всякій располагает способностью черпать нужныя ему свѣдѣнія из этих глубоких кладезей. Для того, чтобы самостоятельно разобраться в цифровом матеріалѣ, нужна привычка, нужна подготовка: иначе статистическія числа не оживают въ связную картину отражающейся в них дѣйствительности, а при незадачѣ могут сложиться и в такіе образы, которые искажают дѣйствительность хуже кривого зеркала. Да и для тѣхъ, кто привык к обращенію с числами, требуется немало труда для осмысленнаго их истолкованія, — требуются, помимо прочаго, знанія, не включаемыя в статистическіе справочники. Сухія статистическія таблицы нуждаются, как Моисей, въ посредничествѣ своих Ааронов. В виду этого пріобрѣтают большое значеніе для ищущих статистическаго освѣдомленія такого рода труды, гдѣ цифровым данным умѣючи раскрываются уста. На опубликованных недавно работах двух итальянских статистиков, принявших на себя эту задачу, я и хочу остановить вниманіе читателей „Крестьянской Россіи“.

Англійскій труд профессора Падуанскаго университета К. Джини обязан своим происхожденіем иниціативѣ Лиги Націй. В первые годы по возникновеніи Лиги Націй истомленное войною человѣчество возлагало на нее неограниченно большія упованія. Къ ней склонны были обращать взоры в мечтах о мирном разрѣшеніи всѣх трудных вопросов международнаго общенія. Для ряда стран выдвигалась о ту пору на очень видное мѣсто забота о снабженіи привозными из заграницы пищевыми продуктами и промышленным сырьем. Ожидали, что в теченіе долгих лѣт міровых запасов не будет хватать на покрытіе спроса изголодавшейся и обтрепавшейся Европы. Предвидѣли стѣсненія в подвозѣ, острое соперничество между странами-потребительницами, себялюбивую эксплуатацію нужды их странами вывоза. Экспортныя пошлины на зерно и на шерсть в Аргентинѣ, расцѣнка угля, отпускаемаго Англіей заграницу, и многое иное в том же родѣ, свидѣтельствовали с достаточною убѣдительностью, что не от свободы торговли приходится ожидать облегченія в создавшейся послѣ войны обстановкѣ. Привычка же к порядкам „военнаго хозяйства“ с его властным вмѣшательством государства въ распредѣленіе хозяйственных благ, естественно, направляла помыслы в сторону рѣшенія и этой задачи в формах планомѣрнаго раздѣла имѣющихся запасов между нуждающимися в них странами стоящею над всѣми властью, — властью уже, разумѣется, сверх-государственною, так как дѣло шло о снабженіи однѣх стран товарами, производящимися в других. Кому, казалось, и взять на себя попеченіе о справедливом согласованіи всѣх сталкивающихся интересов, как не Лигѣ Націй? Лига Націй не осталась вполнѣ глуха к начавшим доходить до нея призывам. Без особой, как можно думать, вѣры в возможность довести что либо до осуществленія, она рѣшила предпринять обслѣдованіе вопроса. Были спѣшно разосланы опросные листы, на которые, как водится, не отовсюду послѣдовали отвѣты, а для руководства работою был приглашен проф.

Джини. Джини повел дѣло энергично; не ограничиваясь разсылкою новых, болѣе обстоятельных опросных листов, он сам об'ѣхал полтора десятка европейских стран, чтоб на мѣстах скорѣе и полнѣе собрать нужный матеріал. Результатом стараній Джини и его сотрудников и является общирная „Записка по вопросу о промышленном сырьѣ и пищевых веществах", законченная осенью 1921 г. и затѣм опубликованная Лигою Націй послѣ долгих и непріятных пререканій (см. ниже).

Происхожденіе записки и непосредственная ея задача — служить основою для сужденій Лиги Націй касательно могущих быть предпринятыми практических шаговъ — опредѣляют ея построеніе. В семи приложеніях к запискѣ, составленных профессором Ф. Винчи и Н. Слуцким, сведен очень большой матеріал, обрисовывающій послѣ - военный міровой рынокъ хлѣбов, шерсти, хлопка, каменнаго угля, нефти, желѣза и химических удобреній в отличіях его от до-военной поры. В самой запискѣ проф. Джини сосредоточивается главнѣйше на общей характеристикѣ народно-хозяйственной обстановки переживаемаго міром безвременья и на разнообразных рецептах врачеванія хозяйственных недугов, предлагаемых съ разных сторон. Обработка цифровых данных выполнена умѣлыми руками, располагавшими возможностью использовать наличный статистическій матеріал, разбросанный по нелегко доступным изданіям. В рамках поставленных для работы заданій и отведеннаго на нее срока, задача выполнена хорошо. Но самыя рамки „заключенія эксперта", как Джини опредѣляет своей труд, не вполнѣ отвѣчают запросам того, кто интересуется не Лигой Націй и ея исторіей, а міровым хозяйством и его развитіем: вниманіе все время сосредоточивается на соображеніях, направленных к оцѣнкѣ и к обоснованію возможных мѣр воздѣйствія многое же из того, что было бы способно пролить свѣт на внутреннюю связь хозяйственных процессов, но не имѣет особаго значенія для выработки линіи поведенія, остается не затронутым. К этому надо добавить необходимость считаться с предположеніями и сложными взаимными отношеніями участников Лиги Націй: отсюда — осторожность формулировок, „дипломатическій" язык намеков и намѣренных недомолвок. Тѣм не менѣе записка Джини представляет цѣнность не только, как памятник планов и настроеній, успѣвших уже отойти в начинающее казаться далеким прошлое, но и как отображеніе своеобразнаго уклада хозяйственных отношеній, оставленнаго міру в наслѣдіе войною. В приложеніях же, посвященных отдѣльным товарам, читатель найдет добросовѣстный свод статистическаго матеріала, сжато, но толково комментированнаго. Печать тѣх особых условій, в которых составлялась записка, замѣтна кое на чем и в приложеніях: так напримѣр, послѣдній пункт заключительных выводов главы о шерсти, имѣя в виду ближайшим образом Англію, оставляет ее неназванною. Кое что вызывает критику с чисто статистической точки зрѣнія: для меня остается, напримѣр, неясным, в какой мѣрѣ и в каких формах учитываются интендантскія перевозки в приводимых данных об оборотах международной торговли за военные годы. Но в цѣлом эти краткіе обзоры могут служить хорошим пособіем для общей оріентировки.

Французское изданіе труда Джини дословно воспроизводит англійскій текст с значительными дополненіями в видѣ подстрочных примѣчаній. Исторія переизданія записки в таком видѣ не лишена интереса. Несмотря на то, что Джини отнюдь не стремится заострить свои выводы, его соображенія и матеріалы вызвали бурныя столкновенія в Лигѣ Націй: слишком уж остры по существу обсуждаемыя им темы. В вопросѣ о промышленном сырьѣ рѣзко сталкиваются интересы участников Лиги Націй. Обдѣленная сырьем Италія возглавляет группу тѣх, кто жаждет внести в распредѣленіе сырья извѣстную планомѣрность с цѣлью обезпечить потребителей от прижима со стороны обладателей міровых запасов. Напротив, Англія, располагающая неисчислимыми богатствами сырья в предѣлах Британской Имперіи и расчетливо сумѣвшая прибрать к рукам многое из того, что лежит внѣ ея границ, отнюдь не склонна поступиться хотя бы частицею своей мощи в пользу сверх-государственной организаці, о которой мечтают итальянцы. В первое время по окончаніи войны, пока трудности снабженія сырьем не смѣнились внезапно надвинувшимся промышленным кризисом, Италія энергично вела наступленіе. Вопрос о внесеніи порядка в сырьевое міровое хозяйство был поднят ею и в Лигѣ Націй: 25 октября 1920 г. Титтони предложил Совѣту Лиги Націй учредить комиссію „для разработки конкретнаго плана мѣр, способных пресѣчь моно-

польное сосредоточенiе сырья в распоряженiи отдѣльных государств и международных трестов". Представитель Англiи, Бальфур, выступил с рѣшительными возраженiями, указывая, между прочим, что мысль Титтони сводится, в сущности, к признанiю сырьевых богатств, находящихся на территорiи отдѣльных стран, общею собственностью всего человѣчества. Устав Лиги Нацiй в достаточной мѣрѣ обезпечивает Англiю против притязанiй со стороны Лиги на роль сверх-государства. Но даже обсуждать эти непрiятные сюжеты явно не по душѣ англичанам. Записка Джини, взявшаго порученную ему тему шире, чѣм, собственно, предполагалось, круто поставила их на очередь. Это вызвало тренiя, принявшiя довольно острыя формы. Записку было предложено не печатать. Затѣм рѣшено напечатать, но с пропусками, разрѣшив Джини самому опубликовать записку цѣликом. Выбросить предполагалось тѣ части, которыя не сходятся с политикою Лиги Нацiй или выходят из рамок даннаго Джини порученiя. Под влiянiем поднявшагося шума — отказ представителя Италiи в одном из Комитетов Лиги Нацiй от дальнѣйшаго участiя в работах, раздраженныя статьи в итальянской прессѣ, язвительныя замѣтки во французских газетах, ряд интерпелляцiй в итальянском парламентѣ — было измѣнено и это рѣшенiе. В концѣ концов записка была опубликована цѣликом Лигою Нацiй. Это, собственно, дѣлало лишним предпринятое Джини изданiе ея въ видѣ спецiальнаго выпуска редактируемаго Джини статистическаго журнала „Метрон" — во всяком случаѣ предоставляло возможность переработать записку для новаго изданiя. Джини не захотѣл, однако, воспользоваться этою возможностью, а предпочел оставить текст записки без измѣненiй. Я замѣтил во французском изданiи лишь одно небольшое дополненiе — вставку в нѣсколько строк касательно валютных сдѣлок на срок, как способа обезпечить себя от спекулятивных рисков (стр. 120). Все, что привзошло новаго во французском изданiи, бережно выдѣлено из текста в примѣчанiя.

Размѣщенныя в примѣчанiях добавленiя носят троякiй характер. Часть их освѣщает отношенiе Лиги Нацiй к разсматриваемым в запискѣ вопросам. Этот матерiал представляет очень цѣнное дополненiе к запискѣ для того, кто ищет данных для сужденiя о дѣеспособности Лиги Нацiй в ея теперешнем видѣ; картина получается отчетливая, и форма передачи пояснительных свѣдѣнiй в видѣ примѣчанiй к соотвѣтственным мѣстам первоначальной записки весьма содѣйствуеть красочности впечатлѣнiя. Таким образом, поскольку цѣлью переизданiя являлся вынос на суд общественнаго мнѣнiя тяжбы Джини с Лигой Нацiй, избранная им форма вполнѣ отвѣчает существу дѣла. Но большая часть примѣчанiй преслѣдует иныя цѣли, и было бы, безспорно, цѣлесообразнѣе, еслибы Джини, освободившись от стѣсненiй работы на чужой заказ подверг записку болѣе коренной передѣлкѣ. Какъ я отмѣчал выше, внѣшнiя рамки „заключенiя эксперта" связывают Джини, как научнаго изслѣдователя. Его, естественно, влекло научно углубить свой труд. В этих видах он вводит в новое изданiе „научный аппарат" ссылок, цитат и контроверз, которому прямое мѣсто в примѣчанiях, но, кромѣ того, врабатывает много дополненiй по существу, которыя слѣдовало включить в текст, даже если не подвергать его органической переработкѣ из „заключенiя эксперта" в научное изслѣдованiе. Оставаясь в примѣчанiях, этот добавочный матерiал вносит хаотичность в изложенiе, и тот, кто ищет первоначальнаго знакомства с предметом, легче прочтет записку Джини по англiйскому изданiю, гдѣ вниманiе не отрывается примѣчанiями от главной нити разсужденiй. Но для читателя, который болѣе или менѣе въ курсѣ разсматриваемых вопросов, нѣкоторая случайность в распредѣленiи матерiала между текстом и примѣчанiями искупается с избытком большей разработанностью затрагиваемых тем во французском изданiи. Глава об облегченiи международнаго торговаго оборота путем организацiи кредита — в частности разбор не оправдавшаго ожиданiй плана Тер-Мелена — и параграфы, посвященные анализу условiй расхожденiя между расцѣнками денежной единицы внутри страны и на внѣшних валютных рынках, прочтутся в новом изданiи с сугубым интересом тѣми, кто сам занимается этими вопросами. Явленiе „нарушеннаго валютнаго равновѣсiя" — терминою the disequilibrium of the exchanges—Джини обозначает расхожденiе между сравнительною покупательною силою денежных единиц разных стран на внутренних товарных рынках и расцѣнкою их на валютных биржах — полнѣе и глубже освѣщено здѣсь, нежели в англiйском текстѣ. Едва-ли, впрочем, кто признает проблему вполнѣ исчерпанною и тѣми объясненiями, которыя предлагаются на страницах французскаго изданiя.

Приложенія, составленныя профессором Винчи и Н. Слуцким, перепечатаны во французском изданіи без всяких измѣненій и дополненій.

„Хозяйственныя перспективы“ профессора римскаго Коммерческаго Института Дж. Мортара принадлежат к числу книг, которыя с равным наслажденіем читают и спеціалист, хорошо знакомый с обработанным в книгѣ матеріалом, и начинающій, для котораго книга служит первым введеніем в вопрос. Широта и глубина захвата соединяются с рѣдким мастерством изложенія, сжатаго, но яснаго и выпукло яркаго. Интересен самый замысел книги: гороскоп народнаго хозяйства Италіи на наступающій 1922 год, составляемый в концѣ 1921 года на основѣ имѣющихся к этому времени данных. Книга слагается из вводнаго общаго очерка и семнадцати небольших глав: пшеница, вино, прованское масло, фрукты и овощи, шелк, хлопок, пенька, шерсть, каменный уголь, нефть, электрическая энергія, желѣзо, сухопутный транспорт, морской транспорт, финансы, денежное обращеніе, труд. Каждая из глав открывается краткою, но очень содержательною и четкою характеристикою современнаго положенія в его отличіях от до-военных условій. Указываются основныя тенденціи развитія, сжато намѣчаются опредѣляющіе их моменты, формулируются выводы касательно вѣроятнаго хода дѣл в ближайшем будущем. На этом фонѣ обрисовывается затѣм с бо́льшими подробностями положеніе разсматриваемой отрасли народнаго труда в Италіи в связи с условіями, опредѣлявшими ея прошлое развитіе, и выясняются предположительно ея грядущія судьбы. По сходному плану построено и введеніе, дающее краткую, блестящую характеристику общей хозяйственной коньюнктуры. Изложеніе, популярное по формѣ, доведено до высокаго совершенства: оно ясно и просто; книга читается легко, а в то же время насыщена фактами и мыслями. Чувствуется, что за каждым утвержденіем стоит вдумчивая, напряженная работа крупнаго ума, не останавливающагося, гдѣ требуется, и перед кропотливым самостоятельным изслѣдованіем вопроса. Как явствует из предисловія, „Хозяйственныя перспективы. 1922 год“ — являются продолженіем неизвѣстнаго мнѣ выпуска за 1921 г. Будем надѣяться, что и вторым годом не закончится это полезное изданіе и что скоро проф. Мортара порадует нас гороскопом на 1923 год. С точки зрѣнія русскаго читателя, нельзя лишь не пожалѣть, что книга итальянская не только по языку, — этому не трудно было бы помочь переводом — но и в смыслѣ подхода автора к разбираемым вопросам, начиная с выбора товаров: нѣт, напримѣр, особой главы о льнѣ, а лишь попутно, в главѣ о пенькѣ, сообщаются о льнѣ далеко не достаточныя данныя; совсѣм нѣт рѣчи о лѣсѣ, о сливочном маслѣ и т. д.

А. А. Чупров.

Ст. Иванович. Пять лѣт большевизма. Изданіе журнала „Заря“ Берлин, 1922. 157 стр.

Книга Ст. Ивановича не относится к категоріи мемуарной литературы. В ней нѣт описанія событій за истекшіе годы, нѣт исторіи большевизма, только что отпраздновавшаго свой пятилѣтній юбилей. Цѣль автора другая: путем анализа сущности большевизма и его измѣненій дать общую характиристику и оцѣнку его и начертать дальнѣйшіе его пути. Нельзя не признать, что эта задача, несмотря на ея трудность, удалась автору. Перед нами написанный с большим под'емом, живым и ясным языком политическій памфлет, вводящій читателя в самую суть острых вопросов современности. Ст Иванович дѣлит свое произведеніе на двѣ части: 1) „начала“: и 2) „концы“ „Начала“ — это генезис большевизма, его первые шаги, лозунги, программа и тактическіе пріемы; „концы“ — это „исполненіе“ большевизма, его вырожденіе и приближеніе к „неизбѣжному“.

Большевизм вскормлен эпохой войны, — война же дала ему в руки сильное оружіе и благодарную почву Большевики сразу оцѣнили то, мимо чего шли другіе. „Мы всѣ. говорит автор, оборонцы и интернаціоналисты, патріоты и пораженцы, либералы и революціонеры больше думали о том, что война сдвинет с мѣста границы государства, измѣнит соотношенія классов, бѣдности и богатства, труда и капитала. Большевики главным образом думали о том, что война сдвинет человѣка, исказит его лик, породнит его с хаосом“. И на этот хаос они поставили ставку сознательно и откровенно. Де-

мократія уступила поле борьбы, ибо не могла ни измѣнить своим идеалам, ни найти силу, противодѣйствующую хаосу. Большевизм овладѣл массами и на первых порах особенно тѣми, которые непосредственно страдали от войны, пользуясь обстановкой „военной и спекулятивной вакханаліи, ничѣм не ограниченнаго господства идеи грубой силы, готентотской морали, столь характерной для военных эпох".

Является ли большевистскій переворот и послѣдующее большевистское господство в Россіи актом россійской революціи? Автор рѣшительно отрицает за ними право на это наименованіе. И это не потому, что большевики превзошли всѣх в террорѣ, звѣрствах и преступленіях. „Варварство" свойственно, по мнѣнію автора, всякой революціи; но революція хотя и варварская, но все же форма прогресса по своим цѣлям и достиженіям; большевизм же есть варварская форма регресса. „Он глубоко не революціонен, антиреволюціонен с точки зрѣнія того комплекса волевых, эмоціональных и моральных фактов, который и составляет всю красоту и трагическую мощь „варварской формы прогресса". Его цѣли, в достиженіи которых сказался весь его геній изобрѣтательности, — это быть, жить... властвовать. Отсюда и вся его грубая, а, позднѣе, оппортунистическая тактика. С одной стороны, мѣропріятія, которыя должны были овладѣть воображеніем рабочих масс, вовлечь их, как выражается автор, в „царство соціальной иллюзіи", с другой стороны, стремленіе удержать свою власть путем созданія полицейской и военной силы и практикой голаго насилія и террора.

В результатѣ, послѣ первых лѣт большевистскаго хозяйничанія, полное разстройство жизни страны и быстрое исчезновеніе „иллюзій" у тѣх, кто был втянут на верхніе ряды общественной пирамиды. „Сѣрая, мрачная пелена равенства в нищетѣ убила пафос соціальной привилегіи, убила иллюзію избранничества". В Россіи „мир", в Россіи „равенство". И „додушена буржуазія". И пусто, пусто стало в душах бывших красно-пламенными и ставших сѣро-зелеными".

Крестьянство менѣе всего было охвачено „царством соціальной иллюзіи". „Большевики были только выразителями всероссійскаго военнаго дезертирства, питавшагося тягой наряженнаго в солдатскій мундир мужика к участію в земельном дѣлежѣ, который начался до большевиков почти в первый день мартовской революціи". „Большевики были партіей крестьянства по дорогѣ с фронта домой. Как только крестьянин приходил домой на свою или ставшую своей землю, он становился ярым врагом совѣтской власти и совѣтская власть становилась его врагом, и эта дикая вражда, то затихая, то разгораясь бушующим пламенем, ни на один момент уже не затихала".

С гибелью иллюзій в рабочем классѣ, с гибелью надежд на вовлеченіе крестьянства в свои ряды, наступили „концы" большевизма. Вскрылись всѣ язвы его управленія и вся неприглядность произведеннаго им раз ушенія. Послѣдніе остатки иллюзій сторонников коммунизма были убиты зрѣлищем появленія на сцену „буржуазіи", которая оказалась не только недодушенной, но успѣвшей войти в плоть и кровь самой коммунистической партіи. Началась эра раскрѣпощенія буржуазных начал, а за ней вакханалія нэпа и дальнѣйшее разореніе страны. Новаго „буржуазнаго" строя большевизму не удалось и не удастся создать, ибо его политика лишь оживляет „червей, расплодившихся в экономическом трупѣ Россіи". Большевистской власти не дано вывести Россію из того отчаяннаго состоянія, в которое он ее завел, и только насильственное сверженіе этой власти может разрѣшить и вопрос о спасеніи страны. „У Россіи другого выхода, кромѣ революціоннаго, нѣт. Но если и этот выход ей не дан, тогда — гибель націи". На эволюцію большевизма расчитывать не приходится. Если и будут с его стороны уступки (экономическія и даже политическія), то онѣ не избавят его от неизбѣжнаго конца; „эволюція деспотическаго режима не связывает, а развязывает силы революціи, реформы его достаточны для того, чтобы укрѣпить народ в борьбѣ с ненавистной властью, и совершенно недостаточны для того, чтобы народ с властью примирился Так и большевики доэволюціонируют до „революціи".

Автор кончает бодрым призывом к борьбѣ с большевистской властью, конец которой не за горами.

А. Шилков.

Современныя проблемы. Сборник статей М. А. Алданова, М. В. Вишняка, Ю. Делевскаго, Ст. Ивановича, Н. М. Минскаго, Б. Э. Нольде, К. Р. Качоровскаго. Русск. Книгоиздательство Я. Поволоцкаго. Париж 1922 г. 6.+216 стр.

Появленіе сборника „Современныя проблемы" очень характерно для нашего времени кризиса и сомнѣній. На первом планѣ стоит несомнѣнно кризис в области общественно-политических теорій. Кризис демократіи и соціализма — вот основная тема почти всѣх статей сборника.

Проблемѣ демократіи посвящены статьи Ю. Делевскаго, Ст. Ивановича и К. С. Качоровскаго.

Ю. Делевскій в статьѣ „Проблемы демократіи" ставит своей задачей защиту демократіи от ударов, которые сыплются на нее и справа, и слѣва. Статья дает историческій фон и богата фактическим матеріалом. Появленіе ея нельзя не считать своевременным, особенно сейчас, когда стало буквально модным пренебрежительное отношеніе к идеалу демократіи. Особенно цѣнным нам представляется теоретическое введеніе понятія „лѣвой реакціи", столь же враждебной демократіи, как и реакціи правой. Разграниченіе понятія демократіи, как освободительнаго идеала личности, временных форм ея выявленія, дает автору возможность трезво подойти к тѣневым сторонам демократическаго строя современности. „Демократія представляет возможный минимум несовершенств при максимумѣ возможностей совершенствованія" — вот формула, которая освобождает от необходимости спорить с тѣми, кто направляет свои стрѣлы против идеи демократіи, не воплощающей идеала абсолютнаго совершенства. Спор переносится тѣм самым на почву болѣе жизненную — какую систему можно противопоставить демократіи, как болѣе совершенную и справедливую. Очень четко автор отмѣчает несовмѣстимость демократіи с любой формой „диктатуры". С этой точки зрѣнія „идеей диктатуры соціализм узаконяет реакцію внутри себя, а слѣдовательно внѣ себя". (стр. 25).

К сожалѣнію, автором обойден, пожалуй, самый трудный вопрос, связанный с проблемой демократіи. На всяком ли уровнѣ культурнаго развитія принцип демократіи, в ея высших достиженіях, является фактором прогресса? Формы демократіи прогрессируют и усложняются по мѣрѣ культурнаго и моральнаго роста масс. Естественно поэтому ставится под вопрос законность автоматическаго перенесенія всѣх форм демократіи внѣ учета мѣста и времени. Конкретно говоря, является ли хотя бы пропорціональная система выборов необходимым и неот'емлемым признаком демократіи, или это лишь одно из ея достиженій на пути усложненія и развитія ея форм? Связь демократіи с политическим и моральным уровнем масс, вѣдь, не подлежит сомнѣнію. Отсюда возможно противорѣчіе между идеалом демократіи и государством, как непререкаемой цѣнностью. Если отдѣльныя формы демократіи становятся на пути государственности, то вправѣ ли мы принести в жертву государственность, как организованную форму націи, соблюденію до послѣдней буквы высшей формы демократіи? Отвѣта на эти вопросы, имѣющіе для нашего будущаго практическое значеніе, статья Ю. Делевскаго не дает.

Частному вопросу о демократіи, отчасти затронутому уже в статьѣ Ю. Делевскаго, посвящена статья Ст. Ивановича: „Демократія и соціализм". Собственно осью статьи является противоположеніе: гражданин и рабочій. Гражданин — личность, рабочій — функція. Господство экономики оттѣснило „гражданина" и поставило на его мѣсто „рабочаго". Проблема демократіи — защита личности — подмѣнена и вытѣснена проблемой защиты трудящагося, рабочаго. В понятіе рабочаго, как производителя, принесено чуждое ему представленіе — носителя высших моральных цѣнностей. И далѣе, автор ставит это в связь с такими формами принесенія личности в жертву функціи, как идея „совѣтовластія", синдикализма, гильдейскаго соціализма и т. п. Попутно Ст. Ивановичем ставится ряд очень жизненных тем: о демократіи и соціализмѣ („соціализм, как форма организаціи хозяйства вмѣстѣ с возможностью для масс подняться на болѣе высокій культурный уровень дает массам максимальный простор для их сознательнаго и активнаго общественно-политическаго творчества"), о проблемѣ равенства („превосходство одного человѣка над другим должно проистекать „не из соціальных или политических начал, а из начал, заложенных в природѣ самой личности", дру-

гими словами, вопрос сводился не к равенству людей, а к равенству условій их развитія и т. д.").

Статья К. Качоровскаго „Трудовая демократія" является в сущности попыткой построенія историко-соціологическаго ученія. Недостаток мѣста не дает нам возможности входить в оцѣнку общей соціологической схемы автора. Здѣсь бы нам хотѣлось отмѣтить только нѣкоторыя стороны этой статьи, представляющія, по-нашему, большой интерес. В связи с утвержденіем, что завоеваніе трудовой демократіи дается в гармоническом единствѣ всего трудового народа во всѣх трех его исторически данных вѣтвях — пролетаріата, крестьянства и интеллигенціи, автор дѣлает попытку анализа соціальной роли каждаго класса, дает психологическую характеристику пролетаріата, крестьянства и интеллигенціи. И что особенно интересно для К. Качоровскаго, как народника, что он не сливает пролетаріата и крестьянства в особый „трудовой класс", а отчетливо и рѣзко противопоставляет их друг другу.

При опредѣленіи соціальной роли класса автор исходит из двух критеріев: его количественнаго состава и его качественных свойств. В результатѣ такой оцѣнки К. Качоровскій приходит к очень неблагопріятным выводам о соціальной роли пролетарія. Одним уже „количественным отношеніем роль пролетаріата в начавшейся великой соціальной реформаціи вдвигается неумолимо в сравнительно старыя, узкія рамки". Поэтому-то диктатура пролетаріата встрѣчает рѣшительное осужденіе. Еще болѣе суживается созидательная роль пролетаріата при оцѣнкѣ его психологических качеств в характеристикѣ автора. „Личность пролетарія узка и бѣдна", труд его „лишен положительнаго творческаго начала", по своему соціальному положенію и по основным цѣлестремленіям пролетаріат негативен. В голом противопоставленіи себя капитализму пролетаріат неспособен строить новое общество и ведет к разрушенію всего хозяйства, всей культуры. В итогѣ, „пролетаріат есть только невыдѣлимый элемент буржуазнаго строя и именно поэтому сам по себѣ неспособен к строенію соціализма".

Иную соціальную роль отводит автор крестьянству. Уже одним фактом его численнаго преобладанія опредѣляется его рѣшающая роль. „Міровая демократія станет, как только крестьянство найдет свое классовое самоопредѣленіе, в общем и среднем крестьянской демократіей. Трудовая демократія, раз она строится при большом численном преобладаніи крестьянства, не может в основѣ своей не стать крестьянской демократіей" (стр. 124), — вот выводы, к которым приходит автор. Но и по своим качествам крестьянство представляет собою по преимуществу силу „органическую". Личность крестьянина автономна, интегральна и позитивна. Именно в крестьянствѣ „творится" и хранится семья и нація, мораль, религія и эстетика".. именно в нем — глубочайшій преемственный родник и кладезь тысячелѣтних цивилизацій и матеріал и силы для их обновленія" (стр. 124). Особенно автор выдвигает творческую роль крестьянина, органически ему присущую. Он является „самым трудовым, самым трудолюбивым из людей труда и устроителем, организатором, по преимуществу хозяином в самом полном и положительном смыслѣ этого слова" (стр 125). Что касается интеллигенціи, то ея роль сводится, по убѣжденію автора, к „моральной диктатурѣ", но при условіи яснаго опознанія своей особности и своих цѣлестремленій. Она должна осознать себя трудовым классом, нераздѣльной частью всего трудового народа, внутри имѣющей свои глубокія особенности, свое особое лицо, а потому дѣйствующей автономно и своеобразно (стр. 127).

Хотя характеристика классов, данная К. Качоровским, построена нѣсколько по схемѣ „blanc et noir", но в ней много свѣжаго и интереснаго. Мы бы только не согласились с излишним оптимизмом автора в оцѣнкѣ крестьянства. Вряд-ли можно так увѣренно утверждать, что для крестьянства „нѣт и рѣчи ни о каких диктатурах или вообще антидемократических формах", что оно „всецѣло заинтересовано в демократіи, в свободном всеобщем голосованіи и самоопредѣленіи, ибо в рѣшеніях большинства будет торжествовать его воля, господствовать его дух, его цѣлестремленія" (стр. 124). К сожалѣнію, класс приходящій к власти не всегда осуществляет свою волю в своих правильно осознанных интересах, а весьма часто подпадает соблазну диктовать свою волю меньшинству в цѣлях достиженія своих узко, а часто и ошибочно понятых ближайших цѣлей. Соблазн диктатуры вовсе не исключен заранѣе, а должен быть преодолѣн в сознательном напряженіи некрестьянской и крестьянской интеллигенціи.

Частным вопросам проблемы демократіи посвящена и статья М. В. Вишняка: „Проблема прав меньшинств“ и проф. Б. Э. Нольде: „Народное представительство и представительство интересов“.

И одна, и другая статьи держатся в предѣлах историческаго разсмотрѣнія поставленных ими вопросов и сравнительно мало дают новаго. Слѣдует отмѣтить, что проф. Нольде рѣшительно не допускает возможности уравненія в правах „народнаго представительства“ и представительства интересов, — это грозило бы узаконеніем непрерывнаго государственнаго конфликта. Но все же он допускает возможность существованія „рядом с демократическим парламентом не равноправной ему, но „внутренне авторитетной совѣщательной коллегіи в видѣ организованнаго представительства интересов“ (стр. 70).

Статья Н. Минскаго „Манифест интеллигентных работников“ стоит в рѣзком расхожденіи с другими статьями сборника и по формѣ своей, декретивно-пророчащей, и по содержанію. Мы бы сказали, и это главное, и по духу своему. В то время, как всѣ авторы идут в направленіи преодолѣнія догматизма и утопизма, Н. Минскій, хотя и свергает попутно старых богов, но на их мѣсто тотчас же ставит новых, которым зовет поклоняться так же слѣпо и безсмысленно, как и старым. Именно поэтому нам совершенно непонятно включеніе этой статьи в сборник, и мы позволим себѣ усомниться, что всѣ авторы одинаково трактуют основной вопрос современности — „кризис демократіи и соціализма“, как увѣряет предисловіе к сборнику. Прежде всего статья Н Минскаго идет по пути отрицанія государства. Государство „идол“ и „фикція“ (стр 147), и в своей программной части автор выставляет положеніе: „территоріально конкретной, первичной единицей признается город или деревня, а не область или государство“. Таким образом государство отрывается от націи, и „національный интерес совершенно исчезает перед интересами труда“. Отсюда и возможность об'единенія „множества пышных государств в одно цѣлое“ — путем трудовых союзов. Отрицаніе государства ведет и к презрительному отношенію к государственной дѣятельности, которую автор называет „политиканством“. Понятіе демократіи чуждо, если не враждебно автору. Он по существу не видит разницы между автократіей и демократіей. „Демократія даже усилила дозу національнаго яда, и уже вожди революціи провозглашали святость единой и нераздѣльной родины, так что революціонер и патріот одно время были синонимами“. (стр. 153). Под характеристикой парламентаризма, которую дает автор, подпишутся обѣими руками злѣйшіе враги демократіи; отдѣльныя страницы точно выписаны из бухаринскаго катехизиса. „Та свобода слова, печати, собраній, которою так чванятся современныя конституціи, в дѣйствительности не что иное, как орудіе в руках новѣйших властодержцев“ (стр. 153), „политическіе митинги и печать — это тѣ самыя курильни опіума, гдѣ одурманиваются обѣщаніями и лестью ..“ (стр. 154), вот только случайные примѣры из многих подобных положеній автора. Парламентаризм-абсурд, ибо „в нем единственным мѣрилом истины оказывается большинство голосов“ (стр. 155). В полном согласіи с этими взглядами стоит и выставляемое требованіе программы: „упраздненіе всѣх политических партій“ (184). Симпатіи автора явно склоняются в сторону синдикализма и своеобразнаго „совѣтизма“. Ошибка большевиков главным образом в том, что они пытались опереться только на представителей „ручного труда“ или, говоря словами автора: „диктатура пролетаріата без участія умственнаго труда — это безпорядочныя конвульсіи тѣла, в котором парализован мозг“ (стр 182) Цѣль статьи именно и лежит в обоснованіи необходимости организаціи умственных работников в отдѣльный класс, который в союзѣ с пролетаріатом и должен взять власть в свои руки. Умственные труженики .. об'единяются не в политическую партію, а в самовластный класс, который с самовластным классом ручного труда берет в свои руки всю власть по производству и распредѣленію. Оба класса исходят из принципа, что власть — одна из функцій труда, а не об'ект самостоятельной профессіи. Власть же осуществляется параллельно функціонирующими совѣтами пролетаріата и трудовой интеллигенціи (стр. 184) Не приходится уж говорить о таких украшеніях статьи, как напримѣр, проповѣдь идеи „общаго воспитанія дѣтей“ в попыткѣ осуществленія которой Н. Минскій даже склонен видѣть историческую заслугу большевиков. Мы полагаем, что приведенных примѣров достаточно, чтобы судить, насколько взгляды Минскаго по духу чужды другим статьям сборника.

Совершенно особняком стоит послѣдняя статья сборника „Проблема историческаго прогноза“ М. А. Алданова. Автор дѣлает попытку „для себя“ отвѣтить на два вопроса: 1) какая власть придет на смѣну большевиков, 2) какая власть установится в Россіи.

Не вдаваясь в разсмотрѣніе соображеній автора, мы только отмѣтим его выводы. Для него безспорно, что „центральная власть большевиков падет“, путь эволюціи для автора очевидно исключен. Ближайшее время послѣ паденія большевиков, період его ликвидаціи, будет связан с хаосом и анархіей. Но хаос будет непродолжителен и смѣнится устойчивой формой власти. Эта форма будет либо „конституціонная монархія“, либо демократическая республика. Самодержавный режим, как длительная форма власти, по мнѣнію автора, исключен, но „весьма возможен період дикой реакціи и бѣлаго террора венгерскаго послѣбольшевистскаго образца“. Автор связывает вопрос о формѣ правленія самым тѣсным образом с вопросом національным. По его убѣжденію только демократическая республика имѣет шансы „возсозданія федеративной Великой Россіи“, монархія же неизбѣжно будет территоріально ограничена предѣлами Московской Руси.

Интересны попутныя соображенія автора о роли крестьянской партіи, окрашенной націоналистически, клерикально и, возможно, монархически. Незначительное меньшинство крестьян будет возглавляться по-прежнему партіей с.-р. Но есть много оснований думать, что очень значительная часть крестьянскаго населенія Россіи, разобравшись в политической обстановкѣ, выскажется за „индивидуалистическое начало в аграрном вопросѣ“, т. е. за частную собственность на землю с извѣстными ограниченіями, касающимися ея продажи и скупки, за республиканскую форму правленія и за всѣ требованія политической свободы. Автор полагает, что из существующих партійных группировок двѣ группы имѣют шансы опереться на это срединное крестьянство: партія народных соціалистов и радикально демократическая партія (оттѣнка П. Н. Милюкова).

Хотя статья М. Алданова и стоит особняком в сборникѣ, она во всяком случаѣ проникнута общностью настроеній и идей большинства статей, чего нельзя сказать о статьѣ Н. Минскаго. **А. О.**

Charles A. Ellwood. The reconstruction of religion New-York Macmillan 1922 XV+323.

Malcolm Spencer. The social function of the church. London. Student christ. movement. 1931. 256.

Вальтер Раутенбуш. Соціальные принципы Іисуса Христа. Изд. У. М. С. А. 232.

Р. Ю. Виппер. Судьба религіи. 1921 г. Изд. Гржебина,

„Величайшая и настоятельнѣйшая міровая задача нашего времени — религія. Конечно, я разумѣю религію настоящую и правильную. Религій разнаго сорта много, но настоящей религіи не хватает“—эти слова G. Lowes Dickinson являются сейчас типичными для огромнаго числа представителей соціальных наук. То-же иными словами говорят: Branford и Geddes Frederick Harrison и Kidd, Patrick и Conklin и ряд других крупных соціологов и мыслителей чисто „позитивнаго“, а не мистическаго направленія. Та же мысль о необходимости религіи для выхода из тѣх соціальных тупиков, в которых сейчас задыхается человѣчество, является лейт-мотивом рецензируемой книги проф. Ch. A. Ellwood'a, крупнѣйшаго и талантливѣйшаго американскаго соціолога.

Серьезное и внимательное изученія за послѣднія десятилѣтія сущности религіи и ея соціальной роли показало, что „религія“ не есть просто „суевѣріе“, которым „попы и буржуи морочат головы народных масс, чтобы легче эксплуатировать их“, как утверждают „ура-атеисты“, а религія является соціальным институтом, необходимым для любого здорового общества. Ея главная роль заключается (как особенно четко показали Ф. де Куланж, Дюргейм, Бугле, Кидд и др.) в созданіи и развитіи человѣческой солидарности,

в прививкѣ членам общества соціально-здоровых форм поведенія и в торможеніи актов соціально-вредных, узко хищных и звѣриных. В своей прекрасной книгѣ Ch. A. Ellwood талантливо и основательно доказывает ту же мысль.

В I-ой главѣ он показывает, что сейчас человѣчество находится в періодѣ величайшей религіозной революціи, вызванной в частности конфликтом современных религіозиых вѣрованій с наукой и современными требованіями соціальной жизни. Упадок догматической религіозности — факт; слѣдствіем его (и других причин) служит растущій распад соціальной жизни, рост конфликтов, войн, борьбы и всевозможных соціальных бѣдствій. Такими же были слѣдствія упадка религіозности и в прошедшія времена.

Во второй главѣ автор очерчивает основную соціальную роль религіи и сущность послѣдней. Эта глава особенно хороша. Частичным выводом из нея является положеніе: если упадок религіозности не замѣнится ея под'емом — человѣчество ждут ужасы, в сотни раз превосходящіе ужасы послѣдней войны и несущіе гибельную смерть и другія бѣдствія.

Отсюда слѣдует, что главнѣйшей задачей даннаго момента служит созданіе религіи, которая была бы верховным руководителем поведенія людей. Для этой цѣли необходимо согласованіе религіи с наукой, с демократіей и с требованіями современной соціальной жизни. Нужны не мистицизм, не культ, не теологическая догма—ибо все это измѣнчиво и к сущности религіи отношенія не имѣет, а глубокое, моральное синтетически-верховное міровоззрѣніе, которое, опираясь на всю полноту человѣческаго опыта, могло бы руководить поведеніем людей, дѣлало бы их максимально соціабельными и моральными.

В третьей главѣ он показывает. что такой религіей служит религія Іисуса, очищенная от позднѣйших догматических наслоеній христіанства. Религія Іисуса не противорѣчит ни научным данным (напротив онѣ вполнѣ подтверждают правильность его заповѣдей), ни демократіи, ибо она архи-демократична, ни прогрессу, ибо за забвеніе заповѣдей Іисуса любое общество платится страданіями, либо гибелью. В дальнѣйших главах проф. Эллвуд ярко вскрывает „полуязыческій характер современной цивилизаціи, не только не переросшій, но далеко не достигшій уровня религіи Іисуса,“ талантливо отмѣчает симптомы начинающагося упадка нашей цивилизаціи (разложеніе семьи, матеріализм, рост войн, классовой борьбы, „ницшеанства“, упадок морали, эксплуатацію и т. д.) и заключает: „если настоящая религіозность, в смыслѣ религіи Іисуса не будет расти, в ближайших же войнах с их танками-кораблями человѣчество погубит себя и задохнется от злобы, борьбы, ненависти, страха, зависти и матеріализма, которые будут прогрессировать с дальнѣйшим упадком религіозности.“

В послѣдующем он дает абрис основных черт настоящей „соціальной религіи“ (близкой к религіи Л Н. Толстого), очерчивает роль религіи в семейной жизни и значеніе послѣдней, взаимныя отношенія религіи и экономич. жизни, религіи и политики, религіи и удовольствій и, наконец, соціальную роль церкви.

Таково весьма краткое содержаніе книги проф. Эллвуда. Написанная мастерски, с глубоким проникновеніем, с огромной эрудиціей, с живым желаніем указать человѣчеству опасности, его окружающія, и выходы из этих тупиков, полная блестящаго анализа множества попутно затрогиваемых проблем, она в высшей степени цѣнна и теоретически и практически. Было бы очень желательно ея изданіе на русском языкѣ. Для русских она, пожалуй, нужна сейчас болѣе, чѣм для американцев.

В том же потокѣ мыслей стоит и книга М. Спенсера. Ея содержаніе, однако, значительно уже, и в нем в отличіе от Эллвуда больше чувствуется проповѣдник, чѣм изслѣдователь.

В первых главах он рѣзко характеризует тѣни и язвы современной цивилизаціи, ея тупики и в частности недостатки современной церкви, ея уклоненіе от заповѣдей Іисуса, ея неактивность, оторванность от жизни и т. д. В дальнѣйших главах он анализирует причины упадка церкви и ея вліянія, причины забвенія ею и обществом завѣтов Іисуса (трактуемых им в духѣ, близком к Толстому) и указывает, чѣм должна быть современная христіанская церковь, как она должна быть реформирована, чтобы стать великим моральным руководителем человѣчества, реальной силой, очищающей и оздоравливающей общественную жизнь, и почему, наконец, без такого оздоровленія церкви и под'ема морально-религіознаго, современныя бѣдствія не могут быть ни изжиты, ни уменьшены.

Книга проф. Раутенбуша носит чисто проповѣднический характер, раз'ясняющій принципы ученія Христа. Как научное изслѣдованіе, она не интересна.

Иной совершенно характер носит книжка проф. Виппера. Она представляет попытку характеристики основных стадіи развитія религіи. По теоріи автора можно различать четыре основных стадій религіозной эволюціи: 1) вѣк магіи (період безличной религіи, гдѣ боги не отдѣлены от міра), 2) період стройной религіи—организованной, (с богами, с кодексом предписаній, и т. д.), 3) стадію религіозной революціи, ведущей к низверженію предидущей стройной религіи и 4) стадію религіозной реставраціи, всегда смѣняющей революціонный період. Эти двѣ послѣднія стадіи повторялись и постоянно повторяются в исторіи обществ. Попутно с характеристикой каждой стадіи проф. Виппер рѣзкими мазками очерчивает и соотвѣтствующее каждой стадіи общество.

Во всей конструкціи автора есть, с моей точки зрѣнія, одна правильная мысль, это мысль о повтореніях и чередованіи стадій революціонной и реставраціонной. Такое чередованіе дѣйствительно дано. Оно много раз указывалось (Вико, Сен-Симон, Вебер и др.) Вся же классификація Виппера, взятая как генетически-эволюціонная схема, рѣшительно неудачна и невѣрна (Я лично всѣ такія схемы, как и всѣ „эволюціонные законы" считаю совершенно невѣрными и логически невозможными). Во-первых, его понятіе магіи очень произвольно. В наиболѣе примитивных обществах, как показали Фразер, Дюркгейм, Huber и Mauss и др., „магія" существует рядом с „религіей", отличаясь от нея тѣм, что одна индивидуальна, вторая соціальна. В этой же стадіи проф. Виппер смѣшал в одно и тотевизм, как явленіе „безличной" религіи, и „анимизм", и фетишизм, и т. д. Столь же произвольна и далека от дѣйствительности и вторая стадія в характеристикѣ автора. Вдобавок, обѣ эти стадіи как-то не вяжутся с теоріей „повтореній", развиваемой проф. Виппером. Неужели же повторенія могут быть в позднія времена и их не было в древности?

С моей точки зрѣнія работа очень бы выиграла, еслибы автор посвятил свою работу проблемѣ „повтореній" в религіозной области. Эта часть книжки гораздо цѣннѣе, менѣе спорна и заключает ряд цѣнных и интересных замѣчаній. Первая часть неудачна.

Н. Чаадаев.

Франческо Нитти. „Европа без мира". Изд-во „Волга" 1922 г. 234 стр
Д. Далин. „Послѣ войн и революцій. Изд-во „Грани" 1922 г. 287 стр.

Послѣ извѣстной книги Кейнса книга Нитти является одной из самых талантливых и интересных работ, посвященных критикѣ Версальскаго мира и характеристикѣ положенія, создавшагося в итогѣ послѣдняго. Быть может назначеніе Нобелевской преміи за такую работу и не вполнѣ оправдывается, но с другой стороны оно говорит о значительной цѣнности рецензируемой книги.

„Европа без мира" — такова основная оцѣнка автором Версальскаго трактата и его послѣдствій. В итогѣ войны и мира Европа из кредитора стала должником, населеніе ея деградировало, работоспособность пала, побѣжденным навязан мир, представляющій продолженіе войны, они причислены к народам с низшей культурой, лишены арміи в то время, как побѣдители вооружены до зубов, Европа „балканизирована", от этого ея экономическая деградація растет еще больше, условія побѣдителей представляют отрицаніе 14 пунктов Вильсона и их собственных лозунгов, растет и неизбѣжен разлад между самими побѣдителями в созданных государствах, подобных Польшѣ, искусственно развивается милитаризм, моральный уровень Европы падает, побѣдители, разрушая Германію, разрушают себя самих, и все это, вмѣстѣ взятое, готовит новыя, еще болѣе ужасныя войны — таковы основные критическіе пункты Ф. Нитти. В шести главах своей книги бывшій премьер-министр Италіи подробно доказывает каждое из этих обвиненій, анализируя мирные договоры, исторію их созданія и заключенія, положеніе побѣдителей и побѣжденных, величину репарацій и невозможность их уплаты, и т. д. Попутно он, как лицо близкое к дѣлу, опубликовывает интересныя детали, діалоги и

подробности мирных конференцій. Наконец, в послѣдней главѣ он выставляет тѣ основные принципы, согласно которым должны быть измѣнены мирные договоры и международныя отношенія.

Теперь нѣт надобности доказывать, что как Кейнс, так и Нитти во многом вполнѣ правы. Исполнились многія опасности, о которых они предупреждали и предупреждают.

Но рядом с этим нельзя не указать и нѣкоторой однобокости и частичных ошибочных сужденій автора. Однобокость книги заключается в том, что современные недостатки и бѣдствія Европы он склонен относить исключительно за счет неудачнаго Версальскаго и послѣдующих мирных трактатов. Едва ли, однако, не будет болѣе правильным видѣть основной источник „кризисов" наших лѣт в об'ективно-безотрадном состояніи Европы, получившемся в итогѣ войны и революцій. Оно таково и так полно „тупиками", „конфликтами" и „распадами", что дѣлало и теперь еще дѣлает невозможным какой-либо мирный трактат, удовлетворяющій всѣ страны и исцѣляющій всѣ „болѣзни". Версальскій договор и послѣдующій лишь частично усилили эти „болѣзни", но не создали их. Будь на их мѣстѣ договоры иные, согласные с рецептами Нитти, они в свою очередь вызвали бы новые „тупики" и если не были бы добавочным элементом разложенія, то едва ли бы привели и к быстрому врачеванію ран, нанесенных войной и революціями. Эти раны не из тѣх, которыя быстро исцѣляются административными циркулярами и трактатами дипломатов. Только длительный мир может залѣчить их. В продолженіе его всѣ неудачные трактаты будут улучшены, попытки чего мы и видим уже сейчас. Такова главная однобокость книги.

Из деталей отмѣчу одну, для нас-русских любопытную: „без паденія Россіи, пишет автор, побѣда (союзников) была бы несчастіем для цивилизаціи и привела бы к русскому господству в Средиземном морѣ... Величайшим счастьем Европы было то, что побѣда была достигнута без участія Россіи" (29 стр.) Не правда-ли, об'ективно, „вѣрно"? Гуманно? Лестно для нас? А таких „об'ективных", „гуманных" и „мудрых" сужденій есть не мало в книгѣ Нитти. Это значит: „на всякаго мудреца довольно простоты", и у многих гуманизм временами выливается... в нѣчто довольно странное...

Книга **Далина** любопытна во многих отношеніях. Она раздѣляется на 3 части: „Россія", „Европа и революція", „Цѣли и задачи". В первой части автор вскрывает об'ективный смысл русской революціи, как революціи буржуазной. Подводя итоги 4-х лѣтней дѣятельности комунистической власти он говорит: 1) в области внѣшней и военной политики и в смыслѣ защиты, интересов Россіи она „имѣла большіе, подчас блестящіе успѣхи", 2) в области внутренней политики успѣхов мало, 3) в экономической — сплошная неудача. (13 стр.) Причину таких итогов он видит в рѣшающей роли крестьянства. Послѣдующіе параграфы этой части развивают эти положенія и дают особенно детальное описаніе экономики большевизма.

В общем и цѣлом картина, набрасываемая здѣсь автором, вѣрна. Но ряд отдѣльных его положеній болѣе чѣм спорен.

Главным из них является тезис о „блестящих успѣхах" коммунизма в дѣлѣ военном и в дѣлѣ защиты національных интересов Россіи. Развѣ не безспорный факт, что большевизм не одержал ни одной побѣды над арміями нерусских стран, развѣ он побѣдил войска даже таких маленьких стран, как Латвія и Эстонія, не говоря уже о Японіи и Польшѣ? Раздѣл Россіи, отторженіе от нея окраин, громадныя территоріи, уступленныя Польшѣ, громадныя контрибуціи, выплаченныя Эстоніи и Польшѣ, принесеніе в жертву національных интересов Россіи всему и вся, вплоть до Кемаль-Паши, Афганистана и Персіи, неудача коммунистической власти в Генуѣ, Гаагѣ, Лозаннѣ и т. д. — все это говорит безспорно о полной неудачѣ большевизма и в этой области.

Анализируя создавшееся положеніе, Д. Далин трезво смотрит на него и в отличіе от многих свои товарищей-социал-демократов, соціалистов и просто демократов не проявляет никакой „романтики" в прогнозах. По его мнѣнію коммунизм обречен, и возврат к нему будет невозможным. Совѣты исчезнут. Крестьянство создаст новую твердую власть. Грядущій режим будет скромно-демократическим или близким к деспотизму. Установится ли республика или монархія — неизвѣстно. Если будут новыя войны — будет новый абсолютизм.

Близка к дѣйствительности и его характеристика современных соціальных слоев, измѣненных революціей. Крестьянина она превратила в настоящаго деревенскаго буржуа, собственника, и этим обрекла на гибель коммунизм, она создала новую хищную буржуазію, „обмѣщанила“ в европейском смыслѣ интеллигенцію, „обмѣщанила“ рабочій класс и уничтожила дворянское сословіе. И здѣсь характеристики г. Далина очень трезвы и адэкватны.

Наиболѣе интересной и любопытной частью книги является вторая часть: „Европа и революція“. В этой части соціалистическій ревизіонизм автора идет весьма далеко, пожалуй, даже дальше ревизіонизма соціалистов „Зари“ и „Современных Записок“. По его мнѣнію теорія соціализма во главѣ с самим Марксом в лицѣ Энгельса, Лассаля, Бебеля и Каутскаго в вопросах соціальной революціи и возможности соціализма шла все время: „от науки к утопіи“ (176 и сл.). Всѣ они ошибались на счет скорой смерти капитализма. Он жив, живет и долго еще будет жить, ибо нѣт еще на лицо... ни об'ективных, ни суб'ективных условій возможности соціализма. Только тогда, когда фактически исподволь производство будет „обобществлено“. что дѣлается очень медленно и возможно лишь в нѣкоторых областях производства, — только тогда возможно будет говорить о соціализмѣ. Пока же лишь небольшой процент предпріятій коллективизирован. Суб'ективныя же условія возможности соціализма сейчас ничтожны: против него значительная часть рабочих, все крестьянство, буржуазія, городскіе служащіе и интеллигенція. Поэтому говорить о скором наступленіи соціализма — наивно и нелѣпо. Но автор все же думает, что Европа идет к соціализму, ибо „общественная собственность растет за счет частной собственности“. Я думаю, что в этом пунктѣ реализм измѣнил автору. Единственным доводом его в пользу этого положенія служит факт роста % рабочих Германіи, занятых в общественных предпріятіях, с 1.8% всѣх рабочих в 1895 г. до 4% в 1907 г. Такое доказательство болѣе, чѣм спорно. Строить на нем тенденцію движенія к соціализму — скороспѣшно. Почему? Потому что % лиц, занятых в общественно-государственных учрежденіях, за годы войны возрос; теперь, с окончаніем войны, он пал; С. А. С. Штаты „національзировали“ – было желѣзныя дороги; теперь, в силу невыгодности національзаціи, им пришлось денаціонализировать их. И в прошлом об'ем экономической дѣятельности государства не раз расширялся до максимума, почти вытѣсняя всю частно-хозяйственную дѣятельность (Древній Египет, Китай XI в. по Р. Х., Рим III-V вв., Византія, Россія Петра I, Пруссія Фридриха II, Австрія Іосифа II, Франція Наполеона I, государство Инков, государство іезуитов, Персія при Кобадѣ, Чехія таборитов и т. д.) и сходствуя с Р. С. Ф. С. Р. 1918 — 1920 г.г. И что же? Развѣ мѣшало это расширеніе в дальнѣйшем замѣнѣ его суженіем в пользу “частной собственности“. Таких чередованій в исторіи было болѣе чѣм достаточно. Поэтому, выводить из роста 1.8% общественных рабочих до 4%, неизбѣжную тенденцію — легкомысленно. Весь вопрос в том, дает ли фактически „обобществленное производство“ плюсы в сравненіи с „частным производством“, болѣе ли оно продуктивно, выгодно и является ли болѣе творческим? Если так поставить вопрос, то придется отвѣтить, что в огромном большинствѣ случаев перевѣс будет на сторонѣ „частно-капиталистическаго хозяйства“, а не на сторонѣ „огосударствленной экономической системы“ с ея руководителем — „чиновником“. Многочисленные опыты такого рода, бывшіе в исторіи, говорят, что очень быстро такія общества нищали и гибли; если же и жили долго, то только путем военнаго грабежа других стран (Рим) или безпощадной эксплоатаціи низов кучкой „правителей“.

Г. Д. Далин пошел далеко в ревизіонизмѣ, но все же остановился на полдорогѣ. Ревизіонизму должен быть подвергнут сам принцип практическаго соціализма, цѣлесообразность и большее совершенство самой конструкціи „обобществленнаго фактически огосударствленнаго хозяйства“. Дает ли он, как общее правило большую продуктивность производства, улучшеніе положенія рабочих и т. д.?

Я склонен отвѣтить на это отрицательно, за исключеніем нѣкоторых отраслей производства.

В книгѣ Д. Далина затрагивается немало и других важных проблем. И здѣсь, по сравненію со многими соціалистами, он обнаруживает большую трезвость, глубокій ревизіонизм, но... останавливается на полдорогѣ.

В общем и цѣлом книга интересна. В ней чувствуется серьезно-думающій человѣк, освобождающійся от многих нелѣпостей марксизма, а не повторяющій избитыя и проѣденныя догмы традиціонно-соціалистическаго „катехизиса“.

П. С.

ПРОФ. ТОТОМІАНЦ. Сущность и положеніе современной коопераціи.
Берлин, 1922 г., Русское Универсальное Издательство. 112 стр.
СЕМЕН МАСЛОВ. Кооперація в крестьянском хозяйствѣ.
1922 г. Центральное тов-во кооперативнаго издательства. 142 стр.
Д-р Л. Ф. ДВОРЖАК. Кооперація в Чехо-Словакіи.
1921 г. Изданіе центральнаго союза с. х. товариществ в Прагѣ. 160 стр. Перевод с чешскаго инж. К. Бочек под редакціей и с предисловіем В. М. Бензина.

Указанныя книги неодинаково выполняют обязательства, которыя своими заглавіями онѣ берут перед читателями.

В наименьшей мѣрѣ обязательства выполнены брошюрой В. Ф. Тотоміанца. Уже оглавленіе брошюры дает представленіе о пестротѣ, нестройности и почти случайности матеріала, привлеченнаго для уясненія читателю „сущности и положенія современ. коопераціи“. Среди одиннадцати коротких глав в брошюрѣ, наряду с необходимыми по заглавію, мы находим также соображенія автора о „коопераціи и мирѣ“, его воспоминанія об умершем Штаудингерѣ, свѣдѣнія из біографіи Александра Карольи, „впечатлѣнія от международнаго кооперативнаго съѣзда“ (в Базелѣ), тут же вклинивается главка о „централизаціи и децентрализаціи в кооперат. движеніи“ и т. д. Когда от оглавленія переходишь к тексту, ощущеніе случайности матеріалов не только закрѣпляется, но и значительно усиливается. Да и самые матеріалы оказываются крайне скудными. Приведем три примѣра.

В брошюрѣ есть глава „Централизація и децентрализація в кооперативном движеніи“. Под этим многообѣщающим заглавіем находим лишь краткія и чрезвычайно отрывочныя свѣдѣнія о неосуществленном проектѣ швейцарскаго кооператора Егги, отправляющагося от мысли о вредѣ чрезмѣрной централизаціи в потреб. коопераціи, двѣ три весьма общих мысли самого В. Ф. Тотоміанца и . . . больше ничего.

В главкѣ на большую и важную тему — „значеніе личности в кооп. движеніи“ прямо по вопросу имѣется только пожеланіе о необходимости „большаго вниманія и большаго со стороны коопераціи стремленія находить и привлекать крупных людей“. Аргументація этого пожеланія черпается исключительно из состоянія кооперат. прессы и из соображенія, что „крупным организаторам часто некуда дѣваться, и они идут на службу к капиталистам, поддерживая этим капитализм“. Вот и все, что читатель узнает о значеніи личности в коопераціи!

В главѣ, посвященной „экономическим и моральным результатам коопераціи в Зап. Европѣ“, результаты демонстрируются на исторіи одного (только одного!) кооператива в „самой бѣдной мѣстности Ирландіи“ (Дэнгло). Этой исторіи отведена ровно половина главы. Такая демонстрація вряд ли способна убѣдить кого либо в крупных матеріальных и нравственных послѣдствіях коопераціи во всей Зап. Европѣ. . . . Вторая половина главы состоит из повтореній на разные лады и в примѣненіи к различным странам утвержденія, по которому „кооперація содѣйствует развитію или сохраненію честности, трудолюбія, экономіи и проявленію иниціативы среди трудящихся классов“. Мысль эта или только декларируется (без доказательств), или утверждается примѣрами весьма яркими, но совершенно лишенными доказательной силы. Оказывается, например, что замедленный рост цѣн (очевидно во время войны) на предметы потребленія в Англіи, Даніи и Швейцаріи по сравненію с тѣм же ростом во Франціи, Италіи, Испаніи об'ясняется сильным развитіем коопераціи в первых трех странах. Интересно — как с точки зрѣнія такого „монизма“ об'яснить еще болѣе медленный рост цѣн в Соед. Штатах, в которых кооперативное движеніе очень слабо, или очень быстрый рост цѣн в современной Германіи, гдѣ кооперат. движеніе очень сильно?

Подобные примѣры несоотвѣтствія содержанія главы с ея обозначеніем и скудость приводимаго матеріала можно бы сильно умножить.

Весьма бѣдная цифровым матеріалом брошюра не сумѣла, однако, обойтись без крупных противорѣчій даже среди своих скудных цифр. Примѣр: на стр 48 число членов в с.-х. кооперативах Ирландіи опредѣлено в 105 тысяч а годовой оборот в 5 милліонов фунтов, а на страницѣ 99 членов показано 135 тысяч, обороты же в 11 милліонов фунтов.

Брошюра случайна и бѣдна в своем содержаніи. Читатель не узнает из нея ни сущности, ни положенія современной коопераціи.

Значительно выше вторая книга — Семена Маслова, вышедшая вторым изданіем. Ея содержаніе, по опредѣленію самого автора, заключено в рамки отвѣта на три вопроса — „что такое с.-х. кооперація, какія силы вызвали ее к жизни, что она дает крестьянскому хозяйству". Неодинаково мѣсто, отведенное автором каждому вопросу, неодинакова и цѣнность даваемых рѣшеній.

К с.-х коопераціи автор относит „кооперативы, выполняющіе тѣ или иныя хозяйственныя функціи, имѣющія отношеніе к земледѣлію". Под это широкое и лишенное точности опредѣленіе легко можно подвести и сельскія потреб. общества, торгующія сѣменами, минеральными удобреніями, орудіями обработки и сбывающія зерно, яйца, сѣно, пеньку. Между тѣм автор не склонен включать их в с.-х. кооперацію. Но если это невключеніе правильно, то неправильна, значит, формула. Не болѣе основательно и опредѣленіе автором коопераціи вообще. Им названы три признака „современной кооперативной организаціи": кооператив является, во первых, об'единеніем т р у д я щ и х с я, во вторых об'единеніем д о б р о в о л ь н ы м, в третьих он имѣет в виду „хозяйственные интересы трудовых масс в их столкновеніях с хозяйственными условіями современнаго капиталистическаго строя". Совершенно очевидна недостаточность выставленных признаков: они одинаково охватывают такія несходныя организаціи, как кооперативныя и профессіональныя. Безспорна с другой стороны и чрезмѣрность признаков: такіе виды кооперативов, как водопроводныя товарищества, „электральни", товарищества по страхованію скота и урожаев, контрольные союзы, меліоративныя товарищества и т. д. не находятся ни в какой связи с „обороной крестьянскаго хозяйства от невзгод капиталистическаго строя".

Ошибку, допущенную при опредѣленіи коопераціи, автор повторяет и при установленіи сил, вызвавших и продолжающих вызывать с.-х. кооперацію к жизни. Через все сочиненіе яркою мыслью проходит предвзятая мысль, по которой кооперація создается эксплуатаціей крестьянина в различных видах и стремленіем крестьянина оборониться от нея. Нельзя отрицать огромнаго значенія этото фактора, но к нему одному нельзя свести всѣ силы, создающія с.-х. кооперацію. Приведенные выше примѣры кооперативов, возникновеніе которых не находится ни в какой зависимости от эксплуатаціи капитала, сохраняют свое значеніе и в данном случаѣ. Требуется какая то болѣе широкая формула для сил, созидающих с.-х. кооперацію. Автор не дал ея, хотя потребности в ней не мог не чувствовать. В заключительной страницѣ своей книги он пишет: „выше мы опредѣлили кооперацію, как организацію трудящихся, направленную к защитѣ их хозяйственных интересов от невзгод капиталистическаго строя. Теперь мы видим, что значеніе с.-х. коопераціи значительно шире". Но если значеніе шире, то не могут не быть шире и вызывающія силы.

„Что дает с-х. кооперація крестьянскому хозяйству?" Отвѣту на этот вопрос посвящена главная (по об'ему) часть книги. В этой части автор отчетливо видит, что „с-х. кооперація дает результаты широкаго народнохозяйственнаго значенія... она приводит к повышенію производительности сил и к повышенію народнаго дохода". Но и здѣсь автор склонен видѣть основное значеніе с.-х. коопераціи в „защитѣ классовых интересов трудящихся . . . ., (в) регулированіи отношеній по поводу распредѣленія народнаго дохода. Во всяком случаѣ с этой „защиты" и этого „регулированія" с-х. кооперація начинается; повышеніе производительности сил является лишь побочным результатом — таков неоправдываемый фактами жизни взгляд автора.

Этот взгляд помѣшал автору с должным вниманіем остановиться на кооперативах, лежащих внѣ борьбы крестьянскаго хозяйства за свой доход. Возможно, что он же вызвал необ'яснимый пропуск в книгѣ: в числѣ кооперативов с.-х. значенія автор ни одним словом не обмолвился о товариществах по страхованію скота и урожая.

Отмѣченная узость автора при опредѣленіи коопераціи, при установленіи факторов с.-х. коопераціи и при резюмированіи роли послѣдней не помѣшала однако ему довольно широко использовать в книгѣ русскую литературу, связанную с уясненіем значенія с.-х. коопераціи для крестьянскаго хозяйства, и довольно об'ективно передать ея выводы. Это дѣлает книгу вполнѣ пригодной в ея фактической части для первоначальнаго ознакомленія интеллигентнаго читателя с „значеніем коопераціи в крестьянском хозяйствѣ“. По замыслу автора книга, очевидно, пыталась быть изслѣдованіем. По выполненію она скорѣе принадлежит к сравнительно серьезной пропагандистской литературѣ по коопераціи. Для того, чтобы стать изслѣдованіем, книгѣ не хватает ни научной об'ективности, ни точности в опредѣленіях, ни углубленности в анализѣ, ни даже согласованности в отвѣтах, дающихся в ея различных частях на одни и тѣ же вопросы.

Книга доктора Л. Ф. Дворжака, как отмѣчает редактор, является первою и, прибавим, пока единственною на русском языкѣ о чехо-словацкой коопераціи. Об этом нельзя не пожалѣть: кооперативное движеніе Чехо-Словакіи, по силѣ своего развитія идущее вслѣд за коопераціей Даніи и соперничающее с коопераціей в Германіи, достойно болѣе богатой литературы, чѣм тоненькая книжечка д-ра Дворжака. Сожалѣніе увеличивается, когда прочитываешь и эту единственную книжку. Работа д-ра Дворжака, чисто фактическая по содержанію, чрезвычайно схематична в силу свой незначительности по об'ему. К оригинальным явленіям чехо-словацкой коопераціи она лишь прикасается, но на них не останавливается и их не освѣщает. Читатель чрезвычайно мало узнает из нея о чешских „электральнях“, которыя за второе десятилѣтіе 20 вѣка дают картину весьма сильнаго роста (их число с 2-х в 1909 году поднялось до 80 в 1918 г.) и является вообще явленіем новым в с.-х. коопераціи міра; столь же мало дѣлается извѣстной могучая кооперативная организація посѣвщиков свеклы, об'единенных на поставкѣ своего сырья сахароваренным заводам. Автор скорѣе *намекает* на эту интересную организацію, чѣм *сообщает* о ней; всего одна страничка отведена и той нездоровой особенности чехословацкой коопераціи, которая выражается в ея партійности и раздерганности по различным политическим лагерям; о другой аналогичной особенности коопераціи в Чехо-Словакіи — о ея расщепленности еще и по національному признаку, — читатель лишь *догадывается* по замѣчаніям автора, брошенным вскользь, да по его раздѣльной статистикѣ для нѣмецких и словенских кооперативов и т. д. Кооперація Чехо-Словакіи показана русскому читателю только в тѣх ея сторонах и с тѣм содержаніем, которыя общи всѣм странам; ея своеобразныя особенности остаются читателю почти неизвѣстными. В этом—основной недостаток рецензируемой книги.

Почти не дает свѣдѣній книга д-ра Дворжака и о неторговой дѣятельности чехо-словацких кооперативов; не узнает из нея читатель и о степени распространенія потребительных кооперативов среди земледѣльческаго населенія; неизвѣстными остаются и такія крупныя явленія в кооперативном движеніи, как кооперативные пивоваренные заводы и наполовину кооперативные, наполовину акціонерные свеклосахарные заводы Чехо-Словакіи.

Отмѣтим наконец, что, обѣщая своим заглавіем говорить о *всей* коопераціи страны, работа д-ра Дворжака сосредоточивает свое вниманіе почти исключительно на коопераціи сельско-хозяйственнаго значенія. О коопераціи в городах и вообще среди неземледѣльческаго населенія она дает крайне неполныя и бѣдныя свѣдѣнія

С точки зрѣнія полноты сообщаемых свѣдѣній, книга д-ра Дворжака оставляет желать многаго. Она скорѣе заинтересовывает коопераціей Чехо-Словакіи, чѣм освѣщает и полно обрисовывает ее. Она больше возбуждает *желаніе* знать о широком и сильном кооперативном движеніи в Чехо-Словакіи, чѣм дает эти знанія. Пока работа д-ра Дворжака остается единственной на русском языкѣ, мы не можем не рекомендовать читателю, интересующемуся коопераціей, ознакомиться с нею; тѣм болѣе, что, несмотря на указанные крупные пробѣлы, она богата фактическим матеріалом (цифры доведены до 1920 года включительно).

Перевод книги за исключеніем отдѣльных мѣст („до теперешней дѣятельности“ вмѣсто „прежней“, законопроекты „поданы“ в парламентѣ, вмѣсто „разработаны“ и т. д.) вполнѣ удовлетворителен.

Редакція перевода неудовлетворительна: в книгѣ есть ряд мѣст, понятных, вѣроятно, для чешскаго читателя, но совершенно неясных для русских.

Два примѣра: рядом с центральным союзом чешских с.-х. товариществ в Прагѣ „в 1908 г. по политическим мотивам образовался „Земскій союз чешских с. х. тов-в и общ-в“. (Стр. 53) Какіе это мотивы?.. „У товариществ льноводов очень трудно создать свой центр“ (Стр. 47) Почему? Созданіе кооперативнаго центра у льноводов Россіи оказалось дѣлом нетрудным и по результатам очень успѣшным. Почему же этот центр не созидаем в Чехо-Словакіи?

В книгу включен сжатый (к сожалѣнію черезчур сжатый) очерк „общаго экономическаго положенія Чехо-Словацкой республики“, к ней приложены правила производства ревизій в товариществах Чехо-Словакіи.

Кооператор.

За чертой. Первый сборник. Прага. Ноябрь 1922 года. Издатель — Русскій Студенческій Союз в Чехословацкой Республикѣ.

Из всѣх доселѣ вышедших студенческих сборников в эмиграціи, сборник „За чертой“ является первым привлекшим к себѣ вниманіе широких общественных кругов. И это вполнѣ о п р а в д а н о содержаніем его. Впервые в этом сборникѣ часть русскаго эмигрантскаго студенчества, его демократическое крыло, ставит вдумчиво и опредѣленно перед общественным сознаніем свои наболѣвшіе вопросы.

Мы склонны думать, что признак „студенчество“ слишком узок, случаен в постановкѣ вопросов, какой дается сборником. Дѣло идет в сущности о молодом поколѣніи эмиграціи, часть которой, и небольшая, получила возможность продолжать высшее образованіе за-границей.

И, пожалуй, болѣе существенным признаком, чѣм „студенчество“, является участіе молодого поколѣнія в великой и гражданской войнѣ; это послѣднее во всяком случаѣ наложило неизгладимую печать на его психологію. Студенчества, в прежнем смыслѣ слова, не осталось, и одинаково ошибается и старое поколѣніе, которое подходит к молодежи с этим критеріем, и сами „студенты“, стремясь найти опору в старой студенческой идеологіи.

Поэтому-то и сборник дает матеріал болѣе широкій, чѣм ставит себѣ задачей. Это в сущности отраженіе исканій и мучительных переживаній и опыта молодого поколѣнія, выброшеннаго послѣ годов войны за-границу „на отмель“, как говорит один из авторов. И вовсе не оторванными от общаго движенія политической и общественной мысли представятся тогда нам эти исканія, а близкими и понятными. И если бы всѣ группы студенчества с такой же искренностью и правдивостью повѣдали о своем настроеніи, то мы в студенчествѣ нашли бы сколок с нашей общеэмигрантской дѣйствительности. Ни затемнять, ни скрывать этого не приходится... Трактовать людей, в недавнем прошлом принимавших активное и сплошь и рядом отвѣтственное участіе в судьбѣ русскаго государства, как желторотых птенцов, ошибочно и наивно. Если в средѣ студенчества нѣт достаточной четкости политическаго и общественнаго міросозерцанія, то не в силу их „студенчества“, а по той же причинѣ, по какой ея нѣт и в рядовом русском эмигрантѣ. И вот под этим углом зрѣнія, сколка извѣстной части эмиграціи, ея исканій и чаяній, — сборник „За чертой“ особенно интересен.

В нем отразился и дух усталости, и жажда творчества и дѣланія. Дух усталости, как наслѣдіе участія в войнѣ. особенно гражданской, жажда творчества, как преодолѣніе этого наслѣдія.

В. Шингарев статьѣ, подкупающей своей искренностью — пожалуй, больше от усталости, чѣм от проснувшихся к творчеству сил, пищет: „Мы лежим за чертой, на отмели. Распыленные по всему міру, с опустошенным сердцем и душой. В тяжелой атмосферѣ моральнаго разложенія. Без смысла в жизни. Без воли к жизни. С вопросом: что дѣлать, чѣм жить?“ (Стр. 10) Но уже и в этой вводной статьѣ намѣчаются двѣ существенныя черты идеологіи сборника. Первая — в о т н о ш е н і и к р е в о л ю ц і и. Революція не религія, — только средство, к которому приходится прибѣгать, когда закрыт путь эволюціи. Путь революціи — не путь созиданія, а путь разрушенія изжитых форм. „Наш путь,“ говорит автор, „сложенія творческих сил жизни в направленіи их к созидательной работѣ. Оправданіе и пріятіе революціи, но отверженіе революціонных методов въ строительствѣ новой жизни. Нормальный эволюціонный путь в будущем. Путь эволюціонной демократіи“.

Другая черта — чувство отвѣтственности перед Родиной и вѣра, что по ту сторону... черты складываются новыя формы жизни, которыя необходимо уловить и претворить в своем сознаніи. Там, в Россіи, в грозѣ и бурѣ рождается сейчас новая жизнь и там надо искать отвѣта и черпать новую вѣру и силы. Именно это чувство отвѣтственности заставляет с осторожностью и опаской подходить к готовым формулам и рецептам. Выросло критическое отношеніе к старшему поколѣнію, не сумѣвшему справиться с задачами, на него возложенными исторіей, не берутся уже на вѣру программы прежних партій. Не слѣпая вѣра, а „стремленіе постичь сущность совершающагося в Россіи процесса, стремленіе построить свою идеологію на выдвигаемых дѣйствительностью положеніях, согласно с направленіем тѣх подпочвенных сил, которыя, пробившись на поверхность, в своем наступательном мощном движеніи, снесут все препятствующее им и создадут новыя формы, пригодныя для их развитія, способствующія их созидательному дѣйствію“ (ст. Туринцева, стр. 45).

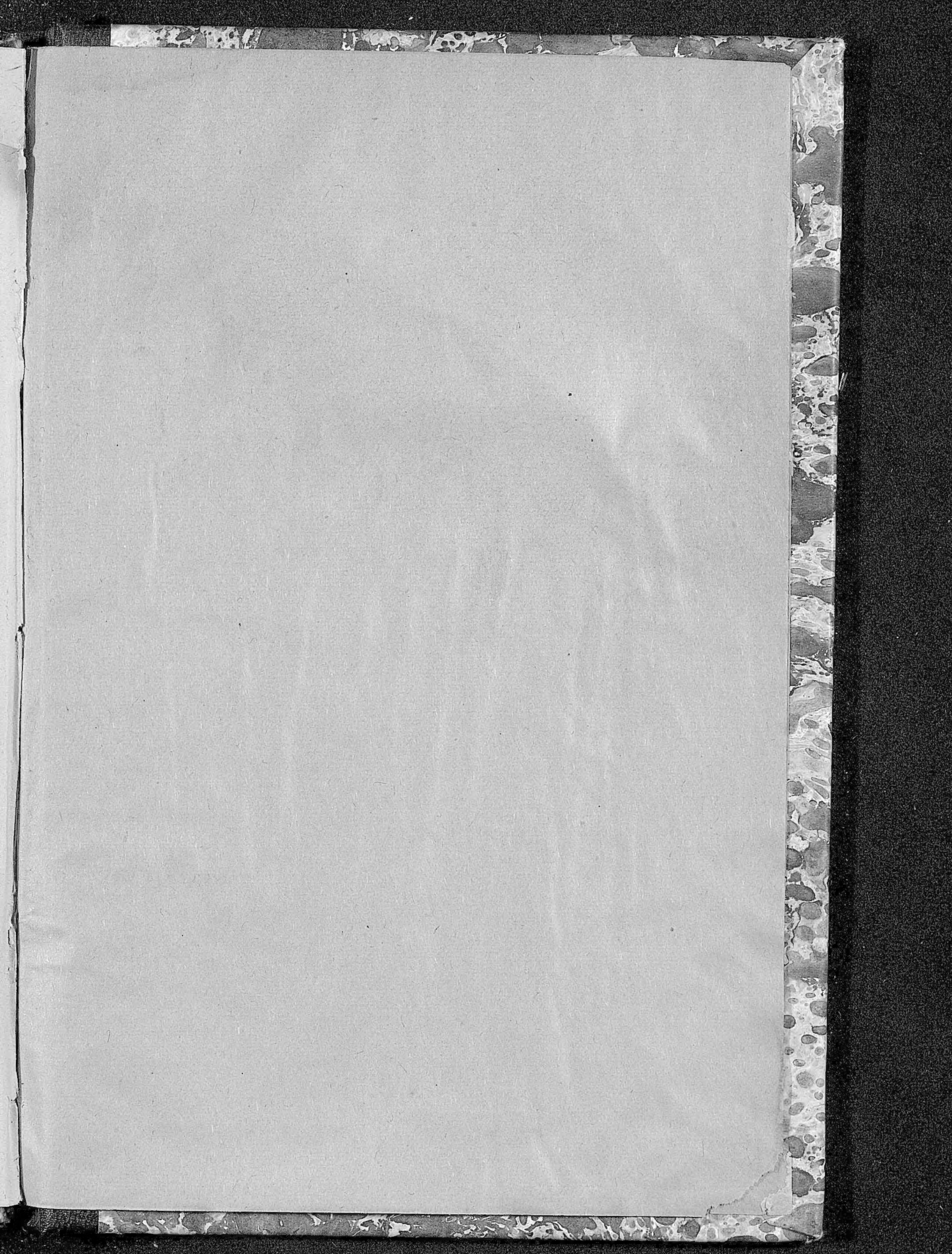
Попытку взглядѣться в русскую дѣйствительность и уловить смысл событій дѣлает Ив. Савич в статьѣ „На перевалѣ“. Статья эта с особенной ясностью подтверждает, что исканія демократической молодежи идут в направленіях, четко обозначавшихся и в старшем поколѣніи.

Ход русской революціи по мнѣнію автора, в конечном счетѣ опредѣлился отношеніем к стремленіям крестьянства. „Стремленіе русскаго крестьянства к независимости духовной, экономической и политической, проходит красной нитью через всю русскую революцію“ (стр. 13). Крестьянство опредѣлит и исход революціи. Пути возрожденія уже намѣчаются. Сейчас мы на переломѣ. Крестьянство высвобождается из-под власти большевиков и идет к созданію своей власти „Наша власть коренная крестьянская — идеал, закрѣпленный этими годами“. И итог пяти лѣт революціи автор видит в том, что „независимое крестьянство выдвинуто жизнью вперед, что судьбы страны в его руках, что заложен фундамент под зданіе русской демократіи“. И еще одну черту хотѣлось бы отмѣтить в идеологіи части молодого поколѣнія, тоже симптоматичную для нашего времени Выявляется новое отношеніе к задачам интеллигенціи, по-новому оцѣнивается ея роль. Отпадает прежній ореол „служенія“, принесенія себя в жертву. В своем крайнем выявленіи это приводит к исключительности и групповому эгоизму. Этими чертами грѣшит самая яркая статья в сборникѣ: „Класс творческой мысли“ С. Рафальскаго. Вѣроятно, по этим причинам она помѣщена в дискуссіонном порядкѣ. Но появленіе ея не случайно, — достаточно сравнить ея основную мысль со статьей Н. Минскаго „Манифест интеллигентных работников“, помѣщенную в сборникѣ „Современныя проблемы“, чтобы почувствовать ея связь с современностью. Отбрасывая крайности статьи, мы все же находим в ней здоровое ядро.

Интеллигенція познает свою самоцѣнность, начинает понимать, что творческій и организаціонный труд имѣет часто рѣшающее значеніе. Поэтому прежнее настроеніе „кающагося дворянина“ смѣняется болѣе трезвым и спокойным отношеніем к проблемѣ: народ и интеллигенція. Не служить народу, а итти рядом с ним, нога в ногу к высшим формам общежитія и культуры. Интеллигенція пойдет к народу, но „не для поклоненія, не для служенія, а для союза против общаго врага, союза равнаго с равным“ (стр. 40).

Сборник в цѣлом своим вдумчивым отношеніем к больным вопросам современности, духом терпимости и свободой от предвзятых подходов производит отрадное впечатлѣніе.

А. Б.

КОПИРОВАНИЕ
23.07.92
9.12.93

